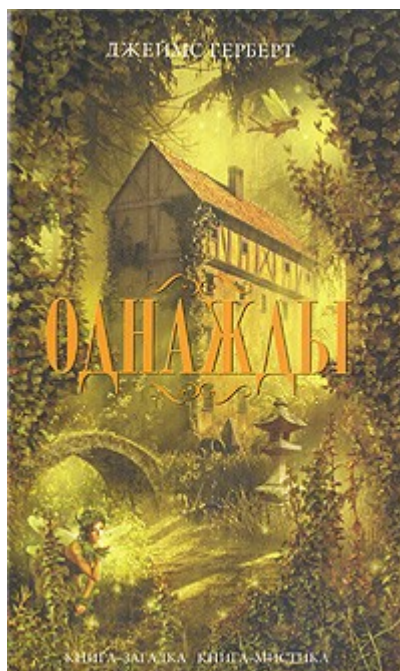

Джеймс Херберт Однажды

Аннотация

Помните ли вы сказки, которые слышали в детстве, — волшебные истории о феях и эльфах, злых колдуньях и темных силах? А что, если однажды вы обнаружите, что все они существуют на самом деле?

Именно такое открытие пришлось сделать Тому Киндреду, когда он вернулся в поместье. Где вырос. Но для него сказка превратилась в кошмар...

Джеймс Херберт Однажды

"...Имеется уже достаточно (свидетельств существования фей), чтобы убедить любого разумного человека, что это не та тема, от которой можно легко отмахнуться..."

*Сэр Артур Конан-Дойл.
«Визит фей»*

«...Феи не крошечные; они бывают ростом с девочку-подростка, (добрые духи дома), и высокими красавицами, как взрослый человек».

*Леонард Р. Н. Элли.
«Полная книга дьяволов и демонов»*

«Сказки о феях могут стать реальностью, это может случиться с тобой...»

*Джонни Ричарде и Кэролайн Ли.
«Молод сердцем»*

«Once...» 2001, перевод П. Елихевской
Жил на свете Том Киндред...

...и...

...однажды...

...он почти умер. Короткая двадцатисемилетняя жизнь Тома Киндредра утекала, как песок сквозь пальцы, и перед его внутренним взором, исходившим из глубин самой души, уже разворачивалась блестящая дорога (приближалось ли это сияние к нему, или все происходило наоборот? — он задавал себе этот вопрос, на самом деле не интересуясь ответом), когда случилось нечто, остановившее безвременный переход. Что-то на самом деле не только спасло его от смерти, но изменило ход его будущей жизни.

Апоплексический удар оказался достаточно сильным, чтобы убить его, но, когда боль находилась в зените, а нарушение кровообращения — в самой угрожающей стадии, болезнь начала отступать, словно атакованная светом. Его источник был мал, но достаточно силен, чтобы повлиять на тонкое равновесие между жизнью и смертью, провести черту между суетой и покоем.

Как раз перед тем, как разбить машину, за рулем которой он сейчас сидел, Том внезапно перенесся в детство, и в памяти всплыл случай, казавшийся слишком туманным, чтобы вспомнить его, и слишком мимолетным, чтобы полностью его воспринять. Однако ему удалось ощутить момент великого, но краткого счастья в противовес головной боли, терзавшей его последние два дня. Треск металла и звон стекла вторглись в эту необъяснимую фантазию, а затем наступила тишина — и неподвижность...

...Если не считать золотого света, быстро уходящего в бесконечность, словно последняя ночная заставка на экране старого телевизора. Вскоре осталась лишь пустота. Необыкновенно черная, глубокая, но абсолютно не пугающая...

Часть первая

В которой молодой человек возвращается в дом своего детства и узнает о вещах, которые никогда не считал возможными

1

Знакомство с Томом Киндредом

Он не представлял, что почувствует, вернувшись в Замок Брейкен после столь долгого отсутствия. Как давно это было? Шестнадцать — нет, семнадцать лет назад его, десятилетнего мальчика, отослали в закрытую школу через месяц после смерти матери.

Том пользовался «спиннером», это прикреплявшееся к рулю приспособление давало возможность управлять только правой рукой, поскольку левая значительно ослабела после «удара», или инсульта, — так эта болезнь называлась на холодном языке медиков. Автомобиль также был оснащен автоматической коробкой передач, поэтому юноша мог поставить левую ногу на металлическую подпорку, предусмотренную в данной модели, а правой контролировать ускорение и торможение. Джип свернул на узенькую дорожку, обрамленную живой изгородью, и вновь увеличил скорость.

Интересно, многое ли изменилось за время его отсутствия? Судя по его воспоминаниям о последнем визите, Малый Брейкен, коттедж, который он всегда считал своим единственным настоящим домом, тогда встретил его незначительными изменениями. Само же главное здание, возведенное около четырехсот лет назад, в эпоху якобинцев, с тех пор почти не перестраивалось, если не считать установки обычного современного оборудования — сантехники, электричества и тому подобного. Дополнительные постройки также исключались, хотя банкетный павильон — отнюдь не неотъемлемая часть Замка, но скорее причуда (кое-кто необоснованно именовал его придурью) — был сооружен в миле или двух от дома.

Тому Киндреду — худощавому, но не тощему, среднего роста, с густыми, спутанными каштановыми волосами, закрывавшими ворот рубашки, недавно исполнилось двадцать семь лет. У него были голубые глаза и правильные, можно сказать, красивые черты лица, слегка

испорченные двухдюймовым шрамом на левой щеке и другим, поменьше, спускавшимся от нижней губы, — оба появились в результате катастрофы четыре месяца назад. Подушка безопасности и ремень уберегли его от серьезных ранений, когда машина, которой он управлял, врезалась в пустую автобусную остановку. Павильон разнесло вдребезги, автомобиль превратился в груды искореженного металла, а сам Том чуть не расстался с жизнью из-за тромба, образовавшегося в церебральной артерии, поскольку мозг не любит, когда ему даже ненадолго перекрывают кислород.

Шестнадцать часов молодой человек пролежал без сознания и на протяжении еще десяти то приходил в себя, то снова впадал в беспамятство. Когда предметы перед его глазами окончательно обрели четкость, выяснилось, что он не может пошевелить левой ногой и рукой, а по всему остальному телу, включая голову, словно лупят кувалдой. Медики удивлялись, что удар случился с ним в столь юном возрасте (хотя они и уверяли, будто это не такая уж редкость). Еще больше их изумляло отсутствие предварительных тревожных сигналов (впрочем, врачи утверждали, что подобное также случается). К сожалению, те же врачи не в состоянии были сказать, сможет ли Том передвигаться без посторонней помощи или хотя бы пользоваться левой рукой. Он был молод и силен, поэтому медики надеялись на лучшее; но ожидание перемен превратилось в пытку, главным образом потому, что его горячо любимая профессия требовала полноценного владения обеими руками. Том был плотником, настоящим знатоком своего дела, изначально обладая тем родством с используемым материалом, которое обычно приходит после долгих лет работы (и даже тогда оно может так и не появиться), чем-то вроде единения с «душой» дерева, которое он обнаружил лет в шесть, кромсая ножом подобранную в лесу сломанную ветку. Выбирая дерево для работы, Том сначала только чуть-чуть прикасался к нему кончиками пальцев, поглаживая его, приносясь к запаху, определяя сухость или влажность, только после этого проводил пилой, все еще пробуя на вкус его сопротивление или податливость. Твердые и мягкие породы деревьев представляли для него одинаковую ценность, достаточно было найти каждой подходящее применение.

Киндред имел дело исключительно с первоклассными магазинами или индивидуальными торговцами, выполняя также и частные заказы. Некоторые из его лучших изделий выставлялись в художественных галереях, поскольку являлись такими же исключительными образцами, как и мастерство автора. Он всегда ограничивался одним экземпляром, никогда ничего не копировал, не работал над большими партиями и не нанимал помощников, поскольку считал, что никто, кроме него самого, не будет относиться к его творениям с достаточным вниманием и заботой. Даже полы в собственной мастерской, располагавшейся в немодном северном районе Лондона, Том подметал сам.

Теперь все это оказалось под угрозой. Пальцы левой руки стали неуклюжими, иногда немела вся конечность, но мучительнее всего были постоянные головные боли. Однако врачи утверждали, что ему крупно повезло: столь быстрое восстановление после подобного «мозгового удара» происходит не часто. Киндреду не хватало знаний, чтобы согласиться с этим утверждением или опровергнуть его: молодой человек никогда не интересовался инсультами и их последствиями. Вспоминались первые несколько недель, которые он, абсолютно беспомощный, провел на больничной койке, свинцовая тяжесть во всем теле, полная неподвижность левой руки и ноги, ледяное онемение левой половины лица, невнятная речь, изнеможение и смущение. Подобно немощному старику, он не мог повернуться на другой бок без помощи ловких рук сестер; к пенису присоединили катетер, направлявший непроизвольное мочеиспускание в пластиковый мешок... И наконец, походы в туалет в сопровождении сиделки, вынужденной наблюдать за тем, как он испражняется.

С тех пор в душе Тома навсегда поселился страх. Те же врачи, невролог и гематолог, не могли гарантировать, что повторно возникший тромб не закупорит артерию, вынуждая кровь хлынуть в мозг, разрушая клетки и разрывая ткани так, что выздоровление станет невозможным.

Он постарался выбросить из головы пугающие мысли и снизил скорость, поскольку

перед джипом неожиданно появилась овца, протиснувшаяся сквозь дыру в живой изгороди. Животное застыло посреди дорожки, заметив приближавшийся автомобиль, и жалобно заблеяло.

— А, это ты, паршивая овца? — с улыбкой произнес Том, у которого немедленно поднялось настроение.

Годы жизни в шумном, переполненном людьми Кентиш-тауне научили его ценить радости сельской жизни. Высунув голову в открытое окно, он обратился к озадаченному животному:

— Ты собираешься пропустить меня? Учти, я не стану пятиться назад ни ради тебя, ни ради кого-либо другого.

Овца, неспешно повернувшись, начала обглаживать живую изгородь на противоположной стороне узкой дорожки. Том резко просигналил. Прежде ему не составило бы труда выйти из машины, чтобы загнать животное обратно в дыру, но сейчас в памяти возникли неоднократно повторяемые предостережения доктора, а он проделал долгий путь из Лондона и не хотел перенапрягаться. Его ближайшей целью было восстанавливать здоровье, а не гонять заблудших овец.

Убрав ногу с тормоза, он позволил автоматическому сцеплению двинуть джип дальше. Животное находилось сбоку от автомобиля; почти наполовину загородив дорогу, овца продолжала сосредоточенно поедать крохотные сочные листочки. Том слегка придавил тормоз, как раз настолько, чтобы еле ползший джип двигался еще медленнее. Сначала жующая тварь пренебрегла предупреждением, но вскоре осознала, что ей сложно будет противостоять полутора тоннам металла. Она изменила позицию, хотя чавкающие челюсти не прекращали свою работу (неужели это создание проедало себе дорогу сквозь изгородь на противоположной стороне дорожки?), и встала так, чтобы джип мог буквально протиснуться мимо, разумеется не задев ее.

— Ты слышала когда-либо о ярости, в которую впадают водители? — Молодой человек внимательно разглядывал кудрявый зад; овца не прекращала чавкать ни на минуту. — Нет? Ну, ты испытываешь судьбу. И кстати, эти ягоды приводят к расстройству желудка.

Беззвучно рассмеявшись, он снова откинулся на сиденье; сладко-пряный аромат полыни проникал сквозь окно. Подобно пилоту-камикадзе, к лобовому стеклу устремился зяблик, но в последний момент взмыл вверх, так что Том невольно вздрогнул, переживая несостоявшийся удар. Справа от него, скрытые живой изгородью, монотонно переговаривались два лесных голубя, и он на мгновение закрыл глаза.

Хорошо вернуться назад! Но три или четыре месяца, пожалуй, многовато, скука завладеет им задолго до окончания срока отдыха; однако сейчас об этом не хотелось думать.

Грязный город, оставшийся позади, — чистилище, через которое необходимо было пройти, перестрадать, зарабатывая на жизнь, во имя любви к своему мастерству. К сожалению, возвращение стало епитимьей, и ее нужно было выдержать, чтобы поправиться. Специалисты и просто добровольные советчики рекомендовали не торопиться: выздоровление, если таковое вообще возможно, требует времени, попытка ускорить процесс способна спровоцировать бунт организма.

Его жизнь нельзя было назвать легкой — мальчик рос без отца, поэтому его пришлось отослать в закрытую школу в Суррее (не такая уж даль, но все же и не слишком близко). Разумеется, Том сознавал, что должен испытывать благодарность к сэру Расселу Блиту, отцу друга детства Хьюго (другой сын сэра Рассела погиб в Северной Ирландии задолго до описываемых событий, что, видимо, наложило отпечаток на характер старика). Однако вместо этого чувства он ощущал обиду на то, что не может остаться в Малом Брейкене, чье уединенное местоположение служило мальчику своеобразной защитой от внешнего мира, а лес — площадкой для игр.

Школа, с ее суровой дисциплиной и строгими правилами, в течение всего первого семестра казалась ему тюрьмой. Этому в немалой степени способствовало и то, что одноклассники поначалу не приняли застенчивого новичка, который не только не имел отца,

но даже не знал его и превратился бы в нищего, не оказись у него богатого покровителя. Том проявил излишнюю правдивость, отвечая на вопросы назойливых одноклассников — каждый из них имел богатых родственников, а те, чьи родители развелись, по крайней мере знали своих отцов. К тому же он не имел понятия о правилах поведения в обществе — это обстоятельство сочли серьезным недостатком, поставившим его в положение аутсайдера, если не парии. К счастью, во втором семестре все изменилось. Преодолев застенчивость, Том научился противостоять толпе, справился с худшими из своих преследователей и полностью избавился от застенчивости. Вскоре он обзавелся несколькими близкими друзьями, а когда обнаружилась его удаль на спортивной площадке, мальчик стал чем-то вроде героя. Да, годы детства, проведенные в сельской местности, на свежем воздухе, не прошли даром: бегая повсюду, лазая по деревьям, прыгая по упавшим стволам или с камня на камень в бурлящем ручье, он приобрел силу и ловкость, а также мог похвастаться отменным здоровьем.

В учебе Том оказался не способнее, чем большинство детей его возраста, зато открыл в себе нечто другое. В некоторых дорогих частных школах (в их числе оказалось и учебное заведение в Суррее) поощряли стремление не самых блестящих воспитанников заниматься ремеслами, чаще всего — работой с деревом и металлом. Родители желали видеть хоть какие-то результаты своих немалых финансовых вложений, и если малыш Джонни мог, как минимум, сделать пепельницу или подставку для цветка, значит, не все деньги пропали даром и можно гордиться, что их сын склонен к творчеству. Что касается Тома, то с тех пор, как Эрик Пимлет, брейкенский лесник, подарил мальчику на его шестой день рождения перочинный ножик, он полюбил вырезать из дерева разные поделки. Это умение, разумеется, прибавило ему популярности среди тех товарищей, чьи таланты были не так очевидны: они предпочитали просить совета и помощи у него, а не у язвительного и нетерпеливого преподавателя.

И все же, несмотря на легкий характер и несомненные способности к спорту и ремеслу, Том предпочитал одиночество, присоединяясь к сверстникам, лишь когда чувствовал в этом потребность, но нельзя сказать, чтобы таковая возникала у него довольно часто.

Как ни странно, с теплотой вспоминая Малый Брейкен, он, приезжая на каникулы, редко заходил в коттедж, а предпочитал пользоваться своей комнатой в доме, наслаждаясь обществом Хьюго, если только тот не уезжал на это время куда-нибудь за границу. В этом случае Том превращал в мастерскую пустую конюшню, изобретая различные предметы современной мебели, а затем пытался изготовить их, используя любые инструменты, которые удавалось выпросить у Эрика. В последний свой визит, уже после смерти матери (ему объяснили, что Бетан утонула в момент временного помутнения рассудка; никто не упоминал о самоубийстве, но, повзрослев, он составил собственное мнение о происшедшем), Том лишь однажды прогулялся к коттеджу — и то, что он там обнаружил, его расстроило, и дело было не в лежащих повсюду пластах пыли и не в холодном, промозглом запахе пустоты. Казалось, что дух Малого Брейкена, его атмосфера, его тепло полностью исчезли. Том ощутил себя чужим в знакомых стенах, это его смущало и пугало. Некогда Малый Брейкен служил ему защитой, убежищем, теперь здесь царило запустение.

Захлопнув за собой дверь коттеджа, он зашагал по дорожке, вымощенной разбитыми плитками, между которыми росла трава, похожая на торчавшую вверх бахрому. Тогда Киндред был уверен, что никогда больше не вернется в Малый Брейкен.

* * *

Теперь до поместья было недалеко. Он достиг перекрестка и свернул на более широкую дорогу с оживленным движением, где требовалось прибавить скорость. Тома всегда поражали Шропширские земли: именно здесь — больше, чем где-либо еще на этом крохотном островке, Англии, — человек мог ощутить себя настолько одиноким, как будто на всей планете в живых остался только он. Но в следующий момент словно поднимался гигантский занавес, открывая огромное шестиполосное шоссе или вид на располагавшуюся

неподалеку фабрику или завод.

Поместье Брейкен, кстати, тоже было достаточно велико, чтобы убедить его обитателей, будто они действительно отрезаны от цивилизации. Однако сейчас Тому хотелось именно этого: остаться наедине с собой, подальше от ученых медиков и самоуверенных сиделок, а также от заботливых, но утомительных друзей и знакомых, полагавших, что от них требуется широкая улыбка и постоянное подбадривание. Ему нужно было вновь набраться энергии и восстановить жизненные силы. Во время вынужденного бездействия на больничной койке — бездействия, столь чуждого для него с тех пор, как он был ребенком, — мысли Тома, испуганного внезапно свалившейся на него инвалидностью, постоянно возвращались к единственному безопасному месту, которое он когда-либо знал; сны также всегда переносили молодого человека назад, в Малый Брейкен. Несмотря на успех в делах, Киндред мог позволить себе лишь аренду квартиры в Лондоне, он никогда подолгу не оставался там, разочаровываясь в ней через несколько месяцев; возможно, подсознательно желая отыскать место, где можно будет вновь чувствовать себя в безопасности.

Воспоминания о последнем визите потускнели, пыль, остававшаяся на кончиках пальцев, стерлась, пустота, поселившаяся в стенах коттеджа, не беспокоила его больше. В памяти остались лишь восхитительный аромат только что срезанных цветов и лучи солнца — проникая сквозь открытые окна, они нагревали каменные плитки пола. А еще — мягкий и нежный голос матери, напевавшей прекрасные песни, которые с тех пор он никогда больше не слышал.

Ясные голубые глаза Тома устремились за туманные далекие холмы, их безмятежность всегда утешала его и успокаивала. Джип миновал построенную из бревен и известняка гостиницу, на стены которой карабкался густой плющ, и группы небольших коттеджей — некоторые были целиком построены из красного кирпича, другие, как и гостиница, — из известняка и бревен.

Слева поля плавно переходили в лощины, заросшие розовыми, белыми и пурпурными кустами рододендронов; справа виднелся только густой лес, но въезд в Брейкен уже был недалеко. Разумеется, можно было бы выбрать более гладкую и широкую дорогу с другой стороны поместья, которой обычно пользовались торговцы и водители грузовиков, предпочитавшие добираться дольше, но с меньшими неудобствами.

Несмотря на изрядную усталость, Том ощутил в душе ликование. Через минуту он достиг незаметной дорожки; указатели отсутствовали, поэтому случайный посетитель здешних мест вряд ли обратил бы внимание на небольшой просвет между деревьями, обрамлявшими одну из сторон шоссе. Судя по всему, в прошлом владельцы поместья Брейкен больше всего ценили уединение, и его нынешний владелец придерживался того же мнения. Однако, хоть раз побывав в этом огромном убежище с его парками, лесами, пастбищами и озерами, было нетрудно понять их выбор.

Постепенно снизив скорость, Том устремился в просвет; пышная листва смыкалась над головой, образуя плотный навес над узкой дорожкой. Запахи леса проникали сквозь открытое окно, навевали воспоминания о детстве, как это часто случается с подобными запахами. Он находился недалеко от дома, и возбуждение продолжало расти.

Ухабистая дорожка, покрытая солнечными пятнами, находилась в плохом состоянии; впрочем, это служило препятствием для непрошенных визитеров. Киндред изредка подпрыгивал на сиденье, высматривая какое-нибудь мелкое животное или оленя, которые могли неожиданно пересечь ему дорогу. Приходилось также остерегаться низких веток, способных повредить краску джипа. Ярдах в пятидесяти от него в кустах послышался шорох — вероятно, какое-то животное обеспокоил шум мотора; затем крупное туловище, мелькнув на секунду, бросилось дальше, в густой подлесок. Молодой человек успел поймать взглядом лоснившуюся спину оленя.

Довольно скоро среди деревьев показалась широкая арка с воротами. Построенная из песчаника мягкого красного цвета, она прекрасно гармонировала с естественными красками вокруг. Внезапно Том ощутил искушение нажать на акселератор и как можно быстрее

проскочить под ней, как будто старые кирпичи могли обрушиться ему на голову. Страх был абсолютно иррациональным — действительно, почтенного возраста конструкция выглядела пострадавшей от времени, но отличалась завидной прочностью. Арку соорудили в те времена, когда к долговечности относились серьезно, а каменщики и плотники гордились своей работой не меньше, чем архитекторы и подрядчики, нанимавшие их; она простоит не меньше, чем сделанный из того же материала Большой Дом — с детства Том привык так называть Замок Брейкен. Но внутренняя дрожь не проходила, и он действительно изо всех сил жал на педаль, до тех пор пока джип не миновал арку.

Железные ворота были оставлены открытыми то ли в ожидании его приезда, то ли потому, что никто не побеспокоился закрыть их (в свой последний визит Хьюго рассказал, что егеря больше нет, а старый Эрик Пимлет едва ли заботился о воротах). Металл покрывали пятна ржавчины, и в этом запустении виделось нечто печальное; еще двадцать лет назад всегда запертые створки ворот, покрашенные блестящей черной краской, подобно стойким часовым, охраняли поместье от воображаемого внешнего врага.

Мимолетная тень, упавшая на его машину, была такой глубокой, что на пару секунд, казалось, наступила ночь, и повеяло стужей — не просто прохладой, вовсе нет: от леденящего холода у Тома перехватило дыхание и дрожь пробежала по всему телу. Затем он вновь выехал на солнечный свет, вокруг расстилались заросшие травой полянки, а впереди лежала дорога, теперь уже более гладкая, хотя отдельные выбоины все еще попадались. Она плавно поднималась вверх, к зданию со стенами из песчаника, казалось хранившими солнечное тепло, поэтому все строение в целом выглядело удивительно гостеприимным, несмотря на то что напоминало маленький средневековый замок.

Том невольно сдвинул брови: он вновь ощутил себя маленьким мальчиком, всегда благоговевшим перед этим внушавшим страх местом.

2

Замок Брейкен и еще два знакомства

Том знал историю Замка, который он одновременно почитал и недолго любил. Его мать, служившая гувернанткой Хьюго Блита, рассказывала ее мальчикам, возможно, по настоянию самого сэра Рассела, Отец Хьюго никогда не хвастал собственными предками, но усиленно старался привить идею преемственности поколений сыну, хотя поместье Брейкен не было его родовым гнездом.

Около середины шестнадцатого века, когда аббатство Шрусберри, владевшее землями в этой местности, было ликвидировано во время Реформации, сэр Эдвард Брейкен купил поместье и передал его своему сыну и наследнику Мэтью, который позже решил построить здесь большой дом. Вначале он нанял каменщиков, плотников и чернорабочих, чтобы подготовить участок для рытья ям под фундамент, для рубки деревьев в лесах поместья и работ в каменоломне, находившейся менее чем в трех милях отсюда. Среди них был известный плотник по имени Джон Лэнгфорд, а также каменщик Томас Слингфут.

Потребовалось около тридцати лет, чтобы завершить строительство помещичьего дома прямоугольной формы с надстройками в виде башенок по углам, центральным крыльцом и крышей, обрамленной парапетом. Все это, по замыслу создателей, должно было придать ему облик средневекового замка. К тому времени сэр Эдвард и Мэтью ушли в мир иной, оставив имение Ричарду, старшему сыну последнего. В период двух гражданских войн семья хранила верность Карлу I и поэтому пострадала от режима Кромвеля. Когда Карл II вернул себе трон, удача вновь посетила Брейкен: Ричард стал лордом-казначеем королевского двора и, следовательно, приобрел немалое влияние и богатство.

Но в каждом подъеме, связанном с политикой, заложено почти неизбежное падение, и Брейкены не стали исключением из общего правила. Внук Ричарда, тоже Эдвард, прослыл развратником, к тому же он занимался черной магией и участвовал в сатанинских оргиях, чем изрядно подорвал репутацию семьи и ее положение при дворе. Умирая от сифилиса, он

передал поместье своему умалишенному сыну Томасу, и лишь когда его единственная наследница, дочь Элизабет, вышла замуж за Джеффри Блита, преуспевающего торговца шелком и специями с Востока, удача вновь вернулась в Брейкен.

Единственным, что оставалось неизменным при всех этих переменах к лучшему или к худшему, был сам Замок и земли, которые его окружали. Построенное из красного песчаника и местной древесины, величественное с виду трехэтажное здание прочно стояло на небольшом естественном возвышении. Ярко-красный цвет стен смягчился под влиянием времени и непогоды, их поверхность испещрили более светлые заплаты. На плоской крыше с зубчатым парапетом был построен еще один этаж, не отличавшийся по стилю от самого дома; по ее углам возвышались массивные, похожие на башни, печные трубы. Несколько широких серых ступеней крытого центрального крыльца вели к внушительной двери из массивного дуба, извилистые плети мертвой, безлистной глицинии карабкались вверх по каменной кладке. Прямоугольные одинаковые рамы многочисленных окон разделяли каменные выступы, а их стекла казались темными и непроницаемыми для солнечного света.

Честно говоря, Том не ощутил, что вернулся домой. Однако его не оставляла надежда, что это чувство возникнет позже, когда он доберется до коттеджа.

* * *

Прежде чем он достиг ступенек, передняя дверь распахнулась и показалась дородная фигура Хьюго Блита. Друг детства поспешил вниз, подняв руку в приветственном жесте. Чуть ниже среднего роста, коренастый, он обладал брюшком, слегка увеличившимся с момента их последней встречи.

Том разглядел призрачный силуэт в дверном проеме: наверное, это брейкенский дворецкий и доверенный слуга — пугающе худой, надменный мужчина, с незапамятных времен служивший семейству Блитов. Когда-то Том и Хьюго прозвали его Скелетом, но, разумеется, мальчики никогда не осмеливались назвать его так в лицо, поскольку от слуги всегда исходило странное ощущение угрожающего превосходства.

— Том! Чертовски рад тебя видеть!

Киндред высунул руку в открытое окно, и старый приятель радостно вцепился в нее. Несмотря на явный энтузиазм, его рука оказалась безвольной, ладонь — влажной, и именно Том должен был сжать ее.

— Хьюго, — произнес он, устало улыбаясь, измотанный долгим путешествием.

— Как ты, черт возьми? — Глаза Блита-младшего, обычно выпуклые, сейчас, казалось, готовы были выскочить из орбит. Он напоминал Тодда из Тодд-Холла¹ — тот же энтузиазм, нетерпение, и... глупость, — впрочем, как и выдуманный Кеннетом Грэмом персонаж, Хьюго вызывал некую симпатию.

— Отлично, — ответил Том.

Хьюго с сомнением оглядел его.

— Путешествие оказалось не слишком утомительным? Знаешь, тебе действительно следовало ехать из Лондона поездом. Или, еще лучше, я мог послать за тобой Хартгроува на старом «бентли». Появился бы здесь с шиком, а?

Выступив из тени, Хартгроув Скелет замер на верхней ступени лестницы. Его лицо сохраняло невозмутимость при виде Тома, хотя они не встречались много лет. Киндред, возможно, ожидал теплого, ну, хотя бы тепловатого приветствия, но в ответ ничего не последовало.

Хартгроув — даже Хьюго не знал его имени — теперь не носил стандартной униформы дворецкого — черного сюртука, полосатых брюк и серого жилета, — которая казалась Тому анахронизмом еще в те дни, когда он был мальчишкой. Вместо этого старого слугу нарядили в костюм угольного цвета с глухим пиджаком. Одежда казалась на целый размер больше, чем нужно, и даже концы воротничка белой рубашки наезжали друг на друга там, где узел

¹ Жаба, персонаж романа-фэнтези Кеннета Грэма «Ветер в ивах». (Здесь и далее прим. перев.)

галстука туго затягивался на тощей шее.

— Я тоже рад видеть тебя, — негромко сказал Том.

Стремительно распахнув дверь джипа, Хьюго вцепился в локоть друга.

— Эй, я ведь не инвалид, — с улыбкой запротестовал тот.

Из-за сильной усталости Киндреду пришлось напрячься, чтобы убрать левую руку с руля: после долгих месяцев реабилитации ему не составляло труда сжать какой-либо предмет, но иногда — особенно после переутомления — требовалось сосредоточиться, чтобы выпустить его из рук. Он вылез из машины и, тронутый заботой приятеля, позволил поддержать себя за локоть, затем, повернувшись назад, прихватил с пассажирского сидения трость.

— Значит, не инвалид? Тогда зачем тебе вот это? — Хьюго окинул взглядом трость, и в его водянистых карих глазах явственно промелькнуло сочувствие. — Но, честно говоря, ожидал увидеть тебя на костылях.

Том коротко рассмеялся.

— Ну, я же не раз говорил, что со мной все в порядке. Первые несколько дней после удара были критическими для моего состояния — во всяком случае, мне так говорили; к счастью, сам я почти ничего не помню. Но я сделал немалые успехи, и это признано врачами. К тому же, не забывай, у меня почти четыре месяца на то, чтобы прийти в себя окончательно.

— Да, да, конечно. И все же ты в порядке не на все сто процентов. Иначе зачем бы понадобилось время на выздоровление?

— *Отдых*, а не выздоровление. А трость необходима только потому, что моя левая нога быстро устает и начинает подгибаться.

— Называй это, как тебе нравится, дружище, но после кровоизлияния в черепушку не отделаешься парой таблеток аспирина и несколькими днями в постели. — В голосе Хьюго отчетливо слышались интонации ворчливой нянюшки, что, впрочем, соответствовало произносимому тексту.

Киндред вспомнил, как старый приятель появился в больнице на следующий день после того, как удар чуть не прикончил его. В руках Блит-младший сжимал чек на огромную сумму («Все самое лучшее для тебя, Том, лучшие специалисты за любые деньги!»), а на блестящем от пота толстощеком лице застыло выражение глубокой озабоченности.

А сейчас... Все тот же старина Хьюго. Не в форме, плохо одетый и, вероятно, без постоянной работы. Его светлые выющиеся волосы изрядно поредели, сквозь них просвечивала лысина, похожая на одну из заплат, испещривших стены Замка. На нем был растянутый жилет из верблюжьей шерсти поверх светло-голубой хлопковой рубашки с открытым воротом. Красные подтяжки, которые показывались каждый раз, когда Хьюго вздыхал и края жилета расходились, поддерживали серые фланелевые брюки, болтавшиеся на лодыжках. Отвороты брюк нависали над нелепыми, заляпанными грязью сапогами. Быстрый спуск по ступеням Брейкена заставил его слегка запыхаться, а мешки под глазами свидетельствовали о неумеренном употреблении алкоголя (Том подозревал, что его друг всем другим напиткам предпочитал абсент в больших количествах).

По профессии Блит-младший был страховым агентом в конторе Ллойда и занимал крохотный кабинетик в главном здании корпорации на Лайм-стрит, пока его косвенное участие в жутком скандале, разразившемся в мире страховых компаний в середине восьмидесятых годов, не положило конец карьере, по сути не успевшей начаться.

Хьюго внезапно сжал его в объятиях.

— Чертовски, чертовски рад видеть тебя! — восклицал он над ухом у Тома. — Не могу передать тебе, как я расстроился, увидев тебя на больничной койке. Ты напоминал покойника! Просто глазам не верилось! Я имею в виду, что, когда мы пили за неделю до этого, ты выглядел чудесно. Просто тип-топ.

Не вслушиваясь в бормотанье друга, молодой человек разглядывал Хартгроува, возникшего за плечом Блита. Слуга пристально смотрел на них, лицо его казалось непроницаемой маской, но тусклые глаза были тверже кремня.

Ребенком Том всегда чувствовал себя неловко в присутствии дворецкого — да нет, он просто чертовски боялся этого похожего на грифа человека с мертвенными чертами лица и длинной, тонкой, сухой шеей, возвышавшейся над сутулыми плечами, всегда одетого в униформу темных тонов. Тому казалось, что Хартгроув постоянно наблюдает за ним холодными тусклыми глазами, как будто его возмущает присутствие в Большом Доме сына гувернантки, ставшего бы нищим, если бы не безграничная щедрость его хозяина. Возможно, он надеялся поймать мальчишку, когда тот сунет в карман одну из игрушек Хьюго или запачкает мебель. Прошло много лет, но Том ощутил, как его охватывает привычная дрожь. Ему с трудом удалось переключиться на другую тему.

— Эй, Хьюго, ты ведь не собираешься раздавить меня?

Тот немедленно отпрянул.

— Извини, не мог удержаться. Просто я так... так...

— Чертовски рад тебя видеть, — закончил вместо него Том.

— Верно, — Хьюго легонько толкнул его в плечо.

Том вновь окинул взглядом дом, избегая смотреть на мрачного слугу, замешкавшегося на верхних ступенях. Его глаза обежали весь Замок, до самой крыши. Строение, с его темными окнами и высокими, выступающими вперед фонарями, казалось, нависало над ним с очевидной угрозой.

— Как он, Хьюго?

Тот оглянулся, проследив за взглядом друга.

— Бывают дни, когда отец слегка оживает, зато иногда... он, кажется, уходит так далеко, что дальше только смерть. Увы, в наши просвещенные дни ничего больше нельзя сделать для человека с больным сердцем. А учитывая его нынешнюю слабость, пересадка невозможна. Он недостаточно силен, чтобы выдержать операцию, а без нее о выздоровлении не может быть и речи. Возможно, обрати мы раньше внимание на его состояние, все повернулось бы по-другому. Но ты знаешь, старик никогда не был, что называется, в хорошей форме, поэтому мы не замечали изменений до тех пор, пока... — Хьюго умолк: наверное, ему было слишком тяжело продолжать.

Всю жизнь, сколько Том себя помнил, он всегда благоговел перед отцом друга, причем это чувство смешивалось со страхом — мальчика пугали его резкие манеры и крутой нрав. Тягостное присутствие хозяина, казалось, продолжало довлеть над поместьем даже в его отсутствие. Смерть первой, а затем и второй жены, последовавшая за потерей старшего сына, который служил офицером британской армии в Белфасте и был разорван на кусочки бомбой ИРА еще до рождения Тома, возможно, усилили его отчужденность. Обо всем этом рассказал мальчику Хьюго, все прочие обитатели Замка, включая его мать, Бетан, благоразумно не касались завесы секретности, окружавшей эти трагедии.

Сейчас сэр Рассел страдал от болезни, которая неуклонно сводила его в могилу, и, хотя Том никогда не любил мрачного старика, — как можно любить кого-то, кого так боишься? — сердце молодого человека невольно сжалось от охватившей его печали.

— В больнице о нем смогут позаботиться надлежащим образом и облегчат его страдания, — Киндред перевел взгляд на своего приятеля, по-прежнему смотревшего вверх.

— Ты думаешь, мы не пытались? Он не желает оставлять свой дом, — в голосе Хьюго прозвучало такое отчаяние, что Тому показалось, будто его друг собирается разрыдаться. — Господь ведает, я уговаривал его, но ты же знаешь, как он упрям... Отец любит лежать там, наверху, потому что может осматривать свои владения прямо с кровати. Похоже, комнату проектировали именно с такой целью, чтобы первый хозяин поместья ублажал свое тщеславие. Но я никогда не думал, что ей суждено стать местом смерти моего отца.

Он повернулся к молодому человеку и резко встряхнул головой, чтобы скрыть обуревавшие его чувства.

— Отец заглушает самые сильные боли инъекциями морфия и сам контролирует их количество, просто нажимая кнопку возле постели. Однако эти уколы действуют на него не лучшим образом. Иногда он бредит, произносит странные речи, постоянно требуя, чтобы,

перед тем как хоронить, ему перерезали горло, дабы убедиться, действительно ли он мертв. Отец страшно боится быть похороненным заживо. — Хьюго содрогнулся. — Теперь это только вопрос времени, Том. Но давай сегодня не будем обсуждать это. Нам следует отпраздновать возвращение блудного сына.

Он с трудом улыбнулся и позволил радости вновь завладеть им — этой черте характера своего приятеля Том нередко завидовал.

— Как насчет пива или чего-нибудь покрепче? Ты наверняка страдаешь от жажды после долгой поездки.

Тому не хотелось объяснять другу, что после инсульта он утратил какой бы то ни было интерес к алкоголю.

— Благодарю, но не стоит, — он сжал плечо приятеля, опасаясь обидеть того отказом. — Я бы, пожалуй, предпочел отправиться в коттедж. Мы можем увидеться завтра.

— Или попозже вечером, — с надеждой в голосе предложил Хьюго.

— Посмотрим. Я все-таки не вполне в форме, а, как ты сам заметил, поездка была долгой.

— Ну... ладно. По крайней мере, разреши мне отправить Хартгроува, чтобы он отвез тебя и помог распаковаться.

Киндред взглянул на слугу, все еще наблюдавшего за ними с верхней ступеньки.

— Шутишь, что ли?

Они понимающе улыбнулись друг другу.

— А знаешь, чего бы мне на самом деле хотелось? — воодушевленно начал Том. — Пройти отсюда пешком! Забавно, но именно об этом я мечтал, валяясь на больничной койке после... — Как он ненавидел это слово! — Ну, в общем, после удара. Я просто хотел снова пройти через лес, понимаешь?

— Прекрасно понимаю тебя, старина Конечно, если тебе этого хочется". Оставь машину здесь, а я попрошу старину Эрика отвезти ее к тебе позже.

Эрик Пимлет, Хартгроув и кухарка миссис Боксли, которая раз в день приходила из ближайшей деревни Мач-Бедоу, чтобы приготовить ленч и ужин, были единственными постоянными слугами: садовников и уборщиков теперь нанимали на работу поденно.

— Приятно будет снова повидать старину Эрика.

— Уверен, он тоже тебе обрадуется. Теперь послушай: я распорядился, чтобы твою кладовку наполнили продуктами, да еще добавил кое-что вкусненькое, тебе понравится. И кто-нибудь время от времени будет заглядывать туда, чтобы пополнить запасы. К сожалению, в коттедже еще нет телефона, но я могу...

— Не нужно, — Том похлопал себя по карману. — У меня есть мобильник.

— Гм, слышимость в этой части света оставляет желать лучшего. Но я могу попросить Эрика заглядывать к тебе каждое утро.

— Это лишнее, Хьюго. Со мной все будет в порядке, честно. Конечно, доктора пока что не объявили меня здоровым, но они удивлены тем, как быстро я поправляюсь. Кроме того, у меня есть прибор для физиотерапии, так что я могу заниматься три раза в неделю прямо в коттедже и убеждаться, что крепну на глазах. Надо сказать, нечто вроде личного приспособления для добровольных пыток, на которых настаивают доктора.

— Ну, если ты уверен...

— Правда, Хьюго, я действительно уверен, — он опять коснулся плеча приятеля. — Слушай, ты был просто великолепен. Ты знаешь, как я благодарен тебе за заботу.

Блит-младший побагровел, за пару секунд его глаза, и без того влажные, еще больше повлажнели. Прочистив горло, он посмотрел на темневший вдали лес.

— Не о чем говорить, — его голос прозвучал немного хриловато. — Мы ведь такие старые друзья.

Том улыбнулся.

— Кто бы еще смог с тобой ладить, — сказал он, убирая руку. — Ладно, я пожалуй, пойду. Так долго ждал этого!

— Могу себе представить, когда валяешься в больнице... Ты ведь все еще любишь свой старый дом, правда, Том?

Киндред помедлил с ответом.

— Я уже не уверен, что это так. Было время, когда я его ненавидел.

— Это когда Бетан?... — Хьюго смущенно замолчал.

Даже не отличаясь излишней тонкостью чувств, Хьюго понимал, какой трагедией стала для Тома преждевременная кончина матери много лет назад. И горе до сих пор полностью не утихло.

Блит-младший полез в карман брюк, вытащил большой старый железный ключ и протянул молодому человеку. Его округлая головка состояла из трех простых, плоских кругов, напоминавших сделанный из металла трилистник.

Том взял ключ и сразу же почувствовал леденящее дуновение... чего? Он не знал. Возбуждение? Да, но было также что-то еще. Облегчение? Да, и это тоже. Но оно странным образом смешивалось с... это не мог быть страх, не так ли? Нет, не совсем... Скорее похоже на тревожное предчувствие. На долю секунды он ощутил нервное трепетание в желудке, как будто там бились обезумевшие бабочки с зазубренными крылышками. Неужели он действительно так нервничает, возвращаясь в дом, столь любимый в детстве? Быть может, его тревожила пустота, отсутствие матери, которую он потерял так давно? После болезни Том заметил, что его эмоции стали более неустойчивыми, а слезы, казалось, всегда находились неподалеку. Однако это... это тревожное предчувствие, как будто исходило извне, словно оно витало в воздухе.

Потом беспокойство исчезло, стало просто мимолетным ощущением. За тот короткий миг, что он смотрел на ключ, тот, казалось, потеплел в его руке, и что-то внутри Тома — его дух? — вновь пробудилось. Смутьившись, молодой человек улыбнулся.

— Как хорошо возвращаться!

И в тот момент он искренне верил в это.

3

Прогулка через лес

Том неторопливо спускался по широкой пологой дороге, ведущей от Замка Брейкен к реке. Приходилось внимательно следить, чтобы левая нога не подворачивалась, — еще один симптом, напоминавший о перенесенной травме. Сейчас он изредка опирался на прогулочную трость, однако, прежде чем он дойдет до коттеджа, левая нога может изрядно ослабеть, и тогда трость станет просто необходимой. На полпути с холма Том повернулся и взглянул на Хьюго, который все еще смотрел ему вслед, засунув руки в карманы, однако расстояние было слишком велико, чтобы разглядеть выражение его лица. Путник взмахнул палкой, и его друг вскинул руку в ответном жесте. Улыбка на лице Тома слегка померкла, когда он заметил Хартгроува Скелета, все так же безмолвно и бдительно, подобно черной ловчей птице, торчавшего в проеме передней двери. Господи, ну почему при виде этого человека его кожа покрывалась мурашками? Быть может, этому виной случай в подвале, после которого Хартгроув постоянно присутствовал в ночных кошмарах Тома? Молодой человек с трудом выкинул из головы загадочного слугу и продолжил путь.

Вскоре перед ним открылся вход в своеобразный «туннель» из кустов, что вел прямо к старинному каменному мосту через реку. Повеяло прохладой, солнечные лучи с трудом проникали сквозь плотную лиственную крышу; дул легкий ветерок, прилетевший от быстрой речушки. Однажды, давным-давно, мать несла его через огромный, залитый солнцем луг (неужели в детстве даже солнце светит ярче?), на другой стороне которого их встретила густая тень, и Том до сих пор помнил, какое удовольствие доставила ему тогда резкая смена жары и прохлады. Теперь, однако, ничего подобного не произошло: на лбу застыли капельки пота, да и шум реки звучал скорее злобно, чем приветливо.

Короткий прямой мостик был построен из серого камня вскоре после самого Замка

Брейкен, и известковый раствор местами раскрошился или зарос мхом. Камни покрылись зеленым налетом, особенно заметным в тех местах, где волны достигали выступов на парапете. Киндред помедлил на середине моста, вглядываясь в темную воду. Под сводами арки моста находилась единственная неровность, которая увеличивала скорость течения, и потому река в этом месте бурлила и пенилась сильнее. Он вспомнил, сколько раз они с Бетан — сердце заныло при воспоминании о ней — задерживались на этом самом месте. Мать кидала в реку листок или небольшую веточку, и они смотрели, как ее уносит потоком. Недолговечный кораблик подпрыгивал и кружился в водовороте, мальчик смеялся и показывал пальцем, Бетан снисходительно улыбалась. Сейчас улыбнулся и Том: в памяти возникло крохотное отважное суденышко, сражавшееся с бурным потоком. Оно вновь и вновь появлялось на поверхности воды, с каждым разом погружаясь все глубже, и наконец оказывалось так далеко, что его невозможно было разглядеть.

Здесь, на мосту, воздух всегда был влажным, вне зависимости от того, светило солнце или нет, невидимые капельки воды наполняли тень, отбрасываемую кустами и деревьями на обоих берегах. Длинные извивавшиеся ветви тянулись навстречу своим собратьям на противоположной стороне реки, листовые пальцы так тесно переплетались, что мост казался постоянно погруженным во тьму, и даже зимнему солнцу нелегко было пробиться сквозь обнаженную, но все равно плотную сеть.

Локтями проложив себе дорогу сквозь эту стену, молодой человек пробрался к широкой тропе сквозь поросший лесом участок за мостом. Шум воды затихал за его спиной, с каждым шагом воздух становился теплее. Через некоторое время он достиг расшатанных деревянных ворот в живой изгороди, что служила преградой оленям, немногим оставшимся лошадям и прочей живности, бродившей по дальним лугам и пастбищам. Ворота запирались на простой, но тяжелый металлический засов.

Киндред вновь помедлил, взгляд его устремился к густому лесу вдаль, сердце вновь забило быстрее, что-то внутри вырвалось из своей скорлупы и воспарило к бездонному летнему небу. Он с силой нажал на запор и оказался внутри, заботливо прикрыв за собой ворота. Осторожно, чтобы не наступить на травяных змеек, в изобилии водившихся на этом отдаленном поле, молодой человек целеустремленно двинулся сквозь высокую траву, зажав трость под мышкой, поскольку нога вела себя вполне прилично. Внезапно Томом овладело ощущение счастья — так хорошо он не чувствовал себя со времен удара, далее в тот момент, когда ему сообщили, что если он будет осторожен — бросит курить, воздержится от употребления спиртного, а также не станет лениться на занятиях с физиотерапевтом, — то с ним все будет в порядке. Странная беззаботность — как будто он вновь стал мальчишкой, скачущим по тому же лугу, хлопая в ладоши и спугивая бабочек и трусливых кроликов под заботливым взглядом материнских глаз. Тогда его лелеяли и охраняли, а горести еще не обрушились на него; в те времена на душе было легко, голова была свободна от тяжелых проблем, а юное тело еще не знало слабости и боли.

Том пребывал в этом странном мечтательном возбуждении еще некоторое время, пока не достиг леса, а нога не начала болеть.

* * *

Казалось, что он попал в другой мир, мир тишины и тенистой прохлады. Солнечные лучи пронизали полумрак длинными мерцающими нитями; тишину лишь изредка нарушала упавшая где-то вдалеке ветка, да негромкий шорох в подлеске свидетельствовал о том, что какое-то животное тайком выбралось из своего укрытия. Том следовал тем же путем, которым они с Бетан и прочие визитеры попадали в Малый Брейкен, словно переходя из прошлого века в нынешний. Существовало немало других тропинок, не столь заметных, как эта. Ребенком Киндред исследовал большинство из них; интересно, многими ли дорожками за прошедшие годы вновь завладел лес? Ходил ли кто-то еще этими путями? Кто кроме него был знаком с волшебством и безмятежностью леса? Пожалуй, Эрик Пимлет — это входило в

его обязанности. Но Том не мог представить себе ни старину Скелета, пробиравшегося сквозь чащу, ни Хьюго — нет, конечно же не Хьюго! Его друг не относился к любителям природы, да и к тем, кто получает удовольствие от упражнений, требующих затрат энергии. Что касается сэра Рассела, то хозяин поместья уже много лет был слишком слаб для этого, а в последнее время вообще не вставал с постели.

Итак, крохотное королевство принадлежало ему одному. Молодой человек осознавал, что это всего лишь игра его воображения, но он привык к ней; в детстве, бегая между деревьями, Киндред окружал себя толпой невидимых, воображаемых друзей, которые никогда не были слишком заняты или утомлены, чтобы поиграть с ним. Даже тогда мальчик осознавал свою непохожесть на других; а одиночество разделял с ним только Хьюго Блит. Но он был старше и находился на попечении Бетан, к тому же являлся сыном их хозяина, и Тому постоянно напоминали об этом обстоятельстве (хотя его приятель никогда не делал ничего подобного).

Фантазии и воображаемые друзья стали его учителями и воспитателями, подарив жизнь, где ничто не препятствовало полету мысли, а выдумка становилась реальностью. Лес открывал перед ним свои сокровища, которые можно было исследовать и познавать, а получив в собственность, наслаждаться. На мгновение — только на мгновение — воспоминания детства превратились в реальность, стали сегодняшним днем, и он ощутил то самое возбуждение и то же возвышенное счастье, доступное только невинным душам.

Трели соловья, доносившиеся из глубины леса, на мгновение привлекли его внимание, но чарующие звуки не помешали полету мысли, а стали чем-то вроде аккомпанемента воспоминаниям о былом счастье. Том некоторое время прислушивался, затем пошел вперед, еще сильнее желая достичь своего старого дома, сопровождаемый звонким чириканьем певчих птиц, перекликавшихся друг с другом. Вот промелькнула славка, вылетевшая с поляны, и мгновенно исчезла в переплетении ветвей боярышника, где принялась копошиться, выискивая насекомых, замеченных с воздуха.

Благодаря своей профессии Киндред гораздо больше, чем другие люди, интересовался деревьями, вот и сейчас он с удовольствием называл вслух каждое, встречавшееся ему по дороге. Позади остался огромный дуб, его испещренную наростами кору, казалось, покрывал узор из едва различимых извивавшихся фигур. Толстые ветви тянулись вперед, как будто желая схватить любого, кто рискнет пройти мимо. Старый дуб служил также постоянным пристанищем крохотным созданиям — животным, насекомым и птицам, они занимали дупла, ютились в глубоких трещинах коры или просто вили гнезда на ветвях.

Ароматы леса опьяняли, и впервые за последние несколько месяцев ему удалось хотя бы на время забыть о перенесенной травме. Но скоро — слишком скоро — поврежденная нога ослабела, а рукой словно завладел неожиданно подкравшийся мороз. Том знал, что он слишком плохо обращался со своим ослабленным телом, пренебрегая советом доктора упражняться каждый день, но ни в коем случае не перенапрягаться. После долгих месяцев терапии ему понадобится время, чтобы восстановить силы, а нетерпение может превратиться в его злейшего врага. Молодой человек провел за рулем целый день, добираясь от самого Лондона, и, хотя левая половина тела не выполняла почти никакой работы, этот путь обошелся ему недешево. Ну а путешествие от Замка до коттеджа (в котором, честно говоря, не было необходимости), вероятно, оказалось чрезмерным испытанием. Несмотря ни на что, он не раскаивался в своем решении, даже когда его дыхание слегка затруднилось и приходилось сознательным усилием отрывать левую ногу от земли. На лбу вновь выступил пот, но воздух был слишком свежим и ароматным, а лес слишком красивым, чтобы переживать по поводу усталости и физического дискомфорта. Впереди в просвете между деревьями Том увидел ствол, поваленный молнией. Его корни все еще находились в земле, но верхушка почти легла набок, листья увяли и высохли. В лесу были и другие упавшие деревья, но именно это вызвало в душе молодого человека особенное отвращение, словно трагедия его падения оставила болезненный след в окружавшем его воздухе. Неужели вокруг него тоже образуется подобная аура, ведь неожиданная и свирепая атака на его собственное тело

была схожа с ударом молнии, поразившей дерево... Нет, он все еще жив, а дерево погибло. Подобное сравнение казалось такой же глупостью, как и жалость к самому себе, и Киндред выкинул из головы мысль, которая лишний раз напомнила о его нарушенном душевном равновесии.

Опавшие листья под ногами смягчали шаги, но левая нога все равно стала необыкновенно тяжелой. Наконечник трости глубоко погружался в землю каждый раз, когда он опирался на нее, что свидетельствовало о возраставшей зависимости. Когда Том заметил другое поваленное дерево, судя по всему спокойно лежавшее тут много лет, поскольку места, где обрубали ветки, поросли лишайником, он решил чуть-чуть отдохнуть. Пробравшись сквозь высокую траву, молодой человек направился прямо к естественной скамье.

Слабый голос кукушки донесся до него откуда-то из глубины леса, ветер прошуршал в листьях над головой. Что-то маленькое, вероятно желудь с ближайшего дуба, упало на землю. Звук падения был мягким, но явственно слышимым в окружавшей его тишине. Затем раздался другой звук, который Том не смог опознать. Он казался таким же слабым, как голос кукушки, но прозвучал ближе. Молодой человек задержал дыхание и прислушался. Было ли это игрой его воображения? Это не зверь и не птица — но, абсолютно непонятный, звук тем не менее казался естественным в окружающей обстановке. Звук затих, а Киндред продолжал сдерживать дыхание; потом снова раздалось мягкое... да, посвистывание. Нежное звенящее посвистывание.

Растерянный, Том настороженно повернулся в сторону, откуда доносился звук, но ничего не увидел. Вернее, не увидел ничего необычного. Лес оставался абсолютно спокойным.

Подозрительный, но приятный звук не замолкал, однако невозможно было определить его источник: словно вдалеке на ветру слабо звенели колокольчики. Молодой человек никогда раньше не слышал ничего подобного. И все же... и все же звук казался смутно знакомым, как будто явился из забытых снов. Затем ему пришло в голову, что это вовсе не шум, а нечто вроде предзнаменования, и воображаемые колокольчики звучали в нем самом, а не в окружающем его лесу. Очевидно, таков еще один, более поздний, подарок, преподнесенный болезнью: пульсация крови в ушах порождает вибрацию, которая превращается в электрический импульс, известный нам как звук.

Том мысленно одернул себя: «Прекрати! Ты не можешь сваливать все на удар. Кое-какие странные вещи происходят на самом деле, и без всяких неприятных последствий». Сузив глаза, молодой человек всматривался в чашу, в которой что-то — он не имел представления, как оно называется, поэтому остановился на том наименовании, которое раньше пришло ему в голову — «шепчущий перезвон», — стало видимым. Возможно, это игра его воображения, или легкий ветерок именно сейчас коснулся листьев, но они трепетали. Оставаясь на бревне, Том наклонился вперед и обнаружил, что добиться этого не смог бы никакой поток воздуха, поскольку ничто другое вокруг не двигалось.

Один за другим в чаще появились крохотные огоньки. Естественно было бы посчитать их светлячками, но простая логика и знание природы подсказывали, что подобные создания появляются только в сумерках или ночью; к тому же они чаще встречались на континенте, а не в Англии, поэтому их появление должно быть обусловлено стечением двух необычных обстоятельств. В любом случае множество отсветов, отбрасываемых странными искорками, не походило на что-либо виденное им раньше. Казалось, они использовали весь спектр необычных оттенков — от серебристого до фиолетового, от белого до бледно-зеленого. Огоньки переливались и мерцали, словно не могли удержаться в одном образе, к тому же двигались не так, как насекомые, — их полет выглядел легким и плавным, но ни в коем случае не хаотичным.

Том обнаружил, что до сих пор задерживает дыхание, поэтому он одним изумленным вздохом выпустил воздух из легких. Даже на таком расстоянии и в лучах яркого солнца — заросли находились в самом центре прогалины — танцующие огоньки искрились. Их было как минимум пять, нет, шесть, нет, теперь их стало семь, и они пропадали и появлялись в

поле зрения, крохотные блески, яркие, как алмазы, и хрупкие, как снежинки. Забыв о больной ноге и немеющей руке, молодой человек начал медленно приподниматься, боясь резким движением спугнуть капризных созданий — или прогнать иллюзию, поскольку, скорее всего, это была именно она. Однако огоньки продолжали мелькать среди листьев, иногда случайно освещая один из них, когда, подобно насекомым, присаживались отдохнуть на ровной поверхности. Медленно, с массой предосторожностей, вновь сдерживая дыхание, Киндред приближался к этому явлению.

Звуки (он внезапно сообразил, что это было щебетание множества звенящих голосов) напоминали жужжание пчелиного роя, а цвета, ставшие еще более разнообразными, — голубые, желтые, зеленые, лиловые и красные — слепили глаза.

Возможно, что перед ним малоизвестная порода микроскопических светящихся бабочек, но их силуэты казались слишком подвижными и неотчетливыми для подобного утверждения. Шум, издаваемый этими созданиями, отдавался легким, но непрерывным гулом у него в голове. Он напряженно всматривался, шаги стали более сбивчивыми...

Том не заметил торчащего корня, совсем чуть-чуть приподнимавшегося над землей, но этого оказалось достаточно, чтобы зацепить его левую ногу, которую и так тяжело было отрывать от земли без сознательных усилий, а трость не смогла помочь ему удержать равновесие. Киндред упал, приземлился на локти и колени на мягкую подстилку из опавших листьев, почти не ушибся, но от неожиданности из груди его вырвался крик.

Когда молодой человек вновь поднял голову, чаща была как чаща, листья — гладкими и неподвижными в лучах солнца. Видение исчезло. Смолк также и странный звук.

4

Малый Брейкен

Колокольчики оказались сюрпризом. Обычно они цвели с конца апреля до начала июня, но здесь сохранились до конца июля и теперь покачивались над дорожкой, которая, расширяясь, превратилась в залитую солнцем поляну.

Том вряд ли удивился позднему цветению, он не мог отвести взгляд от возникшего перед ним дома. Малый Брейкен стоял в центре поляны и был в точности таким, каким он его запомнил: восьмиугольное двухэтажное здание из песчаника Башенка, также восьмиугольная, поднимавшаяся над ним, венчалась колокольней, похожей на раскрытый зонтик под ясным голубым небом. Подобную башню можно было счесть нелепым дополнением, но она весьма искусно вписывалась в структуру небольшого строения. Ее сложили из точно такого же красного песчаника, а квадратные окна с рамами из серого камня в точности копировали такие же в главной части коттеджа. Казалось, что архитектор, чувствуя свою вину за мрачный вид главного здания, решил создать полную его противоположность — чудесный летний домик (или каприз), напоминающий миниатюрный замок из волшебных сказок. К концу шестнадцатого столетия подобные сооружения, построенные в некотором отдалении от главного здания, приобрели необыкновенную популярность среди богатых землевладельцев, и сэр Эдвард Брейкен не стал исключением из общего правила. Он предназначал Малый Брейкен для угощения гостей после главной трапезы в Замке, предлагая им проехать к летнему павильону в экипажах или, если погода позволяла, прогуляться туда пешком (что возбуждает аппетит лучше хорошей прогулки?). В павильоне подавался десерт, обычно включавший в себя засахаренные фрукты, причудливой формы леденцы, свежие плоды и вина со специями. Одновременно гости могли любоваться прекрасным видом на лес, открывавшимся с огороженной парпетом крыши.

Ходили слухи, что позднее некоторые владельцы поместья поселяли в Малый Брейкен своих любовниц — подальше от глаз терпеливых, почти смирившихся жен, не на виду у всей округи, но достаточно близко для частых посещений. Затем коттедж: использовался как жилье для работников поместья, но потом он много, очень много лет простоял пустым, прежде чем Бетан Киндред, гувернантка слегка туповатого младшего сына сэра Рассела

Блита, вселилась туда, со временем родив там собственного сына.

Поток воспоминаний затопил Тома, стоящего перед домиком, и вырвался из-под контроля: вот он со смехом скачет впереди Бетан между маленькими клумбами, расположенными по обе стороны короткой, вымощенной плитками дорожки, а она зовет его и просит подождать, ведь он может потеряться. (Хотя мать прекрасно знает, что мальчик никогда не заблудится в любимом лесу, который ему так хорошо известен.) Киндред вспомнил животных — оленей, белок, кроликов и даже пугливого ежика, — которые ждали перед дверью или под окнами, пока им вынесут остатки завтрака или просто уделят внимание; птиц, рассевшихся на подоконниках и ступеньках, щебетанием выпрашивающих крошки печенья или хлеба.

Темные зимние ночи, мальчик жметя к огню в камине. Мать читает ему приключенческие повести, или рассказывает о природе, раскрывая перед ребенком удивительные тайны окружающего мира, или поет простые песни своим нежным мягким голосом. Она отвечала на все его вопросы, за исключением одного — тайны его отсутствующего отца. Они разыгрывали маленькие пьески и шарады, смеялись над наивными стишками и шутками. Воспоминания прибывали все быстрее и быстрее, крохотные кусочки, обрывки картин, каждый из которых был полон прелести, но не задерживался в голове надолго. Лица в памяти мелькали так быстро, что он не мог сосредоточиться и запомнить их. Это были прекрасные времена, наполненные веселыми и забавными событиями; по телу Тома разлилась теплая волна, постепенно добравшаяся до сердца.

Дотянувшись до ветки, он схватился за нее, чтобы удержаться на ногах, поток мыслей грозил затопить его, а голова начала предательски кружиться. Странное ощущение скоро прошло, оставив изумление ментальным барьером в памяти и его воздействием, — возможно, физическая усталость помешала мозгу справиться с перегрузкой. Ему требовалось отдохнуть и успокоиться.

Тяжело опершись на трость, Том приближался к Малому Брейкену, по дороге окидывая его взглядом досамою крыши. У него возникло чувство, что за ним наблюдают, поэтому молодой человек не удивился, заметив сороку, выглядывавшую из-за массивного каменного парапета. Том не очень тепло относился ко всему вороньему племени, но по некоторым причинам особенно он не любил сорок, несмотря на их лоснящиеся тела, красивое черно-белое оперение и глянцевые хвосты, иногда блестящие в лучах солнца подобно радуге. Сельские жители издавна считали, что сороки приносят несчастье, по мнению некоторых: «одна — к несчастью, две — к радости». При виде ее крестьяне три раза сплевывают через левое плечо и произносят: «Дьявол, дьявол, я тебе не поддамся». «Все это чепуха», — твердил горожанин внутри Тома, однако он все же почувствовал себя неуютно под взглядом черных бусинок-глаз.

Молодой человек приблизился к большой зеленой двери коттеджа, обшарпанной и покрытой пятнами (даже в его детстве дверь редко сдвигали с места, поскольку днем она всегда была открыта). На стене висел колокольчик. Том достал из кармана куртки длинный ключ, который ему отдал Хьюго и который тяжело лег в ладонь, согревшись от прикосновения, как будто тепло дня проникло через материю и забрало холод металла. Зажав в пальцах головку в виде трилистника, Том вставил ключ в замочную скважину и повернул вправо.

Ничего не случилось. Казалось, ключ провалился в вакуум, в пустоту, которая никак не реагировала на него. Он поворачивался легко, но абсолютно безрезультатно. Поворот, еще поворот — дверь не отпиралась.

Том вытащил ключ и некоторое время разглядывал его, как будто это могло решить проблему, затем попробовал отпереть дверь еще раз. Вдруг от теплого металла к пальцам пробежала горячая искорка, затем поднялась к запястью. Ключ, попав в скважину, щелкнул. Дверь отворилась.

Она открылась плавно — ни скрипа, ни ожидаемого визга проржавевших петель. Чудесное легкое движение, как будто крашенная дубовая дверь лишилась веса и скользила как по маслу.

Волна затхлого воздуха ударила в Тома — казалось, она ждала несколько веков, чтобы вырваться на свободу. Том отшатнулся. Запах разложения и плесени быстро исчез, благодаря свежему воздуху, ворвавшемуся в открытую дверь. И опять нахлынули воспоминания о давно минувших днях, ведь всевозможные запахи были частью его детства: нежный аромат кожи и волос Бетан, запахи нагретых солнцем каменных плит дома и полевых цветов... Но сейчас, памятуя о недавнем головокружении, он не позволил столь смятенным мыслям завладеть его сознанием.

Помедлив чуть-чуть на пороге Малого Брейкена, Том шагнул вперед и быстро огляделся. Вот большой сосновый кухонный шкаф, установленный возле выбеленной стены слева. Изящно расписанная посуда, которую он так хорошо помнил на его полках, исчезла. Ее заменили незамысловатые повседневные тарелки и подходящие к ним чашки с блюдами. Посреди комнаты стоял дубовый стол. Его крепкие ножки и круглая столешница были испещрены записями, которые Бетан позволяла делать мальчику. Теперь все это — нацарапанные имена, даты, даже следы игр, таких как в виселицу и крестики-нолики, вместе со смешными и трогательными рисунками — придавало дереву особое значение, превращая его в хранилище первых опытов мальчика, создавая своеобразный деревянный альбом ранних представлений об окружающем мире.

Черная металлическая плита служила одновременно духовкой, грилем, очагом — хотя в доме имелась и старая электрическая, покрытая облупившейся эмалью, и камин с широкой, закопченной полкой, доверху загроможденной металлическими кастрюлями и прочей кухонной утварью. Том заметил, что камин был заполнен поленьями. Вероятно, это сделал старый Эрик, который и в прошлом всегда проявлял ненавязчивую, но доброжелательную заботу о мальчике и его матери.

Деревянные книжные полки по обеим сторонам камина, встроенные в простенки восьмиугольной комнаты, были заполнены потрепанными книгами, в основном по природоведению и садоводству. Среди них можно было обнаружить сборники стихотворений, приключенческие и рыцарские романы, а на самом верху громоздились мрачные тома в кожаных переплетах, которые никогда не интересовали маленького мальчика — он даже не мог дотянуться до них.

Глубокая старомодная фарфоровая раковина под одним из арочных окон, открывавших вид на лес, подходила для купания малыша, а когда Том чуть подрос, он мылся и вытирался, стоя в ней; импровизированная ванна наполнялась водой, гревшейся в кастрюле на плите. Когда наконец были произведены некоторые изменения, над деревянным водостоком установили электрический водогрей. Его тонкий металлический рукав и труба нависали прямо над раковиной. Киндред с удовольствием вспомнил день, когда появились все эти усовершенствования, и их с Бетан восторг по поводу столь смелого, хотя и позднего вступления в двадцатый век. Сейчас его удивляло, сколь скромными были их удобства и сколько радости они доставляли. Он все еще улыбался, вспоминая дополнительные детали, которые одновременно забавляли и смущали его. Не было ни центрального отопления, ни телевидения, только древнее радио, которое шипело и трещало из-за помех в атмосфере (атмосферных истерик, как называла их Бетан). Они долгое время обходились без телефона и машины (за покупками ездили на автобусе, отправлявшемся в Мач-Бедоу). А деньги... их было безумно мало (Бетан получала минимальное жалование, поскольку сэр Рассел освободил их от платы за жилье, к тому же птицы и кролики, которых регулярно добывал Эрик Пимлет в качестве еженедельного добавления к рациону, считались вполне достаточной компенсацией). Однако нужда, если их положение можно было бы назвать таковым, не поселилась под этой крышей. Они были счастливы вместе, Том и его мать, и хотя он иногда

замечал печаль на ее лице, неожиданно появлявшееся выражение меланхолии в голубых глазах, все же дни заполняли простые радости жизни. Чудесное, безопасное время, когда любовь и уединение обеспечивали защиту и убежище маленькой семье.

Как жестоко это все потом отняли!

Мысли Тома приняли мрачное направление, и он немедленно выбросил их из головы; что ж, ему на всю жизнь хватит жалости к себе, если вспомнить события последних месяцев. Пора двигаться вперед, жить настоящим. К чему тогда возвращаться в Малый Брейкен? Он пожал плечами. Поправлять здоровье — зачем же еще?

Том улыбнулся, закрыл глаза и позволил облегчению завладеть его чувствами.

* * *

Действуя только правой рукой, Киндред запер внутреннюю дверь, столь же массивную, как и передняя, только шероховатую и некрашеную, на железный засов. Винтовая лестница шла внутри затейливой башни, придававшей коттеджу неповторимый облик. Она добиралась до площадки перед входом в единственную спальню коттеджа, затем вела дальше, до двери на плоскую, покрытую свинцом крышу.

У основания лестницы помещался чуланчик для метел, в котором находились небольшой бойлер и электрический счетчик. Следом за ним — крошечная ванная комната, совмещенная с туалетом. Сама ванна, встроенная в изгиб лестницы, была настолько мала, что в ней можно было лишь сидеть. Том вошел, привычным движением потянув вниз рычаг выключателя. Яркий свет проник далее в самые укромные уголки небольшого помещения. Пораженный внезапно изменившейся обстановкой, на дне ванны замер гигантский черный паук. Несмотря на то что ранние годы Том провел в деревне, где насекомые были частью повседневной жизни, он не смог преодолеть дрожь. Подобные твари всегда вызывали в нем отвращение. Он ненавидел эти длинные тонкие ноги, которыми они так быстро перебирали, волосатые тела, злобные глаза и злобные мысли, которые, как ему всегда казалось, зрели в их головах.

С отвращением и страхом Киндред повернул оба крана, затем схватил новую пластиковую щетку для туалета, кем-то заботливо приготовленную к его приезду. Используя ее щетинистый конец, Том попытался столкнуть мерзкую тварь в отверстие для слива. Паук отчаянно старался выплыть, но его быстро засасывало в миниатюрный водоворот. Однако он оказался слишком большим и не пролезал в сливное отверстие; мохнатые лапы зацепились за края, а тело втиснулось в одну из щелей. Теперь придется раздавить извивавшуюся тварь и вытолкнуть ее прочь, одна эта мысль вызывала у него тошноту. «Нюня», — обвинял себя Том, тыкая в отчаянно сопротивлявшегося паука щеткой. Ему казалось, что создание кричит, умоляет, обращаясь к нему: «Пожалуйста, остановись, я такой маленький!» «Господи, зачем ты дал мне столь богатое воображение?!»

Он подождал, пока ванна наполнится, и только тогда завернул краны, намереваясь утопить проклятое насекомое, затем снова и снова тыкал щеткой, пока наконец мягкий, мясистый комок грязи не исчез в сливном отверстии. Одна из черных ног попыталась задержаться, зацепившись (или прилипнув?), как лобковый волос, в металлическом кольце вокруг отверстия. К его облегчению, упрямая конечность вскоре последовала за раздавленным телом, и Том, позволив остаткам воды вытечь, быстро прикрыл пробкой отверстие, чтобы помешать раздавленному пауку без одной ноги, каким-либо чудесным образом восстать вопреки потоку.

— Черт побери... — прошептал он, прислонившись к стене ванной комнаты. Его била дрожь, молодой человек отчаянно стыдился своей паники.

Никакие другие создания, насекомые или животные, не беспокоили его в детстве до такой степени — даже крысы, случайно пробравшиеся в дом; но в пауках было что-то, от чего ноги слабели, а сердце отчаянно колотилось. Мать часто и терпеливо объясняла, что любая тварь имеет в природе собственное предназначение, не менее важное, чем у всех

прочих, но ей так и не удалось по-настоящему убедить в этом юного Тома Пауки всегда вызывали в нем отвращение. Он, дрожа, заглянул в ванну, почти уверенный в том, что резиновая пробка качается в металлическом кольце, а тощая паучья лапа лезет из сливного отверстия. «Господи, да прекрати паниковать. Ты переутомился и перетрудился, — мысленно уговаривал он себя. — Ну же, будь мужчиной».

Водворив на место импровизированное орудие, уничтожения, молодой человек задом вышел из ванной, все еще не в состоянии оторвать взгляд от коричневой лужицы на дне. Сердце бешено забилося, когда одинокий пузырек воздуха возник у края сливного отверстия. Однако пробка плотно держалась на месте.

В другое время Том, возможно, посмеялся бы над собственной нервозностью, но сегодня был неподходящий день: возвращение домой вызвало слишком сильный всплеск эмоций.

Закрыв дверь ванной, Киндред начал подниматься по скрипучей деревянной лестнице. Левая рука цеплялась за толстую колонну, вокруг которой обвивалась винтовая лестница. Сразу же нахлынули новые воспоминания. Он вновь стал ребенком, и ему приходилось высоко поднимать колени, чтобы преодолевать ступеньки, узкие с одной стороны и широкие с другой. Крохотные ручонки цеплялись за округлый стержень, чтобы сохранить равновесие, малыш запрокидывал голову, пытаясь заглянуть в таинственную тень наверху. На площадку первого этажа выходила дверь спальни, которую он делил с матерью, дверь была такая же большая и прочная, как две внизу, словно они все делались по одному образцу. Вот и окно со свинцовым переплетом, слишком высокое, чтобы он смог заглянуть в него, если только не стоял на ступеньке рядом с ним. К тому же на дубовом подоконнике всегда расставляли горшки с яркими цветами, распускавшимися в это время года. Сейчас там не было ни цветов, ни растений — только пустая ваза, которую Том никогда раньше не видел.

Дверь в спальню всегда была открыта, и молодой человек заглянул внутрь, не торопясь переступить порог. Здесь ничего не изменилось: та же самая дубовая кровать с пологом, достаточно вместительная для него и матери, темно-коричневый комод со стоявшим на нем старинным зеркалом в бронзовой раме, служивший туалетным столиком его матери, камин с тяжелой деревянной перемычкой, огромные окна в трех угловых стенах. Благодаря им в комнате всегда, даже в пасмурные дни, было светло. Он не стал задерживаться здесь, поскольку с крыши открывалась замечательная панорама окрестных лесов, и именно там ему больше всего хотелось побывать.

Насколько он помнил, ступеньки изобиловали щелями и дырками; некоторые достигали размеров старого пенни. Много лет назад одним из его развлечений было светить в них карманным фонариком. Как ни странно, лучи никогда не могли проникнуть во тьму до конца, хотя расстояние до задней доски не превышало фута. Тогда от этого становилось жутко, впрочем, от подобной мысли делалось неудобно и сейчас.

Однако все эти странности были частью очарования Малого Брейкена: его летнего тепла, когда двери и окна оставляли открытыми на всю ночь, зимней прохлады, его безопасности и иногда — только иногда — печали. Мальчика привлекали укромные уголки, встроенные шкафы и декоративная башенка, где малыш мог играть в прятки со снисходившей до его игр матерью. Еще были загадочные скрипы и стуки, будившие его по ночам. Том, лежавший под боком у матери на широкой кровати, при этих звуках широко раскрывал глаза и напрягал плечи. Мать всегда слегка посмеивалась над его страхами, но могла и просто улыбнуться, обнять его, сказав, что бояться нечего, ведь она рядом. А иногда, если он приподнимался и смотрел ей в лицо, чтобы окончательно удостовериться в собственной безопасности, ее нежные черты еще смягчались в свете свечи, всю ночь горевшей на каминной полке напротив. Тогда мальчику удавалось поймать выражение безусловного знания в ее голубых глазах, как будто бы ей был прекрасно известен источник этих звуков и она тайком радовалась ему. Бетан объясняла, что это просто мышь шуршит на кухне внизу или какое-то другое крохотное создание забрело в коттедж из леса, а может, птичка или летучая мышь, выбравшаяся ночью из башни. Даже звон кастрюль о котлы или

что-то пробегающее по столу на первом этаже или потолочным балкам не тревожило ее, и подобная непоколебимая уверенность скоро убедила мальчика, что его страхи безосновательны. Однако он ни разу не предложил спуститься вниз, чтобы выяснить, в чем дело, и ни разу его мать сама не проявила любопытства.

Том продолжал карабкаться по лестнице, ступеньки громко скрипели под ногами. Обычно винтовые лестницы в замках и крепостях изгибались в правую сторону — так, чтобы у защитников было пространство для замаха мечами или пиками, в то время как захватчики не имели подобного преимущества. Но архитектор-оригинал, строивший Малый Брейкен, создавая проект банкетного павильона и его поддельной башенки, преследовал исключительно мирные цели, поэтому лестница здесь изгибалась в левую сторону. Подобные антимилитаристские установки не подходили маленькому Тому, часто вступавшему в воображаемые битвы, правда его собственному короткому деревянному оружию не препятствовал каприз архитектора, свирепые атаки легко отбрасывали назад воображаемых злодеев.

Он вновь улыбнулся, быстро добравшись до короткого пролета, где лестничную площадку огораживала балюстрада из двух толстых поперечных балок. Прямо над ним находилось пустое — ограниченное крепкими поперечинами — пространство конической формы, под освинцованным коньком, который, честно говоря, никогда не служил пристанищем колоколу. Справа на площадке была еще одна дверь, гораздо меньших размеров, чем внизу, которая и вела на крышу коттеджа, и Том, отодвинув засов, вышел наружу.

Ветер мгновенно налетел на него, освежая и очищая легкие от запаха плесени, царившего в заброшенном доме. Его ослепил не столько солнечный свет, сколько сам вид, и молодой человек испустил слабый вздох удовольствия.

Нет, милосердная память вовсе не идеализировала реальные картины; время не исказило и не приуменьшило их прелесть. Тысяча оттенков зелени остались прежними, бледная голубизна невысоких холмов в отдалении не изменилась, безбрежное, ясное небо выглядело точно таким же, каким он его представлял.

Киндред побрел по плоской крыше, останавливаясь каждый раз, когда требовалось перенести левую ногу через свинцовые ребра, и приблизился к массивной каменной балюстраде, ограничивающей семь сторон восьмиугольной крыши; стена башни и дверь образовывали восьмой угол. Наклонившись вперед, он положил обе руки на широкую парапетную плиту и окинул взглядом ландшафт. Сверху лес казался огромным неровным ковром, растянувшимся на многие мили вокруг. Его оттенки колебались от насыщенного темно-зеленого до известково-белого, за полями и лугами поднимались холмы. На одном из них можно было легко различить Замок Брейкен, стены которого, как золотым дождем, омывались полуденным солнцем, стоявшим в зените. Отсюда благодаря сценической грандиозности расположения он действительно напоминал замок на картинке в детской книжке. И все же Том не мог припомнить, когда старинное здание не внушало бы ему благоговейного страха. Возможно, еще в детстве часть его натуры, воспринимающая страдание, находила его в величественных каменных стенах и залах с высокими потолками. Именно там помещалась темная сторона его представлений об окружающем мире. Печаль, казалось, пропитала окружающий воздух, словно давние трагедии наложили отпечаток на все последующие годы.

Здесь сэр Рассел потерял двух жен. Первая медленно угасла от рака горла, вторая — мать Хьюго — погибла гораздо быстрее, оступившись на самом верху лестницы в центральном зале. (Честно говоря, она была изрядной пьяницей — или стала пьяницей благодаря своему браку со знатной особой; у бедняжки нередко происходили бурные ссоры с мужем, одна из которых окончилась столь печально.) Затем старший единокровный брат Хьюго, сын сэра Рассела, был разорван на куски миной-ловушкой, заложенной боевиками ИРА, когда он служил в Северной Ирландии. Неудивительно, что Замок Брейкен, окутанный мрачными тенями, казалось, нес на себе печальное бремя. И вполне естественно, что сам сэр

Рассел представлялся человеком резким и озлобленным. Только тогда, когда мальчики играли за пределами Замка или внизу, у моста, в Хьюго просыпалась жизнь, а юмор и необузданный энтузиазм становились такими заразительными, что сам Том принимался шуметь и веселиться, побуждаемый своим товарищем. Единственным недостатком в их отношениях был решительный отказ Хьюго зайти в лес, несмотря на все уговоры товарища, знавшего, какие потрясающие приключения и открытия ждут их там. Но отец запретил мальчику даже думать о лесе. Намеков о том, что он может безнадежно потеряться, а также о страшных животных, обитавших в чаще, хватило, чтобы отбить у него охоту соваться туда, даже если бы одного приказа сэра Рассела оказалось недостаточно.

Том не знал, как старый друг справится с последней из длинного ряда трагедий, обрушившихся на Брейкен, — неминуемо скорой смертью отца. Будет ли он сломлен горем? Растеряется ли, оставшись без строгого надзора? Или, наоборот, освободится, станет самостоятельным? Это еще предстояло увидеть.

Услышав гул мотора, молодой человек посмотрел вниз, чтобы разглядеть джип, приближавшийся к коттеджу. Его колеса подпрыгивали на неровной, плохо сохранившейся дорожке, кузов вздрагивал, когда машина преодолевала особенно глубокие рытвины. Том увидел Эрика Пимлета сквозь лобовое стекло и помахал ему рукой, но лесник был слишком сосредоточен на дороге, чтобы заметить его жест.

Джип подъехал и остановился возле передней двери. Дважды прозвучал сигнал, вспугнув птицу на соседнем кусте. Она поднялась в воздух с громким жалобным криком, а когда Том повернулся, чтобы спуститься обратно с крыши, он заметил другую птицу, примостившуюся на выступе колокольни.

Сорока изучала его с невозмутимостью исследователя, по-видимому ничуть не напуганная близостью человека. Том почувствовал уверенность, что именно она следила за ним раньше, когда он подходил к коттеджу. Что-то жуткое было в ее немигающем взгляде, словно птица вынашивала какие-то мрачные планы по отношению к гостю. Он громко и резко хлопнул в ладоши, надеясь, что птица улетит, — ничего подобного, сорока даже не вздрогнула, продолжая наблюдать. На протяжении нескольких мгновений птица и человек смотрели друг на друга — и Том сдался первым.

«Эрик ждет внизу, — слегка растерянно уговаривал он себя, — а я здесь пытаюсь играть в гляделки с проклятой птицей!»

Он резко потряс головой и, отвернувшись от сороки, направился к открытой двери. Птица коротко вскрикнула.

— Ну и пошла ты к черту, — огрызнулся Том, спускаясь по лестнице.

Разумеется, это всего лишь игра его собственного воображения, но в следующем крике послышался вызов, словно сорока предупреждала, что чужак вторгся на ее территорию.

5

Ночь в малом Брейкене

Том понятия не имел, что прервало его сон. Шум? Вряд ли. Он спал так крепко, что разбудить его мог разве что удар грома.

День выдался нелегкий. Сначала дорога из Лондона, прогулка через лес и экскурсия по коттеджу. Затем, позже, он помог Эрику выгрузить из джипа свой аппарат для физиотерапии и посидел со старым лесником, попивая мелкими глотками кофе, болтая о старых временах и слегка посмеиваясь над ними, пока солнце не начало клониться к закату.

Киндред с облегчением обнаружил, что лесник почти не изменился. Возможно, теперь только он и представлял неизменную величину в жизни Тома, столь кардинально изменившейся. Действительно, оглядываясь назад в прошлое, Киндред всегда вспоминал именно «старика» Эрика. Так что сейчас, в общем-то, можно было сказать, что лесник «дорос» до этого возраста. Седина полностью побелила буйную растительность на его голове, сменив седые клочья, запомнившиеся Тому. Бледно-голубые глаза стали более

влажными, они щурились так сильно, что выглядели почти щелочками. Линии и бороздки на лице, особенно «гусиные лапки», бегущие от уголков глаз к большим торчащим ушам, углубились и скорее упрочились, чем приумножились. Нитеобразные прожилки на румяных щеках и крючковатом носе расширились, а тощие губы приобрели багровый оттенок и покрылись трещинками. Даже одежда Эрика выглядела по-прежнему: мешковатые коричневые вельветовые брюки, поддерживаемые широким кожаным ремнем, зеленый твидовый пиджак с заплатанными локтями поверх шерстяной клетчатой рубашки, коричневый вязаный галстук, который он натягивал ежедневно, и зеленые высокие сапоги — хотя каждый предмет одежды вряд ли мог служить столько лет, наверняка его заменяли на точную копию, которая, принимая во внимание специфику работы, столь же быстро изнашивалась. Много лет назад Эрик был женат, но его супруга умерла до рождения Тома. Итак, он был последним в длинном ряду брейкенских лесников, и не имел преемника ни мужского, ни женского пола, который мог бы продолжить традицию.

После его ухода Том съел одну из безвкусных упаковок «обеда-для-одного», разогрев ее в микроволновке, привезенной с собой, принял ванну — колени и плечи торчали над водой — и, наконец, с трудом стал карабкаться по скрипучим ступеням в спальню.

Если требовалось доказательство того, что болезнь еще не полностью отступила, то им стал сегодняшний хлопотный день. Когда Том накрылся простыней, он чувствовал себя почти покойником. Молодой человек принял обычные медикаменты — аспирин для разжижения крови и слабую, возможно ненужную сейчас, дозу провастатина для понижения уровня холестерина. Он решил, что диотепин, успокаивающий и помогающий заснуть, вряд ли потребуются. (Ночь — всегда тяжелое время для жертв инсульта, поскольку смерть приближается именно тогда) Но Том был слишком измучен, чтобы маяться от бессонницы, поэтому он выключил лампу возле кровати, опустил голову на подушку и моментально отключился. Если ему и снилось что-то, то он не мог этого припомнить, так как глубокий сон прервало неожиданное пробуждение.

Он откинул балдахин, нависший над кроватью, поскольку угол, образованный занавесками и ламбрекеном, закрывал от него часть комнаты, затем поднял голову и посмотрел в сторону камина напротив кровати. Луна достаточно ярко освещала комнату, поэтому можно было с уверенностью утверждать, что сюда не забрел непрошенный посетитель, если, конечно, он не притаился где-то в укромном уголке. Но, несмотря на внутреннее напряжение, молодой человек не чувствовал чьего-то присутствия, никто и ничто не подкрадывалось к нему из темноты. Только на той части потолка, которая примыкала к одному из окон, обрамленному каменной рамой, плясали слабые отсветы.

Тусклое пятнышко света осторожно двигалось в сумерках над головой, как будто кто-то снаружи светил небольшим фонариком в окна.

Том слез с постели — медленное и мучительное движение, поскольку онемевшим мускулам левой руки и ноги требовалось время, чтобы восстановиться даже после короткого бездействия, затем подкрался к окну позади кровати и выглянул наружу; голые доски пола холодили ноги. Он резко моргнул, чтобы вернуть зрению ясность, поскольку не мог полностью поверить в то, что увидел невдалеке.

Месяц в ночном небе заливал серебристым светом пространство, заросшее травой и кустарником, прямо под окном, но внимание молодого человека привлекло нечто находившееся как раз на темной границе леса. Он плотнее прижался к окну, так что его нос, казалось, мог раздавить стекло; дыхание образовало туманный барьер, отгородивший его от ночной мглы. Пришлось торопливо протереть стекло ладонью и всмотреться снова, на этот раз Киндред сдерживал дыхание и сильно прищурил глаза.

На таком расстоянии стержни танцующих огоньков казались столь маленькими, что видимыми они становились благодаря окружавшему их ореолу света. Это, безусловно, были те же крохотные существа, которых он встретил в лесу накануне днем, только теперь их оттенки были гораздо интенсивнее, острее, ярче — словом, гораздо красивее. Их количество заметно увеличилось, они порхали, образуя в ночном воздухе сияющие арки и петли.

Движения не выглядели согласованными, но все же производили впечатление изысканно-синхронных, к тому же они никогда не сталкивались друг с другом. Станный танец завораживал — зеленые, голубые, пурпурные, а иногда и более насыщенные цвета, розовато-лиловые, индиго, темно-синие. Том почувствовал, что у него перехватывает дыхание, будто перестали работать легкие, и он заставил себя сделать глубокий выдох, от чего стекло вновь немедленно затуманилось. Молодой человек опять протер его, и крохотные, похожие на драгоценные камни огоньки снова появились, танцуя среди теней; некоторые теперь метались в безумном танце, пока другие плавно парили, их огоньки вспыхивали коротко, но сильно, как будто именно движение дарило им могущество, а энергия превращалась в свет.

Том не замечал своей растерянной улыбки, лицо его освещалось одновременно луной и предрассветным балетом внизу, цветные отблески плясали на побелевшей коже слабыми тенями, отражаясь в прищуренных глазах. Время от времени он издавал вздох изумления, наблюдая за каким-либо блестящим, но беззвучным пиротехническим эффектом. Скоро всякое чувство времени пропало, и наутро Киндред не смог припомнить ни наступившего рассвета, ни того, как добрался до кровати.

6

Нелл Квик

Кто-то молотил в переднюю дверь. Затем послышался жалобный скрип заржавевшей кнопки звонка, которым столь долго пренебрегали, сменившийся одиноким звяканьем.

Том пробудился всего минутой раньше. Солнце светило в окна спальни, пылинки танцевали в лучах света. Он лежал, размышляя о странных ночных огоньках, утреннее оцепенение, охватившее левую сторону тела, не мешало ходу мыслей. Дважды он видел эти сверкающие шарики и мог только недоумевать по поводу причины их появления. Если бы они не встретились ему при дневном свете, можно было, пожалуй, счесть их ночным видением.

Теперь кто-то использовал старый латунный дверной молоток и, забыв на мгновение о своем состоянии, Том попытался быстро откинуть простыню. Он вздрогнул, когда онемение сменилось внезапной резкой болью, через мгновение вновь затаившейся в нетерпеливом ожидании.

Еще более резкий стук в дверь, словно кто-то перестал надеяться на ответ. Ему показалось, что послышался оклик.

— Да иду, иду, — пробормотал Том, осторожно спуская ноги на пол, и еще чуть-чуть посидел на краю кровати, переводя дыхание. — Иду, — произнес он громко и раздраженно, поскольку снизу донесся еще один звонок, на этот раз гораздо более уверенный, чем предыдущий.

Со стоном наклонившись вперед — Господи, словно тяжелое похмелье! — он уцепился за покрывало, свисавшее с ручки небольшого диванчика, придвинутого к кровати, и негромко выругался, когда оно предательски поползло вниз под его рукой. Нога подвернулась, проклятия стали громче и изощреннее. Наконец он встал и натянул брюки, затем, накинув белую полотняную рубашку на плечи и на ходу просовывая руки в рукава, захромал к двери.

Скрипучие ступеньки винтовой лестницы холодили босые ноги. Пришлось уцепиться правой рукой за перила, чтобы удержать равновесие. Послышался новый звонок. Звяканье сменилось хрипом. Поток света, хлынувший из лестничного окна, на мгновение ослепил его, Том споткнулся и спасся только благодаря тому, что обеими руками уцепился за перила и изгиб стены. Он поспешно сморгнул, и, когда дымка перед глазами исчезла, ему показалось, будто что-то стремительно пронеслось через площадку первого этажа к приоткрытой двери ванной. Молодой человек снова сморгнул, не вполне уверенный, что же он видел. Воображение? Полусон? Нет, он был уверен, что поймал взглядом что-то проскользнувшее по полу. Мышь? Нет, слишком большое. Какое-то животное из ближайшего леса? Господи, только бы не крыса! Вероятно, этого следовало ожидать от столько лет пустовавшего места.

Кто знает, какие еще создания нашли себе жилье в коттедже, оставленном людьми...

Том достиг подножия лестницы, прямо перед ним располагалась большая дубовая дверь в гостиную, справа — буфет и ванная комната. Он осторожно толкнул чуть приоткрытую дверь ванной, заглянул внутрь. Двойной щелчок выключателя — и вспыхнувший свет прогнал прочь большую часть теней. Ничего лишнего, ничего необычного, ничего находящегося не на месте. Молодой человек уже собрался зайти в ванну и проверить все щелочки и укромные уголки, в которых могло спрятаться самое маленькое животное, когда множество ударов и звонков опять обрушилось на переднюю дверь.

Разрываясь между желанием провести небольшое расследование и необходимостью открыть дверь, Киндред бросил быстрый взгляд на крохотную комнату и вышел, оставив гореть свет, но плотно прикрыв дверь. Позже следует осмотреть все подробно.

Отодвинув нижний засов крашеной двери (он не побеспокоился запереть верхний), хозяин собирался уже вправить мозги нетерпеливому визитеру, но вместо этого застыл на пороге с нелепо разинутым ртом.

Она была великолепна! Не красавица в общепринятом смысле слова, но потрясающе ослепительна. Настолько, что он на некоторое время потерял дар речи.

Длинные черные волосы свободно струились по плечам, а глаза, широко расставленные над высокими скулами, соперничали с волосами глубиной темноты. Впалые щеки, волевой, но в то же время нежный подбородок и острый изящный носик со слегка расширившимися ноздрями. Это необыкновенное лицо казалось скорее интересным, нежели хорошеньким, и, возможно, более чувственным, чем красивым. Она улыбнулась, в темных цыганских глазах промелькнуло нечто, весьма похожее на скрытую насмешку.

— Доброе утро, Том, — женщина склонила голову на плечо, внимательно вглядываясь в его лицо.

В этих трех словах он смог различить легкий и мелодичный шропширский акцент, выдававший жителя района, примыкавшего к Уэльсу, впрочем, ощущался и слабый ореол юго-западных графств. Забавный, приятный отзвук, радовавший ухо.

— Э-э-э... — только и смог выдать он.

Из глубины ее горла вырвался смешок, напоминавший кудахтанье.

— Все еще не проснулись? — удивилась женщина. — Я предполагала, что вы спите, поэтому так громко стучала и звонила в дверь. — Не важно, что отдельные звуки в ее речи пропадали, все равно в акценте слышалось что-то мягкое и приятное. — Знаете, уже девять.

Ее улыбка, казалось, опьяняла, выражение глаз было чуть-чуть слишком понимающим, скрывая соблазн. Черт, да она вся выглядела весьма соблазнительно!

Рост женщины не превышал пяти футов и шести дюймов. Том предположил, что ей еще нет тридцати, ну, может быть, тридцать с небольшим. Длинная и свободная юбка сшита из тонкой яркой материи; высокая грудь выступала под тонкой блузкой, короткие рукава открывали обнаженные руки, загоревшие до темно-золотистого цвета. Такой же загар на лице подчеркивали яркие белки глаз, которые, как он теперь разглядел, были настолько темно-кариими, что выглядели черными, и постоянно вспыхивающая улыбка. Она держала большую корзину, содержимое которой прикрывала салфетка в красно-белую клетку.

— Хьюго рассказывал мне о вашей болезни, но не предупреждал, что вы лишились языка.

Том отбросил со лба прядь волос, чувствуя себя смущенным и немного растерянным.

— Мой друг не говорил мне... — он замолчал, смутно припоминая, затем слегка шлепнул себя по лбу.

— Простите, совсем забыл... я как-то не ожидал... — его удивляла и раздражала собственная реакция. — Э-э-э... не хотите ли войти? — он отступил в сторону, указывая на дверь, ведущую в комнату.

— Разумеется. Я ведь не могу приготовить вам завтрак, не заходя внутрь, не так ли?

Все еще улыбаясь, она протиснулась мимо него и водрузила явно тяжелую корзинку на стол, пока Том, словно прикованный к месту, медлил у двери. В ней, безусловно,

чувствовалось высокомерие, но кто мог упрекнуть за это столь привлекательное создание? Он ощутил запах женщины в тот момент, когда она проходила мимо, этот аромат не походил ни на что известное ему ранее. Он не производил впечатления утонченного, не казался особенно отчетливым, он не был дразнящим, но был... был странно опьяняющим, как будто в его состав входил какой-то слабый стимулятор. В странных духах ощущалась свежесть лесного воздуха, мускус и еще какой-то непонятный компонент.

Забыв закрыть дверь, Том последовал за неожиданной посетительницей, отметив, как изящно очерчивали ногу от икры до тонкой лодыжки ремешки ее плетеных сандалий. Она продолжала улыбаться, вынимая из корзины свежий хлеб, две упаковки молока, фрукты и другие продукты, на которые он не обратил внимания. Затем, бросив на него короткий взгляд, женщина произнесла:

— Я — Нелл Квик, и я очень рада с вами познакомиться, Том.

Низкий голос казался чуть хриловатым. Молодой человек наконец вспомнил, что следует закрыть рот.

— Вы выглядите усталым. Это из-за болезни или в первую ночь дома плохо спалось? Полагаю, понадобится некоторое время, чтобы вновь обжить коттедж.

Киндред чувствовал себя слегка неуютно под ее самоуверенным, даже насмешливым взглядом. Может, она флиртowała с ним? Словно отвечая на незаданный вопрос, Нелл Квик позволила глазам блуждать по его обнаженной груди — нарочитая акция, которую, он не сомневался, можно было расценивать однозначно. Том принялся торопливо сражаться с пуговицами рубашки, онемевшие пальцы левой руки двигались неуклюже.

— Позвольте мне, — немедленно предложила она и, обойдя вокруг стола, двинулась вперед.

— Нет.

Вероятно, это против воли прозвучало слишком резко. Гостья застыла на месте, но улыбка по-прежнему играла на ее губах и в глазах.

— Э-э, простите, — поспешно произнес он. — Но я могу справиться. Мой врач говорил, что чем больше я стану тренироваться, тем быстрее приду в норму. — Том переминался с ноги на ногу, как будто каменный пол охлаждал босые ноги. — Правда, спасибо за еду, я...

— О, я ведь пришла именно за этим. Хьюго хочет, чтобы я помогла вам восстановить силы. Он рассказывал, что раньше вы были настоящим атлетом. Держу пари, в детстве вы оба были жуткими проказниками, не так ли?

— Честно, я могу справиться сам. Мне не нужна нянька.

Против воли в этих словах прозвучало немалое раздражение — но молодой человек не собирался унижить ее подобным обращением. Если визитерша и обиделась, то не подала виду.

— Никто не собирается нянчиться с вами, Том. Я просто хочу быть доброй соседкой, вот и все.

Он удивленно приподнял брови.

— Вы живете неподалеку?

Женщина тем временем склонилась над плитой, чтобы зажечь духовку и горелку.

— Недалеко, — бросила она через плечо. — Ну, как насчет бекона и яиц? Если хотите помочь, порежьте хлеб. Возьмите для начала немного фруктов. Есть яблоки и сливы, очень хорошие, только что сорванные. Мы быстро поставим вас на ноги.

Он мог лишь беспомощно наблюдать за тем, как Нелл хлопочет, доставая пару яиц и бекон в пластиковой упаковке из холодильника, битком набитого — ею? — перед его приездом. Когда приготовления близились к концу, из корзинки появился маленький радиоприемник. Водрузив его в центре стола, женщина нажала на кнопку, так что музыка мгновенно наполнила коттедж новой и, поскольку приемник был настроен на волну классики, ненавязчивой жизнью, затем уменьшила звук, так что музыка создавала фон, не мешавший разговору. Поняв, что сопротивление бесполезно, Том сказал:

— Думаю, что сначала мне нужно умыться и побриться.

Все с той же усмешкой, промелькнувшей в темно-карих глазах, она взмахнула свободной рукой.

— Не слишком долго. Вам всегда следует есть завтрак вкусным и горячим. Наденьте какие-нибудь туфли или тапки — от этого каменного пола по утрам всегда веет холодом.

Том направился к двери, прекрасно понимая, что его губы кривит идиотская улыбка, но не в силах моментально справиться с выражением собственного лица. Закрыв за собой дверь и задержавшись снаружи, он услышал, что музыка вновь стала громче. Нелл Квик была для него полной неожиданностью, и он еще не знал, должен ли он поблагодарить или отругать Хьюго за то, что, по мнению друга, ему требовалась сиделка. Пока он просто чувствовал себя слишком растерянным.

Заполнив собой ванную комнату — она была настолько тесной, что один человек, безусловно, мог сойти за целую толпу, — Том остановился перед унитазом. Молнию пришлось расстегивать в два рывка, чтобы облегчить мочевой пузырь, который то и дело напоминал о себе во время утреннего обмена любезностями. Киндред вспомнил о существе, которое, как ему показалось, искало здесь укрытие. Он осмотрел пол, заглянул во все углы и ниши. Не померещилось ли ему все это? В конце концов, его вырвал из глубокого сна настойчивый стук в дверь и он спускался по лестнице, честно говоря, не вполне проснувшись, полуослепшим от солнца, а голова была занята другими мыслями. Возможно, это просто игра света, или даже осколок сна. Позже он обследует все, чтобы проверить, нет ли в полу дырок или щелей, сквозь которые в дом могла пробраться какая-нибудь маленькая тварь. А лучше всего поскорее выкинуть из головы загадочного зверька! К тому времени, как он покончил с мытьем и бритьем, эпизод был полностью забыт.

Когда молодой человек вернулся в спальню, онемение в руке и ноге практически прошло. Том надел пару мягких мокасин, купленных в магазине уцененных товаров в Ковент-Гардене. Он все еще сидел на неубранной кровати, машинально ероша пальцами волосы, когда на площадке перед дверью послышались шаги. Затем в дверном проеме появилась Нелл.

— Господи... — он невольно вздрогнул.

— Я звала, но вы, очевидно, не слышали, — все та же слабая похотливая улыбка, все тот же загадочный взгляд.

— Вы не должны были... — начал он, но она со смехом прервала:

— Я привыкла присматривать за людьми, Том, особенно за мужчинами. Я опытная сиделка, разве Хьюго не говорил вам? Сейчас я уже некоторое время ухаживаю за сэром Расселом.

— Может быть, и так, мисс Квик...

— Зовите меня просто Нелл.

— Хорошо — Нелл. Но именно поэтому я приехал сюда, в Малый Брейкен, чтобы оказаться подальше от друзей и знакомых, считающих, что меня нужно баловать.

— Держу пари, особенно от девушек, — ее глаза насмешливо блеснули.

— Нет, это не так. Ну, может быть, от одной или двух, но не в них дело. — Том поднялся с кровати и, опровергая следующее утверждение: — Я в полном порядке, практически выздоровел, — потянулся за тростью.

Она выразительно посмотрела на трость, и Киндред выругался про себя.

— Так бывает с утра, — поспешно объяснил он. — Нога слегка немеет, пока я не расхожусь как следует. Она также легко устает, но я работаю над этим.

— Я могу помочь, — с этими словами она шагнула в комнату, сократив расстояние между ними. — Прекрасно справляюсь с онемением у мужчин.

Том уловил двойной смысл, скрывавшийся в ее словах.

— Вы понимаете, я знаю, как работают мускулы, — продолжала Нелл, вновь приняв серьезный вид, в то время как он ожидал еще более смелого заявления. — У меня есть собственные травы и бальзамы, которые творят чудеса с больными конечностями и телами.

Природные средства, сейчас почти забытые, но эффективные, вот погодите, сами в этом убедитесь.

Она была менее чем в футе от него, пристально заглядывая ему в глаза.

И все же...

И все же он ощущал напряжение, возникшее между ними, *сексуальное* напряжение. Ее кокетство было очевидным, и в другое время могло бы возбуждать, слркнуть приглашением. Но сейчас — так быстро и так неожиданно — оно только смущало, поскольку он соблюдал воздержание некоторое время до болезни и, разумеется, после, так что теперь не был уверен в собственных силах. Нелл Квик может представиться шанс вернуть ему уверенность в себе. Но пока он не готов и, надо признаться, слишком испуган.

Том подошел к комоду и сделал вид, будто что-то ищет, но, честно говоря, молодой человек просто пытался увеличить расстояние между собой и этой волнующей женщиной.

— Черт побери, вечно куда-то девается расческа, — бормотал он, словно забыв о сцене, разыгравшейся между ними мгновением раньше. Нелл, конечно, не могла знать, что он редко пользуется расческой, чтобы привести в порядок волосы, но ее, безусловно, не обманула его уловка. Женщина коротко, мелодично рассмеялась.

— Ваш завтрак в духовке, нельзя позволить ему засохнуть, не так ли?

Плавное повернувшись, она исчезла за дверью.

Услышав ее удалявшиеся шаги, Том перевел дыхание и взглянул на себя в зеркало на комод.

— Черт побери, — пробормотал он, заливаясь краской.

* * *

Том опустился на стул, избегая встречаться взглядами с женщиной, сидевшей перед ним; Нелл резала хлеб.

— Э-э, не присоединитесь ли вы ко мне? — исключительно из вежливости спросил он.

— О, я никогда не ем много на завтрак, — ответила она, выкладывая два ломтя на тарелку. — Обычно утром мне достаточно немного фруктов или йогурта. Однако я выпиваю море кофе.

Ощутив кофейный аромат, Киндред заметил кофеварку рядом с электрическим чайником, стоявшим на столике возле плиты. Стоило ему проглотить первый кусок, как Том понял, насколько он голоден. Молодой человек с неожиданным удовольствием намазывал масло на кусок хлеба, этот крохотный прогресс в его состоянии давал надежду на настоящее выздоровление. Молено было только надеяться, что улучшение не было временным.

— Что подать к кофе?

Нож застыл над куском хлеба, когда он поднял глаза на женщину.

— Простите?

— Вам кофе с молоком и сахаром?

Возможно, Нелл Квик была одной из тех женщин, которые понятия не имеют о своем воздействии на мужчин. «Неужели? — произнес слегка суховатый внутренний голос, который частенько разговаривал с ним, озвучивая циничную сторону его натуры. — Кажется, дружище, она прекрасно знает что делает».

Несмотря ни на что, приятно сознавать, что его либидо частично возвратилось. Слава Богу, свежему деревенскому воздуху и постоянным упражнениям!

— И то и другое, пожалуйста. Одну ложку сахара, — его улыбка стала искренней.

— Не возражаете, если я присоединюсь к вам?

Том предпочитал одиночество за столом, но это было бы грубостью после всего, что она для него сделала сегодня. Пока она насыпала кофе, он разглядывал ее спину, любясь пышными темными волосами, их крупные кольца достигали середины спины. Нежная музыка наполняла комнату, свежий ветерок приносил в открытую дверь запахи леса, смешивавшиеся с более сильным, ароматом кофе, птичье пение и отдаленное кукование

кукушки, более громкое и отчетливое, чем все остальное. Исследуя новую восьмиугольную территорию, прожужжала пчела, затем деловито вылетела за дверь.

Нелл Квик поставила дымящуюся кружку кофе перед Томом и села напротив него, затем поднесла к губам свою кружку и сделала большой глоток.

— Вы... вы хорошо спали прошлой ночью?

Это прозвучало как «прошночною» — небольшая заминка, казалось, вкладывала в ее вопрос больший смысл, чем, возможно, предполагалось.

Его собственное заикание проделало то же самое с ответом.

— Н-не знаю... Думаю, да... Честно говоря, не помню.

— Вас, значит, никто не беспокоил?

— Что?

— Дом долгое время пустовал, кто угодно мог забраться в него из леса.

— Коттедж был заперт, не так ли?

Она пожала плечами.

— Маленькие существа найдут способ пробраться внутрь, особенно туда, где тепло и уютно.

Том уже собирался рассказать о том, что он видел, но по какой-то причине — он сам не знал почему — решил воздержаться. Вместо этого он поднял к губам чашку.

— Ч-ч-черт...

— О, я должна была предупредить вас, что он горячий.

Нелл, вскочив на ноги, схватила салфетку, затем сунула ее уголок под холодную струю над раковиной и хорошенько намочила, прежде чем подать Тому.

— Вот, приложите к губам, это вытянет часть жара.

Он послушно взял мокрую салфетку и прижал ко рту, боль потихоньку стихала.

— Спасибо.

Ради всего святого, он же заметил пар, поднимавшийся от только что приготовленной чашки. Глупец, глупец! Хотя постойте! Разве он не видел, как Нелл Квик пила кофе мгновением раньше?

— Вас он не обжег, — Киндред с трудом шевелил онемевшими губами. Последняя фраза изрядно смахивала на обвинение.

Не проявляя беспокойства (да и с чего бы — это ведь его губы), она достала со дна корзины холщовый мешок, а из него — маленькую круглую красную баночку и сняла с нее пластиковую крышку.

— Всегда ношу с собой бальзамы и целебные мази. Никогда не знаешь, где может понадобиться одна или другая. Вот эта хорошо помогает при укусах насекомых и ожогах.

Нелл сунула кончик среднего пальца в горшочек и извлекла комочек желтовато-серой мази. Том отшатнулся, когда она вознамерилась смазать ему рот.

— Ну же, не будьте ребенком, — игриво ворковала женщина. — Это всего лишь смесь из листьев кориандра и сока дурмана с несколькими моими собственными секретными ингредиентами. Да еще свиное сало, которое прокипятили с травами, чтобы придать ему соответствующий вид и запах. Ну же, мое лекарство сработает, я обещаю. Боль скоро пройдет, и мы остановим любое воспаление прежде, чем оно начнется. Однако нужно это сделать сразу же, иначе не поможет.

— Холодной воды достаточно, — возражал он, отворачивая голову.

— Нет, не достаточно. Поверьте мне, Том, мазь быстро снимет боль и исцелит ожог.

Ее голос успокаивал, и по непонятным причинам ему трудно было сопротивляться. Молодой человек повернулся к ней и позволил намазать губы жирной целебной мазью. Облегчение наступило мгновенно, боль ушла в ту же секунду, когда она прикоснулась к нему пальцем, блестящим от жирной мази. Лицо женщины оказалось теперь менее чем в дюйме от него, ее зрачки в окружении радужных оболочек действительно казались абсолютно черными. Он даже смог разглядеть в них собственное отражение.

Том почувствовал, как мазь проникает глубже в губы, как будто преследует оставшуюся

боль. Когда ее лицо приблизилось, теплое дыхание согрело щеки, а аромат, напоминавший сладкий мускусный ладан, содержащийся в ее дыхании, казался ему таким чувственным. Том ощутил жаркую вспышку где-то внутри, комната начала кружиться, постепенно исчезая, пока не возникло ощущение, будто во всем мире остался только он и эта женщина. Они не говорили ни слова, но тишина была наполнена глубоким тайным смыслом.

Нелл придвинулась еще ближе, и он не был полностью уверен, что сам не наклонился к ней. Его озадачивало, но и притягивало ее очарование. Всякое желание сопротивляться пропало. Ее губы были в дюйме от него, и он заметил, какие они блестящие, темно-красные, соблазнительные...

Молодой человек трепетал от возбуждения. Их губы соприкоснулись, и как раз тогда, когда они оба начали испытывать одинаковое воздействие, колдовство — лишь спустя немалое время он понял, насколько подходящим оказалось это слово, — исчезло.

Он отпрянул, а она просто замерла, когда что-то грохнулось на каменные плиты пола.

7

Поспешный отъезд

Том резко вскочил на ноги, заставив Нелл испуганно отступить на два шага назад; их головы одновременно повернулись. Разбитая тарелка лежала неподалеку на каменном полу, белые кусочки напоминали хаотичную мозаику.

Наступившая вслед за этим тишина была лишь немного менее тревожной, чем предшествовавший ей треск, более похожий на взрыв, и Том скоро понял почему: птицы снаружи прекратили щебетать, словно тоже испугались. Даже ветер, казалось, избегал проникать в комнату. Как ни странно, замолкло даже радио.

Том медленно отвел глаза от разбитой тарелки и посмотрел на женщину. Он был не столько смущен, сколько сбит с толку тем, что тарелка, очевидно, слетела с полки кухонного шкафа самостоятельно. И сила удара оказалась такой огромной, что заставила ее расколоться на великое множество кусочков.

Но что за выражение на лице у Нелл — потрясение, изумление? Нет, в ее глазах читался гнев и... и... страх? Некая нервозность чувствовалась во всем ее теле, в напряженных плечах, в суженных зрачках. Она тоже внимательно изучала Тома, словно пыталась определить его реакцию.

— Что, черт побери, все это значит? — как будто он надеялся, что женщина сможет ответить.

Последовала долгая пауза, в течение которой воздух наполнялся ощутимым страхом.

— В старых домах, таких, как этот, может происходить все, что угодно, — неубедительно предположила она — Бревна и камни сжимаются, потом расширяются. Давление здания, — она полсала плечами. — Может, ее сбросил порыв ветра.

«Ну разумеется, — подумал Том, — чтобы перенести тарелку через всю комнату, потребовался бы настоящий ураган». Кроме того, он не почувствовал никакого, даже малейшего, дуновения ветра, и был абсолютно уверен, что она тоже. Неожиданно вновь заиграло радио, заставив их встрепенуться. Легкий ветерок вновь влетел в дверь. Как ни в чем не бывало, Нелл произнесла:

— Мне пора. Столько дел! Нужно заглянуть к сэру Расселу...

Она убрала со стола в мешок баночку с мазью, затем так же бесцеремонно туда был отправлен выключенный приемник. Том смущенно наблюдал за ее порывистыми движениями. «Она гораздо более напугана, чем я, и суетится, чтобы скрыть это. Господи, ей не терпится уйти!»

— Совок для мусора и щетка под раковиной, — она сообщила об этом уже на пути к двери. — Нет времени прибраться здесь, нужно спешить... Не забудьте про завтрак, он остывает.

— Как насчет кофе? Не хотите допить? — он позволил себе невинную насмешку. Все-

таки, почему его гостя так испугалась?

Нелл остановилась на пороге, и на мгновение что-то мрачное промелькнуло в ее взгляде, словно она уловила насмешку, которая ей очень не понравилась.

— Надеюсь, вы будете хорошо спать сегодня ночью, — только и произнесла женщина, но в словах ее послышалась злость.

Слабое звяканье позади заставило его вновь тревожно обернуться к кухонному шкафу. Он успел заметить, как легкий ветерок (хотелось верить, что на этот раз настоящий) потревожил ряд чашек, подвешенных за ручки под полкой, где хранились тарелки — все, кроме одной, разбитой. От его внимания не ускользнуло также, что, торопясь покинуть коттедж, Нелл Квик оставила под столом корзину.

8

Озеро и неожиданная встреча

Примерно часом позже, покончив с остывшим завтраком и чуть теплым кофе, проделав несколько нетрудных, но обязательных упражнений — они станут гораздо труднее, когда через день или два появится терапевт, — Том покинул коттедж, не потрудившись запереть за собой дверь. Раньше они с матерью никогда ее не запирали, так зачем же начинать сейчас?

Несмотря на разлитую в воздухе прохладу, он ограничился минимумом одежды — темные спортивные брюки, кожаные ботинки и легкая серая безрукавка, — поскольку не сомневался, что скоро потеплеет. По мере того как он направлялся к лесу, его голову постепенно покидали неприятные воспоминания о поспешном уходе Нелл Квик и летающей посуде. Папоротники, ежевика и дикие цветы заняли большую часть свободного пространства, при свете дня тени от деревьев утратили свою таинственность, трепещущие лучи солнца создавали маленькие оазисы света — итак, лес, казавшийся абсолютно недоступным прошлой ночью, сейчас выглядел необыкновенно притягательным.

Том рассматривал ковер из поздних колокольчиков гораздо внимательней, чем накануне, когда его глаза лишь отметили это великолепное зрелище. Снова его мысли вернулись к жизненному циклу: животные, насекомые и бактерии возвращают земле то, что от нее взяли, ничто не остается прежним, но ни одна форма жизни не исчезает полностью. Каждый индивидуум имеет свое предназначение, должен поддерживать все прочие виды. Подобная идея нравилась Тому, который совсем недавно лицом к лицу встретился со смертью и как-то сумел избежать ее. И именно по этой причине он боялся не смерти, но того, что лежало за гранью, за последней чертой.

Тропинка вела прямо к небольшому озеру, расположенному посреди леса, — тихому месту, которое, как он некогда думал, являлось центром мира, а возможно, и центром вселенной. Его мать тоже всегда любила это прекрасное озеро, с его глубокими спокойными водами, где по берегам разрослись ивы, а животные безбоязненно приходили напиться. Именно сюда Бетан приводила его в награду за особенно хорошее поведение или за старательно выполненную несложную домашнюю работу. Казалось, оно оказывало на нее какое-то магическое действие, потому что, пока Том играл на заросших травой берегах или среди деревьев, Бетан располагалась у самой воды и пристально вглядывалась в ее спокойную поверхность. Иногда она закрывала глаза, словно погружаясь в думы, которые не могла разделить с ребенком, слезы катились по ее щекам, и тогда малыш изо всех сил обхватывал ее за плечи, желая утешить.

По заросшему травой пути легко было пробираться даже ему — столько раз он проходил здесь в детстве! Том узнавал многие из немолодых деревьев, попадавшихся по дороге, и мысленно приветствовал их как старых друзей. Вот дуб, по которому он так часто лазал когда-то. Толстые сросшиеся ветки образовали широкую площадку, откуда он мог наблюдать за ничего не подозревавшими животными внизу — за лисой, белкой, иногда даже случалось увидеть оленя, барсука, чья нора находилась неподалеку. Вот и серебристая береза, с которой он однажды аккуратно срезал кусок коры, чтобы обнажить ствол. Со временем

наросла новая, но бесцветное ромбовидное пятно выглядело не таким темным и толстым, как кора над ним. Возле этой березы ему нравилось отдыхать на ковре из листьев, сброшенных за многие годы: мальчик читал книги или комиксы (последними его снабжал Хьюго) или строгал кусок дерева подаренным Эриком перочинным ножом.

Были тут и цветы: паслен, незабудки, красные лихнисы, водосбор — во всем их разнообразии и яркости, от которого у него всегда перехватывало дыхание. Слух радовали знакомые звуки — пение птиц, шорох в подлеске, одинокий крик, который мог принадлежать птице или зверю.

Том смотрел на окружающий мир глазами человека, недавно возродившегося к жизни: все казалось ему свежим и новым, краски ярче, интенсивнее, вернулась острота восприятия. Даже звуки стали резче, запахи различимее — совсем как в детстве, до того как время притупило чувства.

Чем глубже в лес он заходил, тем чаще дотрагивался до губ осторожными пальцами. К его удивлению, не осталось ни боли, ни волдырей от горячего кофе. Что ж, разве Бетан не использовала подобные мази, чтобы лечить его царапины и ожоги много лет назад? Простуда и лихорадка изгонялись с помощью зелий и отваров, ветрянка и корь — травами и микстурами, испытанными и проверенными лекарствами, веками известными деревенским жителям, чьи рецепты переходили из поколения в поколение, но оказались почти забытыми в новом веке науки и генетики. Но, кажется, о них помнила Нелл Квик...

Мысли вернулись к утренней странной, но привлекательной посетительнице. Почему она так быстро покинула коттедж, когда тарелка грохнулась на пол? А ведь они как раз были так близки к поцелую... Женщина, безусловно, флиртowała с ним, и Том хотел узнать, почему она так форсировала события. Возможно, Нелл просто принадлежала к типу любвеобильных особ. Он усмехнулся — нет, не в этом дело.

Как быстро она вспомнила, где хранились совок для мусора и щетка. Значило ли это, что Нелл уже не раз приходила в коттедж в числе тех, кто приготовил дом к его приезду? Если так, то Хьюго следовало предупредить его. Может, тогда он не выглядел бы таким идиотом.

Том пробирался вперед, раздвигая тростью папоротники и тонкие ветки, обдумывая по дороге события сегодняшнего утра и прошлой ночи. Иногда ему случалось потревожить маленького зверька, и он терпеливо ждал, пока тот торопливо спрячется в укрытии. Или птица перелетала через его тропинку, пронзительным криком предупреждая, что это ее территория. Но нет, он не желал чувствовать себя захватчиком. Эта земля принадлежала ему не меньше, чем им, и он вернет себе чувство дома.

Том огляделся и скоро нашел дерево, на котором раньше жила сова. Удивительное создание вовсе не пугалось, когда мальчик проходил мимо ее обиталища, встречая его равнодушным уханьем и неподвижным взглядом круглых, лишенных выражения глаз. Птица ждала сумерек, чтобы отправиться на охоту, а тварь, проходившая внизу, была слишком крупной, чтобы сгодиться на пропитание, но недостаточно большой, чтобы ее бояться. Том задавался вопросом, живет ли серая неясь на прежнем месте или умерла за годы его отсутствия. Скорее всего, ее вытеснил другой представитель этой породы, возможно, ее же собственный отпрыск.

* * *

Дорога до озера заняла еще двадцать минут (в мальчишеские годы — не более семи минут бега не переводя дыхание), и вот он уже остановился на берегу, опершись на правую ногу, не замечая собственной улыбки и засиявших глаз.

Все осталось прежним, только озеро словно уменьшилось — однако в детстве окружающие предметы всегда кажутся большими. Все тот же сонный, спокойный рай, с ивами, свесившимися над зеркальной гладью. Цветущие растения, подобно травяной рамке, подступали к самой воде, вокруг них вились осы, звеня в утренней тишине, как

миниатюрные цепные пилы. Крохотные круги тут и там слегка всколыхивали спокойную поверхность озера, когда рыбки в стремительном броске хватали пищу. Стрижи и ласточки, подобно небольшим молниям, носились над водяными лилиями; зеленые, желтые и ярко-голубые стрекозы, схватив добычу, мгновенно исчезали из поля зрения.

С дальнего берега доносилось металлическое звяканье овсянки. Ветерок волновал гладкую поверхность воды, и, быть может, именно приносимый им сладкий аромат кипрея будил воспоминания о времени, когда жизнь казалась простой и понятной, а чувство незащищенности было еще неведомо. Или, возможно, ностальгию вызывало легкое прикосновение теплого ветра к его щеке, напоминавшее поцелуй матери.

В душе возникло смутное беспокойство, и поначалу Том не мог понять, был ли это звук или ощущение чьего-то присутствия. Необъяснимая и тревожная дымка возникла перед глазами, и головокружение почти заставило опуститься на колени. Молодой человек изо всех сил оперся на трость, и неприятное чувство, так же как и призрачная дымка, быстро прошло. А затем он уже определенно что-то услышал, похоже, источник тревоги находился недалеко.

Но когда Том огляделся, то не заметил ничего необычного. Райский уголок, раскинувшийся вокруг него, остался прежним, однако что-то неуловимо изменилось.

Возникший звук — пронзительное, но мелодичное посвистывание — показался смутно знакомым. Том наклонился вперед и, сощутив глаза, попытался определить его источник. Сквозь просвет в густой листве ему удалось разглядеть что-то похожее на пульсирующие огоньки, которые сияли так же ярко, как прошлой ночью. Их сходство со светлячками ограничивалось мерцанием крошечных фонариков и хаотичными движениями. Какое-то смутное чувство говорило ему, что они не имеют отношения к насекомым, вообще не принадлежат к царству природы. До него доносилась таинственная мелодия, которую он не мог разобрать, слабые, тоненькие голоса, непохожие на все, что он слышал раньше — или, если и слышал, то забыл, — звучали таинственно, но благозвучно.

Словно под гипнозом, Киндред медленно, не хромая, направился к кустам, скрывавшим таинственных существ, бесполезная трость болталась на руке.

Шаги заглушались мягкой лесной подстилкой, он сдерживал дыхание, так что передвигался абсолютно бесшумно. Глаза сфокусировались исключительно на пляшущих огоньках, слух больше не воспринимал посторонние звуки, поскольку все его внимание сконцентрировалось на происходящем.

Подобравшись ближе к плотной преграде из листьев, он осторожно протянул вперед руку. Кончики пальцев прикоснулись к ветке и очень медленно отвели ее в сторону. Том быстро и беззвучно плотнул воздух.

* * *

Хотя сердцевины огоньков выглядели раскаленными добела, ореол, окружавший их, представлял во всем богатстве спектра — от пурпурного до фиолетового, от зеленого до голубого, от красного до оранжевого, желтого и золотого. Они искрились, мелькая в воздухе, подобно насекомым далеких экзотических стран. Похожие на стрекоз, которых он видел над озером, существа иногда зависали в воздухе, их сияние на мгновение гасло, и именно тогда Тому удавалось разглядеть смутные очертания крохотных, почти прозрачных крылышек.

А когда он наклонился поближе, то сквозь мерцавшие огоньки увидел женщину — нет, девушку, поскольку ее кожа выглядела безупречной, выпуклости — изящно округлыми, обнаженная грудь — маленькой. Она лежала на спине между двумя мощными корнями огромного дуба, толстые искривленные корни, подобно дружеским рукам, поддерживали ее. Длинные золотые волосы, беспорядочно обрамляя маленькое личико с изящно очерченным подбородком и высокими скулами, струились по узким плечам каскадом свободных золотых локонов. Закрытые, слегка раскосые глаза, ресницы длинные и темные, приоткрытые губы розовые и влажные — чудное создание было охвачено порывом страсти. Она коротко и нежно вздыхала, стройное тело томно извивалось.

Затем девушка принялась поддразнивать напрягшиеся соски, поглаживая их кончиками пальцев нежными, неторопливыми движениями, и Том ощутил напряжение в собственном теле, кровь устремилась к средоточию его желаний, так что впервые со времени болезни член отвердел и увеличился в размерах, мускулы живота и паха болезненно напряглись. Молодой человек не стыдился, наслаждаясь столь интимной сценой, — его чувства находились в слишком большом беспорядке, а очарование казалось непреодолимым. Возможно, осознание вины придет позже, но, несмотря на это, эротизм данного момента настолько захватывал, что ему невозможно было сопротивляться.

Девушка продолжала одной рукой нежно терзать и поглаживать мягкую плоть вокруг крохотных темных вершинок, погружая внутрь соски изящными пальцами, постанывая от удовольствия, ее тело вздрагивало. Другая рука скользила по слабой выпуклости живота, спускаясь ниже, ниже, блуждая от одного нежно очерченного бедра до другого, как будто каждая частица ее тела нуждалась в ласке, в прикосновении, в возбуждении. Затем рука спустилась еще ниже, к лишенному волос — лишенному, а не выбритому, поскольку оно было столь же безупречно-белым — месту между бедрами, где ее длинные пальцы помедлили, успокаивая, лаская, перед погружением в раскрывшуюся щель; средний палец, самый длинный, скрылся в складке плоти ее расселины и вновь появился, блестящий от смазки. Ноги раздвинулись, давление руки, нежное вначале, возросло и стало более настойчивым и решительным, начали выделяться внутренние соки, увлажняя гладкую поверхность бедер и ясно различимый участок, на котором должны были расти завитки светлых волос. Рука скрылась вновь, в это время два пальца приблизились к месту вокруг слегка приподнятого выступа, который доставляет столько наслаждения, если его ласкают бережно и любовно...

...Крохотные огоньки обезумели, словно разделяли ее экстаз, их высокие звуки перешли в новую тональность, цвета почти ослепляли...

...Она издала слабый стон, запрокинув голову так, что солнце покрыло пятнами ее щеки, позолотило кончики волос и осветило опущенные веки...

...Пока безумное световое шоу продолжало бушевать вокруг нее, несколько сияющих искорок разместились на белоснежной поверхности кожи, где своими стремительными крылышками принялись ласкать ее нежными, ритмичными прикосновениями. Некоторые огоньки направились к набухшим соскам, чтобы еще сильнее возбудить их...

...Рука ее покинула груди, чтобы присоединиться к своей партнерше, режущейся между ног. Стоны сменились долгими вздохами, маленький язычок просунулся между безупречно белых и чуть-чуть острых зубов, чтобы увлажнить губы перед отступлением, сопровождавшимся новым стоном, прозвучавшим для Тома нежной музыкой...

Теперь он мог ясно рассмотреть летающих созданий, поскольку от возбуждения их форма сделалась более отчетливой, менее расплывчатой: внутри светящегося ореола они оказались крошечными человечками, которые, сами по себе тоже как-то светились. Том смог разглядеть крохотные конечности, но их головы были слишком маленькими, чтобы различить чьи-нибудь отдельные черты. Невольный зритель не стал изучать их слишком долго, поскольку было трудно оторвать взгляд от девушки, чья возросшая страсть заставляла ее кричать от наслаждения.

Возраст девушки, как и ее рост, остался для него неясен. Том был уверен, что она не очень высокая, вероятно, ниже пяти футов. И несмотря на то, что таинственная красавица демонстрировала отсутствие лобковых волос, в ней чувствовалось что-то такое — отнюдь не похоть, — убеждавшее его, что перед ним не ребенок. Конечно, она была юной, поскольку ее молочно-белую кожу не испещряли морщины и пятна, и что-то в выражении ее лица, несмотря на счастливое блаженство, явно свидетельствовало о ее невинности...

...Теперь пальцы обеих рук проникли в тело, дабы увеличить наслаждение, их движения ускорились, они проникали вглубь и вновь появлялись, успокаивая, умиротворяя и вновь приводя в экстаз. Искорки вокруг нее мерцали так ярко, что создавали вибрирующую ауру, явственное сияние, которое пульсировало и заряжало само себя какой-то неземной

энергией...

...И все это время Том наблюдал в благоговейном ужасе, полный соблазна и возбуждения, однако не вполне уверенный, что не находится во власти галлюцинации...

...Необыкновенно чувственная женщина извивалась, издавая стоны и вздохи, на уединенной, залитой солнцем полянке, ее увлажнившиеся золотые локоны упали на лицо, изящные кончики волос прикасались к крохотным грудкам, гладкий живот вздымался от возбуждения и удовольствия, неясные бедра сжимались и разжимались вокруг ее рук. Подбородок опустился, она закусила нижнюю губу, дыхание стало прерывистым, мускулы напряглись...

...Голова ее металась из стороны в сторону, волосы упали на полуприкрытые глаза, виднелись только белки, зрачки скрывались за опущенными веками. Множество огоньков присоединилось к другим на ее плоти; используя свои тонкие крылья, похожие на крылья бабочек, они щекотали и трепетали, как мягчайшие перья, усиливая своими прикосновениями чувственность...

...Ее глаза вновь закрылись в экстазе, рот широко раскрылся, шейные мускулы напряглись, в то время как пальцы работали быстрее, толчки стали не такими глубокими, внимание сосредоточилось в основном на пространстве вокруг крошечной выпуклости внутри шелковисто-влажной впадины между бедрами...

...А сам он был почти в бреду, сознание мутилось, чувства пребывали в беспорядке, желание с трудом удавалось подавить...

...Тело ее выгнулось дугой, плечи прижались к грубой коре позади. Пятки зарылись в землю, в то время как руки ускоряли движения, затем замедляли, ускоряли и замедляли, толчки становились ритмичнее, более размеренными, и все же неподвластными никакому контролю. Долгий тихий вопль исторгся из нее подобно глубинной волне, тело содрогалось, кожа блестела от пота, экстаз достиг пика...

...Спаду предшествовали содрогания и затихающие стоны...

...Яркие существа вокруг нее тихо мигали, начиная тускнеть...

...Девушка опустилась на землю между корней гигантского дерева, ее крохотные грудки с налитыми кровью сосками опускались и поднимались в приятном утомлении, следовавшем за бурным оргазмом.

Она издавала нежное мурлыканье, возбуждение спадало, тело расслаблялось. Одно колено согнуто, другая нога вытянута вперед, изящные тонкие руки прикрывают самое укромное место, исключительно для удобства, не из скромности. Глаза вновь прикрыты, лицо поднято к солнцу, дыхание замедляется, становится легче.

Том молчал, пытаясь сохранить полную неподвижность, хотя сердце продолжало колотиться и кровь, казалось, гремела в ушах. Что делать дальше? Прокрасться прочь? Дождаться, пока она уйдет?

Девушка опустила подбородок и медленно приоткрыла миндалевидные глаза Молодой человек заметил, что они отсвечивают серебром...

...И смотрят прямо на него...

9

Преследование

Тома охватил стыд — и одновременно некое странное чувство, похожее на узнавание. Но ведь это невозможно: он никогда в жизни не видел этой очаровательной девушки!

Если молодой человек думал обнаружить на ее лице выражение стыда или хотя бы смущения из-за того, что ее застали в столь необычной ситуации, то он ошибался. Обнаженная лесная красавица просто спокойно взглянула на него, и в ее раскосых глазах мелькнуло нечто тревожное, но неодолимо притягательное, слабый отблеск эмоции, не имевшей ничего общего с ее очарованием или его желанием. Затем губы изогнулись в легкой улыбке. Киндред с трудом захлопнул нелепо разинутый рот, не зная, что следует сделать или

сказать в подобной ситуации — если вообще были нужны какие-то слова. Рука, придерживавшая отведенные в сторону листья, сильно дрожала, выдавая охватившее его смущение.

Девушка, чудесно раскованное создание, абсолютно лишенное стыда, рассмеялась. В негромких, нежных звуках не было насмешки или иронии, только наслаждение, и он почувствовал, что сердце его радостно забилося, а новые ощущения, охватившие его, показались гораздо более светлыми и приятными. Тело расслабилось, возбуждение полностью улеглось, осталось лишь томление, другая, более чистая, разновидность желания заняла место прежнего вожеления. Том хотел заговорить, но на мгновение лишился дара речи.

А после стало уже слишком поздно.

Спутники девушки, те странные бесплотные огоньки, собрались вокруг нее, некоторые вяло перепархивали с места на место, в то время как другие отдыхали на ее теле или, словно в изнеможении, расположились на ближайших листьях. Но почти немедленно они вновь пришли в движение, как будто встревоженные присутствием непрошеного зрителя. Их странная, но нежная мелодия зазвучала по-новому, слегка напоминая звуки, издаваемые встревоженными насекомыми. Их внутренние огоньки вспыхнули опять, но цвета стали какими-то более неистовыми, чем раньше. Все как один они поднялись в воздух, заматались туда и сюда, несколько скользнули в его сторону, но свернули за несколько футов до него — именно так некоторые животные пытаются напугать врага и заставить его отступить. Уши заложило от пронзительных звуков, издаваемых странными существами, а сердце, казалось, забилося по-новому, гораздо менее размеренно, чем раньше. Страх в душе Тома начал преобладать над изумлением.

Что-то невидимое затрещало по другую сторону кустов, за которыми он прятался, и молодой человек отклонился назад, удивленный и сильно встревоженный. Зацепившись за корень или выбоину, он неуклюже упал на спину, а трость вырвалась из руки. Злобный шум тем временем усилился, очевидно приближаясь к нему. Том почувствовал жгучий укол в щеку и поднял руку, чтобы отогнать огонек. Но налетели остальные и стали носиться вокруг головы упавшего, их возбужденное жужжание почти невозможно стало выносить.

— Какого... — вот и все, что ему удалось выкрикнуть.

Движение вокруг усилилось, поднимая опавшие листья и пыль, как будто снизу их выталкивала какая-то сила.

«Невозможно, — сказал он сам себе. — Просто невозможно». Волнение исходило не из одного места, но шевелились сразу несколько насыпей, с которых скатывались хрупкие сухие листья.

— Какого?..

На этот раз он задал вопрос вслух. Происходящее напоминало те телевизионные фильмы ужасов, демонстрируемые поздним вечером, в которых полуистлевшие руки и лишенные плоти пальцы вылезали из земли, а зритель у экрана замирал от страха. Слишком глупые, чтобы показывать их более ранним вечером, они были хороши только после того, как примешь в баре несколько кружек и приготовишься хорошенько посмеяться. Только сейчас было не смешно.

Киндред дернулся в сторону, почувствовав под собой чье-то согнутое колено. Коричневая, зловещая шишка вылезла из земли возле него, покрытая осыпавшейся коркой засохшей грязи. А затем — о Господи, а затем — пара глаз!

Нос последовал за глазами — сверкающими злобными глазами-щелочками, — и этот нос начинался высоко во лбу и был большим и острым, а ноздри занимали половину лица невероятного создания. Голова вскидывалась и вертелась, тощая шея вытягивалась и напрягалась, в то время как существо вылезало из земли, подобно новорожденному животному, пытавшемуся выбраться наружу из тугой матки, и все это время его желтые глаза смотрели прямо на Тома!

Когти скрюченной чешуйчатой руки — нет, обезьяньей лапы, а не руки — вцепились в

его собственную, которой он оперся о землю, пытаясь встать на колени. Но Тому все-таки удалось высвободиться, и он, вскочив на ноги, бросился бежать. Внезапно путь ему преградила коричневая голова, торчавшая на костлявых плечах, а другие крошечные головы со злобными глазами — десять, двенадцать... Господи, двадцать, двадцать как минимум — поднимались из земли вокруг него! Беглец резко остановился и сменил направление, поскольку почти сразу еще одна тварь поднялась перед ним, уголки ее рта почти траурно опускались вниз, зубы торчали, как иголки, а зловещее выражение на жуткой морде не оставляло сомнений в ее недобрых намерениях.

Пока он колебался, огоньки атаковали его, пикируя и налетая, стремительно перерезая ему путь, жала лицо и поднятые руки, пронзительное жужжание, казалось, врезалось в голову, сбивая его с толку и увеличивая панику. Он бросился в другом направлении, в этот раз перепрыгнув через очередную тварь, чьи костлявые лапы и когти уже тянулись, чтобы схватить его, в то время как ее крохотное тельце даже еще не успело выкарабкаться на поверхность. Том мчался и мчался, не оглядываясь, не замечая, что хромота внезапно куда-то делась, не разбирая дороги, безумно напуганный этим кошмаром.

Теперь перед собой и вокруг Киндред замечал такие вещи, которые не только никогда не попадались ему в любимом лесу, но которые он даже не мог себе представить.

Переплетение заостренных сучьев и извивавшихся веток предстало призрачным клубком конечностей, тел, лиц со злобными глазами. Старый дуб, так любимый им в детстве, сейчас казался зловещим. Его гигантские ветви изогнулись в попытке дотянуться до него, схватить и сжать в жестоком объятии. Лица, которые он не раз пытался рассмотреть в изгибах и наростах ствола, ныне действительно были там: их черты проявились, уста беззвучно звали, глаза, слепые от прикрывавшей их морщинистой коры, как-то умудрились видеть его.

Крохотные фигурки, сидевшие на траве вдоль его пути, повернули свои кукольные головки, наблюдая за беглецом, но он даже не ответил им взглядом, поскольку был слишком сосредоточен на дороге. Он лишь поймал выражение узких лиц со слишком широкими ртами, длинными заостренными ушами, походившими на крылья, уродливыми носами, которые выглядели слишком большими или слишком маленькими, иногда их не было вовсе, только щелочки вместо ноздрей; бледная плоть отсвечивала тускло-зеленым, а у некоторых даже голубым. Они выглядели такими пугающими, что Тому хватало беглого взгляда, чтобы не замедлить шаг, задерживаясь в этом месте, некогда столь чудесном.

Пошатываясь, молодой человек брел прочь, иногда спотыкаясь о выбоины в земле или корни деревьев; он тащился по тропинке или перебирался через упавшие ветки, причем спустя некоторое время возникло бредовое ощущение, что все они преднамеренно пытаются зацепить его. Не сказались ли последствия удара на его мозге гораздо серьезнее, чем предполагалось, не привело ли повреждение к изменениям, вызывавшим подобные галлюцинации? Возможно, это все из-за таблеток, которыми его пичкали после удара? Или он просто сошел с ума?..

Том пытался сосредоточиться на еле заметной тропинке, игнорируя таинственное движение в подлеске по обе стороны от нее, а также шепот и хихиканье, которые, казалось, преследовали его, — раз уж он решил пренебречь собственными наболевшими вопросами. Не имело значения, даже если все происходящее было иллюзией: страх он испытывал подлинный. И именно поэтому казалось отчаянно необходимым вернуться в Малый Брейкен, где он всегда был в безопасности, куда, как обещала Бетан, никогда не проберется никакое зло...

Но путь домой представлялся долгим, ужасающе долгим. А он уже почти лишился сил.

Едва Киндред оказался под деревом с низко нависавшими ветвями, что-то вцепилось ему в волосы. Он коротко вскрикнул, когда из корней вылезли жесткие пальцы, а затем не удержался от нового вопля, как только вырвался и захромал прочь, уверенный, что с него снят скальп. Дыхание затруднилось, возбуждение сбивало его ритм. Взгляд назад не прояснил положение, пришлось оглянуться еще раз, и, несмотря на безумный ужас, гнавший

беглеца вперед, Том сумел разглядеть, что погоня отстала — тропинка позади была пуста.

Это позволило ему сойти с дороги. Молодой человек из последних сил вломился в подлесок и почти рухнул на толстый ствол вяза, зацепив какой-то выступ; плечи вздымались, когда он жадно глотал воздух. Что-то промелькнуло возле его опущенного лица, он услышал пронзительное жужжание, отличавшееся от предыдущего, и другая крохотная летающая тварь — впрочем, это вполне могла быть та же самая — скользнула по его щеке. Неожиданно их стало гораздо больше — не одна и не две, — появился целый рой, и Том быстро понял, что это не те создания, которые преследовали его возле озера, эти были гораздо менее экзотичными и, конечно, не являлись галлюцинацией. Пчелы — нет, осы, — значит, тот холмик, который он едва не своротил, был твердой массой осинового гнезда? Он напугал воинственных насекомых, заставив поверить, что на них напали, и сейчас они атакуют молодого человека, защищая свою королеву и свой дом. В секунду воздух вокруг него наполнился черными в желтую полоску телами и звуками их ярости. Том ощутил первый укус, за ним быстро последовал второй, затем третий, затем... он потерял им счет. Острые жала пронзали кожу на лице, на беспорядочно отмахивавшихся обнаженных руках, на шее — везде, где это было доступно. Киндред задыхался от неожиданных игольных уколов жгучей боли, некоторые волдыри уже затвердели, начиная надуваться, он поднялся на ноги и постарался двинуться вперед, опасаясь, что если упадет снова, то окажется в их власти, а боль и изнеможение сделают его беспомощным. Он должен найти убежище, и быстро. Должен добраться до дома...

Том никогда не был особенно чувствителен к осиным укусам — в детстве ему не раз приходилось страдать от них, — но сейчас опасался аллергического шока от такого количества впрыснутого яда, что при нынешнем, ослабленном, состоянии могло запросто его прикончить. Он кричал на них, отмахивался, пробирался между кустами и проскальзывал между деревьями, боль от укусов гнала его, почти швыряла на землю, каждый отдельный укол вызывал непроизвольный спазм. Несчастный знал, что если упадет, споткнется или усталость бросит его на колени, то окажется в серьезной опасности. Они не оставят его в покое, пока их гнев не уляжется, а угроза не исчезнет.

Том пробирался вперед, не имея понятия о направлении, желая только как можно дальше убраться от осинового гнезда. Насекомые забрались к нему под распахнутый жилет, покрывали укусами лодыжки и обнаженные руки. А когда он закричал, одна залетела ему в распахнутый рот. Киндред выплюнул ее, но слишком поздно: внутренняя сторона щеки взорвалась жгучей болью, которая чуть не заставила его потерять сознание. Отчаянным усилием воли Том выпрямился, используя собственный гнев на этих маленьких злобных ублюдков как стимул для продолжения пути. Он должен найти убежище, и найти его быстро, но он не представлял ни расстояния до Малого Брейкена, ни правильного направления, поскольку прижимал руки к глазам, чтобы защитить их; впрочем, дрожащее левое веко уже плотно захлопнулось само по себе. Поэтому он просто брел вперед на подламывавшихся ногах, мечтая упасть и свернуться в тугой комок.

Сквозь щелочки в сжатых пальцах Том заметил нечто совершенно неожиданное. Всего в нескольких ярдах впереди простиралась широкая спокойная водная гладь. Каким-то образом он вновь вышел к озеру, слепота и боль заставили беглеца описать широкий круг.

Между ним и огромным пространством прохладной спокойной воды находился барьер из кустов и подлеска, но это не являлось серьезным препятствием. Том проломился сквозь него, пригибая и отводя руками покрытые листьями ветки, воздух вокруг почти почернел от осинового роя, и вот он уже на открытом месте, пошатываясь, бредет по слегка наклонному берегу, пока его ботинки не захлопали по грязи, расплескивая воду. Еще до того, как она достигла колен, Киндред нырнул, худое тело согнулось, выпрямленная правая рука разрезала поверхность. Озеро сомкнулось над головой, но он продолжал идти, отчаянно работая руками и ногами, погружаясь все глубже, пока не убедился, что все его тело покрыто водой.

И там, среди заполненной кружащейся тиной темноты, он затаился, лежа в грязи, моля об избавлении, пока не кончилось дыхание. Только тогда, с большой неохотой, он позволил

себе вынырнуть.
Осы ждали.

10 Путь назад

Возможно, он очнулся от боли — или просто самому сознанию пришло время вернуться. А может быть, подействовало и то и другое.

Все его тело, казалось, было охвачено огнем — нет, еще хуже: словно вскипела вся кровь, и теперь обжигающие потоки несли по венам и артериям расплавленную лаву в каждую клеточку, каждый уголок. Том застонал, и едва расслышал собственный голос. Он попытался шевельнуться — движения были негибкими и неловкими, как будто его конечности сковали цепями.

Как и когда ему удалось избежать смерти в озере и ярости ос? Но он не мог вспомнить ничего, кроме погружения в прохладную воду, а после этого — только тьма. Впрочем, нет, еще что-то... туманное видение пробивалось сквозь мрак беспомощности. Он пробивается сквозь атакующий рой... солнце в глаза... жужжащая орда, куча разъяренных насекомых... блестящая, спокойная поверхность озера над ним, нарушаемая только серебристыми пузырьками воздуха, вырывающимися из его рта...

Том лежал на влажном берегу озера, не имея понятия, как он на него выбрался. Только один глаз оставался открытым; на веко другого словно навалился тяжелый груз. Оно болезненно пульсировало — да, конечно, его и туда ужалили.

Вздрагивая от боли, Киндред неловкими пальцами попытался приподнять веко и только частично достиг цели. В глазах все расплывалось, словно зрачки затянуло прозрачной пленкой. Он лежал на животе, вытянув руку и пристроив на нее голову, на заросшей травой земле, дыхание было неровным, все тело содрогалось. Солнце обжигало щеки, еще увеличивая боль от укусов. Молодой человек застонал и решил перевернуться на бок.

Усилия оказались успешными, но боль возросла. На несколько дюймов приподняв голову над землей, Том посмотрел в сторону деревьев, не вполне уверенный, что он ожидает увидеть. Летающие огоньки? Юную красавицу? Только бы осы не появились вновь! Но вокруг царили покой и тишина, нарушаемые пением птиц и шепотом слабого ветерка, заблудившегося среди листьев и травы. Окружающий мир, казалось, пришел в норму. Остались лишь причудливые образы, которые продолжали роиться у него в мозгу.

— Ненормальный, — пробормотал Том довольно громко, поскольку ему необходимо было услышать собственный голос. — Псих, — добавил он, как будто одного слова оказалось недостаточно. — Должно быть, схожу с ума.

Но Киндред был достаточно уверен в себе и понимал, что необыкновенные события произошли на самом деле. Он не был лунатиком, и болезнь не превратила его в такового. Энцефалограмма — почти безупречная, пункция спинного мозга показала, что мозговые импульсы чистые (как джин, сказали ему). Конечно, всегда оставался шанс на более поздние проявления болезни, но врачи не слишком этого опасались. И он также. С ним все в порядке.

«Тогда объясни происходящее, приятель!»

Мысли начали путаться, тело сотрясала крупная дрожь. Том впадал в шоковое состояние — и если ничего не предпринимать, то можно проваляться здесь остаток дня и ночь. Тогда у него действительно есть шанс угодить в неприятности.

— Нужно добраться до дома, — уговаривал он себя, громко и отчетливо произнося слова, поскольку ощущал в этом непонятную, но насущную необходимость. — Возвращайся домой, позвони по телефону.

Какого черта — не прихватить с собой мобильник! Ах да, он хотел сбежать от всех и вся, наслаждаться отсутствием доброжелательных, но назойливых людей. «Большая ошибка в твоём состоянии, парень. Очень большая».

Том стоял на локтях и коленях, ожидая, пока пройдет головокружение, и надеясь, что с ним исчезнет тошнота. Он мешкал еще несколько мгновений, затем наконец встал и, пошатываясь, двинулся к ближайшему дереву. Схватившись за него одной рукой, молодой человек наклонился, тело содрогнулось от рвотного спазма, но из желудка ничего не изверглось, кроме струйки слюны. Яды курсировали по телу, их совместные усилия ослабляли его, заставляя чувствовать себя больным, сжимая грудь так, что становилось трудно дышать, вызывая реакцию в крови... Крови, которая текла в его мозг... О черт, насколько это повредит ему?

Киндред оттолкнулся от дерева, заставляя себя выпрямиться, сделать несколько глубоких вдохов, несмотря на боль в груди, и пошел к тропинке, которая привела его к озеру. Эта самонадеянная попытка, как выяснилось, потребовала слишком большого — для человека в его состоянии — напряжения сил, и ноги, особенно левая, сразу же подломились под ним. Секундной остановки оказалось достаточно, чтобы восстановить равновесие. Затем молодой человек снова двинулся вперед, волоча ногу, прижав согнутую руку к животу, намеренно отрешившись от бесполезных мыслей о яде, растекавшемся по его организму, сконцентрировавшись только на пути, который предстояло пройти.

Том потерял счет падениям и подъемам, давно утратил чувство времени и реальности происходящего. Лес вокруг него превратился в туманное видение, все поглощала боль, он горел как в лихорадке. Двигаться вперед его заставлял лишь один ясный образ — плясавший перед ним огонек, не на таком расстоянии, чтобы до него нельзя было дотронуться, чуть-чуть вне досягаемости. Пока его немеющие ноги могли двигаться, а один здоровый глаз — поскольку от второго осталась узенькая щелочка — мог видеть красивый, о, такой красивый маленький огонек, Киндред, конечно, будет идти за ним. Видит Бог, в этот момент он остался его единственным другом в одиноких и бессмысленных блужданиях по лесу; насекомые не любили его, деревья по обе стороны тропинки... они тоже не любили его, уж больно неприветливыми выглядели, а ветви пытались оцарапать его или даже схватить, когда он проходил мимо. Возможно, деревья заключили союз с теми маленькими обезьяноподобными монстрами, которые жили в земле, ужасными маленькими тварями, пытавшимися схватить беглеца. Именно эти чудовища натравили на него мерзких ядовитых ос, чуть не закусавших его до смерти. Но он оказался слишком умен для насекомых, он прыгнул в озеро. Озеро... Там он впервые увидел девушку... прекрасную девушку... которая послала — он знал, что это сделала она, — послала ему... огонек... маленький танцующий огонек... чтобы привести его... домой...

В бреду Том не заметил, как сошел с тропы на другую, еще более неразличимую — возможно, ее знали только обитатели леса — тропинку, что вела к Малому Брейкену более коротким путем.

11

Пробуждение

День, вечер, ночь прошли как в тумане. Том вспоминал себя на ступеньках коттеджа, входная дверь распахнута настежь, как будто его ожидали. После — ничего. Он не знал, как вошел и потом карабкался по лестнице в спальню; не мог припомнить, снимал ли он одежду, но позже проснулся в своей кровати, раздетый догола и прикрытый только простыней. Ему казалось, что до этого в комнате находился кто-то еще, Том был уверен, что чувствовал успокаивающие прикосновения нежных рук, мягкое воздействие *кремов* или мазей на раны и опухоли, прохладу, отгонявшую их жар, ослабляя воздействие ядов и тупую боль по краям раны.

В памяти промелькнуло лицо, склонившееся над ним, золотые волосы скользили по его щекам и лбу. Мягчайшие пальцы прикасались к распухшему веку, потом туман и боль

отступали от раненого глаза. Однако Том не мог говорить, выразить благодарность — и спросить, кто она такая.

Вновь появились крохотные огоньки. На этот раз они порхали по его спальне, влетая и вылетая сквозь раскрытое окно, но, возможно, это была часть бреда, порождение охваченного лихорадкой мозга. Тем не менее их нежные цвета и грациозный полет создавали ощущение восхитительного спокойствия.

Том сомневался в реальности событий, объясняя происходящее вызванными лихорадкой видениями. Возможно, он сам нашел дорогу домой, взобрался по лестнице и лег в постель, а все остальное — плод больного воображения. Но нападение вызвало слишком сильную слабость, судя по всему, с ним случилось нечто вроде анафилактического шока, и он никак не мог сам взойти по лестнице, раздеться и лечь в постель. *Не мог.*

К тому же еще была жидкость, которую его уговаривали выпить. В этом он не сомневался, с легкостью припоминая прохладный, сладковатый вкус. Кто-то — девушка? — приподнимал его голову с подушки, нежные пальцы поддерживали затылок, и напиток желтого цвета, похожий на мед, но менее вязкий, плавно проскальзывал в его пылавшее горло. Ее голос, нежный, молодой, звучал в ушах. Голос ангела. Но ангелы не мастурбируют в лесу. Впрочем, откуда ему знать?

Киндред положил руку на лоб, понимая, что подобные мысли не доведут до добра. Оба виска тупо ныли, но в других местах боли не было, и, когда он вытянул ноги под простыней, онемение практически не ощущалось. Он все еще испытывал усталость, но не изнеможение, и в этом крылась некая тайна: после всего пережитого следовало бы чувствовать себя абсолютно измученным, даже после суток сна.

Том принялся исследовать лицо кончиками пальцев, вначале осторожно, прикасаясь легко, ожидая найти припухлости и волдыри. Однако кожа была абсолютно гладкой, не считая щетины, выросшей за ночь на подбородке. Молодой человек уже знал заранее, еще до того, как прикоснулся к левому веку, что там нет раны, оба глаза видели одинаково хорошо, на пострадавшее веко не давила никакая тяжесть. Что, черт возьми, происходит? Он обследовал руки, ладони, тыльную сторону: никаких отметин, струпьев или укусов, совсем никаких следов от повреждений, полученных им, когда он пытался отбиться от разъяренных ос. Подтянув простыню до талии, поднял голову, чтобы рассмотреть ноги и особенно внимательно лодыжки. Ничего. Соскочив с постели, Киндред подошел к зеркалу на комод и принялся разглядывать свое отражение. Всего лишь два маленьких неглубоких шрама на щеке и нижней губе! Он чувствовал изумление и смущение, но над этими чувствами преобладала охватившая его чудесная радость.

* * *

Том торопливо натянул трусы и футболку, обдумывая события вчерашнего дня. Тот факт, что, как минимум, некоторые из них действительно произошли, подтверждало состояние безрукавки и спортивных брюк, висевших на ручке дивана. Одежда была грязной и влажной, безрукавка разорвана в нескольких местах. Он осмотрел промокшие кожаные ботинки, взял один из них и повертел в руках, желая исследовать подошву. Тина засохла между рубчиками. А на ближайшем к кровати подоконнике лежала трость, которую он потерял, когда в ужасе несея к озеру. Он изумленно покачал головой.

Свернув вместе одежду и ботинки, Том спустился по лестнице и положил их на кухонный стол, чтобы внимательно рассмотреть вещи позднее. Затем его внимание привлекли старинные часы, стоявшие на подоконнике: надо же, четверть одиннадцатого! Солнце, светившее в окно спальни, должно было бы разбудить его раньше. Он редко вставал так поздно, но, очевидно, тело знало, что ему необходим отдых. Он зевнул, потянулся, выгибая спину, избавляясь от последних остатков сна, чувствуя себя необыкновенно хорошо. И замер на середине зевка, заметив на дубовом столе вазу со свежими фруктами. Рядом с ней стоял кувшин с непрозрачной жидкостью, похожей на густой яблочный сок. Том подошел

поближе, скрестив руки и обхватив себя за плечи в жесте спокойного, но сдержанного приятия. Он был слишком заинтригован произошедшими событиями, чтобы беспокоиться по поводу невесты откуда взявшейся еды и питья. Некто ухаживал за ним день и ночь, затем оставил завтрак, сегодня чудесный день — на данный момент его заботило только одно: кто же этот загадочный посетитель.

Он вспоминал прекрасное лицо, которое склонялось над ним, золотые волосы, касавшиеся его лица, заботу и внимание в глазах девушки. Видение приобрело большую отчетливость: эти чуть-чуть раскосые оленьи глаза, их цвет из серебристо-голубоватого превратился в изумительно неясный оттенок фиолетового! Том замер возле стола, таращась в пространство; голова шла кругом. Кто она?

Мысли вернулись к тому моменту, когда он впервые увидел ее, обнаженную, на крохотной полянке возле озера. Девушка нежно ласкала себя, крохотные огоньки суетились вокруг, помогая получать удовольствие, нежными движениями прикасались к ней, скользили по белоснежной коже. И память воскресила желание, возникшее в нем, когда он стал невольным свидетелем ее эротических забав, тайным зрителем одинокой (не считая крохотных огоньков) страсти.

Эрекция чувствовалась сквозь одежду, и он невольно радовался ей, поскольку подобное состояние отсутствовало слишком долго и это мучило и беспокоило Тома. Во рту пересохло, затвердевший член почти болел, настолько страсть, свидетелем которой он стал, заполняла его чувства и мысли. Он обхватил член руками, стремясь взять под контроль прилив страсти, но прикосновение лишь усилило ощущение, заставив его издать короткий стон. Столько времени прошло с тех пор, как...

«Господи! Нет. Ты еще не настолько отчаялся!»

Со вздохом разочарования Том решительно направился из кухни в ванную комнату, еще на ступеньках стянув с себя футболку, и обмыл лицо и грудь холодной водой из крана. Не обращая внимания на капли, все еще падавшие с него, Том встал, вцепившись обеими руками в края фарфоровой раковины, прижав локти, вытянув вперед руки, и уставился в зеркало на стене.

Душевная усталость, которая столь долго чувствовалась в нем, ушла; ее сменила свежая жизненная энергия, резкая пронизательность в глазах лишь слегка смешивалась со смущением. Молодой человек внезапно обнаружил, что улыбается своему отражению. С сожалением покачав головой, он потянулся к электробритве.

* * *

Киндред, расположившись за столом, осторожно сделал глоток и сейчас прислушивался к своим ощущениям, прежде чем проглотить.

Это был яблочный сок и в то же время нечто другое. Привычный вкус смешивался с чем-то иным, незнакомым. Станный напиток напоминал нектар, хотя Том никогда не пробовал нектара и не знал никого, кому это удалось. Но наверняка у нектара оказался бы именно такой вкус — глубокий, насыщенный, каким-то образом наполнявший сначала грудь, а уж потом желудок. И все это в одной капельке! Следующим глотком он почти опустошил стакан.

Если питье было восхитительным, то слива оказалась к нему идеальным дополнением. Она выглядела как слива и была сливой на вкус. Но Господи, это самая большая и чудесная слива из всех, какие он когда-либо ел. И яблоко оказалось лучшим яблоком на свете, как и ягоды, которые он попробовал потом, — словно физически ощущалась их прелесть и питательность, их проникновение в его организм, возрождавшее и наполнявшее энергией. Том хорошо осознавал, что его чувства могли обостриться после долгой болезни, но это было нечто другое, словно первый когда-либо съеденный им фрукт и первый выпитый сок. Вкус их казался обыкновенным и в то же время уникальным.

Испытывая потрясающее чувство обновления, он продолжал пировать.

* * *

Некоторое время спустя, проделав упражнения (которыми он занимался с нехарактерным энтузиазмом) и распаковав то немногое, что еще оставалось, Том услышал звук приближавшегося к коттеджу автомобиля. Уверенный, что это либо Эрик Пимлет очередной раз явился с визитом, либо вернулась Нелл Квик, на этот раз на машине, Том отправился к распахнутой передней двери.

Маленький, тошнотворно-зеленый, двухдверный «фольксваген-гольф» остановился возле джипа в тот самый миг, когда он добрался до нижних ступенек, и молодая женщина в очках распахнула водительскую дверь.

— Добрый день, — крикнула она, приветливо взмахнув рукой. — Вчера пыталась дозвониться до вас по мобильнику, но он, вероятно, был отключен. Впрочем, конечно, у меня мог оказаться неправильный номер.

На ней были кроссовки, черные облегающие велосипедные шорты, белая футболка и расстегнутая ветровка с капюшоном. Когда женщина нырнула назад, собираясь достать что-то с пассажирского сиденья, Том заметил ее длинные и слегка загорелые ноги. Она быстро появилась вновь и, одной рукой захлопнув дверцу машины, держа в другой большую холщовую спортивную сумку, направилась к Киндреду. Ее улыбка выглядела такой же доброжелательной, как и приветственный жест; свободную руку гостя протянула ему, пальцы прямые, большой палец оттопырен.

— Кэти Бадд, — представилась она. — Ваш новый врач по реабилитационной физиотерапии.

Том протянул руку, которую она пожала с гораздо меньшей силой, чем он от нее ожидал. Возможно, женщина ориентировалась на его состояние, каким она его себе представляла. Ее глаза, испещренные коричневыми крапинками за стеклами круглых очков с тонкой оправой, смотрели оценивающе. Том в свою очередь пытался составить собственное представление о Кэти: ей чуть меньше тридцати, легкий избыток веса, тяжелые груди без лифчика, о чем свидетельствовали соблазнительно выступающие соски; в светлых волосах мелькали еще более светлые полосы, которые больше напоминали солнечные блики, чем творение модного парикмахера, а лицо казалось более привлекательным, нежели хорошеньким. К тому же его очень оживляла приятная улыбка.

— Вас нелегко найти, — говорила она в то время, как он делал все эти заключения. — К счастью, сначала я попала в этот огромный дом — Замок Брейкен? — а они направили меня сюда.

Речь ее была правильной, без всякого местного акцента.

— Простите, я пропустил ваш звонок, — извинился он.

— Ничего страшного. Я уже здесь. Может, обсудим ваши мучения?

Он улыбнулся, но слабо, поскольку прекрасно знал, какие мучения врач имеет в виду.

— Разумеется. Входите. Могу я предложить вам кофе?

— Лучше фруктового сока.

— А, у меня он как раз есть.

Том проводил ее внутрь, не позаботившись закрыть дверь. Бросив на пол спортивную сумку, женщина оглядела восьмиугольную комнату.

— Какое очаровательное место, — произнесла она с непритворным восхищением. — При ближайшем рассмотрении оно кажется крохотным замком из волшебной сказки. Это ваш летний домик? Мне говорили, что вы живете в Лондоне.

— Я здесь родился.

Она удивленно посмотрела на него.

— Ребенком я переехал на юг и оставался там, пока не закончил колледж.

— Понимаю, — кивнула гостя, но он видел, что не вполне; возможно, она считала слишком шикарным иметь квартиру в Лондоне и дом здесь.

— Вы сказали, сок лучше, чем кофе? Я могу приготовить чай. — Неужели ему жалко нектара?

— О нет, сок — это прекрасно.

Том мысленно одернул себя: «Прекрати». Достав стакан из буфета, он наполнил его нектаром, совсем чуть-чуть плеснув себе. Молодой человек заметил, что врач рассматривает его руки: жертвы инсульта обычно не имеют проблем со сжатием объекта, но с тем, чтобы высвободить его, расслабить пальцы и дать ему упасть, иногда бывает нелегко справиться. Расположившись напротив друг друга, они обменялись банальностями, прежде чем приступить к обсуждению главной темы — его болезни и режима упражнений, который поможет ему вернуться к нормальному состоянию.

— В основном это, — сказала женщина, доставая из сумки брошюрку, тетрадь и ручку. — Вот. — Перед ним на стол легла брошюрка. — Вы, вероятно, знаете все о случившемся инсульте и о том, что он сделал с вашим телом, не говоря о мозге. И я знаю, вы прошли не один реабилитационный курс, но это просто освежит память. Обратите особенное внимание, — она отправила ему через стол листок бумаги, — здесь пояснения к упражнениям, которые я подготовила. В вашем случае, поскольку инсульт был достаточно слабым, а вы еще молоды, я полагаю, мы можем добиться прекрасных результатов. Расскажите мне, как вы себя чувствуете сейчас, спустя три месяца после случившегося?

— Четыре.

— Хорошо. Что в вашем состоянии вас больше всего беспокоит?

Том дал ей краткий отчет о его нынешнем самочувствии, упомянув о сохранившейся слабости в левой стороне тела. Врач делала заметки, кивала головой и издавала сочувственные возгласы. Естественно, не желая, чтобы возник вопрос о состоянии его мозга, Том умолчал о маленьком приключении накануне — обнаженной девушке в лесу, летающих огоньках, нападении ос (как, интересно, он смог бы объяснить отсутствие укусов и синяков на своем теле?) и об отвратительных созданиях, вылезавших из земли. Нет, он не был сумасшедшим — по крайней мере, не настолько, чтобы рассказать о странном происшествии кому-то еще.

Он заметил, что гостя все чаще откладывала в сторону ручку, чтобы сделать глоток из стакана, пока наконец не сказала:

— Что это? Восхитительно! Сначала я подумала, что это яблочный сок, но сейчас не уверена.

Почему-то он решил солгать.

— Яблочный сок смешан с манго.

Придуманные ингредиенты вполне объясняли наличие необычного вкуса.

Наморщив лоб, врач продегустировала остаток питья в своем стакане.

— Шутите. Такого вкуса не бывает.

— Ну, я кое-что добавил, мой собственный секретный рецепт, понимаете?

Она многозначительно улыбнулась ему и покачала головой.

— Следовательно, я не могу купить его у Теско или в местном магазине?

Они дружно рассмеялись.

Женщина сделала еще несколько заметок, когда он завершил рассказ о своем состоянии, и наконец захлопнула блокнот, положив его на стол.

— Хорошо, — кивнула она, подарив ему еще одну успокаивающую улыбку. — Полагаю, вы станете одним из моих самых легких пациентов. Должна сказать, выглядите прекрасно.

— Э-э, я хотел выяснить...

Ее брови вопросительно поднялись.

— Были... были ли у каких-либо других ваших пациентов — у тех, кто перенес инсульт, — были ли у них проблемы с... ну... мозгом?

Привлекательное лицо Кэти стало серьезным.

— Мне не вполне понятно, что вы имеете в виду. Далеко не у всех после инсульта

полностью восстанавливаются мозговые функции. Но только у двоих или троих случился второй или третий удар, если вас беспокоит именно это.

— Нет, я действительно имел в виду проблемы с мозгом. — Ну вот, он и сказал это!

— Наверняка лечащий врач рассказывал вам о том, что часто начинаются трудности с речью, а таким простым вещам, как чтение или завязывание шнурков, приходится учиться заново. Инсульт стирает немалую часть человеческой памяти, но обычно она восстанавливается с течением времени. Время и терпение, мистер Киндред, все дело в этом. И, конечно, упражнения. Могу я называть вас Томас?

— Можете, но мое имя просто Том, без «ас».

— А я Кэти, с "и". И Бадд с двумя "д". Итак, давайте назначим старт на послезавтра, но сейчас я бы хотела провести несколько простых тестов.

Дотянувшись до спортивной сумки на полу, она что-то из нее достала. Киндред удивился, увидев небольшую пробковую мишень для дротиков. Женщина быстро оглянулась вокруг и заметила вешалку для курток, прибитую к двери, что вела на винтовую лестницу.

— То, что надо! — Гостья повесила доску на вешалку и вернулась к сумке. Снова нырнув в нее, она извлекла прозрачную коробку с тремя оперенными дротиками.

— Не могли бы вы встать... — Она мысленно прикинула расстояние до мишени и указала на пятно на вымощенном плитками полу: — Здесь.

Том выполнил ее просьбу, растерянно зажав в руке предложенный дротик.

— Цельтесь в середину, — велела Кэти. — Продемонстрируйте настоящую меткость.

Молодой человек понял цель упражнения, поскольку он проделывал нечто подобное с предыдущим физиотерапевтом.

— Левой рукой, я полагаю? — уточнил он.

— Я читала вашу историю болезни, но забыла. Инсульт случился в правом полушарии, не так ли?

Он кивнул.

— Следовательно, у вас проблемы с левой половиной тела, правильно? Я спрашиваю, потому что мне это незаметно. Ваш предыдущий врач проделал огромную работу.

Киндред не ответил, подняв левой рукой дротик до уровня глаз. В зависимости от того, в каком полушарии случился инсульт, пострадавший предпочитает определенное направление, целясь в объект. В его случае дротик, направленный в середину мишени, вероятно, должен был попасть в ее правую часть. Он швырнул дротик, прицелившись весьма небрежно, и почти попал в цель.

— Ого! — воскликнула Кэти. — Прекрасный бросок. Еще раз.

Второй бросок оказался лишь чуть-чуть менее удачным.

— Еще!

Третий дротик попал в центр.

Кэти вовсе не покровительственно захлопала в ладоши; судя по всему, женщина была искренне довольна.

— Следующий тест, кажется, не очень нужен, — заметила она, продолжая улыбаться. — Пройдите ко мне по одной линии между плитками, пожалуйста.

Том послушно зашагал, осознавая, что врач, вероятно, наблюдает за подъемом левой ноги и, возможно, за наличием крена.

— Отлично, — удовлетворенно произнесла она, когда пациент достиг противоположной стороны кухни, не сойдя с линии и ни разу не подвернув левую ногу.

Кэти быстро провела еще несколько тестов — проверила разгибание стопы, вращательные движения руки наружу, функцию сгибательных мышц плеча, разгибание плеча и ноги, кисти и пальцев, — и все это он проделал с легкостью, еще раз удивившись сам себе. Она просила его встать на кончики пальцев, затем на пятки, проверяла рефлекс и, наконец, велела зажмуриться и поднять руки на уровень плеч. Через минуту ему разрешили открыть глаза, и Том увидел, что обе руки находятся на одном уровне, левая не опустилась ниже.

— Даже не стану просить вас взобраться на стул или наблюдать, как вы садитесь в

машину, поскольку все свидетельствует о том, что ваша крупная моторика находится в прекрасном состоянии. Я поняла из медицинского заключения, которое мне прислали, что вы еще испытываете определенные сложности. Если и так, то я этого не заметила.

— Сегодня просто особенно хороший день, — смущенно сказал он.

— Ну, посмотрим, как вы будете действовать в следующий раз. Полагаю, я вас как следует нагружу, так что готовьтесь.

Она достала визитную карточку из кармана ветровки.

— Вот мой номер телефона и адрес на случай, если вам срочно понадобится связаться со мной. Здесь и номер мобильного телефона. Я как раз на окраине Шрусберри, поэтому могу добраться до вас очень быстро. Вы позволите позвонить, если мне понадобится связаться с вами?

Том писал номер телефона на листке блокнота, недоумевая: неужели она так же возится с каждым клиентом?

Сняв мишень с крючка, Кэти убрала ее в сумку и еще раз оглядела комнату.

— Здесь приятная атмосфера, — заметила она. — Такая мирная. Безмятежная. Вы счастливый человек, Том.

«Да, — подумал он так, словно эта идея только что пришла в голову ему самому. — Да, я счастливчик».

— Я вообще везучий, — согласился он.

12

Возвращение в большой дом

Погода испортилась. Дождевые тучи, скопившиеся на востоке, разнесло по всей стране резкими западными ветрами, так что теперь они накрыли графство плотным, почти неподвижным серым одеялом. Однако атмосфера оставалась неприятно теплой и влажной, время от времени выпадавший дождь никак не менял ситуации, и Том по дороге к Замку Брейкен положил локоть на открытое окно джипа, чтобы ветер освежил лицо.

Его продолжало мучить множество вопросов, касавшихся не только недавних, странных и волнующих событий. Вот, например, почему он солгал Кэти Бадд? Впрочем, на этот вопрос ответить было легко: не хотелось, чтобы она подумала, будто ее новый пациент спятил.

Кто бы поверил в подобную историю? Никто, и Киндред пребывал в здравом уме настолько, чтобы сознавать это. Так зачем давать повод для раздумий о состоянии мозга, о том, что удар повредил его, когда он знал, что это не так?

"Ведь ты это знаешь, верно? Ты не сумасшедший, не страдаешь слабоумием — даже если и разговариваешь сам с собой; ведь ты привык делать это еще задолго до болезни, правда?"

— Правда, — произнес он вслух.

Том пересек дорогу и повел джип по изрытому глубокими колеями проезду между деревьями. «Итак, если ты не сумасшедший, — продолжал он спрашивать себя, — какого черта все это происходило вчера и позавчера?»

Конечно, он не знал ответа, но в тот момент молодого человека не особенно беспокоило это обстоятельство. Он прекрасно себя чувствовал. *Он чувствовал себя здоровым.* Он, черт возьми, чувствовал себя лучше, чем когда-либо на протяжении этих четырех долгих и тяжелых месяцев! Ветерок, залетающий сквозь открытые окна, взъерошил волосы и забрался за мягкий воротник белой тенниски.

Джип подпрыгивал и трясся на изрытой поверхности, но скоро, миновав открытые ворота, выбрался на более ровную дорогу, что вела к Большому Дому.

Остановившись у переднего крыльца, Том с удивлением заметил старомодный черный велосипед с притороченной к рулю корзиной для продуктов. На нем отсутствовал переключатель скоростей, и весь он казался достаточно прочным, чтобы выдержать даже

циркового слона. «Настоящая древность, реликвия», — подумал молодой человек, вылезая из джипа. Рейнджровер Хьюго был припаркован неподалеку, у края прямоугольной площадки, из чего Киндред заключил, что друг дома. Что касается старого «бентли», то, несомненно, автомобиль стоял в гараже позади Замка.

Том поднялся по ступеням к парадной двери, не осознавая, что оставил палку в машине, прислонив ее к пассажирскому сиденью; он также не заметил, что в его походке не было даже намека на хромоту. Мысли сосредоточились на обветшалом состоянии огромного дома. Конечно, в день приезда молодой человек разглядел выцветшие заплатки на стенах здания, но не обратил внимания ни на раскрошившиеся швы в каменной кладке, ни на то, что оконные рамы потрескались и расслоились, а лепные украшения повреждены. На каменных ступенях тоже появились трещины, а их поверхность стала потертой и неровной, с легким налетом зеленой плесени. Дом выглядел позорно обветшавшим, и подобная перемена весьма опечалила Тома. Ребенком он боялся мрачноватого места, но все равно благоговел перед ним. Теперь Замок Брейкен терял свое величие, неудержимо старея. Он уже собирался позвонить, когда большая дверь распахнулась; широкое лицо Хьюго сияло улыбкой.

— Привет! Увидел, как ты подъезжаешь. Не ожидал тебя сегодня. Все в порядке?

Том пожал протянутую руку. Его друг Хьюго в любых случаях соблюдал формальности.

— Все прекрасно, — сказал он, переступая через порог. — Я просто подумал, что стоит нанести визит вежливости сэру Расселу.

— А, понятно. Правда, может быть, время не совсем подходящее, старина Отец сейчас отдыхает.

Большой холл был погружен в полутьму, длинные окна над широкой, плавно поднимавшейся лестницей выходили на север, стены с панелями из неполированного дуба, а также угрюмые портреты предыдущих обитателей Замка добавляли мрачности окружающей атмосфере. Том помнил, что люстра под потолком редко горела в дневное время, какая бы ненастная ни стояла погода. Пол был выложен черными и белыми плитками, но белые квадраты за много лет приобрели убогий желтовато-серый оттенок. Из холла вело множество дверей, ныне плотно закрытых. (Насколько Том помнил, сэр Рассел всегда настаивал, чтобы их оставляли открытыми. Гордый человек, он никогда бы не признался, что страдает клаустрофобией.) Длинная дубовая скамья с потертыми диванными подушками угнездилась в пространстве под лестницей; простая дверь рядом с ней вела в огромные подвальные помещения, находившиеся в фундаменте Замка. Том вспомнил, как мальчиками они с Хьюго однажды — и только однажды — играли в прятки там, внизу. Господи, кажется, целая жизнь прошла с тех пор...

* * *

Это была идея Хьюго — использовать для игры лабиринт подземных комнат и коридоров, хотя разгуливать там им обоим строго запрещалось. Но таинственный мрак этих помещений казался ужасно притягательным, и настойчивые просьбы приятеля быстро одолели тревоги Тома. Получив «привилегию» прятаться первым, он отправился вперед, а Хьюго распахнул для него дверь и, бросая вызов, указал на темноту подвала. Все выключатели были удобно размещены на панели сразу за дверью, и мальчик одновременно повернул их, так что темнота хотя и не полностью, но отступила.

Том спускался вниз по скрипучей лестнице, а Хьюго с невинным видом придерживал дверь, медленно считая до ста. Оглянувшись на друга, он решил рискнуть (вдруг его сочтут трусом?) и углубился в лабиринт коридора. Том был примерно на его середине, заглядывая в открытые помещения, чтобы отыскать подходящее место, где бы спрятаться, когда все лампы, мигнув, погасли. Сзади раздался приглушенный смех Хьюго.

Первым естественным побуждением мальчика было ринуться назад, вверх по лестнице, нащупывая стены коридора, чтобы не заблудиться, но страх перед насмешками Хьюго и собственное упрямство заставили его идти вперед. «Прекрасно, пусть он ищет меня в

темноте, если у него хватит храбрости», — с вымученной бравадой сказал себе Том, ощупью отыскивая дорогу. На самом деле сердце замерло у него в груди и он чуть не закричал от ужаса, когда погасли лампы. Теперь он старался справиться со своим страхом, уйдя в себя, в тот внутренний мир, о котором ему столько рассказывала Бетан, спрятаться в собственном тайнике, тайном прибежище его истинного духа, подлинного "я". «Этого укрытия не может коснуться ничто извне, — говорила она. — Ведь оно не является частью окружающей нас среды, хотя и руководит всем, что ты делаешь и чувствуешь». Его мать никогда не пускалась в подробные объяснения, но уверила его, что чем взрослее и умнее он будет становиться, тем больше поверит в присутствие этого внутреннего прибежища, и тогда все поймет сам. Только сама жизнь, со всеми ее внешними влияниями, может затуманить это знание. Мальчику было всего шесть лет, когда Бетан сказала об этом, и четыре года спустя — всего за месяц до того, как она покончила с собой, — ее слова все еще жили в нем.

Том двинулся дальше во мрак, его рука нащупывала трещины и выкрошившуюся штукатурку на стене; пальцы попадали в пугающе пустое пространство, когда он проходил мимо дверных проемов, держа свой путь на неверный источник света, слабо мерцавший где-то впереди.

Когда он дошел до конца коридора, глаза уже привыкли к окружавшей его темноте, и бледный огонек впереди с каждым шагом казался ярче. Мальчик стал морщить нос от угольной пыли в воздухе задолго до того, как дошел до последнего помещения и, остановившись у входа, сумел рассмотреть гору черного угля возле стены. У вершины огромной черной кучи виднелось пятно дневного света, а самым его источником была вертикальная щель, которая проходила по центру угольного люка. Подножие крутой угольной горы удерживалось перегородкой высотой в пять футов, и, присмотревшись, Том различил в обширном помещении огромный металлический бойлер, ныне бездействовавший. Огонь, который должен был бушевать внутри, погасили, чтобы отремонтировать трубы. Мальчик увидел открытый прямоугольник угольной заслонки, черный и пустой, как будто через него вылетела душа бойлера.

Сзади раздался шум — Хьюго искал приятеля. Том нервно оглянулся: куда бы спрятаться? — и осторожно вошел в котельную, вытянув руки перед собой, боясь споткнуться о какой-нибудь инструмент, а затем присел у подножия угольной горы. Он пытался восстановить дыхание, ноздри были забиты угольной пылью. Ему больше не нравилась эта игра, на самом деле она оказалась очень противной. Сам подвал тоже был противным, грязным и вонючим. Том с трудом удержался от истерического смеха, услышав шаги, приближавшиеся по коридору к котельной.

Шаги становились все громче, они медленно, но верно выбирали путь по каменному полу, как будто Хьюго точно знал, где искать Тома, но на всякий случай по дороге заглядывал во все открытые помещения. Мальчик удивился, почему его друг не зажег свет снова, но когда он привстал и быстро выглянул из-за перегородки, то увидел неяркий, но теплый свет, идущий из коридора; он становился ярче, по мере того как шаги становились громче. В состоянии нервного возбуждения Том не сообразил, что они гораздо тяжелее, чем могут быть шаги любого мальчика, даже такого упитанного и пухлого, как Хьюго.

Внезапно они затихли, и Том про себя хихикнул при мысли о том, как приятель со свечкой в руке медлит как раз возле котельной, то ли потеряв уверенность, то ли не имея желания входить в такое грязное место. Он прижал руку ко рту, чтобы заглушить смешок, и снова нырнул за перегородку.

В наступившей тишине Том слышал дыхание, тяжелое и слегка затрудненное, не похожее на то, как дышал бы мальчик. *Это не Хьюго!* Тот бы уже выдал себя хихиканьем. И у него не было свечи, когда они расстались наверху у лестницы. И Хьюго дышал бы не так. И шел бы не так. И если уж говорить правду, его друг никогда бы не спустился в этот жуткий подвал, не убедившись предварительно, что он хорошо освещен...

Человек за перегородкой задвигался опять, и в помещении стало светлее. Тот, кто держал свечу, чьи шаги были громче шагов любого мальчика, а дыхание — тяжелее, вошел в

котельную. По потолку задвигался свет — отражение свечи, как будто тот, кто ее нес, оглядывался вокруг. Том сжался в комок, когда шаги зазвучали по каменному полу, и глубокая тень, которая защищала его, стала скользить вниз по горе угля. Свет не просто приближался, свечу явно подняли выше.

Он вжал голову в плечи, затаил дыхание, все тело напряглось, хотя внутренняя дрожь не прекращалась, когда покров темноты стал съеживаться и исчезать.

Том услышал, как деревянная перегородка, за которой он прятался, затрещала, как будто бы кто-то с другой стороны навалился на нее. Медленно, неохотно он поднял глаза, боясь смотреть и боясь зажмуриться. Хьюго когда-то рассказывал ему, что богатые люди держат своих сумасшедших или очень уродливых родственников запертыми на чердаке или в подвале, не желая отдавать их в сумасшедший дом. Отец Хьюго был богатым. И у Хьюго когда-то был брат, которого считали мертвым...

Ну кто бы стал бродить по подвалам со свечой?

Том закричал и упал назад, на кучу угля, когда увидел длинное мертвенно-бледное лицо, наблюдавшее за ним поверх деревянной перегородки, неподвижные, лишённые всякого выражения глаза, в которых отражалось пламя свечи, поджатый безгубый рот.

Скелет — Хартгроув — не сказал ни слова. Вместо этого костлявая рука с пальцами, похожими на птичьи когти, дотянулась до него, ухватила за волосы и подняла, сильно потянув; концы пальцев показались Тому просто ледяными. Мальчик, дрожа, оказался перед высоким, сутулым, худым человеком. Молчаливый слуга, который, видимо, был в подвале до того, как погас свет, предпочитая использовать свечу, а не электричество, отпустил его, указав пальцем на открытый дверной проем.

Том пулей вылетел из котельной, не остановившись даже тогда, когда встретил в коридоре Хьюго с карманным фонариком в руке. Не обращая внимания на призывы друга, он вскарабкался по скрипучей деревянной лестнице и через холл кинулся к входной двери. Распахнув ее, слетел по каменным ступеням, набирая скорость на пологом склоне, что вел к мосту, уже едва справляясь с собственными худыми ножонками; солнце светило в глаза, свежий теплый воздух унес холод из его плоти, но не из сердца.

Том бежал по лесу без остановки до тех пор, пока не очутился в коттедже, в надежных объятиях изумленной матери. У него до сих пор случались ночные кошмары в память об этом случае — хотя страх перед Скелетом казался абсолютно неоправданным, — но Хьюго он отомстил уже через неделю.

* * *

— Доброе утро, Том.

С удивлением услышав ее голос, молодой человек резко потрянул головой, словно отгоняя воспоминания. Женщина стояла в дверном проеме одной из комнат.

— Мисс Квик... — только и выдавил он в ответ.

— Я же просила звать меня Нелл. Так гораздо приятнее, правда?

Сегодня она прекрасно владела собой, это было видно по ее позе — женщина прислонилась к дверному косяку, на губах играла такая же насмешливо-вызывающая улыбка, как в момент первой встречи. Да и голос звучал весьма уверенно. Быть может, она и выбежала из коттеджа в панике, когда тарелка разбилась о каменный пол, но сейчас Нелл явно не смущал тот загадочный эпизод. На ней была та же длинная и тонкая юбка, что и раньше, ее кайма болталась где-то на уровне икр, но вместо плетеных сандалий на ногах виднелись более практичные башмаки на широких каблуках. Блузка тоже казалась более официальной, хотя одну из расстегнутых пуговиц вполне можно было и застегнуть; темные, как вороново крыло, волосы только частично умирал бант на затылке.

— Да, ты ведь знаешь Нелл, верно, Том? — спросил Хьюго, сияя улыбкой, как будто их знакомство доставляло ему огромное удовольствие. — Я говорил, что кое-кто станет заглядывать к тебе время от времени, но, держу пари, ты не представлял себе, что это будет

такое восхитительное создание, как Нелл.

Мисс Квик покачала головой, глядя на Хьюго с шутливым укором.

— На самом деле, — продолжал его приятель, — обязанность Нелл — ухаживать за отцом. И она с этим прекрасно справляется.

— О, сэр Рассел не доставляет особенных хлопот, — оторвавшись от дверного косяка, она подошла к Тому. — Бедняга спит большую часть суток. Хотя в ночное время — редко. Забавно, что умирающие всегда боятся заснуть ночью, — мягкий тон голоса странно противоречил жестокости замечания.

Киндред нахмурился. В этой женщине было что-то такое...

— Том хотел бы навестить сэра Рассела, — Хьюго явно не заметил бестактности сиделки. — Что ты скажешь, Нелл? Достаточно ли отец бодр сегодня?

— Почему бы и нет, — ответила женщина, продолжая смотреть на Тома. — Это не повредит, даже если сэр Рассел и не сможет осознать происходящее. А все из-за наркотиков: они затуманивают его сознание. Но что толку уменьшать дозу: бедняга только больше страдал бы.

— Я провожу тебя наверх, Том, — резко перебил ее Хьюго. — Однако приготовься, это не слишком приятное зрелище.

Чувство глубокой грусти как будто отодвинуло в сторону то изумительное ощущение выздоровления, которое охватило его раньше; Том пошел вслед за другом по широкой лестнице. На ее середине, повинувшись внезапному импульсу, он повернул голову и взглянул на Нелл. Женщина по-прежнему насмешливо улыбалась, но вместо обольстительного выражения в ее темных глазах явственно читалась плохо скрытая жестокость.

13

Орлиное гнездо

Предстояло пройти немалое расстояние — на верхний этаж Замка Брейкен, к странному изолированному помещению. Его придумал и соорудил первый обитатель дома, вдохновленный прекрасным видом, открывавшимся с крыши. Некогда романтическое место для обозрения окрестностей теперь превратилось в последний приют умирающего старика. Затхлый воздух здания наполнял легкие, и страх Тома усиливался с каждой ступенькой. Хотя молодой человек никогда не питал особенной любви к Замку, он все же не мог припомнить, когда его отвращение было таким сильным. Возможно, надвигавшаяся кончина старика стала частью этой атмосферы, как когда-то давно могущественное присутствие сэра Рассела придавало всему укладу дома что-то вроде движущей силы; жесткая дисциплина держала в повиновении членов семьи и прислугу, пока немощь не начала медленно брать верх. Каково будет теперь оказаться свидетелем полной утраты сил, увидеть человека, которую он боялся до такой же степени, как и уважал, на пороге смерти? Том мучительно переживал предстоящее свидание.

Длинные пыльные шторы на окнах второго этажа были наполовину припущены, и потому мрак казался почти могильным. Вытертый ковер, чьи поблекшие цвета почти невозможно было различить, тянулся по всей длине коридора и до самого верха лестницы, а гобелены, тоже утратившие краски, почти полностью закрывали обитые дубовыми панелями стены. Каждая дверь здесь, будь то спальня или малая гостиная, была плотно закрыта, словно запечатана от любопытного взора, в дальнем конце коридора часы в длинном деревянном футляре, с циферблатом из гравированной латуни издавали глубокое звонкое тиканье. Когда Том взглянул на них, минутная стрелка дернулась, и он услышал громкий щелчок; часы изрядно отставали, и он не сомневался, что колесики и пружинки внутри сильно поизносились — как и сам дом. Эти часы, казалось, символизировали не только упадок Замка Брейкен, но и медленно уходящие жизненные силы его хозяина, биение сердца, которое, как и тиканье часов, словно наливалось свинцом.

Киндред хлопнул по перилам ладонью, чтобы хоть немного прийти в себя.

— Ты в порядке, старина? — Хьюго с беспокойством оглянулся через плечо.

— Извини. Просто опять одолели дурные мысли. Меня предупреждали, что время от времени на меня будет наваливаться депрессия.

— Боюсь, то, что ты сейчас увидишь, нельзя отнести к числу приятных зрелищ. Уверен, что хочешь идти дальше?

Кивнув, Том погрузился в молчание, пока они не добрались до площадки третьего этажа, где было еще более мрачно. Здесь занавеси задернули совсем плотно.

— Не понимаю, Хьюго. Почему дом напоминает склеп?

Его друг остановился, чтобы отдышаться.

— Не нарочно, — сказал он, облокачиваясь на перила, — просто на этом этаже никто не живет. У Хартгроува комната там, наверху, — ты же знаешь, когда-то здесь были в основном комнаты для прислуги, и это очень кстати, потому что так он ближе к отцу по ночам. Однако должен признать, что кое в чем ты прав. Дом выглядит и пахнет как какой-нибудь чертов склеп. Похоже, я никогда не замечал этого — слишком занят, вечно ношусь туда-сюда, ухаживая за отцом. Наверное, просто привык.

Он огляделся, сморщив нос. Здесь не было дубовых панелей, только выцветшие обои, которым вполне могло быть полвека, а то и больше. Никаких украшений — ни картин, ни гобеленов, ни мебели. Все двери, краска на которых потрескалась и облупилась, закрыты, как и этажом ниже. В середине коридора находилась другая, более простая, лестница. Двое мужчин направились к ней; дыхание Хьюго стало слегка затрудненным.

— Давным-давно следовало пристроить лифт, но ты же помнишь, у отца проблема с ограниченным пространством, — жаловался приятель, когда они вновь начали пониматься по лестнице. — К сожалению, нынче с деньгами слегка туговато, чтобы тратить их на такие дорогие штуковины, да ему сейчас в любом случае лифт не понадобится. Однако я бы поберег свои бедные ноги. И Хартгроув тоже... Старик мотается вверх-вниз так, что только берегись. Жутко преданный слуга и все такое.

Том удивился, что финансовые ресурсы Блитов не безграничны: состояние сэра Рассела всегда казалось ему беспредельным. Как будто читая его мысли, Хьюго произнес:

— Оставшуюся долю отца от прибыли в его компаниях по импорту сильно урезали с тех пор, как он удалился от дел. А постоянное колебание фунта жутко повлияло на торговлю в последние десятилетия. То он стоит крепко, то понижается, поэтому невозможно ничего спланировать наперед. Разумеется, его доля чего-то стоит, если бы он решился продать ее. Конечно, нельзя сказать, что дела наши совсем дерьмовые, но доходы не те, что бывали когда-то.

Том был не прочь проявить любопытство:

— А почему бы тебе самому не заняться делами?

— К сожалению, чувство семейственности нынче тоже не то, что раньше, — Хьюго остановился и внимательно посмотрел на старого товарища по играм: — Не думаю, что отец когда-нибудь верил в мои способности к бизнесу. Он ставил препятствия любой моей попытке занять место в его фирме. Господи, да я готов был начать мальчиком на побегушках, если бы он только позволил, а уж затем я мог сам проложить себе дорогу, я бы карабкался вверх собственными усилиями, Том! Но как же, отец не желал ничего подобного. Боюсь, что он не слишком-то верил в своих сыновей.

Том сочувственно покачал головой. Неужели сэр Рассел действительно потерял веру в Хьюго после скандала в страховой компании Ллойда? Но ведь уже прошло столько лет...

— Я знаю, о чем ты думаешь. Пойми, это одна из самых крупных страховых катастроф за все время, а отец вбил себе в голову, что основным игроком был я.

— Вряд ли он так считал, Хьюго.

Том облокотился о перила напротив друга, но несколькими ступенями ниже, так что ему приходилось смотреть вверх. Левая нога стала наливаясь тяжестью. Разочарованный, он постарался поставить ее прямо — а ведь совсем недавно чувствовал себя так неправдоподобно хорошо!

— О, уверяю тебя! Позорит семейное имя и прочее. Огромное количество богатых людей обанкротилось, простофили, которых обманом уговорили вложить деньги в рынок страхования, обещая приличные прибыли при очень небольших издержках... Многие из них были личными друзьями и деловыми знакомыми отца — на самом деле именно он представлял их мне, — и двое из них покончили жизнь самоубийством, потому что не могли перенести такой позор, как потерю всего состояния. К счастью, сам отец философски отнесся к этому.

— Он тоже участвовал в твоих денежных операциях?

— Да, а ты разве не знал? Именно я пригласил его присоединиться к 404-му синдикату, тому, который занимался патентованными средствами от асбестоза. Я думал, что тебе это известно.

Том покачал головой:

— Откуда? Я же был в колледже.

— Ну, мне от него тоже досталось, хотя его больше беспокоили дела друзей по Сити, чем собственные. Его личные потери тоже были велики, но он, по крайней мере, не обанкротился, иначе, — Хьюго махнул рукой, обозначая все вокруг себя, — поместье мы бы тоже потеряли. Не думаю, что он простил меня.

— Но это случилось много лет назад, и ты только начинал работать. Не может быть, чтобы он продолжал винить тебя до сих пор.

Хотя в то время сам Том был зеленым юнцом, он все равно помнил разразившийся в Лондоне скандал, связанный со страховой компанией Ллойда, в основном потому, что Хьюго был одним из самых молодых страховщиков, достаточно неопытным и незначительным, так что его можно было использовать в качестве удобного козла отпущения. Именно так и поступили более высокопоставленные и опытные его компаньоны. Благодаря некомпетентности и тому, что молено было в лучшем случае назвать неосторожными действиями, тысячи непредусмотрительных, легковверных инвесторов со стороны поместили все свое состояние и имущество в виде обеспечения за относительно малое капиталовложение в рынок страхования.

К несчастью, этих инвесторов не проинформировали об угрожающем количестве заявок, которые были предъявлены страховой компании в течение тридцати — сорока лет. Большая их часть касалась болезни, которой страдали рабочие, занятые в производстве асбеста, или те, которым приходилось иметь дело с волокнистыми материалами при строительстве. Кроме того, по всему миру был зарегистрирован скачок катастроф и бедствий: тонущие нефтяные танкеры и загрязнение ими окружающей среды, пожары на буровых вышках и добывающих газ морских платформах, крушения самолетов, землетрясения, лесные пожары, даже городские бунты. Во второй половине века все это разрослось до катастрофических для страхового бизнеса размеров. Когда все заявки наконец согласовали и оформили юридически, можно было предсказать колоссальные потери, большая часть которых затронула ведущую и самую старую из всех страховых компаний в Лондоне.

Пока повелители и владыки Ллойда срочно вербовали и принимали новых людей с именем, ослабляя для этого прежде весьма строгие правила и ограничения, множество агентов и брокеров безумно увеличивали риск, осуществляя вторичную страховку, создавая все расширяющиеся круги, которые постепенно возвращались назад, к своим собственным синдикатам, — практика если не мошенническая, то спорная, известная под названием «закручивание спирали». Этого нельзя было делать, как нельзя обманом вовлекать в подобное предприятие новых людей, не предупредив о том, что грядут огромные убытки. (Однако даже если предупреждения о возможности потерять все, включая последнюю рубашку, если дела пойдут плохо, и делались, то их сопровождали, фигурально говоря, подталкивание локтем в бок и подмигивание.)

Очень скоро после того, как великое множество известных имен добавилось к спискам Ллойда, удар был нанесен, и учреждение, известное честностью и компетентностью, бесповоротно загубило свою репутацию. Было исковеркано много людских судеб, и только

тот факт, что в ловушку попали многие члены парламента, предотвратил общественное расследование, возбужденное правительством (иначе банкротство заставило бы этих людей потерять свои места в палате). Сделка была оценена таким образом, что незадачливым инвесторам пришлось выплатить только проценты — хотя весьма крупные проценты — от своих убытков. (Многие инвесторы заявили, что использовалось элементарное вымогательство — правильное было бы назвать его шантажом, — чтобы заставить их платить.)

Постепенно скандал затих, и даже компания Ллойда избежала полнейшего краха, хотя она была на волосок от него (однако уже никогда не удастся вернуть к себе былое доверие). Но прежде всего понадобилось найти козлов отпущения: жертвенные овцы должны были отправиться на заклание. Хьюго Блит всегда утверждал, что оказался в их числе.

— Идем. Никаких посмертных вскрытий, пожалуйста. Это та часть моего прошлого, которую я очень хочу забыть. Жизнь продолжается, дружище.

Том догнал его, опираясь на перила со своей стороны лестницы. Его удивило, какую сильную усталость он вдруг ощутил.

Лестница вывела их во что-то вроде прихожей перед основными помещениями, длинную комнату с глубокими занавешенными окнами и единственной дверью, что вела на плоскую крышу дома В углу напротив стоял круглый стол, а рядом — высокий буфет. Разные коробочки с лекарствами были аккуратно расставлены на столе, и Том догадался, что иные медикаменты и инструменты сложены в буфете вместе с наркотиками, необходимыми для лечения сэра Рассела и облегчения боли. Как и всюду, здесь пахло затхлостью, но в атмосфере чувствовалось еще что-то, нечто менее явное, чем пыль и недостаток свежести, что-то такое, чего Том не мог вполне... И вдруг он нашел подходящие слова: запах приближавшейся смерти.

— Только тихо, хорошо? Сэр Рассел спит большую часть дня. — Хьюго стоял у двойной двери, положив руку на одну из потускневших латунных ручек. Толстый палец без всякой необходимости прижимался к выпяченным губам.

Том старался внутренне крепиться, боясь того, что может обнаружить за закрытыми дверями. Он помнил сэра Рассела полным энергии серьезным мужчиной. Владелец Брейкена был невысок ростом, но его спина всегда оставалась безупречно прямой, а плечи расправленными. Умные пронизательные глаза никогда не выказывали ту печаль, которая, несомненно, жила в нем, но гнев, казалось, постоянно кипел где-то у поверхности его взгляда; когда же он выплескивался наружу, то чаще всего изливался на Хьюго, младшего, единственного оставшегося в живых сына, который, казалось, всегда разочаровывал его. Редущие волосы сэра Рассела были иссиня-черными, как и узкая линия его усов, и хотя лоб избородили глубокие морщины и такие же морщины разбегались от углов глаз, кожа на лице была туго натянута, нигде не обвисла, черты лица не расплылись.

Когда Хьюго, осторожно повернув ручку, открыл половину двери, Том глубоко вздохнул. Теперь он готов.

Сначала молодой человек поразился увиденному, думая, что окажется в затемненном помещении, таком же, как прихожая и тот этаж внизу, с которого они только что поднялись. Но комната была полна света; несмотря на пасмурную погоду, дневной свет проникал сквозь огромные и многочисленные зеркальные стекла — даже заболел, сэр Рассел предпочитал открытые пространства. За окнами Том разглядел террасу с парапетом на крыше, а дальше низкие холмы и леса Шропшира. Вид был великолепный, отдаленные холмы казались светло-голубыми на фоне серого неба, а между ними лежали лес и поля. Киндред повернул голову к огромной кровати с пологом и хрупкой фигуре, лежавшей на ней; сама кровать располагалась между двумя окнами, выходившими на восток.

Сэр Рассел Блит лежал, опираясь на гору подушек, руки его покоились поверх простыни, удивительно тонкие запястья и длинные искривленные кисти выступали из рукавов белой пижамы. Трубки и провода электрокардиографа и внутривенной капельницы торчали из его тела, как тощие отмирающие органы, а выпуклость у бедра под простынями

указывала на то, что прооперированный кишечник заканчивался искусственным анусом, к которому присоединялся пластиковый мешок. Непривычное зрелище представляли четыре прочных резных столба кровати, не державшие на себе полога, верхняя перекладина была открыта, как будто любые занавеси намеренно сняли. Том предполагал, что сэр Рассел распорядился убрать драпировки, чтобы ничто не мешало ему любоваться видом за окнами, равно как и не помещало его в закрытое пространство. Комната производила впечатление удивительно светлой, и, кроме ложа больного, медицинской каталки и запаха телесного распада, ничто не выдавало ее нынешнего предназначения — интенсивного медицинского ухода за смертельно больным человеком.

Трудно было оторвать взгляд от хрупкой фигуры в постели, и, когда Хьюго двинулся вперед, Том пошел за ним. Когда они приблизились, молодой человек увидел прозрачную пластиковую кислородную маску, закрывавшую нижнюю часть лица больного, а затем трубку, которая тянулась от нее к хромированному цилиндру на подставке с колесиками между кроватью и медицинской каталкой. Он сумел разглядеть слабое вздымание груди сэра Рассела, когда старик втягивал чистый воздух.

— Отец? — услышал Том голос приятеля. — Отец, ты не спишь? Посмотри, кого я привел повидаться с тобой...

Хьюго остановился у постели и взглянул на Тома.

— Я думаю, он спит.

Внезапно оба мужчины услышали тихий звук, изданный сэром Расселом, — бормотание или просто хрип, вырвавшийся из старческого, пересохшего горла. Хьюго быстро наклонился вперед, вглядываясь в лицо отца.

— Ты не спишь? — повторил он. — Посмотри, друг приехал навестить тебя, ты давно его не видел. — Он сделал жест Тому, чтобы тот подошел поближе, затем уступил ему место.

Прижав ноги к кровати, Киндред наклонился над пугающе худой фигурой и чуть не отпрянул назад от сладковатого болезненного аромата. Но больше всего его потряс вид сэра Рассела, поскольку, хоть молодой человек и готовил себя к худшему, при ближайшем рассмотрении реальность оказалась еще тяжелее того, что он ожидал.

Хозяин Замка Брейкен и всего обширного поместья превратился в сморщенную развалину: его тело выглядело болезненно истощенным, крапчатый череп — почти лысым, если не считать нескольких длинных белых прядей. Кожа и губы имели пугающий синеватый оттенок, все линии и морщины высохшего лица углубились, превратившись в неправдоподобно увеличенные впадины. Тяжелые мешки под полузакрытыми глазами казались слоистыми складками отбеленного латекса, бледные зрачки над ними — вернее, та их часть, которая виднелась в щелочку между полусомкнутыми веками, — словно плавали в жидком кремовом веществе; они слегка дернулись, когда Том наклонился ниже, но он не знал, была ли это просто реакция на его тень, на изменение света, или все-таки через влажный туман глаза уловили присутствие нового человека. Тому показалось — или он это вообразил? — что во взоре старика мелькнула слабая искорка узнавания.

— Сэр Рассел, — сказал он почти шепотом, — это я, Том. Том Киндред.

Иссохшая голова слегка вздрогнула, как будто больной пытался повернуться к нему, и на несколько коротких мгновений взгляд сосредоточился, молодому человеку показалось, что в нем промелькнуло не просто узнавание, но и какое-то чувство. Может быть, радость, но она была слишком далеко запрятана, слишком затуманена слабостью и наркотиками, чтобы сказать наверняка. Одна из скелетообразных рук сэра Рассела дрогнула, затем поднялась на дюйм, не более; слабые холодные пальцы сомкнулись вокруг запястья Тома, и он ощутил стыд за свое желание отдернуть руку. Каким-то образом этот... это существо, лежащее в кровати, перестало быть мужчиной, активным, полным жизни человеком, которого он когда-то знал. Тот человек видоизменился, превратившись в сморщенную развалину: кожа, кости да зловонная плоть.

«О Боже, прости меня!...»

Холодные пальцы разжались. Глаза плотно закрылись, как будто желая отгородиться от

увиденного во взгляде Тома. Больной и одурманенный наркотиками, сэр Рассел сумел почувствовать отвращение молодого человека. Сейчас Киндред ненавидел себя, поэтому он снова взял старческую руку и осторожно сжал ее, извиняясь за невольную жестокость своей реакции.

Но глаза больного остались закрытыми, и Том в отчаянии увидел одинокую слезу, просочившуюся из-под угла левого века сэра Рассела. Она выкатилась и сползла в редкие седые волосы на виске, и эта слабая, едва различимая капля влаги заставила Тома еще глубже устыдиться себя самого.

Он выпрямился и оглянулся на Хьюго, во взгляде читался вопрос, как будто он молил сказать, что ему теперь делать. Друг на секунду смутился и пожал плечами, затем слегка встряхнул головой.

— Сомневаюсь, что он заметил твое появление, дружище, — сказал Хьюго, как будто пытаясь утешить его. — Он в таком состоянии почти все время. Я уверен, он даже не слышит нас, Том.

Том вглядывался в истощенное, мертвенно-бледное лицо сэра Рассела до тех пор, пока Хьюго, слегка откашлявшись, не сказал:

— Лучше пойдем, а? Пусть он отдыхает.

— Неужели для него больше ничего нельзя сделать? — спросил молодой человек почти умоляющим голосом.

— Сделано все возможное. У отца лучшие консультанты, лечение и уход, но все это уже бесполезно. Мы можем считать, что медицина сделала гигантские шаги вперед, но это не так. Спроси любого честного практикующего терапевта или хирурга, и они скажут тебе, что в половине случаев их образование только дает возможность о чем-то догадываться. Мысль, конечно, не слишком утешительная, но, к сожалению, верная. Теперь давай оставим его.

Том нехотя кивнул. Он надеялся поговорить с сэром Расселом, высказать свою благодарность за опеку, которую он ощущал все эти годы, возможно, даже спросить, какая ему нужна теперь помощь. В основном он хотел, чтобы бывший опекун знал о его присутствии, о том, что молодой человек беспокоится о его состоянии и готов остаться и ухаживать за ним, сделать все, чтобы облегчить ему боль. Киндред всегда боялся хозяина Замка, остатки привычного страха сохранились даже сейчас, несмотря на то что от старика осталась только оболочка того, прежнего, полного сил мужчины; но теперь пришла очередь Тома оказать всю поддержку, на которую он способен. Бетан хотела бы от него именно этого.

— Можно мне еще как-нибудь навестить его, Хьюго? — спросил он друга, с встревоженным видом замершего у постели. — Может быть, когда у него будет больше сил? Я думаю, он действительно хотел бы знать, что я здесь.

— Не уверен, что это имеет смысл. Ты же видишь, в каком он состоянии. Отец все время в полузабытьи, мне кажется, он вряд ли осознает, где он и кто с ним, а когда он приходит в себя, то большую часть времени просто глядит в окно.

Том машинально перевел взгляд на ближайшее окно и почувствовал, как на сердце у него стало легче от прекрасного вида. Отсюда сэр Рассел мог видеть поля, леса и отдаленные холмы. Молодой человек прищурил глаза. И... да, башенку, поднимающуюся над верхушками деревьев. Это был коттедж, красноватый мазок, расплывавшийся среди зелени. Интересно, видна ли старику башенка? Почему-то хотелось надеяться, что это так.

Киндред рассеянно обошел кровать и приблизился к одному из высоких окон. Небо по-прежнему закрывали облака, день выдался серым и скучным; однако, даже несмотря на пасмурную погоду, вид открывался великолепный, несметные зеленые пространства за окном казались ярче и глубже из-за отсутствия солнечного света. Ему захотелось выйти на террасу, вдохнуть чистого, свежего деревенского воздуха — в комнате почти невозможно было дышать, — но, как только он подумал об этом, на парапет крыши напротив окна уселась какая-то птица. Сорока сложила крылья, затем склонила набок голову и посмотрела прямо на Тома.

Неужели это та самая сорока, которую он видел на верхушке декоративной колокольни

Малого Брейкена? Та самая, что даже не шелохнулась, когда он хлопнул в ладоши. Чепуха конечно — наверняка это была не единственная здешняя сорока. Но все равно, в том, как чертова птица смотрела на него, было что-то неприятное.

Взгляд птицы казался холодным и отстраненным, и она не выказала никакого страха, когда Том побарабанил по стеклу. Наглость этого создания не могла не раздражать!

Внезапно Том ощутил чье-то присутствие и решил, что Хьюго подошел посмотреть, почему он барабанит по стеклу. Но, повернув голову, собираясь указать на птицу и объяснить в чем дело, он с удивлением обнаружил, что рядом с ним стоит Хартгроув Скелет. Слуга, должно быть, находился в комнате все это время, тихо и незаметно отсиживался где-нибудь в углу, нес одинокую службу при своем хозяине, сэре Расселе Блите.

Темные, без всякого выражения глаза смотрели мимо Тома, желая узнать, что привлекло его внимание, и эти непроницаемые глаза вдруг ожили (что же в них было — любопытство, гнев, страх?), когда Хартгроув увидел усевшуюся на парапет сороку. Не сказав ни слова, Скелет направился к двери, ведущей на крышу, открыл ее и вышел наружу. В изумлении Том наблюдал за тем, как слуга подошел к парапету, громко хлопая в ладоши.

Сороке было не занимать храбрости, Тому пришлось отдать ей должное, она ждала до последнего момента, прежде чем взлететь. Хартгроув взмахнул длинной рукой, но птица оказалась слишком быстрой и хитрой. Она отлетела на несколько футов назад, затем поднялась высоко в воздух и наконец исчезла.

Старые друзья обменялись удивленными взглядами, прежде чем снова взглянуть на высокую темную фигуру снаружи. Хартгроув стоял абсолютно неподвижно, наблюдая за полетом птицы. Когда же через несколько мгновений он повернулся к ним, друзья увидели выражение ярости на его мертвенно-бледном лице. Молодые люди вновь обменялись взглядами.

Первым заговорил Том, да и то шепотом:

— Какого черта все это значит?

14

Дом Нелл

— Выпьешь чего-нибудь для бодрости, Том? А еще лучше, оставайся-ка на ланч, а? Кухарка быстренько сготовит что-нибудь для нас обоих.

Друзья спустились вниз, в главный холл; оба чувствовали облегчение от того, что покинули верхнюю комнату, хотя ни один из них не признался бы в этом.

— Честно говоря, я вовсе не голоден.

— Сразу утратил аппетит, да? Ну, я предупреждал тебя, что зрелище не из приятных. Просто ужасно видеть отца в таком состоянии... Но все-таки тебе следует поесть, старина.

— Я съем что-нибудь у себя.

— Уверен? Думаешь, мне никак не удастся уговорить тебя? — Хьюго вопросительно приподнял брови.

— Да, уверен. Но я в любом случае благодарен тебе за приглашение.

Они вместе подошли к двери, но как раз в тот момент, когда Хьюго распахнул ее перед Киндредом, их остановил голос, донесшийся из ближайшей комнаты.

— О, Том, я ждала вас.

Молодые люди дружно обернулись и увидели на пороге гостиней Нелл Квик. От ее улыбки Тома против воли бросило в жар.

— Я собиралась уйти раньше, но обнаружила, что в моем велосипеде спустила шина. — Она встала прямо перед Томом, спиной к Хьюго. — Вы не могли бы подбросить меня домой?

Киндред хотел придумать какое-то извинение, сказать, что едет не домой, а в город, но обнаружил, что очень трудно противиться пристальному взгляду глубоких карих глаз. И улыбка... О Боже, что за улыбка!..

— М-м, — все, что он смог выдать.

— Вот и хорошо. Это совсем небольшой крюк для вас, не больше пары минут.

Она повернулась к Хьюго:

— Ты ведь присмотришь за тем, чтобы сэр Рассел принял лекарства? Все готово и ждет на кухонном столе. Миссис Баксли опять будет ворчать, но не обращай внимания на тот вздор, что она несет. Мы оба прекрасно знаем, что сэр Рассел не хочет никакой еды, особенно той, которую она мечтает запихнуть в него. Это просто пустая трата сил — уговаривать старого упряма.

Том был удивлен тем, как небрежно женщина разговаривала с его другом, но Хьюго, казалось, ничего не имел против. Он только кивнул головой и улыбнулся.

— Я вернусь позднее, — продолжала мисс Квик, — чтобы дать ему следующую дозу. Иногда мне кажется, что только мои снадобья еще поддерживают в нем жизнь.

— Я сделаю все, как ты говоришь, Нелл, — Хьюго открыл перед ними дверь.

— Если я понадобится раньше, просто позвони. Ты знаешь, что я в любой момент в твоём распоряжении.

Они обменялись взглядами, а Том нахмурился. «Кажется, я тут что-то прозевал, — мысленно сказал он сам себе. — Может быть, между ними что-то есть? Нелл — привлекательная женщина, а Хьюго... ну, парню должно быть изрядно одиноко здесь, в огромном доме. Но ведь она — сиделка его отца. Неужели у них роман?»

— Поедем, Том? — Нелл опять улыбнулась. Выражение ее лица казалось одновременно и обольстительным и насмешливым, как будто она затевала какую-то тайную игру.

— Прекрасно, — кивнул он, — мне тоже пора возвращаться. Дела.

Женщина опустила подбородок, вопросительно посмотрев на него. Дела? Предполагалось, что он приехал сюда выздоравливать, так какие у него могут быть дела? Казалось, ей доставила удовольствие эта маленькая ложь.

Они вместе сошли со ступеней, и Том, почувствовав спиной взгляд, обернулся. Но Хьюго уже закрыл за ними дверь.

— Вот, видите, — Нелл указала на старый велосипед, прислоненный к ступенькам; шина заднего колеса выглядела плоской и абсолютно бесполезной. Выражение ее лица было странно торжествующим, как будто женщина знала, что он усомнился в ее словах.

Том недоумевал, почему он не заметил спущенной шины, когда приехал, но вслух сказал только:

— Мы попробуем засунуть его в джип. Он должен влезть туда, если опустить спинки задних сидений.

— Это очень любезно с вашей стороны, Том, и определенно заслуживает награды.

Он постарался не заметить торжествующего блеска ее глаз, поднимая тяжелый велосипед и двигая его к джипу, держа заднее колесо на весу, чтобы спустившаяся шина не повредилась еще больше. Внезапно молодой человек заметил, что левая нога плохо его слушается — верный признак усталости. Еще недавно он чувствовал себя абсолютно здоровым и полным сил. А теперь усталость и онемение вернулись. Его визит в Замок Брейкен вызвал депрессию, и теперь Том размышлял, действительно ли его скверное самочувствие — результат плохих воспоминаний. Вид умирающего сэра Рассела, общее запустение когда-то великолепного здания — все это крутилось в его голове, забирая силы, так необходимые для выздоровления. Он откинул борт джипа, затем опустил спинки задних сидений. Теперь там как раз хватало места для велосипеда, если повернуть руль и переднее колесо. Дело сделано!

Том, хромая, обошел машину и открыл дверцу для своей благодарной пассажирки, а затем отправился к месту водителя. Когда он забрался на сиденье и включил двигатель, то заметил, что после возни с велосипедом руки у него слегка дрожат от напряжения, а лицо и шея повлажнели от пота. Но ему стало легче, когда, взглянув на Нелл, он увидел, что у нее на лбу тоже выступила испарина. Просто день был такой — душный и влажный.

— Это очень любезно с вашей стороны, Том, — повторила женщина, блеснув

белоснежными зубами.

— Пустяки.

Краем глаза молодой человек заметил, как его спутница подтянула подол своей свободной юбки так, что она едва прикрыла колени. Ее ноги были гладкими и слегка загорелыми — видно, она, как и его новый врач, полностью извлекала все преимущества из прекрасной погоды.

— Так тепло, — рассеянно пробормотала Нелл, словно не понимая, насколько возбуждающе выглядят сейчас ее ноги. — Думаю, позже разразится гроза. А вы как полагаете, Том? — Она смотрела на него так, как будто ее ужасно интересовало его мнение, глаза расширились, а зрачки в тени джипа казались угольно-черными.

Киндред уловил легкий оттенок мускуса в ее природном аромате — судя по всему, Нелл не употребляла духов, — и, даже несмотря на внезапно навалившуюся усталость, почувствовал, как им овладевает желание обладать этой женщиной.

— Возможно, — отозвался он, выводя джип через арку.

— Воздух тогда станет чище, — женщина приподняла подол юбки примерно на дюйм, как бы для циркуляции воздуха.

Том притворился, что не заметил этого.

— Вы видели сэра Рассела? — невинно спросила она, в то время как ее рука подтягивала подол юбки, еще выше открывая ноги.

— Да, — во рту у него пересохло.

— И?..

— И — что?

— Как он вам показался?

— Сэр Рассел в очень плохом состоянии.

— Думаю, его дни сочтены, — указательный палец руки, придерживающий юбку, гладил кожу над коленом, каждое его движение было чуть длиннее предыдущего, но никогда не доходило до некоей черты.

Молодой человек старался не сводить глаз с дороги.

— Расскажите мне вот что... — начал он, пытаясь отвлечься от соблазнительного зрелища.

— Все, что хотите, — немедленно откликнулась Нелл, прежде чем он успел закончить фразу; ей явно доставляло удовольствие поддразнивать его.

— Вы квалифицированная сиделка? Я имею в виду, вы где-то учились, проходили практику?

— А что, я не похожа на медсестру?

— Откровенно говоря, нет.

Она негромко засмеялась.

— Следует ли мне принять это за комплимент?

Том опять ощутил раздражение и был этому рад: не так-то легко сопротивляться заигрываниям этой женщины.

— Я просто спросил.

— Ну, я кое-чему обучалась и в течение долгих лет ухаживала за многими больными.

— Но вы сказали, что приготовили какое-то лекарство для сэра Рассела.

— Можете называть это лекарством. Многие люди приходят ко мне за моими особыми отварами и снадобьями. В основном деревенские, они доверяют старым способам лечения, но есть и другие — городские, которые слышали о моих зельях.

Том с трудом верил своим ушам.

— Вы что, шутите? Сэру Расселу нужен уход дипломированной медсестры.

— Его доктор приходит как минимум раз в неделю, и он вполне удовлетворен. Мне показали, как пользоваться медицинским оборудованием, — ничего сложного.

— Безусловно, доктору следовало настоять, чтобы Хьюго нанял настоящую медсестру. Сэр Рассел...

— Сэр Рассел умирает, Том. Вся самая профессиональная, — она подчеркнула голосом это слово, — помощь в мире не может изменить данный факт. Так что если мои особые снадобья могут облегчить его страдания, его доктор против этого возражать не станет. Помните, что сэр Рассел уже получил лучшее лечение, которое можно купить за деньги; теперь его смерть — это лишь вопрос времени.

— Но ведь ему наверняка нужны соответствующие медикаменты, наркотики или успокоительные таблетки — ну, все, что уменьшает боль и прочие неудобства!

— Все это у него есть. Да вы, должно быть, видели их своими глазами. Мы с Хьюго обучились управлять с ними, так что это не проблема. Кроме того, я купаю его, перестилаю постель. Я умею делать все, что делает дипломированная сиделка, так что, пожалуйста, не беспокойтесь. А когда меня нет, эта старая куча костей, Хартгроув, всегда рядом.

Теперь она тоже слегка рассердилась и, как с облегчением заметил Том, перестала дразнить его. Но, как будто прочитав его мысли, Нелл опять улыбнулась и дотронулась до его руки.

— Я знаю, сэр Рассел был добр к вам, Том. Хьюго рассказал мне, как он взял на работу вашу мать, а потом, когда она умерла, дал вам образование... Но теперь о нем заботятся всеми возможными способами, я вас уверяю.

К этому времени они выехали из ворот поместья и достигли шоссе. Пережидая, пока проедут несколько машин и грузовиков, молодой человек взглянул ей в лицо. Выражение абсолютной искренности в ее глазах удивило его.

— Послушайте, извините, если я...

Она приложила палец к его губам:

— Я понимаю. Вы беспокоитесь о нем, но мы все — тоже. Особенно Хартгроув, он вообще почти не отходит от постели хозяина. Поверьте, я сделаю все, что смогу, для сэра Рассела.

Улыбка исчезла, на лбу появилась легкая морщинка; странным образом это сделало женщину еще более привлекательной.

— В какую сторону? — спросил Том.

Она выпрямилась:

— Что?

— В какую сторону поворачивать к вашему дому? Налево или направо?

— О, налево. В том же направлении, что и к вашему коттеджу, но надо будет свернуть направо прежде, чем доберемся до проселочной дороги. Я покажу, как ехать.

Нелл откинулась на спинку сиденья, запрокинула голову на поднятый подголовник. Она снова улыбалась, но не ему. Это была какая-то странная, затаенная улыбка.

— Ремень, — напомнил он ей, пристегиваясь сам, прежде чем свернуть на шоссе.

— О, такие вещи меня не беспокоят.

Киндред пожал плечами и надавил на акселератор.

* * *

За каких-нибудь несколько минут они добрались до жилища Нелл, находившегося в конце переулочка, застроенного одинаковыми домиками: красный кирпич, крытая шифером крыша, перед фасадами — садики, огороженные низкими деревянными заборами. Некоторые выглядели неплохо, два или три — настолько ухожены, что напоминали конфетную коробку. Том решил, что это, должно быть, домики для воскресного отдыха зажиточных горожан. Тогда как другие находились в скверном состоянии: облупившиеся оконные рамы, давно не крашенные двери — в них, без сомнения, обитали местные жители, и гораздо дольше, чем их преуспевающие соседи.

Снаружи Том не смог определить, к какой категории принадлежит коттедж Нелл Квик, потому что его стены и крыша были покрыты вьющимися растениями и виднелись только окна. По подсказке своей пассажирки Том свернул на короткую потрескавшуюся дорожку.

Маленький сад содержался в беспорядке, сорняки постепенно душили и вытесняли цветы, кусты росли где хотели, а низкий заборчик покосился, поскольку несколько колеб отсутствовали. Калитки просто не было.

— Не внесете ли велосипед, Том? Я держу его на крыльце, — Нелл уже открыла дверцу и выбиралась наружу, не дожидаясь ответа.

— Я несколько занят...

Но она уже вышла, одна рука копалась в пластиковой сумке в поисках ключей, с другой свисал плащ. Впрочем, что он мог сказать? «Я тороплюсь домой, я ужасно занят, ничего не делаю?»

— Том! — Нелл была уже на крыльце, у двери. Ее зов больше походил на команду.

Киндред быстро расстегнул ремень и открыл дверцу. Какого черта, что с ним происходит? Женщина решила слегка пофлиртовать, вот и все. Господи, неужели он настолько тщеславен, что вообразил, будто такая красotka могла бы заинтересоваться им? Конечно, у него бывали подружки в Лондоне, но работа значила для него слишком много, чтобы заводить серьезный роман. И он вовсе не был бабником, любая женщина легко могла понять это. Нелл дразнила молодого человека, потому что почувствовала его внутреннюю застенчивость, вот и все. Возможно, она вела себя так с любым встреченным ею мужчиной. Хьюго, похоже, сильно увлекся ею. Том вспомнил, как она разговаривала со своим работодателем, и опять задал себе вопрос, есть ли что-нибудь между ними. Ну, если есть, стоит пожелать Хьюго удачи.

Легкое беспокойство всколыхнулось в нем. Несмотря на то что финансовые дела семьи пошатнулись, старый товарищ скоро станет весьма богатым человеком. После смерти сэра Рассела, как его единственный сын и наследник, Хьюго получит все. Он стал бы неплохой добычей для любой женщины...

Теперь, погруженный в свои мысли, Том застыл, держась руками за задний борт джипа. Только еще один оклик Нелл заставил его действовать. Он быстро нажал нужную кнопку и поднял борт, затем вытащил велосипед. Тот запрыгал по земле передним колесом, и Киндред пропихнул его сквозь проем в заборе; в этот раз он уже не заботился о судьбе спущенной шины; она испустила свистящий звук, когда молодой человек поволок велосипед по дорожке. К тому времени, как он поравнялся с Нелл под навесом крыльца, она уже широко распахнула двери коттеджа. Внутри было темно, тени казались неестественно глубокими, и Том на минуту ощутил тревогу. Дубовая дверь состояла из двух частей, как ворота конюшни, ее нижняя часть доходила ему до бедра. Он заглянул внутрь, в темноту, но смог разглядеть немного: дощатые полы, деревянные балки в терракотовых глиняных стенах, высокий стул прямо в дверном проеме.

— Оставьте велосипед здесь и входите, — услышал он ее голос, когда наклонился вперед, чтобы разглядеть что-нибудь еще. — Выглядите разгоряченным. Полагаю, вам не повредит выпить чего-нибудь холодненького.

Он собрался с духом и выпрямился.

— Э... нет, я в полном порядке. Я поеду. — Он прислонил велосипед к крыльцу.

— Чепуха. Заходите, позвольте мне отблагодарить вас за вашу любезность.

Не дожидаясь следующего отказа, Нелл исчезла из виду, не оставив ему другого выбора, кроме как идти за ней.

Внутри было прохладно, маленькие окна, наполовину скрытые вьюнками, почти не пропускали света. Агент по продаже недвижимости описал бы интерьер дома как «компактный», Том мог назвать его захламленным. Казалось, в комнате не было ни одного пустого места: мятые журналы и потрепанные книги высокими стопками громоздились на стульях и подоконниках, высушенные травы свисали с потолочных балок; астрологические символы были намалеваны на терракотовых стенах между встроенными деревянными балками, а круглый стол в центре комнаты загромождали глиняные горшки и банки, опять-таки книги и журналы, ручки, цветные чернила, катушки разноцветных ниток, в которые были воткнуты иголки, крошечные безделушки и рулон красной ленты. Большой медный

чайник с закопченным дном стоял на одной из кирпичных полок внутри большого (настолько большого, что он занимал всю противоположную стену) открытого камина в шотландском стиле. По обе стороны находились старомодные черные горшки для приготовления пищи, каминные щипцы и кочерга. На широкой деревянной полке тоже стояло множество горшков и банок. Шаткая на вид лестница рядом с камином вела в верхние комнаты; ее первая площадка освещалась маленьким окном. По другую сторону от камина находилась кухня — Тому была видна часть раковины и сушилка. Буфет у окна, выходявшего на дорогу, привлек его взгляд из-за весьма эротичного резного украшения: обнаженной женщины с одной только полоской ткани на бедрах. Женщина, склонившись, поправляла ее, но ткань закрывала немного. Соски удлиненных грудей подсвечивались сзади дневным светом, а одна рука находилась в соблазнительной близости к углублению между ногами. Посмотрев через противоположное окно на заднюю часть владения, он увидел сад, еще более неухоженный и заросший, чем перед домом; однако разница была в том, что среди зарослей сорной травы то и дело попадались яркие клумбы.

Хотя углы этой захлавленной комнаты скрывались в тени, а потолок казался почти давяще низким, в комнате было не так темно, как он ожидал, глядя снаружи на скрытые вьюнками окна.

— Итак, Том, что бы вы хотели получить в качестве награды?

Нелл стояла около широкого дивана, куда она бросила свой плащ и сумку. Она улыбнулась той же насмешливой (или обольстительной?) улыбкой, к которой он уже начал привыкать.

— Нет, мне действительно надо идти.

Он сам не мог понять, почему держится так скованно. Может быть, в этой женщине было что-то, чему он инстинктивно не доверял. «Или, возможно, ты опасаясь того, что должно произойти? — спросил его внутренний голос. — Вероятно, ты боишься, что можешь оказаться не на высоте. В конце концов, прошло так много времени с прошлого раза, верно? И твой организм подвергся тяжелому испытанию».

— Да бросьте, просто выпейте лимонада или фруктового сока. Можно чего-нибудь покрепче, если хотите. У меня есть джин. Или вино. Все, что угодно.

Том вздохнул, понимая, что Нелл не отстанет, пока он не согласится.

— О'кей, тогда просто лимонада.

— Неужели так трудно было решиться? — поддразнила женщина, прежде чем исчезнуть в дверном проеме. Однако, выходя, Нелл успела взглянуть на себя в старинное зеркало на стене и слегка поправить прическу.

«Да, эта женщина тщеславна. Но, в конце концов, почему бы и нет? Ей есть чем гордиться».

— Садитесь, Том, будьте как дома, — крикнула она из кухни. — Попробуйте устроиться на диване — по виду не скажешь, но он очень удобный. Просто сбросьте мое барахло на пол.

Подойдя к дивану, он переложил сумку на захлавленный стол, затем повесил легкий плащ на ручку кресла. Сел и откинулся на спинку дивана.

Оказавшись вне поля зрения, Нелл прислонилась к кухонному шкафчику, сдвигая в сторону посуду, стоявшую на средней полке. Весь шкаф был забит горшками, высокими и низенькими, банками и коробками всевозможных форм и размеров. На каждой белела аккуратная наклейка: базилик, чеснок, мята, майоран, вербена, мед и многое другое. На верхней полке выстроились сосуды с маслом — тимьяновым, лимонным, лаймовым, розовым и гераневым. Веки женщины опустились, улыбка больше не казалась насмешливой; лицо выражало скрытое удовлетворение. Она провела языком по верхней губе, увлажнив ее; на лбу, шее и в ложбинке между грудями появилась блестящая пленка пота.

Мисс Квик и сама точно не знала — сам ли мужчина так возбуждал ее или то, что она собиралась с ним сделать. Конечно, Тома можно назвать интересным, даже красивым, а его тело, хотя и слегка ослабевшее после болезни, было молодым и достаточно крепким, чтобы

превратить обольщение в удовольствие. Нелл задрала длинную легкую юбку, обнажив стройные ноги, затем провела кончиками пальцев по внутренней стороне бедра, наслаждаясь этим прикосновением, ощущая, как кожа повлажнела от удушливо-жаркого дня; рука скользнула под хлопковые трусики, погрузившись в жесткие черные волосы между ногами. Она резко втянула воздух, когда средний палец окунулся во влагалище, слегка надавив, чтобы проникнуть глубже.

Еще один вздох. При мысли о Томе, который находился всего в нескольких дюймах от нее, по другую сторону стены, и не подозревал, чем занята хозяйка дома, тело ее содрогнулось. Указательный палец присоединился к среднему, прикоснулся к вагинальным губам, проник дальше, ощущая набухающий клитор и собирая влагу, так что когда она выдернула руку, пальцы были скользкими и влажными.

Женщина опустила подол юбки, затем поднесла пальцы к носу, вдыхая запах. К этому времени ее дыхание стало неровным, груди встали почти торчком от с трудом подавляемого желания. Она пробежалась влажными пальцами вокруг шеи, между грудей, за ушами, смазывая себя своими собственными выделениями, ведь в них содержались феромоны, самое естественное средство, усиливавшее половое влечение.

Дойдя до предела возбуждения, она достала из холодильника бутылку лимонада, быстро наполнила кувшин и вернулась в другую комнату. Том осторожно пристроился на краешке дивана, рассматривая плетеную кошку, стоявшую на маленьком серванте в другом конце комнаты, явно сделанную руками самой Нелл. Он обернулся, и хозяйка дома заметила раздражение в его взгляде. От этого ее улыбка стала еще шире.

— Возьмите, это вас слегка охладит, — сказала она, вручая ему полный стакан.

От Киндреда не ускользнул косвенный намек, содержащийся в ее фразе. Пробормотав слова благодарности, он залпом выпил полстакана.

— Я и не знала, что вы так страдаете от жажды, — сказала она, усаживаясь рядом. Том подвинулся, освобождая ей место, но все равно их колени почти соприкасались.

— Вам не одиноко там, в лесу, Том? — спросила она, наклоняясь так, что ее лицо оказалось в опасной близости от него, причем сейчас в глазах женщины не было и следа насмешки или поддразнивания.

От нее исходил легкий, едва ощутимый запах мускуса, и сейчас он вовсе не казался неприятным.

— Мне нравится, — ответил Том, прежде чем отпил еще лимонада, — тишина выгодно отличает это место от Лондона, а одиночество... ну, у меня наконец-то появилась возможность подумать.

— Иногда вредно думать слишком много. Забираешься в глубь собственной головы, а потом бывает нелегко выбраться оттуда.

Станные слова, но Киндреду показалось, что он понял их смысл. Сразу после инсульта он лежал в постели, абсолютно беспомощный, и чувствовал, что попал в западню, его тело превратилось в контейнер для ума — не мозга, а именно ума. Глаза стали всего лишь воротами, через которые ум заглядывал в этот мир.

— С тех пор как я вернулся, у меня вполне хватало занятий. — Слабо сказано, если подумать. На один короткий миг он чуть не поддался искушению рассказать обо всем случившемся с момента возвращения в Малый Брейкен, но нечто — еле слышный внутренний голос? — предупредило его, что делать это не следует.

— Вы меня удивляете, — ее рука скользнула по спинке дивана и прошла по его затылку, поскольку он отклонился назад. — Никогда бы не подумала, что там есть чем заняться.

— Ну, мне нужно делать постоянные упражнения, чтобы вернуть себе форму, и я могу долго гулять по лесу. А через несколько дней я планирую понемножку начать столярничать.

— Ах да, вы краснодеревщик. Хьюго рассказывал мне, какой вы замечательный мастер.

Это последнее замечание дало ему возможность перевести разговор на интересующую его тему.

— А как давно вы знакомы с Хьюго?

— Около года. Я знала его и раньше конечно — все в округе знают владельцев поместья Брейкен, но мы никогда не разговаривали до тех пор, пока однажды он не обратился ко мне за помощью.

— Когда он искал кого-нибудь для ухода за сэром Расселом?

— Нет. Хьюго пришел ко мне из-за своих бородавок.

— Что? — Том чуть не расплескал лимонад, и Нелл расхохоталась, глядя на изумленное выражение его лица.

— А вы не знали, что у него на спине бородавки? — Она опять засмеялась.

Том покачал головой, гадая, какое отношение ко всему этому имеют бородавки его приятеля.

— Я — целительница, вы разве еще не поняли? Хьюго не объяснил вам? — Женщина выглядела искренне изумленной.

— Ну, честно говоря, нет. Я просто думал, что он нанял вас потому, что вы квалифицированная медсестра или сиделка.

— Это так. Я работала в оздоровительном центре в Уэльсе, пока не умерла моя старая тетя, которую я даже не знала; она оставила мне этот дом. Я была ее единственной родственницей, так что унаследовала все ее имущество.

— И вы никогда с ней не виделись?

— Никогда. И даже не знала, что она существует. Моя мать никогда не рассказывала ни о каких родственниках, так что я всегда считала, что у меня их просто нет. Вообразите мое удивление, когда я узнала, что у нас с ней одно и то же призвание. Она тоже была целительницей.

— Вы имеете в виду, медсестрой?

— Целительницей, Том. Травницей, гомеопатом. Некоторые здесь считали ее ведьмой. — Ее глаза неотрывно следили за Томом.

Он вновь посмотрел на астрологические символы, изображенные на коричневой стене, затем, внутренне посмеиваясь над собой, на грубую метлу, приткнувшуюся у камина, на большой черный горшок, который теперь показался весьма похожим на котел.

Лицо ее вновь приняло серьезное и загадочное выражение.

— Обо мне думают то же самое, — добавила Нелл.

Настала его очередь улыбнуться:

— В наше-то время?

— А вы полагаете, что ведьм не существует?

— Я слышал о людях, которые считают себя таковыми. Мне всегда казалось, что у них голова не совсем в порядке. Но они достаточно безобидны, если только не принимать их всерьез.

— Не собираюсь спорить с вами, Том, но я всегда умела лечить.

— Это совсем другое. Но магические заклинания, проклятья? Нет, это оставьте детским писателям. Кстати, а что случилось с бородавками?

Он почувствовал, как пальцы Нелл коснулись волос на его затылке, и ощутил легкую боль, когда наклонился вперед.

— Хьюго услышал обо мне, о том, что я умею готовить старинные снадобья, зелья для успокоения ума и тела.

— Зелья? Похоже, вы взялись выполнять работу своей тетки?

— На самом деле я научилась всему этому у матери, а она — у своей. Тайные способы Викки¹ всегда были известны моей семье, хотя мы никогда не были допущены в круг тех, кто называет себя викканами.

Она заметила недоверие, промелькнувшее во взгляде гостя, и ухмыльнулась, испортив ему настроение.

— Не верите в подобные вещи? — с презрением сказала она — А еще из Малого

¹ Викка — культ черной магии. Виккане — adeпты культа.

Брейкена!

Ее последние слова прозвучали более чем многозначительно, но Том молча пожал плечами, сделав вид, что не заметил особой интонации.

— Это не имеет никакого отношения к религии, — продолжала она. — Просто у них своя система ценностей. Виккане радуются миру природы, и каждый из них обладает способностями к магии. Эти люди используют только естественные, природные лекарства, ни в коем случае не химические и не синтетические.

— Но, судя по вашим словам, они вас никогда не принимали, — перебил ее Том.

— Некоторые из нас предпочитают противоестественные способы, — она засмеялась низким горловым смехом, и Киндред ощутил, как по коже побежали мурашки.

Смех Нелл резко оборвался, и мужчина вновь подпал под влияние ее таинственного очарования.

— Если бы вы только позволили, Том, я могла бы значительно улучшить ваше самочувствие.

— Нет уж, буду придерживаться предписаний врача, — усмехнулся он.

— Вы не верите, что я могу помочь вам?

— Травами и зельями? — Его улыбка стала шире.

— Почему вы мне не доверяете?

— Ваши методы не кажутся мне эффективными. — Том был вполне откровенен.

— Спросите Хьюго насчет его бородавок. Я заставила их исчезнуть.

— Моя болезнь чуть-чуть сложнее, — он опять заговорил серьезно: — Все-таки не понимаю, почему Хьюго нанял в качестве сиделки именно вас. Сэр Рассел смертельно болен и нуждается в самом лучшем медицинском уходе, который только можно получить.

— Я уже сказала, что сэр Рассел умирает, и этот факт не смогут изменить лучшие доктора и медсестры в мире. Вот почему Хьюго попросил меня помочь, когда услышал обо мне и затем убедился в моих способностях.

В прекрасных темных глазах Нелл как будто зажглись два маленьких костра, и это сделало ее еще более обворожительной. Иссиня-черные локоны обрамляли ее лицо, подчеркивая высокие скулы и яркость блестящих губ. Том почувствовал напряжение, но это было приятное чувство, которое ускоряло бег крови. Он не заметил, когда она придвинулась ближе, но теперь их колени соприкасались.

— Раз за разом медицина подводит нас, иногда даже убивает своими глупыми ошибками и невежеством, так что у людей просто нет выхода, кроме как искать другие способы лечения.

Он не мог отвести глаз от ее полной груди под блузкой: расстегнутые верхние пуговицы позволяли видеть возбуждающий отблеск обнаженной плоти. Хотя молодой человек до сих пор не понимал, нравится ли ему эта женщина, невозможно отрицать, что Нелл привлекает его.

— Я облегчаю страдания сэра Рассела. Мои бальзамы успокаивают его. У меня есть собственные рецепты зелий, которые снимают боль его старого сердца.

— Когда я видел его сегодня утром, он казался изрядно одурманенным наркотиками.

— Я обязана давать ему и обычные лекарства, — она произнесла слово «обычные» как ругательство. — Его врач настаивает на этом, но я помогаю ему и иными способами. Почему вы не хотите, чтобы я помогла и вам тоже?

— Я уже сказал, что мне нужны упражнения, отдых и регулярный прием очень мягких лекарств. Это мнение врачей, которым я доверяю.

Палец ее левой руки лег на колено мужчины, как будто желая поставить точку. Он почувствовал легкий нажим, который, казалось, распространился по всему бедру.

— А я-то думала, что убедила вас, Том, — доктора знают очень мало, особенно когда речь идет о душе человека. Мое лечение затрагивает ум, душу и тело.

Теперь вся ее рука лежала на его колене. Киндред повернулся, чувствуя себя неудобно, но женщина не изменила позу. Другая ее рука опять легла на его затылок, и теплые пальцы

скользнули за ворот рубашки. Ощущение нельзя было назвать неприятным. На самом деле он ощутил нечто вроде слабого электрического удара, распространившегося вниз по позвоночнику.

— Я могу успокоить тебя, Том, — сказала Нелл тихо и, как ему показалось, искренне. — Я могу излечить твои недуги, снять головные боли... — Ее рука порхнула с колена и легла на его лоб, от пальцев исходило ощущение необыкновенного утешения и успокоения. — Я могу опять вернуть твоей ноге прежнюю силу... — Должно быть, она заметила, как он хромал и как подворачивалась его левая нога, когда он тащил велосипед к джипу. — И я могу помочь твоей руке... — От ее взгляда не скрылось, как он старался шадить левую руку, поднимая чертов велосипед. — И я могу очистить твой дух, Том, и ты сможешь наконец ощутить себя в безопасности, хотя бы в собственном доме...

— Что? — он не резко, но достаточно уверенно сбросил со лба ее руку, чтобы не дать ей усомниться в его решимости. — А почему, собственно, я не должен там чувствовать себя в безопасности?

Нелл выпрямилась, и Том заметил, что в ее глазах промелькнула грусть, словно она жалела, что прогнала подходящее настроение.

— По-твоему, в Малом Брейкене не происходит ничего необычного? — Женщина смотрела на него с неподдельным любопытством.

— Это *мой* дом. И там все в порядке.

— Тогда почему тарелка перелетела через всю комнату и разбилась о пол?

— Ветер подул. Помнишь, дверь была открыта?

— Я не ощутила никакого ветра.

Если она и разозлилась, то не показывала этого. Скорее, в голосе женщины звучало сочувствие, ее как будто тревожило, что он сам не понимает происходящего.

— В тот момент мы были заняты другим. — Нелл улыбнулась своим воспоминаниям, но продолжала спорить: — Я ощущала это и раньше, каждый раз, когда заходила туда.

— Ты бывала в Малом Брейкене до моего приезда?

— Всего дважды. Хьюго попросил меня прибраться и вытереть пыль к твоему возвращению. А во второй раз я привезла продукты. Вот тогда-то я и почувствовала, что там не все в порядке.

— В коттедже, который пустовал годами? — Том покачал головой. — Я не верю в эти глупости, и тебе бы не следовало.

— Почему? Это часто бывает, некоторые места обладают своим собственным настроением или атмосферой, особенно если в них когда-то произошло что-то плохое. Я не думаю, что Малый Брейкен хорошо относится к людям.

Киндред усмехнулся, но усмешка получилась кривой.

— Это правда, Том. Что ты почувствовал сегодня, приехав в Замок? Разве ты не ощутил запах несчастья?

— Сэр Рассел умирает. Любой, кто знает об этом, обязательно почувствует запах несчастья.

— На самом деле там кроется нечто гораздо большее. Но я беспокоюсь о тебе, Том.

Опять пальцы женщины погрузились в волосы на его затылке, а другая рука легла на бедро. Он чувствовал тепло ее тела сквозь плотный материал джинсов.

Киндред не сопротивлялся. К чему? Но он неосознанно тянул время.

— Почему... почему ты беспокоишься обо мне?

— Потому что ты там один.

— С домом все в порядке.

— О, это не так...

Нелл была не из тех, кого можно легко свернуть с дороги. Она прижалась к его губам.

Теперь Том воспротивился, но очень слабо. Голова его гудела от вопросов. Что случилось с Малым Брейкеном? Почему она так старается соблазнить его? И... какого черта он так этому противится?

Внезапно он ответил на поцелуй, губы мужчины увлажнились от ее губ, язык Нелл проскользнул между его зубами. Том опять ощутил ее ладонь у себя на затылке, женщина притянула его к себе, так что их поцелуй почти причинял боль. Он вдыхал ее странный мускусный запах, невероятно волновавший и усиливавший желание. Пальцы Нелл двинулись к верхней пуговице джинсов, умелые прикосновения еще больше возбуждали. Несмотря на то что поцелуй все еще продолжался, он услышал короткий резкий вдох — ее вдох, — когда пуговица растянулась. Том что-то невнятно пробормотал...

И ощутил у бедра звенящую вибрацию.

Он на мгновение растерялся, растущее желание слегка остыло. Снова вибрация, как крошечный и безболезненный электрический разряд, на этот раз сильнее. Мобильный телефон! Крохотная вещица, которую можно засунуть в карман брюк и забыть о ней, не ощущая ее веса. Затем раздался новый звонок: «Дзынь-дзынь». И опять, более настойчиво: «Дзы-ынь!»

Нелл вполголоса чертыхнулась, когда он отстранился и сунул руку в карман.

— Прости, — извинился Том, ощущая странное облегчение. — Это может оказаться очень важным. — Он открыл крышку мобильного: — Слушаю.

Нелл откинулась на спинку дивана, скрестив руки на груди, на этот раз ей не удалось скрыть охватившее ее раздражение.

— Том? Это Кэти Бадд. Мы забыли условиться о времени на завтра.

Том удивился; для него не имело значения, в какое время делать упражнения. Впрочем, у врача, наверное, были и другие клиенты. (Откуда ему знать, что незамужняя и в данный момент свободная Кэти, обратила на Тома особое внимание? Он молод, привлекателен и живет в прекрасном месте совсем один.)

— Ах да, действительно, — быстро сказал Том. — Мне подходит любое время.

— Как насчет девяти тридцати утра?

— Это на самом деле так срочно?

— Что?

— Ну ладно, я буду дома.

— В коттедже? Ну конечно.

— Значит, как можно скорее.

— Простите?

— Я буду там.

— О... ну, хорошо. Значит, завтра. Девять тридцать утра.

— О'кей, до скорого.

Захлопнув крышечку, Киндред снова затолкал мобильник в карман.

— Мне нужно идти, — сказал он.

— Том, но не сию же секунду?

— Да. Извини. Это срочно.

— Кто это звонил? Что-то случилось?

— О нет, ничего страшного. Ну, просто это... в общем, я должен возвращаться, вот и все. Просто мне должны кое-что доставить, и следует расписаться за это.

Он уже был на ногах, застегивая джинсы.

— Бежишь от меня, Том? — Женщина выглядела недовольной, но на губах играла понимающая улыбка.

— Ты шутишь? Нет, Нелл, просто мне надо идти. Я же говорил тебе.

Женщина встала, подошла к нему и, обхватив за талию, крепко прижала к себе. Том ощутил, как напрягся ее живот. Желание, кажется, вновь обнажило каждый нерв в его теле, но что-то заставило его отстраниться. Это безумие, но молодой человек действительно боялся этой женщины и понятия не имел почему. «Инстинкт, — услужливо подсказал ему благоразумный внутренний голос. — В Нелл Квик есть что-то опасное, просто ты еще не понял, что именно. Но ты поймешь. О да, рано или поздно это выйдет наружу». Он удержал ее на расстоянии вытянутой руки, жест выглядел не агрессивным, но решительным. Судя по

выражению ее лица, Нелл это забавляло, как будто являлось частью игры. Однако она больше не пыталась его удерживать.

— До скорого, — кивнув, Том направился к двери.

— С тобой будет все в порядке? — крикнула она ему вслед.

— Почему нет? — Молодой человек чувствовал смущение и растерянность. Она опять заставила его нервничать.

А может быть, именно этого Нелл и добивалась; хотя улыбка не исчезла с ее губ, в глазах промелькнула странная жестокость.

— Никаких причин, — она пожала плечами. — Просто предчувствие. Ты мог бы назвать это инстинктом. — Она произнесла это слово так, словно читала его собственные мысли. — Будь осторожен сегодня ночью, Том.

«Вот спасибо», — подумал он, и ему показалось, что чьи-то холодные пальцы прикоснулись к его позвоночнику.

— Со мной все будет прекрасно, — повторил он и внезапно ощутил, что отчаянно жаждет оказаться на воздухе.

* * *

Киндред завел мотор и поехал по узкому проулку в поисках места, где бы он мог развернуть джип. Дом Нелл Квик стоял на самом краю, после него — только, высокие живые изгороди и поля. Развернувшись и вновь проезжая мимо жилища этой странной женщины, он бросил на него последний взгляд: окна скрывала разросшаяся листва, а дом казался пустым и мрачным.

Том внезапно ощутил, что совсем обессилел. Левая рука онемела, пришлось воспользоваться специальным приспособлением, чтобы поворачивать, а левая нога все время соскальзывала с металлической подставки. Он сосредоточился на том, чтобы не давать ноге подворачиваться, и молча проклинал свою слабость. Однако молодой человек с удивлением обнаружил, что чувствует себя не подавленным, а скорее раздраженным; нервы напряжены, все чувства ожили невзирая на сильную усталость. И за всем этим скрывалось странное ощущение ожидания.

Ожидание чего? Непонятно. Он был встревожен, даже испуган, его не покидало странное чувство, что события вот-вот начнут стремительно развиваться. Надвигалось нечто скверное, Том просто знал это, но не мог даже предположить, что и почему.

* * *

Нелл взяла маленький глиняный сосуд из кухонного шкафа и вернулась к дивану. Большая часть пряди каштановых волос, которую она тайком срезала с затылка гостя крошечными маникюрными ножницами, лежала на верхней диванной подушке на том месте, где он сидел. Сами ножницы женщина тайком зажала в руке, когда несла ему лимонад. Потом, когда они сделали свое дело, их легко было оставить на подоконнике за диваном. Нелл осторожно собрала волосы и бросила их в сосуд. Затем, наклонившись, она подобрала упавшие волоски, бережно сняла каждый с грубой обивки дивана и бросила их туда же.

Когда Нелл удостоверилась, что подобрала все до волоска, она села на краешек дивана и поставила перед собой сосуд, странно улыбаясь. Да, сейчас Том вряд ли бы ошибся в значении выражения ее лица: в глазах женщины читалась нескрываемая злоба.

Звук снаружи отвлек ее, по оконному стеклу захлопали крылья. Нелл взглянула в окно, выходящее на задний двор, где она выращивала свои травы. На подоконнике сидела сорока и, склонив набок голову, как будто прикрытую черным капюшоном, смотрела сквозь стекло. Женщина поднялась с дивана и расчистила на столе место для глиняного сосуда, затем подошла к окну и распахнула его.

15 Сон

Когда Том добрался до Малого Брейкена, все, на что он оказался способен, — это приготовить себе лазанью из тех замороженных пакетов, хранившихся в холодильнике. Пища оказалась совершенно безвкусной, но заполнила пустоту в желудке. Затем он с трудом вскарабкался по лестнице, стащил с себя одежду и рухнул на кровать.

Некоторое время молодой человек лежал, уставясь на полог, нависавший над кроватью, и перебирал в памяти все события прошедшего дня: сэр Рассел, немощный старик, ожидающий смерти; Хьюго — верный друг, кому-то, возможно, казавшийся фиגляр. Том с благодарностью вспомнил тот день, когда Хьюго появился в его одинокой больничной палате, с цветами в пухлой руке и широкой улыбкой Чеширского кота, принеся с собой бодрость и оптимизм. Старый товарищ взял на себя все расходы на лечение и только пренебрежительно отмахивался, когда Том обещал ему вернуть деньги. Он тогда не знал, что семья Блитов уже не так богата, как раньше, однако старший Блит когда-то оплатил его учебу, а теперь Блит-младший помог ему. Том, наверное, и сам мог оплатить расходы на лечение, но тогда ему пришлось бы продать мастерскую — даже в тихих районах Лондона цены были совершенно грабительскими — и, вероятно, предстояло спустить по дешевке еще несколько искусно сделанных предметов мебели. Том уже решил, что он не только отдаст Хьюго деньги, но и сделает что-нибудь специально для него, например письменный стол или секретер, просто в знак благодарности. Мысли о Хьюго сменились воспоминаниями о Нелл Квик, о ее распущенных черных волосах и темных глазах, дразнящей улыбке, мягких губах...

Что же происходит между его другом и этой женщиной? Он опять подумал о наследстве Хьюго, доме, поместье, деньгах, которые еще остались у сэра Рассела. И если у них, как он подозревал, действительно роман, тогда почему Нелл так сильно хотела соблазнить его, Тома?

Его веки отяжелели, левая рука и нога, казалось, налились свинцом. Киндред должен сделать еще усилие, хотя бы натянуть на себя простыню. В голове его, сменяя друг друга, путались разные мысли и картины. Укусы ос, исчезнувшие за ночь, прекрасная девушка у озера, чудесные блуждающие огоньки, странные фантастические фигурки...

Том погрузился в сон.

* * *

Она была прекрасна. Фантастически прекрасна. Золотые локоны, освещенные солнцем, каскадом обрамляли ее изящное личико, спускаясь почти до талии. Нежное тело, удивительно хрупкое, но так чудесно отлитое, с маленькой грудью и мягко закругленными бедрами, длинные ноги, соединение которых, ведущее к потаенным, внутренним губам, не затенял ни единый волосок. Изящная шея, чувственные руки, ладони так деликатны в своих интимных движениях, убыстрявших по мере увеличения наслаждения; а одна рука потом поднялась вверх, чтобы коснуться розового соска маленькой груди. Крошечные огоньки порхали над ней, как раскаленные добела бабочки.

В этот раз он увидел свое собственное возбуждение, увидел, а не просто почувствовал, потому что он предстал таким же обнаженным, как и таинственная девушка. Он дрожал всем телом, кровь прилиwała к покрасневшей коже. Том шагнул вперед, к ней, и она не проявила ни испуга... ни смущения... поскольку ее действия не прервались, они только стали более томными, соблазнительными; серебристо-фиолетовые глаза смотрели на него.

Молодой человек опустился рядом с ней на колени и смотрел, не смея, не желая прерывать ее, а огоньки вокруг нее безумствовали, кружили, касаясь его обнаженного тела, ударяя его быстрыми, почти прозрачными крыльями, разжигая его страсть. И все это время девушка смотрела на него сквозь опущенные ресницы, словно веки отяжелели от любовного опьянения. Она протянула ему руку, и он обрадованно взял ее в свою; красавица не прижала

его к себе, не позвала лечь рядом, но вместо этого приподнялась сама и мягко толкнула его назад, так что плечи коснулись прохладной земли, а бедрами он ощутил стебельки травы.

Девушка склонилась над ним; огоньки между ними засияли еще ярче. Их отблески танцевали на ее коже, омывая мягкие окончания склоненных грудей и окрашивая их в разные оттенки, крошечные блески сверкали на гладком животе.

Но прежде чем тела их сомкнулись, это таинственное чудное видение превратилось в кого-то другого. Золотые волосы стали черными, изящные розовые губы — алыми, изящные груди отяжелели, их соски потемнели, и теперь над Томом склонилась Нелл, обольстительная и сладострастная. Она тесно прижалась к нему, ее тело душило его, пышные бедра соприкасались с его бедрами, ее живот вдавился в его живот, расщелина между ногами вобрала в себя его твердость, ее соски обжигали.

Женщина провела губами дорожку к его лицу, через подбородок, по носу, по лбу, но все еще не касаясь губ, затем подняла голову, чтобы взглянуть ему в лицо, и ее глубокие глаза впились в его глаза. Улыбка, как всегда, казалась насмешливой, но она каким-то образом еще увеличивала изысканное напряжение. Невидимая нить протянулась между ними — взгляд, обозначавший его согласие (но еще не подчинение, хотя и это казалось неизбежным), и вызов в ее глазах. Затем Нелл снова оказалась под ним, ее влажные губы впились в его рот, языки соприкоснулись и заскользили, касаясь друг друга, но, как раз когда ему захотелось большего и Том приподнял голову с травы, столкнувшись с ее головой, она отодвинулась, опять проводя губами по его шее, оставив мужчину задыхаться от желания.

Губы Нелл, не задерживаясь, медленно скользили по его груди, по очереди увлажняя каждый сосок, трогая их языком и целуя, заставляя их увеличиваться, прежде чем двинуться дальше, к твердым мышцам живота, оставляя на своем пути влажную дорожку, затем снова вниз. Ее язык нырнул в спутанные волосы, прежде чем дойти до основания нетерпеливо ждущего пениса.

И там она не остановилась. Губы и язык скользили по длинному гладкому стволу, увлажняя его, заставляя пульсировать, растягивая время, дразня и доставляя удовольствие, пока ее рот не подошел к самому концу. Содрогание. Предвосхищающий вскрик. Еще содрогание. И затем она втянула его в рот, в горячую пещеру, бархатную и твердую у краев, зубы осторожно, не кусая и не сжимая, коснулись кожи. И вновь восхитительное ощущение от ее языка, когда он дотрагивался до липкого истечения, затем скользил вокруг. Процесс повторялся вновь и вновь, уста ее доходили почти до эфеса его меча, которым он чувствовал горло женщины. Возникало ощущение, никогда не испытанное ранее, поглощение настолько полное, которого он никогда не мог даже представить себе. Его тело выгнулось дугой, плечи зарылись в мягкую землю, трава щекотала позвоночник.

Нелл не выпускала своей драгоценной добычи; губы ее находились в непрерывном движении, а рука нежно дотрагивалась до его гениталий. Средний палец нащупал его промежность и слегка надавил, усиливая удовольствие и желание, затем двинулся к проходу сзади. Здесь кончик ее пальца задержался у самых чувствительных мест, заставив его громко стонать. Том стиснул ее груди, и ему с трудом удалось заставить себя не сжимать их слишком сильно; вместо этого он принялся растирать их, теревить длинные соски у темного основания, на этот раз заставив ее учащенно задыхаться, замурлыкать от удовольствия и на минуту выпустить его, но тут же поймать снова, так что содрогания стали резче, быстрее, флюиды внутри его устремились к центру, где, казалось, кипели, как в котле; его руки оставили ее груди и вцепились в предплечья, ему хотелось управлять ритмом, продлевая восторг...

И все это время она наблюдала за ним, смотрела, как его голова мотается из стороны в сторону, а глаза закрываются от блаженства. Смотрела, как вздымается и опадает его грудь, кожа поблескивает от пота, смотрела, пока его бедра прижимались к ее, но ни разу не выпустила его меча из своих бархатистых ножен, палец сзади теперь слегка нажимал, не причиняя боли, но доставляя необыкновенное чувственное наслаждение.

Движения мужчины замедлились, но ее — нет; его бедра изогнулись и подались вверх,

но Нелл не ослабляла свою хватку. Его тело затвердевало, долгий стон вырвался из открытого рта, женщина узнала признаки приближающегося оргазма и приготовилась к тому, что произойдет.

Он не мог больше сдерживать приток. Ему необходимо было облегчение, финальное свершение. И оно уже близилось...

Член был тверже железа, и все равно Нелл продолжала свое дело, останавливаясь, ожидая высвобождения кипящей жидкости. Она погрузила палец еще глубже в анус, так что все его мускулы сжались, каждая часть его тела напряглась... страсть вырвалась из-под контроля...

А затем Том ощутил эйфорию облегчения и выплеснулся ей в рот с криком восторга, его глаза внезапно раскрылись, так что он увидел...

Он увидел демона, сидевшего на корточках между его ног, широкий бугристый торс склонился над его мошонкой, огромные губы сомкнулись вокруг его пениса, массивная голова неравномерно подергивалась, когда отвратительное существо высасывало его сперму.

16

Суккуб

С диким криком Том отпрянул к изголовью и скрючился там, подтянув ноги, упершись плечами в спинку кровати. Это невозможно! Он все еще видит сон! Но никакой ночной кошмар не мог быть таким четким и реальным, таким ужасающим, потому что защитные реакции мозга работают даже во сне и они наверняка уже избавили бы его от кошмарного сновидения.

Чудовище медленно подняло взгляд на Тома, сперма жертвы струйкой стекала с толстых ухмылявшихся губ. За выпученными черными глазами не было души.

— Нет!.. — выкрикнул Киндред, как будто его отказ признать увиденное заставил бы чудовище исчезнуть. — Нет!

Дерево затрещало, когда Том сильнее вжался в спинку кровати, ноги пытались зарыться в простыни. Гость из кошмара выглядел не очень большим. Он сидел на корточках в конце постели, колени почти прижаты к тяжелому подбородку, спина выгнута огромным горбом, темное отвратительное тело бугрилось мускулами и толстыми сухожилиями. Выпрямившись, он не превышал бы трех — четырех футов (если вообще мог стоять прямо). Не сводя с Тома злобных глаз, существо дотянулось до кубка, лежавшего у кровати, поднесло его к подбородку и стало выпускать изо рта в кубок кремовую жидкость, сплевывая, чтобы собрать каждую каплю с губ, и наконец харкнуло, очищая горло.

Затем тварь окинула Тома оценивающим плотоядным взглядом. Жуткая пасть распахнулась, демонстрируя дюжины мелких поблескивавших желтых заостренных зубов. В верхней и нижней челюсти их торчало по четыре ряда. Не открывая глаз от скорчившегося в ужасе молодого человека, существо закрыло кубок крышкой, туго завернув ее, и затем поползло к молодому человеку, прижимая свою добычу к бочкообразной груди; дерево трещало под его весом.

— Пошел вон! — закричал Том, отворачиваясь от приближающегося чудища, но все равно продолжая следить за ним боковым зрением. Несчастный ощущал отвратительный запах монстра, совершенно отчетливо видел каждый волосок на его массивном уродливом теле, шерсть на огромном скошенном лбу, блеск двойного ряда заостренных зубов и слышал сопение, издаваемое чудищем. Он не знал, кто пожаловал к нему ночью — какой-то обезьяноподобный зверь или человеческий мутант. Впрочем, в тот момент это его не интересовало. Наверняка уродливое создание имеет враждебные намерения.

Том спрыгнул с постели как раз в тот момент, когда существо вытянуло свободную руку (или все-таки лапу?), чтобы схватить его за лодыжку, ноги молодого человека запутались в простыне так, что он потерял равновесие и грохнулся в угол между буфетом и стеной. Ударившись о каменные плиты пола, он чуть не потерял сознание; только приток адреналина

и, конечно, жуткий страх заставили его двигаться. Оглушенный падением, Киндред с трудом поднялся, выпутался из простыни; одной рукой он схватился за буфет, другой — за подоконник, обе эти подпорки позволили ему устоять на ногах. Он оглянулся на разворошенную постель.

Существо — обезьяна, мутант, жуткое дьявольское творение! — неподвижно сидело на краю кровати, прижав кубок к ложбине между конусообразных грудей, растянув в плотоядной ухмылке толстые скользкие губы. Можно ли считать подобную гримасу ухмылкой, или это просто его естественное (впрочем, скорее противоестественное) выражение? Как бы то ни было, оно уставилось на него большими выпуклыми бездушными глазами, в которых отражался яркий лунный свет из открытого окна. И оно ухмылялось, теперь Том в этом не сомневался, и ухмылка была... да, непристойной, похотливой, а губы блестя от остатков спермы.

Внезапно тварь затряслась, сверкая черными глазами, волосы на теле и голове встали дыбом, угрожающее рычание поднималось откуда-то из глубин его горла.

Том смог только скорчиться в углу, закрыв рукой лицо; страх парализовал его, а конечности, казалось, сковало неразрывной цепью, словно вся сила, вся энергия исчезли вместе с украденной спермой. Он даже не мог больше кричать. Если бы хватило сил хотя бы закрыть глаза, чтобы не видеть этого ужаса...

Чудовище на кровати напрягло мышцы, изгибаясь к прыжку. Его огромная пасть с двойными рядами зубов широко распахнулась.

И вдруг — еще одно странное создание.

Через открытую дверь на винтовую лестницу проник длинный вертикальный... брусек? Копье? Что бы это могло быть? Секунды две, может, чуть больше Том наблюдал, как оно, пританцовывая, приближается в ярком лунном свете, его нижний конец скрывала тень от края кровати.

Выпученные глаза монстра слишком сосредоточились на своей жертве, чтобы заметить еще что-нибудь. Деревяшка ударила чудовище по голове, а странный тонкий голосок пропищал:

— Убирайсявонсуккубубирайсявон!

Треск эхом разнесся по всей комнате; монстр взвыл и еще больше втянул огромную голову в сгорбленные плечи. Наконец у Тома появились силы! Он вскочил на ноги и только тогда сумел разглядеть маленькую голову по другую сторону кровати.

* * *

Если чудовище было самым ужасным созданием из всех, что Том когда-либо видел, то крошечное существо — самым удивительным. Тоненькие ручки твердо вцепились в прутья метлы (ее рукоять, вероятно, казалась этому созданию огромным столбом), нанося удары по уродливой голове и плечам чудовища, при этом малыш бегал вокруг кровати, делая паузы, только чтобы обежать ее высокие угловые столбы. Именно в этот момент Киндред сумел более или менее разглядеть круглое лицо с заостренным подбородком и длинными, тоже острыми, ушами, торчавшими из-под обвислой коричневой шапочки. Лунный свет не позволял разобрать, какого цвета у него кожа, но лицо выглядело зеленоватым, а глаза казались раскосыми, почти китайскими. На остром подбородке не было бороды, длинные черные космы, разделенные ушами, свисали из-под шапочки и спадали вниз до тонкой длинной шеи. Что касается одежды, то на нем была грязно-зеленая, плотно прилегающая курточка, брюки по колено и грубые чулки на коротких и очень тощих ногах. Том все еще не видел ступней, потому что маленький человечек — похоже, мужчина — частично скрывался за краем кровати.

— Пошлавонпошлавон!

Кажется, тонкий голосок выкрикивал именно это, одновременно продолжая колошматить монстра, который с жутким воем поднял руки, пытаясь защититься от ударов.

Само превратившись в жертву, чудовище перевело взгляд с Тома на крошечного незнакомца, потом опять на молодого человека.

— Уходиотсюдауходиотсюда!

Киндреду понадобилось некоторое время, чтобы сообразить, что спаситель теперь обращается к нему, странно звучащие слова слились в одно. Инстинкт возобладал, и он отскочил за угол буфета, стараясь увеличить расстояние между собой и скрючившимся на кровати чудищем. Но монстр все-таки успел вытянуть огромную лапу и зацепить щеку Тома весьма острыми когтями. Несчастный вскрикнул от внезапной жгучей боли, но не остановился, по пути схватив джинсы, так как его нагота усиливала чувство уязвимости. Пока маленький человечек — теперь Том видел его башмаки с нелепо удлиненными и заостренными носами — продолжал отвлекать чудовище, Том отскочил назад, натягивая на ходу джинсы.

— Убирайсясуккуб!

Теперь слова стали как-то различимее, но смысл от этого не прояснился. Суккуб?

Чудовище внезапно отпрыгнуло к дальнему углу кровати, где опять уселось на корточки, прижимая кубок к безобразной груди. Оно снова напряглось, шерсть встала дыбом, мускулы вздулись, и Том понял, что монстр собирается напасть на него, разъярившись от неожиданного вторжения и от того, что пришлось ненадолго отвлечься от своей цели. Мерзкое создание принялось раскачиваться вперед и назад, двигая в такт плечами, диким воем выражая свой гнев. Затем, разбежавшись по всей длине кровати, оно кинулось на Тома, который, стоя на коленях, поспешно пригнул голову. Тварь, слишком сильно оттолкнувшись мускулистыми задними ногами, пролетела над ним и ударилась о широкий камин позади него. Она завопила, бесформенной кучей приземлившись на коврик, и продолжала орать, пытаясь подняться. Тем временем сосуд выпал и покатился по полу.

— Кубоккубоккубок!

Том услышал крик человечка, но не смог понять его значения. Сжимая рукоятку огромной метлы, крошечный защитник заковылял к молодому человеку и, уставившись прямо ему в лицо, намеренно четко произнес:

— Возьми кубок!

Его голос звучал как на замедленной кассете, теперь он стал глубже, сменил тембр.

— Возьми... кубок!

От нереальности всего происходящего страх как-то притупился, и Киндред протянул руку к сосуду, чье содержимое медленно вытекало на коврик перед камином, успев схватить кубок прежде, чем чудовище попыталось снова достать его когтями. Маленький человечек внезапно возник между ними, лицом к скрючившемуся чудовищу, с метлой наперевес, как с древком пики. Том ясно видел, что его узкие плечи дрожат от страха.

Не обращая внимания ни на Тома, ни на его защитника, тварь принялась лакать пролитую сперму, при этом она явно не глотала.

— Спускайсявниз!

Том не сразу понял, что человечек обращается к нему, потому что он все еще не мог оторвать взгляд от чудовища.

— Спускайся вниз! — опять было сказано ему, на этот раз медленнее и более низким голосом.

Том встал на ноги, возвышаясь над своим маленьким защитником, но в этот момент суккуб, прекратив лакать, медленно поднял голову.

— Беги!

Это напоминало визг, прозвучавший на очень высоких нотах, но теперь его смысл был совершенно ясен. Киндред бросился к выходу. Луна через единственное окно на площадке освещала ему дорогу. Его шаги были такими уверенными, когда он пустился вниз по лестнице, скользя одной рукой по центральному столбу, как будто он никогда отсюда не уезжал. Том опять ощутил себя маленьким мальчиком, которого разбудил страшный сон и он бежит искать утешение в объятиях матери. Даже скрип ступенек был знаком ему, а пальцы

находили старые желобки и волокна, которые он все еще помнил. На один безумный момент — если что-то могло быть более безумным, чем все происходящее, — он опять стал этим мальчиком и поверил в давно забытые сказки, которые ему когда-то рассказывала Бетан. Теперь Киндред видел их героев своими глазами. Но мать никогда не рассказывала о чудовищах, никогда не пугала его такими сказками. Тогда откуда в его спальне сейчас появилась эта тварь? Почему уродливое, гротескное, жадное до спермы существо охотится за ним? Или это все-таки сон? Жжение на щеке в том месте, где суккуб смог оцарапать его, свидетельствовало об обратном. Том также явственно ощущал и лестницу под босыми ногами, и грубость деревянного столба-стержня под пальцами. Молодой человек слышал сопение и рычание: чудовище преследовало его. Ни один сон не мог быть настолько реальным.

Том не остановился, добравшись до открытой кухонной двери, но вбежал прямо в залитую лунным светом комнату, где прислонился к холодильнику, машинально прислушиваясь к урчанию его мотора. Грудь его тяжело вздымалась, руки — одна с крепко зажатым кубком — дрожали, а глаза расширились от ужаса.

Существо темной тенью замерло в дверном проеме, остановившись, как будто знало, что добыча уже в ловушке. Почему он не выбежал через распахнутую переднюю дверь в лес? Может, он боялся, что его будут преследовать в кромешной тьме, а деревья и кусты помешают скрыться? Том слышал, как фыркает чудовище, скребя по полу когтистыми лапами. Фыркание опять перешло в рычание, рычание — в нечто вроде скрежета. И суккуб начал неуклюже подбираться к нему вокруг стола.

Том выждал до последней секунды, затем со всей силы распахнул дверцу холодильника. Она врезалась в чудовище, на минуту задержав его, а молодой человек бросился в противоположном направлении.

Беглец остановился по другую сторону стола, пытаясь сообразить, что ему теперь делать. Тварь казалась слишком сильной и злобной, чтобы сражаться с ней, но в лесу шансов у него будет еще меньше. В кухне он мог, по крайней мере, найти хоть какое-то оружие. Если бы только удалось добраться до ящика с ножами для разделки мяса... но он в другой стороне... там, где существо, на минуту оглушенное ударом дверцы холодильника, как раз пришло в себя, ухватившись одной жуткой когтистой лапой за спинку стула.

Все это так отчетливо виднелось в лунном свете, рекой струившемся через кухонные окна, настолько ясно и в то же время абсолютно нереально, как в кошмарном сне. Стол, на нем ваза с фруктами и прочие предметы, полка с фаянсовой посудой, шкафчики и раковина, битком набитые книгами полки — простые привычные вещи. Но тут в поле зрения Киндреда попало низкорослое чудовище, раздалось его утробное ворчание и рык — все составляющие ночного кошмара.

Том внезапно ощутил, что у него ослабели колени. Да уж, это вряд ли пойдет ему на пользу! Предполагалось, что он должен поправлять здоровье, избегая любых стрессов. И вот так он отдыхает!

Мерзкое существо снова приближалось, и Том начал отступать, крепко прижимая кубок к груди, как будто там находилось расплавленное золото. Почему он так защищает собственную сперму? И на кой черт она понадобилась монстру?

На лестнице за его спиной раздались легкие шаги, маленький человечек вбежал в кухню, палка от метлы была отброшена за ненадобностью. Через стол от него суккуб ерзал то вправо, то влево, явно не в силах решить, с какой стороны удобнее схватить Тома, который тоже шаркался в разные стороны, пытаясь сбить с толку своего преследователя.

— Не давай ей забрать это!

Том на секунду застыл.

— Что?

Взволнованный человечек подпрыгивал на одном месте — показалось ему, или тот заметно вырос, достигнув примерно восемнадцати дюймов в высоту?

Человечек показал сначала на кубок, потом на чудовище, миндалевидные глаза

пристально уставились в глаза Тома. Он явно сосредоточивался изо всех сил.

— Не давай суккубу забрать это, — сказал он гораздо медленнее, голосом, понизившимся на несколько октав.

Том беспомощно покачал головой. *Этого не может быть.* Такие существа просто невозможны в нормальном мире. В том мире, к которому он привык. Но они появились, и молодой человек был напуган до потери рассудка. Хорошо, но одну-то вещь можно сделать, чтобы внести немного реальности в ситуацию!

Не спуская глаз с чудовища по другую сторону кухонного стола, он, пошарив у себя за спиной, надавил рукой на выключатель у передней двери. Лунный свет немедленно уступил свои права, кухня и прилегавшая к ней лестничная площадка ярко осветились лампами дневного света. Оба диковинных существа прижали руки и лапы к глазам, словно ослепленные: суккуб — с рычанием, маленький человечек — с острым вскриком удивления.

Если Том надеялся, что яркое освещение как-то улучшит положение, то он явно ошибался. Он все еще находился в том же кошмаре, который теперь уже явно не был сном, в той же кухне, и напротив него стояли двое самых странных существ из всех, которых он когда-либо видел: чудовище и карлик. Последний, впрочем, больше походил на эльфа из детских книжек. Именно в это время Тому пришло в голову, что insult, временное отсутствие прилива крови к головному мозгу, то ли уничтожил какие-то важные клетки — может быть, те, которые отвечают за рассудок, — то ли повредил их, заставив химические и электрические частицы — или что там есть — действовать иначе. Другими словами, вызвал галлюцинации. Проклятье!

Но что-то подсказывало Киндреду, что нужно смириться с ситуацией и принять ее как данность. В противном случае расстроенный ум подсказал бы ему, что чудовище в состоянии причинить вполне реальный вред, а если он в это поверит, то так и случится. Том укрылся за противоположной стороной стола, поскольку тварь, все еще моргая черными глазами, ослепленными внезапно вспыхнувшим светом, наконец решила, в какую сторону двигаться.

Чудовище остановилось перед открытой передней дверью, тогда как Том прижался спиной к высокому книжному стеллажу у другой стены. Он почувствовал добавочный вес на ноге и, взглянув вниз, обнаружил, что маленький человечек прилепился к нему, дрожа всем телом. Его ужас отнюдь не послужил Тому утешением.

Тяжело дыша, так что плечи заходили ходуном, мерзкое создание повернуло огромную голову к открытому дверному проему, через который проникал свежий ночной ветерок. На мгновение исполнившись оптимизма, Киндред подумал, что чудовище собирается уйти во тьму леса, поскольку его планы сорвались.

Однако молодой человек ошибся. Вместо этого чудовище вытянуло огромную лапу и захлопнуло дверь. Теперь Том действительно оказался в ловушке и горько пожалел о том, что не выбежал из дома, пока у него была такая возможность. Пусть он с трудом ковылял бы по лесу, спотыкался о сломанные ветки и продирался сквозь кусты, ударяясь о деревья, которые не мог увидеть в темноте, — по крайней мере, у него имелся бы хоть какой-то шанс. А сейчас — извольте радоваться! Он заперт в собственной кухне вместе с бессвязно лопочущим маленьким человечком, прижавшимся к ноге подобно испуганному щенку... При этой мысли Киндред взглянул вниз. Ошибается он, или действительно его недавний защитник: опять стал меньше ростом? Том уже почти смирился с недавней идеей касательно повреждения рассудка, однако сейчас он вновь пришел в ужас.

Ему нужно выбраться. Никаких шансов. Окна? Закрыты. Пока Том сумеет отпереть раму, — если они еще открываются после того, как ими столько лет не пользовались, — чудовище его настигнет. И чтобы не оставлять ему вообще никакого выбора, суккуб неуклюже заковылял к столу, вытянув лапы с жуткими когтями, и затем принялся толкать стол через комнату, желая загнать свою жертву в угол, как в ловушку.

Том дико озирался. Проклятье! Ну, ладно. Главное — не паниковать. Окно — это единственный выход, и он будет выбираться через него — не валено, открыто оно или нет. Том надеялся только, что старые рамы уже не очень крепкие.

Ноги чудовища шаркали по каменному полу, тяжелый стол подъезжал все ближе, и Киндред приготовился вскочить на него, используя его поверхность как трамплин для прыжка в ближайшее окно. Но маленький человечек дернул его за ногу.

— Книгакнигакнига!

Это напоминало неразборчивый писк, но на сей раз он сразу понял, что кричал его дрожащий от страха союзник.

— Какая книга? — завопил Том в ответ.

Маленький человечек — не стал ли он снова чуть повыше? — указывал на верхнюю полку книжного стеллажа. Опять он заставил себя говорить чуть медленнее, так, чтобы легче можно было понять его слова:

— Достань книгу!

Стол находился уже меньше чем в двух футах от него; только вес не позволял массивному предмету скользнуть по полу и придавить ноги Тома. У молодого человека едва было время взглянуть на ряд книг на верхней полке, затем на взволнованное лицо своего союзника.

— Подними меня! Подними... меня! — только чуть медленнее, но вполне отчетливо.

Все еще сжимая в руке кубок, другой рукой Киндред подхватил человечка за шиворот и поднял его к верхней полке. Тот весил меньше, чем годовалый ребенок, так что держать его на весу было несложно.

Край стола врезался в его правое бедро и, не удержавшись на ногах, Том упал на его поверхность. Ваза с фруктами, приправы, подставка, пара журналов, привезенных из Лондона, пустая кофейная чашка с ложечкой внутри — все вещи, которые он не потрудился раньше убрать со стола, скользя, полетели на него, некоторые упали на пол, кружка разбилась. На секунду закрыв глаза от боли, он услышал низкое рычание монстра. Том открыл глаза и увидел, что суккуб вспрыгнул на стол, и теперь между ними — только ваза. Почти лицом к лицу противники уставились друг на друга. Открытая пасть с рядами заостренных зубов растянулась в некое подобии улыбки.

Больше всего на свете Киндреду хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть жуткое создание, может быть, даже предложить ему кубок с остатками содержимого, пускай монстр забирает его сперму, он ему даже скажет «на здоровье», когда тот станет пить ее, если это именно то, что ему надо. У него не осталось сил, он хотел покоя, сна, исчезновения ночного кошмара. Но нет, черт побери, он не станет этого делать! Том прижал к груди кубок, как будто там находился эликсир жизни, настоящий кубок святого Грааля. Этот жест окончательно разъярил суккуба. Усевшись на столе на корточки, он воздел огромные передние лапы, как бабуин, и заревел во всю глотку. Рев был таким громким, что Киндред скорее почувствовал удар книги, чем услышал, как она упала на стол рядом с его плечом.

— Открой... книгу, — сказал маленький человечек медленно и внятно.

— А?

— Открой книгу.

Том уже начал привыкать к подобной странной манере речи. Дотянувшись, он открыл тяжелый на вид фолиант примерно на середине как раз в тот момент, когда суккуб двинулся вперед, и тварь замерла, не сделав и шага. Том, съездившийся в ожидании нападения, готов был поклясться, что в черных глазах суккуба появился страх.

Вслед за чудовищем, он перевел взгляд на книгу: от желтоватых истрепанных страниц исходило золотистое свечение.

17

Врата

Они были прекрасны — крошечные призраки, сотканые из света, — золотые, серебряные, фиолетовые, всевозможных оттенков. Они ослепляли. Глаза Тома инстинктивно сощурились, когда огоньки потоком устремились с открытых страниц пыльной книги,

лежавшей на столе. Они взлетели высоко в воздух, яркие, как ночная звезда — нет, гораздо ярче, — и закружились вокруг лампы на потолке слепящей каруселью.

Все в комнате замерли, наблюдая за диковинным зрелищем. Том — с отвисшей челюстью, забыв на минуту страх. Суккуб пялился тусклыми глазами, его темное тело вздрагивало. Странное, худое, без морщин лицо маленького человечка — эльфа или домового? — сияло от счастья.

Потолок светился, в более мягких тонах отражая порхавшие огоньки, поэтому туда было гораздо легче смотреть: цвета казались более разнообразными, но приглушенными — здесь преобладали зеленые, синие и мягкие оттенки красного. Том понимал, что это те же существа, которых он видел в первый день своего возвращения в Малый Брейкен, когда шел через лес. И в следующую ночь, из окна спальни. И, конечно, когда подсматривал за обнаженной девушкой в лесу. И Том знал, что это за огоньки, хотя его ум еще не был готов к тому, чтобы обозначить их словом.

Знакомое посвистывание прервало повисшую в кухне тишину, можно было различить высокие ноты флейты, арфы, нежное позвякивание отдаленных колокольчиков... Огоньки увеличивались прямо у него на глазах, так что он мог разглядеть трепещущие шелковые крылья внутри их ореола, такие тонкие, что они казались почти невидимыми. А затем — крошечные живые тела, многие обнажены, на других тонкие, как дымка, хитоны, столь же откровенные, как и нагота. Крошечные, однако полностью оформленные головки: глазки, маленькие носики, ротики, крохотные заостренные ушки. У большинства, но отнюдь не у всех, были длинные развевающиеся волосы, темные, белокурые, золотистые. Они взвивались вверх и ныряли вниз, а их голоса, казалось, звучали в отдалении, как будто они находились не в этой комнате, не в этом мире. Теперь глаза Тома тоже засияли, но не отраженным светом, нет, они сияли при виде чуда, а сердце дрожало от настоящего благоговения.

Феи.

Невозможно было больше отрицать, что волшебные сказки, песни, стихи, передаваемые от поколения к поколению, рассчитанные на детей, чьи умы и сердца открыты, основывались на некоей древней истине. Эти истории рассказывала ему мать, когда он лежал в кровати или сидел у нее на коленях. Дитя, которое верило в сказки о феях, понимало их смысл, заключавшийся в постоянной борьбе добра и зла, грешного и праведного, — он также знал, что мир принадлежит не только людям. Но было и что-то еще, чего он не мог припомнить, возможно, знание, которое постепенно оставляет детей — нет, оно уходит, когда ребенок переступает некую определенную черту.

Феи.

Неправдоподобно. Невероятно.

И все-таки это были они. Чудесные создания продолжали вылетать из книги, заполняя кухню сиянием и звуками, опровергая все, чему научил его жизненный опыт, противореча законам природы, здравому смыслу и отрицая любую житейскую мудрость.

Потрясенный этим чудом, Том почти забыл огромное неуклюжее чудище, усевшееся на столе, и только его злобное рычание напомнило о прежней опасности. Запуганный вначале волшебной воздушной армией, суккуб теперь демонстрировал ярость. Он поднял одну из своих мощных лап, замахиваясь на них, ряды зазубренных зубов заскрипели, слюна полетела во все стороны. Рычание перешло в рев, от этого звука задрезжала посуда в шкафу и зазвенели оконные стекла.

Том шарахнулся назад от стола, ударившись о край раковины. В руке он по-прежнему держал кубок.

Тварь завизжала, когда самое большое из летающих созданий, обнаженная фея с крошечной грудью и крыльями вдвое больше ее самой, спикировав с потолка, высыпала ему на голову что-то похожее на серебряный порошок. Еще одна фигурка сделала то же самое, ее шелковое одеяние развевалось между крыльев, сами крылья двигались так быстро, что казались почти невидимыми. Затем еще, и еще; наконец, уже целая эскадрилья фей бросилась в атаку, каждая сыпала серебряный порошок на суккуба, пока он не начал чихать. Если бы

Том не был так напуган и растерян, он рассмеялся бы над его ужимками; сейчас же бедняга мог только глядеть, замерев и широко открыв глаза.

Все больше и больше маленьких крылатых существ слетало вниз, образуя ослепительные круги; их негромкие, но звонкие голоса выкрикивали что-то одновременно и радостно и гневно, фигурки в ореоле яркого пульсирующего света с каждой секундой становились все различимее. Чудовище — тварь, сук-куб — замахало на них обеими лапами, движения его казались неуклюжими, от них легко было увернуться, и крылатые создания — летающие звезды, феи — получали огромное удовольствие, в их непонятных словах явно звучала радость. Игра, которую они затеяли, была опасной, но опьяняющей. До тех пор пока одна из них, размером с крышечку от авторучки, осмелев, не подлетела слишком близко, а скорость ее оказалась недостаточной. Огромная лапа задела ее — крыло сложилось, затем хрустнуло, и фея закрутилась вокруг своей оси, словно поврежденный истребитель. Том ахнул, а маленький домовый рядом с ним испустил пронзительный вскрик, когда фея упала на стол и замерла без движения, то ли оглушенная, то ли серьезно раненная, а ее пульсирующий световой ореол стал тускнеть. Суккуб торжествующе заревел и, не обращая внимания на остальных фей, усиливших атаки — сейчас они бросали порошок прямо в выпученные глаза, размахивали крыльями перед страшной мордой, — поднял оба кулака, собираясь размозжить, сокрушить беспомощное создание. Но, видно, порошок замедлил его движения, сделав чудовище неповоротливым.

Киндред понял, что сейчас произойдет, и успел рвануться вперед и схватить будущую жертву со стола как раз за секунду до того, как два кулака вместе ударили по дереву, с треском ломая его. Молодой человек не сумел удержать раненую фею, его бросок только почти смел ее со стола, но когда она затрепетала на краю, причем одно крыло почти не работало, а второе только начало разворачиваться, еще две феи подлетели и удержали свою подружку на лету, не давая ей упасть на каменный пол.

Том опять почти лежал на столе, прижав к себе кубок, а голова и плечи были открыты для чудовища, нависшего над ним. Он едва успел взглянуть вверх, огромные кулаки поднялись над его головой, тускло-стеклянные глаза поблескивали, но в этот момент что-то схватило его за пояс джинсов и рвануло назад.

Опять соединенные кулаки врезались в стол, и суккуб завыл от разочарования (и боли тоже, хотелось бы надеяться). Киндред выпрямился, а маленький человечек отпустил пояс его джинсов и попытался поддержать его. Домовой тяжело дышал, оттащить Тома от опасного места стоило ему невероятных усилий.

— Бегибегибеги! Недавайемузабратъэто!

Все слова слились воедино, звук казался одновременно и высоким и полузадушенным, но молодой человек понял его превосходно. Может быть, оттого, что уже это слышал, может быть, стал привыкать к егоговору; это не имело значения, потому что теперь он знал, что ему нужно сделать. Феи — бесчисленное множество, сотни — пикировали на суккуба, а он неуклюже, как обезьяна, двигался к Тому, задевая костяшками рук; о дерево, яростно отбросив в сторону вазу с фруктами, открытую книгу и что-то еще, что оставалось на столе; воздух наполнился вихрем серебряных пылинок. Чудище не удавалось остановить, а цель его была очевидна.

Внезапно Том почувствовал, что сейчас просто потеряет сознание. Господи, ведь он считается больным, а ему приходится сражаться с монстром из другого мира, который по праву, по всем разумным законам физики и здравого смысла просто не может существовать! Силы угасали, а его поражение буквально смотрело ему в глаза, неотрывно приближалось.

В конце концов, и феи, и маленький человечек, который ни разу за все время, как ему казалось, даже в течение двух минут не оставался одинакового роста — сейчас он был всего дюймов шести высотой, — не могли справиться с огромной неуклюжей бестией, и только Том мог помочь себе.

Когда суккуб добрался до края стола, подняв лапы на высоту плеч, как будто собираясь выцарапать своей жертве глаза, а огромные мускулы на ногах и плечах заблестели от пота

под светом верхней лампы, Киндред, повернувшись, дотянулся до крапа над раковиной. В трубах булькнуло, а затем струя коричневой воды вырвалась из него, забрызгивая и раковину, и самого Тома. Почти спокойно он перевернул кубок над стоком, смывая то, что осталось от беловатой жидкости. Все, что поплыло в сильной струе воды по дну раковины, он тоже пальцами отправил в сток.

В это мгновение феи взмыли в воздух, как гомонящие птицы, чудище так и замерло в начале прыжка, а крошечный человечек свисал с книжной полки, тараща глаза на Тома.

Все было кончено. Повернувшись к суккубу, Том понял, что нечто — воля? цель? — покинуло злобную тварь. Монстр злобно тарасился, пыхтел, но больше не двигался вперед. Как будто воодушевленные действиями Киндред, феи возобновили свои атаки, подлетая опасно близко, щекоча нос-обрубок монстра, бросая порошок, как конфетти, дергая его за уши, все время переговариваясь мелодичными голосами, а человечек выкрикивал нечто явно одобрительное.

Издав последний рычащий вой, суккуб рванулся обратно через стол и прыгнул к передней двери, в своей ярости неправильно оценив расстояние и врезавшись в дерево. Он взвыл снова, уже от боли, и неуклюже повис на дверной ручке. Дверь распахнулась, и чудовище исчезло в ночи. Тьма быстро поглотила его неуклюжую фигуру, но Том еще несколько долгих минут слышал, как суккуб пробирается между деревьями и как трещит подлесок. Мелодичные голоса фей достигли высшей точки, а затем все они тоже вылетели через открытую дверь в глубокую сине-фиолетовую ночь, причем две покрупнее несли раненую. Подобно серебряному с золотом хвосту, сопровождавшему ярчайшую комету, они завихрились вокруг деревьев и скоро исчезли из виду.

Том ощутил облегчение и разочарование одновременно. Дом неожиданно опустел. Совсем опустел, как будто его душа улетела вместе с феями. Кроме того, теперь, когда страх исчез, Киндреду хотелось узнать о них побольше, разгадать их секреты, раскрыть тайну их происхождения. Но он остался один.

Нет, не совсем. Маленький человечек уселся на краешек стола.

18

Разговор с эльфом

В ту ночь они проговорили очень долго, и Том был абсолютно заворожен услышанным, хотя временами начинал сомневаться в здравости собственного рассудка. Вот он сидит здесь, беседуя с крошечным человечком, усевшимся по-турецки на столе. Между ними — закрытая старая книга, а человечек, который стоя был ростом не выше фута, объявляет, что он эльф, домовый — хранитель этого коттеджа, страж и опекун Тома...

Когда волнение улеглось — нет, не так, когда исчезла опасность, Киндред почувствовал, что устал как собака; но разговор, который они сейчас вели, принес новое возбуждение. Как будто бы ниоткуда, эльф — эльф? Разве такое бывает? — извлек кувшин с тем же самым напитком, что ожидал его здесь утром пару дней назад. Как и раньше, хотя и не столь резко, он внезапно ощутил свежесть; сознание прояснилось, усталость в основном исчезла. Это было превосходное, причем совершенно естественное ощущение, как будто из тела вывели токсины. Никакое лекарство не могло воздействовать таким образом, потому что сутью чудесного напитка была чистота, а ощущение благополучия — только побочным продуктом. Молодой человек осушил полный стакан в три больших глотка, но эльф не позволил ему выпить больше.

— Слишкоммногоиты... не... захочешьспать... неделю. — Предложение началось совершенно неразборчиво и стало приобретать смысл только с середины: «Слишком много — и ты не захочешь спать неделю». В его голосе не было ударений, а только музыкальный распев, но с этого мгновения большая часть слов, что говорил маленький человечек, стала понятной.

Том спросил, есть ли в соке что-то особенное, какие-нибудь волшебные ингредиенты, и

показалось странным, что слово «волшебные» не звучало нелепо и не подразумевало никакого мошенничества.

— Нет, — последовал ответ, и эльф улыбнулся от одного заостренного уха до другого, при этом глазки крошечного создания почти закрылись — так рассмешило его подобное предположение.

— Обычные травы и растения, которые ты найдешь в твоих же лесах, вода из озера и сливовый сок.

— Вода из озера? — Том рассматривал пустой стакан, как будто питье все еще находилось там. — Я плавал в озере, когда был ребенком. У воды не чувствовалось никакого особого вкуса.

Эльф ухмыльнулся еще шире, открывая крошечные и чуть заостренные зубы. В искусственном свете лампы молодой человек разглядел, что его лицо и руки были коричневыми, как пергамент, а волосы, торчавшие из-под обвислой заостренной шляпы, — черные. Невозможно было определить возраст таинственного существа, потому что, хотя лицо его казалось странно высохшим, на нем не было ни одной морщинки. Со своими раскосыми глазами и кофейной кожей он мог бы сойти за китайца или даже монгола, но, по правде говоря, не походил ни на того, ни на другого — в нем виделось нечто иное, фантастическое.

Том оперся локтями на стол, сложив вместе кисти рук.

— Пожалуйста, расскажи мне, кто ты такой? — почти взмолился он.

— А ты не знаешь? Не можешь вспомнить?

Киндред покачал головой, и крошечное существо глубоко вздохнуло.

— Все вы теряете это.

Чем больше Том слушал, тем яснее становились слова — как если бы он начинал припоминать этот говор, а не выучивал заново.

— Вы все теряете, а у некоторых этого и не было никогда, — сказал человечек.

— Что? Скажи мне, что?

— Восприятие. Оно умирает, когда тускнеет воображение.

— Но есть люди с потрясающим воображением, — настаивал молодой человек, — художники, поэты, композиторы... многие.

— И все равно их ум закрыт, как они ни стараются. Насколько мне известно, когда знание уходит, вы называете это «зрелостью». Однако все гораздо сложнее.

— Нужно верить? Или *хотеть* верить?

— Не говори глупостей, — краткое замечание было произнесено серьезным тоном. — В таком случае нас бы видели миллионы. Вы утратили волшебство.

Опять это слово. *Волшебство*.

— И это правильно и нормально, именно так и должно быть. Вы утратили возможность перемещать свое видение и свой ум ступенькой вверх. Вот почему мы, если хотим, можем спуститься на ваш уровень. И даже тогда вы не всегда видите нас.

— Ничего не понимаю.

Маленький человечек сложил руки на коленях.

— Что именно я должен объяснить тебе?

— О, абсолютно всё!

— Ну что ж, начнем с начала. Я знаю, ты не помнишь меня. Но ты знаешь, кто я такой?

— Домовой? — Том не ощутил никакого смущения, употребив это слово.

— Эльф, домовый — слишком долго объяснять, а ты бы все равно ничего не понял. Пусть будет эльф, для начала сойдет.

— Но эльфы не существуют в реальности, они бывают только в сказках.

— Ага, и феи, а ты их только что видел. И суккуба, эту злобную тварь!

— Но... но ты реален. Я просто не верю своим глазам, не могу поверить в то, что произошло...

— Мы вполне реальны, — сказал человечек — эльф? — ворчливо. — Неужели ты

никого из нас не помнишь? Ты в детстве, бывало, играл с феями.

— Не может быть!

— Ага, не может. И я тоже не существую. А я, между прочим, сижу здесь и разговариваю с тобой.

— Я знаю, что это не сон.

Маленький человечек, хихикнув, покачал головой и... уменьшился на пару дюймов.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Том раздраженно.

Эльф пожал плечами:

— На самом деле это зависит от тебя. Ты еще сам не определился, не знаешь, какого роста ты бы хотел меня видеть.

— От *меня*? Но какое я имею к этому отношение?

— Послушай. — Наклонившись вперед, эльф уперся ладонями в колени и заговорил приглушенным голосом: — Людьми руководят ограничения их собственного диапазона. Вы не видите минимальные промежуточные вибрации. Если вы захотите, мы будем существовать в ваших границах, вашем спектре. Понятно?

— Ни слова.

Том чувствовал себя вполне способным воспринимать — то ли от напитка, который он только что проглотил, то ли от облегчения, что ужас — даже не само чудовище, а ужас в его душе — исчез. Он рвался к новым знаниям, усталость на время отступила — и от любопытства, и под воздействием напитка.

Эльф снова вздохнул, выглядело это почти комично. Он вовсе не выглядел миловидным, как эльфы и домовые на рисунках в книгах сказок, но его размеры и черты лица придавали ему какое-то весьма своеобразное обаяние. Не то чтобы персонаж мультфильмов Диснея, но все равно волшеббно привлекательный и интригующий.

— Забудь те чувства, о которых ты знаешь, — когда ты был маленьким, ты умел это делать. Эти пять чувств слишком грубы, в них нет тонкости.

Странная вещь происходила с его манерой говорить. Первоначально она казалась бессвязной и невнятной болтовней, затем начала приобретать смысл, и Том мог разобрать почти каждое слово. Сейчас речь стала еще четче, странный музыкальный распев не исчез, но основные интонации все больше походили на интонации самого Тома. Это стало немалым облегчением, потому что идея оказалась достаточно сложной и без необходимости расшифровывать в уме каждое предложение.

— И оттого, что мы предпочитаем скрываться, — продолжал эльф, его голос был все еще очень тонким, но слова произносились правильно, — и потому, что твои чувства настроены на иную волну, мы остаемся невидимыми для вас. Во всяком случае, большую часть времени. Мы живем в разных измерениях, ты и я, но между нами существует связь. Однако для начала ты должен понять, что космос состоит более из энергии, чем из физического вещества.

Теперь Том убедился, что его собственное подсознание извлекает смысл из речи эльфа, и чем больше он слушал, тем легче становилось восприятие. Он вспомнил флейтообразные звуки, издаваемые феями, и то, как они постепенно превратились для его слуха в протяжные голоса, как будто знакомство породило понимание. Его подсознание служило переводчиком, а сам процесс?... Волшебство.

— К сожалению, чем большими материалистами становятся люди, — ты бы сказал: чем более цивилизованными — ха! — тем больше теряют способности к восприятию. Если бы вы уделили этому должное внимание, наверняка удивились бы тому, как все логично — и как прекрасно. — Он печально покачал маленькой головой. — Однако вы предпочли все сделать наоборот.

Том повысил голос.

— Я не понимаю. Почему же мы так поступаем?

— Человеческое упрямство. Вы такие. Некоторые из вас не могут оценить, например, прекрасную музыку, живопись, замечательную прозу, некоторые даже думают, что

сексуальный акт — это замечательное, изысканное действо — следует производить за закрытыми дверями. А другие умудрились забыть, какое чудо заключено в смехе маленького ребенка.

— Но это совсем другое дело!

— Вовсе нет...

— По большей части это дело вкуса. Или суждения.

— А в результате — то же самое.

Поставленный в тупик, Киндред не знал, что ответить.

— Видишь ли, вы потеряли способность понимать, что сознание — это *нечто* между атомами, молекулами и частицами, невидимый клей, который и связывает все это воедино. Оно имеет свои собственные модели — их биллионы, триллионы и что там идет дальше? — (Еще один намек на то, что все сказанное эльфом вовсе не лежало за пределами понимания Тома, потому что посредником было его собственное подсознание, но в любом случае, очень уж странно звучали эти вещи из уст забавного маленького человечка...) — И именно сознание является той энергией, которая связывает эти модели и образует формы, вещество, если тебе так больше нравится. Некоторые ученые уже подошли очень близко к великому открытию, так что относительно скоро у вас появятся технические возможности, чтобы проверить это. Да, вас, людей, ожидают тогда некоторые сюрпризы.

Эльф на столе хлопнул себя по коленке и хихикнул.

— Подожди минутку, — запротестовал Том. — А как же тогда я смог тебя увидеть? Во мне-то нет ничего особенного.

Человечек пару секунд внимательно смотрел на него.

— Вот как? Значит, нет? — наконец переспросил он. — Тебе надо очень многому научиться, но нельзя все сделать сразу. Попытайся оглянуться назад. Вспомни себя, когда ты был маленьким.

Киндред размышлял долго и упорно, но это ни к чему не привело.

— Бетан — моя мама — рассказывала мне множество историй о феях и маленьких человечках, похожих на тебя.

— Не о человечках, Том. О *порождениях Природы*.

— Все равно. Но ведь это были просто, ну... сказки, фантазии, чтобы развлечь ребенка.

— Напрасно ты так думаешь.

— Ну, брось. Все матери рассказывают своим малышам сказки о феях.

— А откуда, по-твоему, эти сказки берутся?

— Мифы, выдумки. Фольклор, передаваемый веками из поколения в поколение.

Эльф покачал головой.

— *Воспоминания*, Том. Большинство из них — родовые воспоминания. Передаваемые из поколения в поколение, как ваши гены. Маленькие человеческие существа, ваши младенцы, верят в это, поэтому мы иногда показываемся им.

— Но почему?

— Потому что мы их любим, и это безопасно, они не представляют угрозы для нас. По той же причине мы иногда показываемся вашим старикам. Вы считаете их рассказы старческим слабоумием.

— Я не понимаю, почему мы для вас опасны. Опять короткий смешок.

— Вы опасны даже для самих себя. Когда-нибудь все может измениться, возможно вы избавитесь от своего цинизма и вновь обретете простое знание. Но я думаю, что сначала в нас поверят ученые. Поживем — увидим.

Молодой человек отчаянно пытался переварить все, что до сих пор было сказано. Отнюдь не самое простое занятие.

— Хорошо, — сказал он, все еще наклоняясь вперед к столу. — Итак, почему я? Почему *я и сейчас*?

— Потому что твоя жизнь в опасности.

В опасности. Красиво сформулировано, но опять-таки в пределах его собственного,

Тома, словарного запаса.

— Вот это чудовище? — он передернулся при мысли о нем. — Как ты его назвал?

— Суккуб. Это сексуальный монстр, которого использует тот, кто хочет причинить другому вред. Если бы ты был женщиной, то к тебе мог прийти инкуб. Он хотел обокрасть тебя, Том.

— Но когда я проснулся, он...

— Крал твои жизненные соки.

Киндред, пораженный, откинулся на спинку стула.

— Почему? Кто...

— Разве ты не понял, в какой ты опасности?

Глаза маленького человечка сузились от напряжения, почти закрылись.

Том молча глядел на него, отвесив челюсть от изумления. Его руки вцепились в край стола так, что костяшки пальцев побелели.

— Я не понимаю, — повторил он, — нет, я не понимаю этого.

Ночной ветерок кружил по кухне, и Том пошел закрыть переднюю дверь. Задвинув засов, он для верности еще подергал ручку. Затем вернулся к столу.

— Не можешь ли ты придерживаться одного размера? — попросил молодой человек. — У меня есть о чем поразмыслить, не считая изменений твоего роста.

— Я уже сказал, что мой рост зависит от тебя. Ты можешь изменять его по своему вкусу, хотя я не обязан подчиняться.

«Был ли это еще один намек на то, что все происходит в его собственном мозгу? Нет, не может быть. Это не фантазия и не сновидение. И он абсолютно здоров душевно (как предпочитает о себе думать большинство безумцев)».

— Скоро мой размер установится, — уверил его эльф и, с некоторым опозданием, добавил: — Кстати, меня зовут Филиберт, иногда Ксеркс. Но я привык к имени Ригвит. Тебя устроит?

Том кивнул, хотя в данный момент его не слишком интересовала проблема имени.

— Ты... ты сказал, что я в опасности. Кто хочет навредить мне?

— Она. Ты знаешь, та, которую люди называют ведьмой, мегерой, злой колдуньей, — для них существует много названий.

— Ведьма?

— Это наиболее распространенное из них.

— Ты ведь говоришь о Нелл Квик, верно.

Ригвит — ну, ладно, пусть будет Ригвит — кивнул кофейного цвета головой.

— Она тебя ненавидит.

— Мы едва знакомы, — возразил молодой человек, — кроме того, сегодня, пораньше... — он как-то забыл, что уже было сильно полночь, — она пыталась... — Он резко остановился. Ради всего святого, как можно объяснить... объяснить эльфу, что значит «соблазнить»? Вместо этого он быстро спросил своего крошечного собеседника: — Что заставляет тебя думать, что она — ведьма?

— Мы знаем, когда затевается Зло. И всегда можем определить злых колдуний. Нелл — не тайна для нас.

— Но что она имеет против меня? — Правда, он действительно чувствовал себя неловко в ее присутствии с первого момента их знакомства, но считал, что его просто смущали ее слишком откровенные домогательства. Киндред не возражал против того, чтобы его соблазнили, но эта женщина казалась слишком вульгарной и назойливой. К тому же в ней явно было что-то странное. Нелл Квик, безусловно, привлекательна, даже восхитительна с ее буйными черными волосами и алыми губами, но в темных глазах скрывалось выражение... да, именно порочное.

— На это мы еще не знаем ответа, Том. Но сегодня ей понадобилось твое семя. Вот почему она наслала на тебя суккуба.

Том только в смятении покачал головой. Затем спросил:

— Кого ты имеешь в виду, говоря «мы»?
— Мы, лесной народ, феи, эльфы, — твои соседи. Обитатели леса.
— Это безумие. Я провел здесь детство — я знаю эти леса. Я когда-то исследовал здесь каждый... — Он умолк, когда воспоминания начали пробивать себе дорогу через многослойные покровы времени.

— Черт! — гневно и разочарованно воскликнул он.

— Ты уже почти вспомнил, верно? — хитро улыбнулся Ригвит. — Ты уже почти восстановил картины прошлого. Но тебе пришлось испытать ужасный шок от потери любимой матери. Горе и изменившиеся жизненные обстоятельства украли у тебя тайное знание, а время ограбило твою память. — Ригвит глубоко вздохнул. — К сожалению, так бывает всегда, и не только с тобой, но и с другими, которые когда-то знали тайну. Я полагаю, так и должно быть, потому что скептицизм и неверие, которые приходят вместе со старением, конечно, ослабили бы нас.

Больше Том уже ничего не мог переварить. Усталость, несмотря на чудесный сок, выпитый ранее, одолела его душу и тело; полное душевное истощение победило любопытство. Он зевнул.

— Тебе пора отдохнуть, — добродушно заметил Ригвит.

— Нет, нет, — слабо запротестовал молодой человек, — осталось еще столько необъяснимого, столько еще надо узнать...

Он боялся, что если сейчас отпустит эльфа, то больше никогда его не увидит. Это пугало, но вообще все казалось чудесным. Пугающе чудесным. Однако плечи его опустились, голова упала.

— Ты скоро уснешь, — сказал эльф.

Веки Тома отяжелели.

— Очень скоро, — успокаивающе произнес далекий голос.

Когда глаза его закрылись, *тихий* голос продолжил:

— Я хранитель этого дома. Я всегда здесь, даже когда коттедж пустует, я здесь, чтобы... помочь... тебе...

Голова Тома была уже в нескольких дюймах от стола.

— ...Сражаться с твоим врагом...

Его волосы коснулись закрытой книги, лежавшей перед ним.

— ...Ведьмой...

Он лег виском на мягкую старую кожу переплета.

— ...Которая желает тебе смерти...

Темнота. Благословенная темнота.

19

Дженнет

Опять он не смог вспомнить ни подъема по винтовой лестнице, ни того, как раздевался и нырнул в постель под прохладную простыню.

Том несколько раз моргнул, частично от яркого дневного света, который потоком струился через окно, частично чтобы стряхнуть вязкую сонливость, склеившую его веки. За эти дни он уже привык просыпаться от звука извне, и потребовалось всего несколько секунд, чтобы опознать звук дверного колокольчика, разбудившего его сегодня утром. Приехав, Том не удосужился почистить и смазать его, но все равно тон его изменился, стал выше, звонче, неуклюжее блямканье исчезло как по... как по волшебству. Теперь это был чистый музыкальный звук, в нем слышалась счастливая гармония. Отшвырнув простыню и вскочив с постели, молодой человек секунду помедлил перед маленькой скамеечкой, на которой были аккуратно сложены джинсы; в отдохнувшем мозгу внезапно всплыли все события прошлой ночи: чудовище на кровати... борьба за украденную сперму... появление прелестных, невероятных фей!

Рука потянулась к ручке кресла, ища опоры, тело покачнулось, как будто на несколько секунд у него ослабели ноги. Господи, неужели это действительно произошло? Том был изумлен и напуган этой возможностью — нет, реальностью! Все случилось здесь, в Малом Брейкене, и вовсе не было какой-нибудь иллюзией или галлюцинацией, вызванной тяжелым мозговым припадком. Все правда, реальность! Он чуть не задохнулся, осознав неожиданную истину.

Колокольчик внизу опять зазвонил, настойчиво, но не назойливо, его звук был полон радости и потому не раздражал.

И эльф! Рагвич, Ратвич, Вигниг — как там его звали? Ригвит — вот как! Он вспомнил их долгий ночной разговор после сражения с суккубом, в котором участвовали полчища фей, предупреждение об опасности, угрожавшей его жизни. Что под этим подразумевалось?

Однако нельзя больше игнорировать зов колокольчика.

Натянув джинсы (неужели он действительно сложил их так аккуратно?), он схватил белую футболку из верхнего ящика комода. Внезапно он поймал свое отражение в стоящем на комод зеркале и с удивлением обнаружил, что на лице не осталось царапин после битвы прошлой ночи. Он отчетливо помнил, что суккуб проехался по его щеке когтями, но никаких царапин или ран на лице не было. Не имея времени задавать себе еще какие-то вопросы, Том зашлепал босыми ногами вниз по лестнице. Спускаясь, он одновременно просовывал голову в вырез футболки, а затем глянул в окно налево, просовывая руки в рукава. Да, погода изменчива — вчера было пасмурно и душно, сегодня на небе ни облачка; видимо, день опять знойный. Молодой человек одернул футболку на груди и на животе, не заправляя ее в джинсы, и оказался у двери на нижней площадке.

Том не помнил, запирали ли он входную дверь прошедшей ночью (впрочем, он не помнил и как ложился спать), и потянулся открыть нижний засов. Звонок по другую сторону двери замолчал, словно посетитель услышал шлепанье его босых ног по деревянной лестнице; или решил, что дома никого нет, и ушел. Киндред внезапно забеспокоился, он быстро повернул длинный ключ и — возможно, неосторожно, если вспомнить события прошлой ночи, — широко распахнул дверь. И чуть не отступил назад в изумлении...

* * *

Это была девушка с озера. Златовласая, утонченно прекрасная маленькая нимфа, которую он застал... за которой он подглядывал у озера три, нет — один день он проспал, приходя в себя, — четыре дня назад. Только теперь она была полностью одета. Вроде бы. И по-прежнему изысканно прекрасна, просто дух захватывало. И совсем одна, вокруг уже не было когорт фей, которые щекотали ее тело, распевая свои прозрачные мелодии...

— Меня зовут Дженнет.

Легкость ее голоса удивительно подходила к изящной фигурке, его высокий тон казался мелодичным, но со странным оттенком отдаленной хрипоты, и это звучало обворожительно, вызывая внутренний трепет. Она стояла на крыльце, глядя на него снизу вверх, так как рост ее не превышал пяти футов, может быть и меньше. Улыбка, обозначенная только уголками рта, появилась лишь на секунду, явно передразнивая ошарашенное выражение его лица. Сегодня девушка оделась в легкое зеленое платье, светлое, но с оттенками лилового в складках, тонкое, местами даже прозрачное. Том никогда раньше не видел такой удивительной шелковистой ткани. Похоже, ее соткали из паутины, такой изящной выглядела ее структура. С боков платье было подрезано на уровне бедер, но по центру свисало почти до голых лодыжек; с первого взгляда одеяние представлялось лохмотьями, но затем в нем начинала проступать тонкая грация. Подобно разбросанным звездам, крошечные, практически невидимые бусинки по подолу то ли отражали лучи солнца, то ли сияли внутренним светом, а два небольших узла скрепляли ткань на белоснежных плечах девушки, словно платье кроили с нарочитой небрежностью. Вырез странного одеяния доходил почти до пупка, а ниже ее плоть скрывали переливающиеся пурпуром складки, но эта скромность

выглядела искусственной, потому что в целом эффект казался более притягательным, чем просто нагота. Ее маленькие, но гордые груди четко виднелись под легкой тканью, а кожа была бледной — о, такой светлой! — и безупречной.

Солнце, светившее со спины (как тогда бусинки могли отражать свет?), дразняще подчеркивало изящную фигурку и проем между стройными ногами.

— Пойдем поиграем? — предложила она и озорно хихикнула, прикрыв длинными и тонкими пальцами губы.

Том понятия не имел, как на это реагировать, он так и застыл, словно пригвожденный к месту, с полуоткрытым ртом. Его изумил не неожиданный приход гостьи, хотя это, безусловно, сыграло свою роль; нет, изумление вызывала потрясающая красота. Ее золотые волосы спускались длинными кольцами, спутанные локоны почти касались груди, но сверху выглядели гладкими, разделенными на прямой пробор, а по бокам начинали завиваться в локоны, подсвеченные солнцем. Ее изящные ступни были босы, пальцы ног, как и рук, слегка заострены. Когда девушка улыбнулась снова, он заметил, что ее маленькие зубы тоже чуть-чуть заострены, как у эльфа, но это выглядело не угрожающим или плотоядным, а странно сексуальным.

Молодой человек все еще не знал, что сказать, и гостья склонила голову, с любопытством разглядывая его, явно развлекаясь, — это читалось в выражении ее глаз и губ.

— Доброе утро, Том, — произнесла она, как будто решив начать все с начала. — Ты хорошо себя чувствуешь сегодня?

Как очаровательно и соблазнительно звучит эта отдаленная хрипотца в ее голосе! Казалось, по его позвоночнику пробежали изящные пальчики.

— Я... я не уверен, что знаком с тобой. — Глупость, но это все, что ему удалось выдать из себя. Конечно, Киндред знал ее — он наблюдал за ней, когда у озера девушка наслаждалась своим собственным телом самым невинным и раскованным способом.

Легкий, приятный смешок. Девушка явно находила его забавным.

— Я хотел сказать, — запинаясь, проговорил он, — думаю, мы уже встречались...

— Я видела тебя, Том, — она кокетливо взглянула на него.

— Я... Откуда ты знаешь мое имя?

— Конечно, от Ригвита. Он мой друг.

Эльф был ее другом? Значит, вопрос не в том, кто она, а в том, что она такое?

Как будто читая его мысли (но без неприятного ощущения вторжения), она произнесла:

— Мы все — часть одной большой семьи, Том. Ты ведь веришь в фей, правда?

— Я уже больше ни в чем не уверен, — молодой человек покачал головой: «Все слишком фантастично, чтобы принять это прямо сейчас, на пороге, в теплом утреннем свете». — А если бы и верил, — вслух продолжил он, — так ведь феи не похожи на тебя!

— Я слишком высокая, да? — похоже, ей это понравилось.

Том медленно кивнул.

— А ты не знаешь, какого роста феи?

Так же медленно он покачал головой.

— Ну, они бывают крошечные, которых ты видел, среднего размера — как Ригвит, и такие, как я.

— Такие, как ты?

— Почти как люди — и со многих других точек зрения. Именно поэтому мы и должны быть предельно осторожны, когда прячемся.

— От... нас?

Она кивнула.

— Том, почему бы нам не погулять? Я должна многое рассказать тебе.

Девушка протянула руку через порог. И Том — бережно, но решительно — принял ее, и, босого, она увела его прочь от дома, в лес.

Часть вторая

В которой мы встречаемся с лесным народом, и добро противостоит силам зла

20

Феи

Том бывал в той части леса, куда Дженнет сейчас вела его, но он никогда не видел ее такой.

Цвет, запах, сама суть окружавших его растений казалась более живой, чем он помнил или мог вообразить себе. Цветы словно вибрировали от наполнявшей их внутренней энергии, а другие растения наливались какими-то неизвестными и невиданными соками, их благоухание распространялось так сильно и отчетливо, что у него закружилась голова. Каждая травинка была наполнена своей жизнью, существуя сама по себе, но в то же время оставалась частью целого. Деревья, хоть и стояли почти неподвижно, излучали настолько осязаемые волны энергии, что напоминали ветер, слегка холодивший его кожу, и Том знал, что его организм поглощает эту энергию, обретая живительную силу.

Даже животные, казалось, утратили робость, потому что кролик, лисица, лесные мыши — все резвились и бегали вокруг него, не соблюдая никаких мер предосторожности. Даже барсук пробудился от своей дневной дремоты, чтобы посмотреть, как Дженнет проходит мимо его норы.

А олени!.. Господи, он даже не догадывался, что в лесах так много оленей! Целые семьи встречались им на пути, самец — впереди, за ним самка и оленията. Том был потрясен всем этим — желто-коричневой совой на ветке дерева, добродушно наблюдавшей за их прогулкой, молодым оленем, евшим ягоды с ладони Дженнет. Певчий дрозд и зяблик сели ей на плечи и, распевая свои песни, дергали ее за волосы. Казалось, что никто здесь никого не боялся — ни его, ни девушки, ни других животных.

Птицы были повсюду, они пели или внезапно пикировали вниз, тревожа порхающих бабочек, дразня животных на земле, а затем взмывая высоко в небо, как будто празднуя прекрасный день.

Они вдвоем углубились в лес, следуя тропинкой, которая казалась почти незаметной для глаз, пока Дженнет нежным, чуть хрипловатым голосом объясняла Тому все, что он хотел узнать о жизни фей. Она рассказывала о воздушных королевах и мистических чародейках, уверяя, что сама не принадлежит ни к одной из этих категорий; о крошечных духах, которые жили среди растений — в подлеске или под грибами, в дуплах деревьев, особенно старых дубов, в лугах, на склонах холмов. Она говорила о волшебных созданиях, злонамеренных, скрытных и проказливых, об эльфах и нимфах, о гномах и сильфидах, о домовых и обитателях почвы — все они существовали в таинственном промежуточном мире, лежавшем вне человеческого восприятия.

Некоторые просвещенные, но, к сожалению, введенные в заблуждение люди считали, что среда обитания фей — где-то между райскими кущами Эдема и глубинами Ада, между светом и тьмой, а это неправильно, потому что такого места вообще не существует. Скорее, феи обитают в духовном мире самой природы, месте, незаметном для смертного, но тем не менее очень реальном (хотя она подчеркивала, что сама по себе реальность — концепция ложная). Только немногим избранным — тем, у которых особые родственные узы или определенная чувствительность, — позволяется на краткий миг соприкоснуться с жизнью фей. Однако чаще всего эти узы постепенно разрушаются или намеренно забываются.

Конечно, люди всегда знали о существовании волшебных созданий — о них есть упоминания в научных и религиозных трудах, в художественной литературе или фольклоре, в легендах о короле Артуре и в фантастических сказках, в стихах и философских трактатах, в алхимических исследованиях и снах Юнга. И даже несмотря на то, что никаких физических доказательств не было обнаружено или, как минимум, открыто, интуитивное знание о

существовании фей лежит глубоко в душе человека.

— Но ты должен остерегаться нас, — продолжала Дженнет.

И когда он спросил почему, ответила:

— Потому что некоторые из нас шаловливы, а другие порочны и злы. Самые худшие из нас хотят навредить тебе.

На его «почему?» ответ был так же прост, как и вопрос:

— Для развлечения.

Опять они углубились в лес, и молодой человек скоро понял, что не узнает этих мест. Он думал, что ему знаком каждый дюйм его родных лесов, но сейчас чувствовал себя настоящим чужестранцем. Может быть, в детстве Том считал эту часть леса слишком густой и никогда ее не исследовал, когда был маленьким; однако Дженнет вела его по почти неразличимой тропинке, казавшейся абсолютно прямой. Листья кустарника легко раздвигались, корни не мешали движению, вытягиваясь вдоль их пути, упавшее дерево с легкостью преодолевалось тремя короткими шагами.

— Духи и гоблины — хуже всех, — поясняла она на ходу, — старайся избегать их, они могут только причинить неприятности. Но, имей в виду, не все.

— А как различить?

— По улыбкам.

— О!

— Эльфы или домовые всегда услужливы и обычно добродушны. Ригвит на самом деле домовый, но не возражает, если его называют эльфом.

— Ты говорила с ним обо мне?

Кивнув, Дженнет продолжала говорить, как будто сочла это неважным:

— Домовые любят заботиться о доме для людей, особенно если помещение долго пустует. Они любят вас. Но будь осторожен с эльфами, которых называют кейкодемонами, ифритами, дивами, боглами, дергерами, пигвидженами, флиббертиджиббетами, — они могут оказаться очень недружелюбными по отношению к тебе. А кроме того, привидения, духи, клоббисы и водяные в образе лошади — это плохие создания, которых надо всячески избегать. К счастью, они редко встречаются, потому что наши королевы изгнали их.

— У вас не одна королева? — несколько дней назад Тому показался бы ужасно глупым такой вопрос, но происшедшие события изменили все.

— О да, много. В этих лесах живет Аэвол, она была королевой Манстера — это в стране, которую вы зовете Ирландией, но покинула ее и пришла сюда. Феи просто не выносят войн и стихийных бедствий, потому что им всегда сопутствует потеря веры и преданности.

— А у вас есть король?

Ее лицо стало печальным:

— Теперь уже нет. Они с Аэвол поссорились, и, поскольку ее могущество оказалось гораздо сильнее, он был низложен. Никто не знает, куда он ушел. Все это случилось лет сто назад, задолго до моего рождения.

— Вот как? А сколько тебе лет, Дженнет?

— Наши годы не совпадают с вашими. Честно говоря, у нас их просто нет. Время для нас течет по-другому.

— Но ты только что сказала, что ваш король удалился более ста лет назад.

— Да, это по вашему времени, не по нашему. Я пытаюсь рассказывать так, чтобы тебе было легче понять, Том. Много из того, что я сказала, вообще не имело бы для тебя смысла, если бы я не говорила на твоём языке.

— Ага, значит, считается, что я все это понимаю.

— Интуитивно. И наши сознания работают вместе, чтобы ты мог понять, о чем я говорю, ведь мой язык не полностью совпадает с твоим.

— Мне казалось, что у меня не было проблем с этим эльфом, Ригвитом.

— На самом деле ты научился очень быстро. Хотя в основном ты вспоминал.

— Что?

— Ты играл с феями все время, когда был ребенком. Бетан позволяла тебе.

Киндред резко остановился среди высоких папоротников.

— Моя мать знала о... о... — он не мог не заикаться. — О... феях? Она позволяла мне играть с ними?

Дженнет шла чуть впереди и теперь повернулась к нему лицом.

— Том, неужели ты все еще не понял? Бетан только частично принадлежала к миру людей. Она родилась среди нас, но ее возлюбленный заставил ее измениться. Это был ее выбор, но она действительно ничего не могла поделать с собой. Она так сильно любила твоего отца!

Он чуть не рухнул на землю.

— Это невозможно! Я... я бы знал. Я бы помнил!

— Ты действительно знал, она хранила от тебя лишь немногие секреты. Но ты был слишком мал, даже чтобы задавать вопросы, все это казалось тебе совершенно естественным. Перед смертью Бетан убедила, что вся память об этой части твоей жизни стерта.

— Значит, она знала?..

— Дни твоей матери были сочтены, когда ее возлюбленный, твой отец, погиб.

Том яростно потряс головой:

— Нет, это невозможно. Этого просто не может быть!

Дженнет снова коснулась его руки.

— Пойдем, не стоит останавливаться. Оказывается, объяснять придется куда больше, чем я думала.

Он двинулся вперед, но не взял протянутую руку; девушка теперь шла рядом с ним.

— Ты ведь никогда не видел своего отца, да, Том?

— Ты хочешь сказать, что ты видела? — его голос звучал сухо.

Она засмеялась; тот же звонкий смех, который очаровал его раньше. И почти очаровал снова.

— Я не настолько стара, Том, особенно в пересчете на ваши годы. Ригвит мне все рассказал.

— Значит, он уже был здесь еще до смерти моей матери.

— Он даже присутствовал при твоём рождении. Ригвит — древний, он всегда был здесь. Он знал и твою мать, и твоего отца.

— Почему же он не рассказал мне?

— Ты не мог все переварить за одну ночь. Ты и так достаточно растерялся.

«Абсолютно верно», — подумал он, но не сказал этого вслух.

— Том, твой отец был человеком. Они с Бетан полюбили друг друга и были предназначены друг для друга. Их любовь оказалась достаточно сильной для этого.

— Конечно, он был человеком. Я — человек. Моя мать была человеком.

Дженнет терпеливо подбирала слова, чтобы ответить.

— Нет, Бетан стала человеком потом, благодаря силе их любви. Но мы можем существовать в вашем мире, только если есть любовь, чтобы поддержать нас.

— Но я любил ее. Разве этого было недостаточно?

— Нет. Это... это не тот вид любви, который бывает между мужчиной и женщиной. Та любовь — вне кровных связей, потому что в ней большую роль играет сексуальное притяжение. Вы, люди, до сих пор не имеете понятия о том, насколько сильна сексуальная магия, какая грозная алхимия в ней содержится, какую силу она придает уму и телу. К несчастью, когда твой отец перешел в следующее измерение, Бетан не смогла вернуть свое естественное состояние. Ни одна фея, родившая человека, этого не может. И она не могла оставаться среди людей без любви ее мужчины. У нее не было выбора, ей пришлось покинуть тебя, Том.

Внезапно его горло сжалось, глаза наполнились слезами.

— Мой отец... кем он был?

— Ты не знаешь? Разве это не очевидно для тебя?
Он покачал головой, на этот раз печально.
— Зачем бы я тогда стал спрашивать?
Она помолчала, но не больше пары секунд.
— Возможно, я покажу тебе позже, Том, Это самый милосердный способ.

* * *

Опять они двинулись вперед, и Том воздержался от вопросов о своем отце, поражаясь всем чудесам, которые она открывала ему.

Дженнет рассказала, почему феи невидимы для большинства людей, объяснив, что человеческий глаз не обладает способностью различать более тонкие оттенки, существующие до и после общепринятого цветового спектра, равно как и промежуточные. Но если человек сумеет «настроиться» на мельчайшие вибрации, испускаемые «внеземными» существами, которые сами сотканы из воздушных структур, тогда он может начинать учиться и в конце концов понять. Феи способны с легкостью явить себя, изменив резонанс и введя свои тона в рамки воспринимаемого людьми спектра, но они редко это делают. С другой стороны, некоторые «просвещенные» человеческие существа могли бы раздвинуть границы своего восприятия и встретиться с феями где-то на полпути. Очевидно, именно этого неосознанно достиг Том. Иногда подобное происходит случайно, по редчайшему стечению обстоятельств, в других случаях такое явление вызвано желанием фей.

— Ты знаешь об этих штуках, которые вы называете Нээлээоу? — спросила она.
— Ты имеешь в виду НЛО? — спросил он.
— Ну да, Нээллоу.
— Летающие машины. Космические корабли.
— Какие корабли?
— Космические. С другой планеты, из другой галактики.
— А, понимаю. Штуки, которые пересекают пространство между их домами в небе. Но ведь у них нет ни весел, ни парусов.
— Это просто такое выражение, удобное название для них.
— Космические корабли. Здорово! — она восхищенно улыбнулась.
— Так что ты хотела о них сказать? Ты же не станешь утверждать, что они тоже реальны? Знаешь, большинство из нас думает, что это просто шутка, состряпанная одаренными сверхвоображением балбесами или искателями популярности. Или безумцами.
— Безумцами?
— Ну, неважно. Так что ты хотела сказать?
— Ты не веришь в Нээллоу... Нээло?
— Да почему я должен в них верить? Я никогда ни одного не видел.
— Ты мог бы увидеть теперь. Теперь, когда ты учишься воспринимать, а не просто видеть.
— Ты имеешь в виду, что они работают по тому же принципу?
— А почему, ты думаешь, они появляются, а потом так быстро исчезают?
— Ну, те придурки или мистификаторы, которые заявляют, что видели НЛО, говорят, будто они улетают с фантастической скоростью.
— Нет. Они уменьшаются с фантастической скоростью. Эти... Энээлоо меняют модель своей вибрации и исчезают за пределами вашего спектра, когда осознают, что за ними наблюдают.
— Утверждают, что некоторые болтаются в поле зрения часами.
— Ну, они не очень-то сообразительны.
Он был поражен. Затем спросил:
— А что, феи установили контакт с ними?
— Конечно нет. Зачем?

Том пожал плечами.

— Да так, без причины. Эй, не собираешься ли ты сказать мне, что это на самом деле они оставляли крути на полях?

Она расхохоталась, прижимая обе ладони ко рту, как бы пытаясь остановиться.

— Что смешное я сказал? — он улыбался и хмурился одновременно.

— Круги на полях — это одна из наших игр.

— Так это феи делают их?

Она сквозь смех энергично закивала головой.

— Это не мы начали. Механизмы космических кораблей привлекли магические узоры и мотивы, которые лежат под землей, они вытащили их на поверхность, и зерно на полях в этих местах полегло. Это могло быть сделано преднамеренно, просто чтобы дать вам знать, что они поблизости, точно так же, как мы, феи, крадем у вас какие-нибудь мелочи или устраиваем всякие трюки, просто чтобы подразнить вас и намекнуть, что мы есть. Как и мы, они думают, что человеческая раса слишком опасна, чтобы представиться вам должным образом.

Девушка все еще улыбалась, не замедляя шагов.

— Ну а потом, просто для забавы, корнуэлльские эльфы — из всех нас они самые озорные — решили нарисовать собственные узоры на полях. Вначале они казались очень забавными, а потом стали появляться слишком сложные даже для нашего понимания. В конце концов, — она возвела глаза к небу в шутливом отчаянии, — в конце концов вы, люди, стали делать собственные узоры, которые были даже еще более таинственными, чем наши, и абсолютно вне всякой логики. Мы никогда не думали, что люди могут так забавно себя вести.

Тому было вовсе не так смешно, как его маленькой спутнице. Они шли дальше, иногда Дженнет скользила слегка впереди, оборачиваясь к нему с каким-либо замечанием или очередным отрывком информации.

— Какого черта все-таки происходит? — недоумевал он. — Я схожу с ума? Или я на самом деле верю в фей, я, простой человек, в большинстве случаев прагматик?

Оставшись без матери с десяти лет, без отца — еще до своего рождения, Том обычно вынужден был сам разбираться с жизнью и всем, что она несет с собой. Конечно, у него был щедрый покровитель — то есть щедрый с финансовой точки зрения, — но со всеми травмами и стрессами взросления ему приходилось справляться в одиночку. Ему пришлось стать реалистом, а борьба с трудностями превратилась в его вторую натуру. Возможно, именно одиночество, да еще необходимость пробиться в жизни задушили в нем фантастические мечты и странные воспоминания; в течение всех этих лет они жили только где-то в подсознании. Но все-таки вовсе не цинизм заставлял его сомневаться во всем, что он увидел, услышал и узнал за последние несколько дней, потому что Киндред не был циником. Скорее, это трезвый голос разума призывал его мыслить рационально.

Тем не менее легкие проблески в памяти тоже отрицать не стоило, внезапные моментальные снимки — игры и беседы с крошечными человечками в лесу, человечками, походившими на людей, но все же сильно отличавшимися от них, — нелегко было отбросить в сторону. Но воспоминания выглядели именно моментальными снимками, отдельными кадрами, которым недоставало сути, потому что они оставались неполными, без начала и конца. Еще Том помнил сказки, которые ему рассказывала мать, истории о маленьких человечках, которые любили играть и танцевать. Они могли быть очень непослушными, но любили помогать «большим» людям в тяжелые для тех времена. Волшебные сказки о колдовстве и чуде, доброте и жестокости, магии и озорстве, печали и радости. Мальчику они всегда казались фантазиями; но сейчас он уже не был в этом так уверен, теперь он задавал себе вопрос, не являлись ли они правдивыми рассказами о другой жизни, которую Бетан близко знала, которую хотела разделить со своим маленьким сыном. «Нет, — сопротивлялся он. — Конечно нет, этого просто не могло быть. И все-таки...»

По мере того как они с Дженнет углублялись в лес, Том, вслушиваясь в ее легкий, певучий, со странной отдаленной хрипотцой голос, осознавал, что начинает видеть и

чувствовать более ясно, чем когда-либо ранее. Краски леса, его запахи, частота его выдохов — да, лес дышал! — и даже вибрация деревьев, цветов, всякой растительности, каждой травинки и листочка — он мог чувствовать все это, он слышал, как оно поет гимн собственной жизненной силе. Это ошеломяло.

А ведь предстояло узнать еще многое!

* * *

Дженнет, которая опять ушла вперед, не замечая, что удар по всем чувствам Тома замедлил его движение, ждала его на маленькой полянке.

— Ты в порядке? — тревожно спросила она, увидев его хмурую физиономию.

— А? Д-да, я думаю, да. Мне кажется, у меня от всего этого начинает слегка кружиться голова.

Она снова улыbnулась.

— Иди сюда, догоняй меня. Посмотрим, что можно с этим сделать.

Опять ее протянутая рука манила, и на этот раз Том коснулся легких пальцев, и девушка потянула его вперед. Знакомый уже заряд электричества побежал вверх по руке, а затем по всему телу, и он вздрогнул, но не от удара, а от удовольствия. Затем Дженнет поднесла другую руку к его лицу, ладонью вверх, длинные тонкие пальцы уперлись в его колючий подбородок. Прежде чем Киндред успел запротестовать, она выпятила губы и легко дунула на свою раскрытую ладонь.

Порошок, наполнивший воздух между ними, был настолько мелким, что стал видимым, только превратившись в разноцветные искорки. Том понятия не имел, откуда он взялся, но крошечные частицы мгновенно наполнили его ноздри и открытый рот. Молодой человек почувствовал, как порошок проникает сквозь кожу, щекощущее ощущение не казалось неприятным. Вещество не имело запаха, и раздражение — на самом деле щекотка — было минимальным. Но эффект оказался удивительным.

Как некоторые быстродействующие, мощные и в высшей степени незаконные наркотики, порошок обострил его чувства — все пять плюс еще одно — до такой степени, что это могло испугать, если бы он не обладал также успокаивающим эффектом. Именно тогда мир вокруг него стал почти сюрреалистичным в своей явной реальности.

Том увидел вещи такими, какими они были на самом деле, без присущей им тенденции к подчинению и порядку; мир вокруг него стал таким, каким его следовало видеть (и каким, возможно, он был когда-то). Но человеческий мозг наполнился высокомерием и предрассудками, и развитие стало скорее его противником, чем другом, а прогресс — ослепляющим врагом. Теперь же Киндред мог слышать, обонять и чувствовать присутствие лесных животных, даже если они находились далеко от него. Он видел лису, не обратившую внимания на кролика, олененка, который танцевал с зайцем, крота, игравшего в прятки с лесной мышью, мотылька, утешавшего гусеницу. Том знал, что изменился не только его взгляд на животных, но и их взгляд на него. Молодой человек больше не представлял для них угрозы, он принадлежал к их царству и был принят в их общий дом.

Когда Дженнет тихо потянула его дальше, он снова увидел фей, только на сей раз они явились ему четче, словно дивные существа тоже приняли его в свой мир. Некоторые из них просто резвились, другие играли со стайками бабочек, взбирались на них верхом, как на летающих лошадей, а другие летели сзади, используя шелковые нити как поводья. Яркие серебристо-синие феи и эльфы играли в чехарду, перепрыгивая через кучку росших вместе грибов. Трепещущие крылья красавиц помогли им выйти победителями.

Он чуть не споткнулся о зеленого бесенка, сидевшего на почти неразличимой тропинке; существо напоминало тощую лягушку с человеческими конечностями и чертами лица; кучки травы росли из его спины и из центра лысины как часть самой природы. Он злобно тарасился, но не сделал попытки убежать, когда Том осторожно переступил через него. Два грязно-зеленых корнуэлльских эльфа разговаривали на поваленном стволе дерева, каждый из

них был примерно десяти дюймов в высоту и походил на высохшего маленького старичка. Морщины избороздили их худые лица, а раскосые глаза казались абсолютно черными. Высокие коричневые шляпы из старой кожи подпрыгнули, когда эльфы закивали, соглашаясь друг с другом.

— Крэд и Детнуа, — шепнула девушка, наклонившись к своему спутнику. — Они всегда ведут философские беседы, причем им даже не обязательно приходиться к каким-то выводам. Друзья рассердятся, если им помешают, так что проходи мимо осторожно и молча.

Когда они приблизились к старому дубу, который, должно быть, рос в этой части леса последние лет триста, Тому показалось, что кора дерева как будто движется. Подойдя поближе, он увидел сотни крошечных коричневых созданий, корчившихся и извивавшихся на ее поверхности в каком-то безумном танце, их уродливые личики гримасничали, словно каждое существо подвергалось собственной пытке. Услышав тихие стоны и завывания, Том испуганно посмотрел на Дженнет, но та сделала знак двигаться побыстрее. Ее очаровательное личико выражало презрение.

— Мы называем его Древом Наказания. Оно предназначено для тех эльфов, которые причинили кому-либо непоправимый вред. Стыд и отчаяние заставляют их так корчиться, и каждый из этих негодяев останется здесь на сто лет, пока не умрет, а затем отпадет, как сгнившая кора. Таким образом, они освобождают место для следующего преступника — их список огромен.

Том невольно содрогнулся, и они быстро пошли дальше. Хорошее настроение вновь вернулось к молодому человеку при виде маленького существа, попыхивавшего трубкой, сделанной из стебля какого-то растения. Человечек гладил длинную коричневую бороду, что-то весело бормоча себе под нос, и не заметил молодых людей, пока они не оказались рядом. Он приветливо улыбнулся и помахал рукой, продолжая попыхивать трубкой, одновременно разговаривая сам с собой.

— Добрый день, Икалф, — поздоровалась с ним Дженнет, и только тогда Том увидел множество других лиц среди пышного кустарника, причем их глаза были устремлены на курильщика трубки. Приблизившись вплотную, Том сумел разглядеть лица и плечи, а кое-где и тела с ног до головы одетых в зеленое человечков. Все они с увлечением слушали рассказ курильщика: оказывается, Икалф разговаривал вовсе не сам с собой.

— Иногда его зовут Требрех, — тихо рассказывала девушка, когда они пошли дальше, — а иногда Семай — в зависимости от того, что он рассказывает. Он говорит, будто знает все старые истории, печальные и счастливые, и все древние загадки и песни, но иногда, мне кажется, он сочиняет их прямо на ходу.

Всюду, куда смотрел Том, кипела какая-то деятельность, хотя часто, невзирая на обострившееся восприятие, ему приходилось вглядываться очень внимательно, чтобы определить что происходит. Феи с тонкими крыльями, иногда вдвое большими, чем их тела, скользили между деревьев и в подлеске, но особенно им нравилось порхать вокруг самых ярких цветов, поддразнивая друг друга, перекрикиваясь или распевая песни. Они летали рука об руку, группами по трое, по восемь или дюжинами, наслаждаясь прекрасным летним днем. Другие, никого не стыдясь, все вместе занимались любовью, их крошечные тела светились от переполнявшей их энергии, искры слетали с кончиков крыльев фантастическими фейерверками, когда они достигали оргазма, издавая звонкие восторженные крики, яркие и мелодичные. Молодой человек повернулся к Дженнет, подарившей ему сияющую улыбку.

— Разве это не чудесно? — спросила она.

Ничего не оставалось, как только усиленно закивать в ответ.

Чуть подальше лысый гном расположился в центре стоячего мелкого пруда, его печальные глаза следили за феями, над поверхностью виднелись только голова и плечи, одинокая капля росы свисала с длинного острого носа. Когда Том проходил мимо обвитого плющом дерева, зеленое лицо улыбнулось ему, причем только легкое движение и растянувшийся рот открыли присутствие здесь эльфа. Существо с вытянутым рыльцем вместо носа и высоко торчащими ушами, чья голова, шея и спина ошетинились, напоминая

ежа, поспешно пересекло тропинку. Розовые феи с изящными нагими телами играли на ковре из колокольчиков, в то время как серебряные и фиолетовые благодушно наблюдали за ними, болтая и переключаясь высокими, но красивыми голосами.

Многие приветствовали Дженнет взмахами рук или паутинных крыльев. На широкой золотистой полянке, до которой они наконец добрались, фей, эльфов и гномов было еще больше. Дженнет, здороваясь с каждым, сообщала Тому их имена: Срехто, Сигам, Ханой, Обидиах, Титус, Риал, Илик, Тоби, Стар, Инирхс, Нум, Филиберт, Ниамот, Руфус; список казался бесконечным. Наконец молодой человек замотал головой, признавая свое поражение.

— Только не проси меня повторять их, — он поднял руки.

Смеясь, она показывала Тому на разных обитателей магического мира — вот гоблин, сильфида, домовый, гном-"красный колпачок" и боггарт-привидение, — пока он не запротестовал вновь. Голова кружилась от всего увиденного, картина буквально ослепляла живостью зрелища.

— Их формы в основном зависят от тебя, — заметила Дженнет, подтверждая то, что сказал ему Ригвит предыдущей ночью. — Твои собственные глаза и ум переводят их энергию в приемлемые для тебя формы.

— Но некоторые из них просто ужасны.

— Внешний облик связан с природой их истинной сути, и твое сознание говорит тебе об этом. Кроме того, на тебя немного влияют человеческие рисунки, которые ты видел раньше. К счастью, не многие из неприятных существ появляются при солнечном свете — ночь их друг, и чем темнее, тем лучше. Некоторые принимают свой собственный вариант человеческой формы, но из-за слабости и злобы становятся уродами, извращенной пародией на земные создания.

Том содрогнулся, когда заметил существо, скрывавшееся в тени деревьев. Оно было либо слишком глупым, чтобы спрятаться как следует, либо хотело напугать их своим видом. Его темно-серая спина угрожающе горбилась, руки — и ноги, предположил Том, поскольку их не было видно, — казались тонкими как; спички. Оно таращилось на них злобными желтыми глазами, а свиной пяточок на месте носа слабо подрагивал.

— Гладбек — один из тех, кому не следовало бы показываться при дневном свете, — указала девушка на существо, мгновенно уменьшившееся почти вдвое. — Вот почему он держится в тени. Он — злое создание, любит пугать младенцев, когда их родители спят. — Ну, пошел вон, Гладбек! Возвращайся в свою нору и не вылезай до захода солнца!

Отвратительное темное существо моментально исчезло, как будто испугавшись Дженнет и ее окрика.

— Они обычно трусливы, — на минуту ее губы сжались в тонкую линию. — И послушай, Том: не верь тем, кто говорит, что фей могут увидеть только люди с добрым сердцем, потому что это чепуха; как я уже тебе говорила, ты видишь нас глазами и умом — сердце только и делает, что гонит кровь по твоему телу.

Киндред улыбнулся: что бы сказали на это поэты и некоторые сочинители сказок...

Они с Дженнет уходили, держась за руки, подобно юным любовникам, все глубже и глубже в такой незнакомый ему теперь лес, но время от времени у него возникало мимолетное ощущение, словно когда-то давно, ребенком, он уже бродил по этим местам и видел то, что показывает ему сейчас девушка.

Два эльфа, похожие на Ригвита, только у одного была развевающаяся белая борода, доходившая до толстого живота, а у другого — длинные белые усы, сидели у пня, используя кольца и радиальные линии на его плоской поверхности как своеобразную шахматную доску, а раскрашенные шляпки желудей — как шашки. Эльфы сосредоточенно хмурились, и когда один сделал ход, другой весело захлопал в ладоши, радуясь интересному повороту в игре.

— Гоф и Раепс, — тихо прошептала Дженнет. — Всегда играют в одну и ту же игру.

— Кто обычно выигрывает? — тоже шепотом спросил он.

— Пока никто.

— Что?

Девушка прижала пален к губам, — его восклицание прозвучало слишком громко.

— Они играют всего три года. Еще никто не выиграл. Но нам повезло: как раз сейчас Гоф сделал ход.

Том вытянул шею, разглядывая двух поглощенных игрой эльфов, когда они с Дженнет на цыпочках прошли мимо, затем снова в изумлении повернулся к девушке.

— Предыдущая игра длилась двадцать лет, — серьезным тоном сообщила ему спутница.

* * *

Они шли вместе, фея и человек, по их лицам скользили солнечные лучи и тени, вокруг них кипела нескончаемая деловитая суeta Мужчины был вне себя от изумления, но уже постепенно начинал принимать все происходящее, а прекрасная маленькая нимфа наслаждалась ролью учительницы. Но среди множества вещей одна особенно озадачивала Тома.

— Почему я не видел никого подобного тебе, Дженнет? — наконец спросил он. — Я имею в виду, твоего размера, других, похожих на тебя. Тебя можно принять почти за человека.

Девушка быстро взглянула на него.

— Еще увидишь, Том, — с улыбкой пообещала она, — в свое время ты все увидишь.

21

Прелюдия к соращению

Нелл увидела, что дверь Малого Брейкена широко распахнута, еще пока она сражалась с черным велосипедом на ухабистой колее, что вела от главной дороги через лес. Плетеная корзина была тяжело нагружена растениями из ее сада, выкопанными таким образом, что и луковицы, покрытые землей, и корни остались неповрежденными. Женщина вцепилась в руль, пытаясь контролировать движение велосипеда, и тихо чертыхалась. Заднее колесо снова было накачено (впрочем, с шиной на самом деле ничего не случилось), но подобные машины всегда капризничают на неровной дороге и небольшой скорости.

Не было ничего необычного в том, что дверь деревенского дома распахнута настежь, особенно в такой прекрасный день. Том Киндред, вероятно, проветривал дом, устраивал сквозняк, а если он и вышел ненадолго — его джип припаркован здесь же, так что он не мог отправиться далеко, — ну, что ж, она подождет. Сегодня Нелл могла ждать сколько угодно и намеревалась использовать ожидание с толком. Да и далеко ли он уйдет с больной ногой? Конечно, мужчина выглядел гораздо лучше, чем она ожидала, несмотря на болезнь. Но скоро ему будет хуже. О да, совсем плохо.

Женщина резко соскочила с велосипеда еще во время движения; колеса коротко взвизгнули, когда он остановился рядом с джином. Затем Нелл прислонила велосипед к стене коттеджа, как раз под старым колокольчиком; подол ее бордовой хлопчатобумажной юбки свободно колыхался, чуть прикрывая колени, а ремешки сандалий обвивались вокруг икр. Короткие рукава белой блузки сползли вниз, открывая смуглые, как у цыганок, плечи.

Вынув из корзины цветы, с луковиц которых осыпалась кусками подсохшая почва, и достав из-под них маленькую красную сумочку, она громко позвала:

— Том? Ты здесь, Том?

Нелл без оглядки устремила в открытую дверь коттеджа, еще раз позвав, на случай если хозяин наверху:

— Том? Это Нелл. Я пришла навестить тебя. — Последнее предложение звучало намеренно кокетливо. Да, ей нравился собственный деревенский облик — цветы и блузка с открытыми плечами.

— Том! — В этот раз голос прозвучал громче и с некоторым разочарованием. —

Черт, — тихо сказала она, оглядывая кухню. Никаких признаков съеденного завтрака, никаких грязных тарелок на столе или в раковине. То ли он убрал за собой, то ли пошел прогуляться до еды.

Положив на стол свежевыкопанные цветы и сумочку, Нелл коснулась пластмассового чайника. Ни искорки тепла. Итак, он ушел на прогулку до завтрака, значит, должен скоро вернуться. И это прекрасно. Она подождет.

* * *

Нелл поднялась в спальню и теперь обследовала комод и высокий шкаф в поисках какой-нибудь личной вещи Тома, которая помогла бы ей творить заклинания. Конечно, лучше всего сперма — трудно найти что-то более личное, но ее первая попытка провалилась. Сегодня ей должно повезти больше: если все пойдет по плану, она унесет его семя в собственном теле и можно будет собрать остатки спермы в уединении ее собственной ванной. А еще лучше — она бы нашла предлог, это нетрудно после занятий любовью — воспользоваться его ванной прямо здесь, в коттедже. Тогда не возникнет необходимость закупоривать самое себя до возвращения домой, а в сумочке у нее на всякий случай припасен маленький пластиковый пузырек.

Она быстро задвинула ящик комода, услышав звук мотора, и побежала вниз. Поспешно спускаясь по лестнице, выглянула из окна на лестничной площадке и успела мельком увидеть машину жуткого зеленого цвета, остановившуюся рядом с джипом.

Нелл спустилась по ступенькам и подошла к открытой парадной двери как раз в тот момент, когда женщина со светло-каштановыми волосами, стянутыми на затылке в короткий «конский хвост», вылезла из зеленого «фольксвагена». У нее были тяжелые груди, желтая футболка заправлена в серые спортивные брюки, на ногах — белые кроссовки. Неожиданная посетительница выволокла с заднего сидения машины большую матерчатую сумку. Обернувшись к коттеджу, она заметила на крыльце Нелл и остановилась.

— О, привет, — сказала женщина, вежливо улыбнувшись. За круглыми очками в тонкой оправе ее карие глаза — такие же светлые, с темно-рыжими крапинками, как и ее волосы, насколько заметила Нелл, — казались дружелюбными. — Я врач мистера Киндред, Кэти Бадд. Он должен ждать меня.

Нелл улыбнулась в ответ, но ее улыбка выглядела более оживленной. С ее помощью женщина попыталась скрыть раздражение, так как планировала остаться с Томом наедине.

Симпатичная, отметила она, пока Кэти шла к ней по вымощенной плитками дорожке. Немножко полновата, но фигура хорошая. И под футболкой явно ничего не надето. Для удобства Тома?

— Боюсь, что сейчас Тома здесь нет, — любезно заговорила Нелл, когда врач подошла поближе, продолжая внимательно изучать гостью: ей около тридцати, в хорошей форме, очень привлекательная, даже в этих простых очках. Дерзкий маленький нос, чуть-чуть тяжеловатая линия подбородка. Сильная женщина с соответствующими желаниями — сейчас она выглядела разочарованной.

— Но Том — прошу прощения, мистер Киндред — знал, что я приеду в это время. Мы договаривались.

— Возможно, он забыл, — с улыбкой ответила Нелл, облокотившись о дверной косяк. — Однако, я думаю, скоро подойдет, раз он знал, что вы приедете.

— Надеюсь. Ему на самом деле необходимы эти упражнения.

— Уверена, что необходимы. Кстати, меня зовут Нелл. Я часто заглядываю к Тому, просто чтобы узнать, как у него дела. Иногда приношу ему продукты, иногда еще за чем-нибудь...

— Вы не знаете, когда он ушел? — Кэти взглянула на часы, отметив, что она сама немного опоздала и сейчас уже на десять минут позже назначенного времени.

— Почему бы вам не подождать в доме? Его машина здесь, так что, наверное, он вышел

просто прогуляться.

Без колебаний гостя двинулась к входу, и Нелл посторонилась, давая ей пройти, а затем закрыла переднюю дверь, не отводя глаз от Кэти, которая пересекла комнату и остановилась у кухонного стола.

— Какие чудесные цветы, — сказала она, поставив на пол сумку, и потрогала пальцем яркие, в крапинку, лепестки. Это ведь орхидеи, да? — Она взглянула на Нелл, та кивнула.

— Они называются «ранние пурпурные», — пояснила их хозяйка.

Кэти, занятая изучением орхидей, не заметила внезапного блеска в темных глазах Нелл.

— Не могу сказать, однако, что мне очень нравится запах, — сморщив нос, врач повернулась к новой знакомой. — А вы давно знаете Тома? — спросила она, как будто желая поддержать разговор исключительно из простой вежливости.

Нелл, обладавшая природным нюхом на такие вещи, сразу поняла, что вопрос не случайный. «Эта сука явно положила на него глаз, — решила она. — А почему бы и нет? Том — интересный мужчина, достойная добыча для любой женщины, которая не возражает против любовника-инвалида».

— Нет, недолго, — ровным голосом ответила она, подходя поближе к Кэти. — Я — квалифицированная сиделка. Друг Тома Хьюго Блит платит мне за то, чтобы я присматривала за ним.

— Хьюго Блит. Это не владелец большого дома, как он называется... Брейкен?

— Замок Брейкен. Нет, владелец его отец, сэр Рассел, ему также принадлежит вся земля вокруг него.

— Как Интересно! Я успела увидеть только небольшую часть поместья, и она выглядит превосходно. А дом и земли открыты для публики?

— Почему вы спрашиваете об этом? — голос Нелл прозвучал неожиданно резко.

Удивленная, Кэти ответила:

— Да просто так. Ведь многие загородные дома и угодья в наши дни можно посещать. Доходы от туристов помогают поддерживать поместья в жизнеспособном состоянии.

Мисс Квик сладко улыбнулась. «Итак, эта сука еще и любопытна. Кроме того, что она явно липнет к Тому, она еще и сует нос в чужие дела. Однако весьма хороша. На самом деле чем больше ее разглядываешь, тем более привлекательной она кажется. Том мог легко увлечься такой, как она, особенно если она помогает ему восстановить здоровье. Вечные отношения между сиделкой и больным, уж об этом-то я знаю все». Нелл охватили смешанные эмоции — ей так хотелось привлечь к себе внимание Тома именно сегодня (она бросила взгляд на цветы). И вот — новое чувство, влечение к этой девушке.

Серые спортивные брюки выглядели слегка мешковатыми, но они не скрывали впечатляющей длины ног. Тугая футболка прекрасно обрисовывала ничем не стянутую грудь. К тому же, видимо, из-за прохлады в кухне, соски под желтым хлопком напряглись и вызывающе торчали. А может быть, эту женщину тоже влекло к Нелл...

— Я как раз собиралась приготовить цветы в качестве сюрприза для Тома, когда вы приехали, подумала, что они смогут оживить комнату. Вы не хотите помочь мне? — Голос Нелл зазвучал низко, почти хрипло, сейчас он казался прокуренным.

Кэти чувствовала себя неловко. В этой женщине было что-то странное, она вовсе не походила на сиделку. Мрачновато влекущая, с той откровенно сексуальной внешностью, которая притягивает многих мужчин. Было ли что-нибудь между ней и Томом Киндредом? Или у них просто отношения больного и сиделки? Том одинок, его здоровье быстро поправляется, он живет один в коттедже, и кто мог обвинить его, если бы такая сладострастная женщина с потрясающими темными глазами и обольстительной улыбкой привлекла его? Фигура у нее хорошая — нет, великолепная, — груди выглядели ровно округлыми под низко вырезанной блузкой, ложбинка в вырезе... Кэти одернула себя, не вполне понимая тревогу, которую она ощущала, напряжение, нараставшее между этой женщиной и ею.

Желая отвлечься, Кэти поспешно произнесла:

— Да, хорошо. Что я должна делать?

— Сначала помогите мне отделить луковицы от стеблей. Я использую луковичную пасту как средство от многих недугов.

«Ага, она не только сиделка, но и травница. Что ж, альтернативные лечебные средства в наши дни очень распространены, и нет причин, почему бы не использовать их наряду с традиционными медикаментами».

— Конечно, — сказала Кэти вслух, подходя к столу (оказывается, она бессознательно отодвинулась от этой женщины на несколько шагов, пока шел разговор), и взяла несколько орхидей за стебли. — Что теперь с ними делать?

— Отнесите их к раковине, — объяснила Нелл, — и найдите в ящике хороший острый нож. Отрежьте луковицы от стеблей, а затем тонко порежьте их. Я найду горшок, чтобы раздавить их в нем.

Кэти сделала то, что ей было сказано: отделила от букета четыре орхидеи и, положив цветы на разделочную доску рядом с раковиной, пошарила в ящике в поисках острого ножа. Ей очень не нравился запах. Пока Нелл высматривала в шкафу подходящий горшок, Кэти одним легким движением ножа отделила от стебля первую луковицу.

— Вот, кладите сюда, — темноволосая красавица поставила в раковину глиняную миску. — Это сойдет в качестве ступки. А большая суповая ложка будет пестиком. Мне бы следовало захватить пестик и ступку с собой, но я собиралась в спешке. — На самом деле Нелл вовсе не собиралась приносить ничего подобного, ведь чем дольше пальцы соприкасались с луковицами, тем лучше. Первоначально планировалось, что это будут пальцы Тома, но, в конце концов, какая разница? Так может получиться далее забавнее.

Нелл увлажнила губы языком, передавая миску, а Кэти снова открыла тот же ящик и вытащила тяжелую разливательную ложку.

— Эта подойдет? — спросила она, держа ложку на весу.

— Идеально, — ответила Нелл, подтвердив свои слова кивком. Ее глаза на секунду встретились с глазами Кэти.

«Что это с ней? — подумала та. — Что у нее на уме?»

— Разрежьте их, — велел вкрадчивый голос.

— Прошу прощения?

— Луковицы. Режьте на кусочки. А я возьму другие орхидеи.

Кэти еле заметно пожала плечами. Отчего бы Нелл не сделать это самой? Она, Кэти, врач, а не натуралист. И в любом случае просто стыдно портить такие прекрасные цветы с кремовыми лепестками и лиловатыми, в пятнышках, сердцевинками. Их запах казался не слишком приятным, но они могли стать замечательным украшением стола. Ф-фу! Внутри луковицы оказались кашицеобразными, и пальцы мгновенно покрылись липкой жидкостью. Странно, вообще-то сейчас не сезон орхидей. Кэти где-то читала, что орхидеи цветут весной и в начале лета, но эти, казалось, были сейчас во всей красе. Возможно, у Нелл собственная теплица, и она искусный садовод в придачу? Сама Кэти никогда раньше не встречала таких орхидей. Х-м-м. Мякоть была почти... ну да, почти чувственной.

Она продолжала мять нарезанные кусочки, превращая их в липкую кашу. В груди возникло странное давление.

Нелл, притворяясь, что возится с цветами на кухонном столе, искоса поглядывала на гостью. В ее глазах поблескивало ожидание, она тоже ощущала, как напряглись груди, соски отвердели, распирая мягкую ткань блузки. Она выбрала орхидею, торчавшую на стебле из особенно крупной луковицы, и умело содрала зеленовато-белую шкурку длинным ногтем большого пальца. Оттуда потек густой сок, который она растерла всеми пальцами, частично смазав себе грудь за вырезом блузки и шею под подбородком. Зачем ждать Тома Киндреда, когда такая замечательная забава сама идет в руки? Кроме того, если Том вскоре вернется, может быть, он присоединится к ним без всякого афродизиака. Первоначально Нелл хотела попросить Тома помочь ей приготовить орхидеи, так чтобы сок быстро и легко впитался в кожу его рук. Называемое посвященными «Сатирион» клейкое вещество являлось

быстродействующим сексуальным возбудителем, причем весьма эффективным. Существовали и другие возбуждающие средства, которые она могла бы использовать, — все, что угодно, от гашиша до плодов авокадо, от мускатного ореха до кормовых бобов или шкурок незрелых бананов. Нужно только знать рецепт. Но ранние орхидеи больше всего подходили для целей Нелл.

Она бросила еще один косой взгляд на Кэти, которая стояла у раковины; яркий румянец разливался по шее девушки, поднимаясь от груди.

— Вот замечательный экземпляр, — сказала Нелл, подходя к ней.

— А что вы с ними делаете?

Не звучала ли в голосе Кэти легкая дрожь?

— О, я их использую для множества разных вещей, — мягко ответила Нелл. — Древние греки смешивали это с козьим молоком. Я добавляю их в мороженое.

— Мороженое? Неужели? — Липкий сок покрывал пальцы Кэти.

— Это легко. Желатин, коричневый сахар или мед, ваниль. Очень вкусно с шоколадным мороженым.

— Они нужны просто для вкуса?

— Скажем так, орхидеи создают ощущение благополучия. Могут быть укрепляющим и стимулирующим средством.

Кэти замерла над раковиной.

— Это ведь не какой-нибудь наркотик, а?

Женщина засмеялась:

— Нет, это природное вещество. Полезно больным, истощенным. Вот почему я и принесла их сюда для Тома, — голос Нелл звучал интимнее, как будто она делилась секретом: — Мы ведь хотим, чтобы он поправился, правда?

По какой-то неизвестной ей причине Кэти покраснела. Да, она действительно хотела, чтобы он поправился. В нем что-то было, что-то, казавшееся ей очень... привлекательным.

Нелл протягивала ей еще одну орхидею, держа за стебель, ее собственная кожа блестела от сока, вытекавшего из проткнутой луковицы.

— Попробуй вот эту, — голос красавицы-сиделки звучал как будто издалека, — Она просто лопается сама по себе.

Кэти взяла цветок, схватившись за луковицу, потому что именно этого добивалась Нелл, и почувствовала сок на своей коже. Легкие мурашки пробежали по всему телу, дыхание участилось и стало неровным. Том... Так хотелось увидеть его снова! Она с удивлением ощутила легкую сырость между ног, как будто начали выделяться ее собственные соки, и невольно прижалась животом к стенке раковины, у которой стояла, получая удовольствие от этого давления.

Кэти пришлось откашляться, прежде чем она смогла заговорить:

— Думаете, он скоро вернется?

— Я уже говорила тебе, — негромко ответила Нелл, уставясь в расширившиеся зрачки Кэти. — Он пошел прогуляться по лесу. Но мы ведь можем слегка развлечься, пока ждем его, верно?

Нелл знала, что она должна соблюдать осторожность. «Будь терпеливой, не торопись, — говорила она себе. — Не испугай ее, сделав ход слишком поспешно». Есть ли у Кэти какой-то опыт общения с другими женщинами? Маловероятно. Казалось, ей слишком нравится Том, чтобы увлечься кем-то, принадлежащим к ее собственному полу. Но кто знает, в наше-то время? Кто мог наверняка что-то знать о склонностях другого человека в то время, когда такой фактор, как стыд, вообще перестали принимать во внимание? Сейчас юноши и девушки могли колебаться в любую сторону, куда им только заблагорассудится, без риска подвергнуться преследованиям. Это хорошее время для таких женщин, как Нелл.

Она заметила, что дыхание Кэти становится все более неровным и хриплым, грудь в вырезе футболки сильно покраснела. Женщина протянула ладонь, коснулась обнаженной руки своей соседки и сразу же ощутила реакцию.

Кэти почувствовала, как ее плоть затрепетала от мягкого прикосновения, и мягкая волна распространилась по руке, постепенно захватывая все тело, украдкой предававшее свою хозяйку. Почему она не отпрянула от прикосновения другой женщины? Да потому, что ощущение казалось приятным и желанным Господи, она чувствует возбуждение! Кэти прижалась к нижней дверце шкафа с посудой, не решаясь взглянуть на Нелл. Каждая часть ее тела ощущала напряжение, она чувствовала, как нечто странное происходит с кровеносными сосудами, в определенных точках ее тела артерии расширились, усиливая ощущения повсюду — в груди, в паху, по бокам шеи, на коже между лопатками и в сгибе локтей, на внутренней стороне бедер...

Кэти уронила ложку в миску липкого сока и схватилась за край раковины. Что с ней происходит?

Женщина рядом с ней говорила что-то успокаивающее, и все-таки ее голос звучал в отдалении, словно Кэти создала вокруг себя оболочку, но страстно жаждала, чтобы кто-нибудь сломал ее. Вторгся в нее.

Ей хотелось, чтобы ее ласкали, и она почти всхлипывала от неуправляемости этого ощущения. Но ведь она не такая. Она только однажды, совсем юной, вот так же жаждала женского прикосновения — томление школьницы, которое ни к чему не привело. Ни к чему, кроме ее собственных прикосновений; она воображала, что ее рука принадлежала другой девочке, гораздо старше, вызывавшей ее восхищение. А затем был еще один раз, по сути дела единственный, который Кэти из всех сил старалась выбросить из головы, поскольку отчаянно стыдилась произошедшего. Тот случай заставил ее почувствовать себя совсем другим, чужим и странным человеком, и память о нем стала ее проклятием.

Нелл не торопилась, в тихом голосе звучали успокаивающие нотки.

— Ты такая хорошенькая, — говорила она, чувствуя собственную влагу между ног, чудесное раздражение во влагалище, затвердение клитора, набухание груди. Ее пальцы легко пробежались сзади по шее Кэти. — Такая потрясающе хорошенькая. — Хрипотца в голосе усилилась.

Нелл хотела освободить волосы женщины от стягивающей их резиновой ленты, но она знала, насколько это деликатный момент. Все, что требует усилий, на этой стадии может легко встревожить, нарушить неосознанное настроение, так что ее жертва отвергнет любые движения.

Медленно, неясно поглаживать шею, разговаривать спокойно, мягко, обольстительно...

Кэти по своей собственной воле повернулась лицом к Нелл. За очками в тонкой оправе ее глаза казались расширенными, смущенными, как будто она сознавала, что происходит, но не понимала почему.

— Что ты делаешь? — услышала она свой вопрос, и ее собственный голос показался ей отдаленным, в нем не было ни гнева, ни неприятия. Она горела, и огонь, вспыхнувший между бедер, разливался по всему телу.

— Все в порядке, — донесся до нее голос другой женщины. — Все хорошо, просто замечательно. Знаешь, ты прекрасна.

Следующее движение было самым важным, потому что оно являлось захватническим и оставляло партнершу открытой, уязвимой, но в то же время могло вызвать протест. Нелл медленно подняла руку и мягко, очень мягко сняла с Кэти очки, держа их за уголки и незаметно, осторожно, скользящим движением извлекая дужки из-за ушей. Если Кэти собиралась протестовать, это должно произойти сейчас; как только очки были сняты, перед ее глазами все стало расплываться и она психологически уже очутилась во власти Нелл.

Кэти внезапно резко и коротко вздохнула, но не вымолвила ни слова и не схватила женщину за руку. Улыбка мисс Квик превратилась в отвратительную ухмылку.

Тома охватило чудесное ощущение покоя. Он привык к окружавшим его чудесам, воспринимал их более гармонично, но все равно поражался, пока они с Дженнет медленно брели сквозь чащу леса.

— Глубокой ночью ты видишь каждую звезду? — спрашивала она его.

— Я полагаю, что это невозможно, — отвечал он.

— Но у вас есть маленькая машинка с особыми глазами...

— Ты имеешь в виду камеру?

— Разве она не охватывает своим взором гораздо больше, чем твои собственные глаза? Разве подобная машина не показывает многие, многие другие звезды кроме тех, что ты видишь сам? Но даже они, эти камеры, не в состоянии охватить их все. Однако эти звезды там, они питаются собственной энергией, играя свою роль, как и все другое, что существует в любой плоскости или измерении.

— Да, но тут дело в расстоянии, не так ли?

— Совершенно верно.

* * *

— В начале века две маленькие девочки объявили, что они сфотографировали фей. Это было в городке, называемом... э... — Том напряг память. — Котинг или Котингли, не помню... В старости, незадолго до смерти, одна из них призналась, что это была мистификация. Девочки сфотографировали бумажный силуэт, ими самими нарисованный.

— А как ты думаешь, откуда они взяли его?

— Срисовали с картинки в книге сказок?

Дженнет покачала головой.

— Из памяти.

* * *

Девушка легко вскочила на поваленное дерево и повернулась к нему лицом.

— В основном наше предназначение, или «цель», как ты ее называешь, заключается в заботе о самой природе. Мы — в душе лесов, лугов, далее садов, посаженных людьми. Ты найдешь нас среди горных хребтов и в глубинах океанов, среди холмов, в озерах или прудах. Мы в дождях и солнечных лучах, в ветре и огне. Когда люди любят то, что ты сделал из дерева...

Дженнет знает, что он плотник?

— ...Они считают, что это результат твоих усилий и таланта. Однако когда они смотрят на дерево или растение, то не могут увидеть, что это также результат работы других. Солнце, зерно и почва — наши орудия, а наша сущность стимулирует жизнь. А когда мы работаем с людьми, культивируя урожай и овощи, выращивая самые прекрасные розы или чудеснейшее зерно, только тогда это становится нашим совместным, лучшим достижением. Но если люди трудятся снаружи, феи работают изнутри. Помни, что флейте необходим ветер, чтобы играть ноты, но извлекает их флейтист. Партитура безжизненна без инструмента, а инструмент — ничто без музыканта.

Она помогла Тому преодолеть узкий, но бурный ручей, поддерживая его, когда они пробирались по двум небольшим камням, и молодой человек невольно почувствовал дрожь, ощутив ее легкое прикосновение. Дженнет не походила на девушек и женщин, которых он когда-либо встречал. Ее женственность смешивалась с шаловливостью — девушка нарочно толкнула его на одном из камней, — чувственность сочеталась с нежностью, юмор смягчался состраданием ко всему живущему и дышащему.

На противоположном берегу, где порхали стайки фей, а их звенящий смех и мелодичные голоса заполняли воздух, Том спросил о крыльях чудесных созданий.

— Это вовсе не крылья, — сообщила она. — И феи, конечно, не используют их для

полета: они прекрасно обходятся без них. Многие феи, особенно самые крохотные — просто сущности, духи, если тебе так больше нравится. А то, что ты видишь, или, как минимум, воспринимаешь, это призрачное отражение их внутренней сущности. Чем более вибрирующими и цветными они являются, тем более живой и активный их дух.

— Но некоторые из них имеют явные очертания, они даже колышут листья, былинки или траву, пролетая мимо, — возразил Том.

— Конечно, — рассмеялась она. — Вот насколько могущественны и сильны колебания их сущности.

— А как насчет еды и питья? — продолжал допытываться молодой человек. — Насколько я мог заметить, никто из вас не ест и не пьет. Чем вы питаетесь — ягодами и дикими фруктами?

Вновь короткий смешок слетел с ее губ.

— Нет, нам нет необходимости поддерживать себя пищей, кроме тех случаев, когда мы принимаем человеческие формы. Разве что иногда делаем поток воды. Да, кстати, некоторые эльфы обожают ваш эль, если только им удастся его добыть. Мы купаемся в лучах солнца, впитывая его энергию. Мы часто плещемся в магнитном поле, поглощая энергию самой земли. Но главная наша пища содержится в воздухе, которым мы дышим, во вдыхаемых запахах, в звуках, доносящихся до наших ушей. Источник силы — во всем, что нас окружает.

Ее маленькое личико внезапно омрачилось.

— Но вы, люди, постепенно отнимаете это у нас, отравляя воздух и растения вашей грязью и химией. Почему, ты думаешь, волшебный народ все больше и больше замыкается в себе, почему мы прячемся от вас? Так было не всегда.

— Я... — Том не знал что сказать, как оправдаться. Да и как можно просить прощения за весь род человеческий? Невежество не являлось достаточным оправданием.

Она прикоснулась к его губам двумя пальцами, чтобы заставить замолчать.

— Это не только твоя вина. Но мы не можем выжить среди оскверненной природы.

Затем, двумя же пальцами, она проворно шлепнула его по носу и отскочила прочь.

— Кроме того, вы, люди, воняете.

Том поспешно бросился за ней.

— Я все еще не понял. Откуда вы беретесь? Вы рождаетесь, как мы? И умираете ли вы?

— Это не совсем рождение. Мы медленно возникаем, постепенно становясь тем, что мы есть. И не то чтобы умираем, а скорее переходим в более неуловимую форму бытия, которую люди могут обнаружить, только если сами покинут привычную им жизнь.

— Могут другие видеть вас так, как я вижу?

— Очень немногие. Прежде чем начнется сближение, люди должны измениться и осознать, что планета не принадлежит им одним.

Девушка прикоснулась к его плечу ниже короткого рукава футболки, и он вновь ощутил легкую дрожь.

— Мы надеемся, что когда-нибудь человеческое сознание возвысится до того, чтобы сначала понять и принять, а затем, когда все наладится, обнаружить наше существование. Но если это произойдет, то в далеком будущем. Вам нужно слишком многое узнать и слишком многое забыть. Людям помогут, Том. Это я тебе обещаю.

* * *

Они достигли другой, меньшей, тенистой полянки. Солнечные лучи пронизывали лиственную крышу, а густой запах древесной коры и листьев был настолько сильным, что, казалось, проникал сквозь кожу Тома. Он заметил крохотные огоньки, сверкавшие в тени и оставлявшие искрящиеся следы, когда феи тут и там мелькали в подлеске. Они с Дженнет уселись на мягкий ковер из опавшей листвы. Девушка подняла колени и обхватила их руками. Том улегся перед ней, опершись на локти.

— Скажи мне, — голос его звучал нерешительно. — Существует ли... ты не знаешь...

существует ли Бог?

— Конечно. Мы многих называем богами.

— Нет. Я имею в виду, существует ли единственный, истинный Бог?

— А, Творец Бытия. Но ведь это тайна, не так ли?

— Ты не знаешь? — Он был несколько разочарован, ожидая более конкретного ответа.

— Конечно, глупый. Я знаю, Бог существует. Но ни один из нас никогда не встречался с тем, кого мы называем Творцом Бытия. Впрочем, я полагаю, ни один из вас, людей, тоже.

— Но тогда как ты можешь быть настолько уверенной в Его существовании?

— Том, я принадлежу к духам самой природы, и я существую в измерении, находящемся между жизнью такой, как ты ее знаешь, и той, другой, лежащей за пределами твоего восприятия. Это значит, что в любой момент я ближе к Творцу Бытия, чем ты. И ближе, чем многие из вас когда-либо будут. Поэтому я знаю, что единственный истинный Бог существует, потому что... — речь ее замедлилась, чтобы придать убедительности ее словам, — ...это... так.

* * *

— Ты знаешь, что со мной произошло прошлой ночью?

Как ни странно, Тому удалось загнать ужасы прошлой ночи в дальний уголок сознания. Чудеса утренней прогулки по чаще леса практически вытеснили неприятный момент.

— Да. Ведьма послала ночного вора, чтобы украсть твою семенную жидкость.

— Мою?.. Эльф...

— Ригвит.

— ...Сказал, это была моя сперма.

— Чудовище пришло за твоим семенем, наиболее личной частью тебя. Это все равно как если бы оно украло часть твоей души.

— Но почему?

— Нам ведомо только, что ты представляешь опасность для нее.

— Я едва знаю Нелл Квик и, уж конечно, не могу навредить ей.

— Все равно, она хочет получить твоё семя, чтобы использовать его для своих чар. Подобная вещь может обладать удивительной силой.

— Я не понимаю. Я никоим образом не представляю для нее угрозы.

— Это может случиться в будущем, и она это знает.

Растерянность и смущение быстро становились привычным для него состоянием.

— Я хотел, чтобы эльф объяснил мне больше, но вероятно, я был так измучен, что... заснул.

— Он понимал, что тебе больше всего требовался отдых. Это дало время приспособиться твоему мозгу.

— Он усыпил меня?

— Он помог процессу. Как ты сам сказал, ты измучился. Тебя легко можно было травмировать.

На некоторое время воцарилось молчание. Том размышлял, Дженнет смотрела на него одновременно с интересом и беспокойством. Спустя некоторое время молодой человек прервал паузу:

— Почему ты не появилась с другими феями?

— Я не могу использовать для входа в мир книгу. Для меня возможен только физический способ, а это было невозможно прошлой ночью. Я бы не успела попасть к тебе вовремя.

Том пристально взглянул на нее.

— Я хочу, чтобы ты рассказала мне больше о Бетан. И о моем отце... Я хочу... мне необходимо узнать больше.

Она вскочила на ноги одним грациозным движением. Прозрачное платье захватил

легкий ветерок, так что оно обвилось вокруг стройных ног. Тот же ветерок потревожил сияющие золотом волосы, кудри коснулись ее щек, нежные пальцы отбросили их прочь.

— Чуть позже, Том. Тебе еще многое предстоит узнать.

* * *

Скоро они достигли озера, и его вид оказался сюрпризом для Тома: миллионы крохотных блесков, похожих на дневные звезды, сверкали там, где вода соприкасалась с берегом. Молодой человек не помнил, чтобы ему приходилось сталкиваться с подобным феноменом в дни своего детства. Он встал на колени, чтобы рассмотреть ближайшее к нему светлое пятнышко. Это оказался неровный многогранный камень, колющий на ощупь, серебристо-белый с голубыми и розовыми вкраплениями на углах.

— Коралл, — объяснила Дженнет, едва Киндред открыл рот, чтобы задать вопрос. — Четыреста миллионов лет назад это место было огромным барьерным рифом. Если начать здесь раскопки, то можно найти морские раковины и кости древних морских созданий.

Он — в который уже раз! — с изумлением покачал головой.

— Почему я не видел этого раньше? Я постоянно приходил сюда, когда был мальчиком.

— Ты только сегодня вновь начал обретать ясность зрения.

Том взглянул на гладкую зеркальную поверхность озера. Внезапно ее потревожила стремительно бросившаяся вниз цапля, еще в полете нацелившаяся клювом на неосторожную рыбу. Большая птица величественно поднялась, и рябь украдкой потянулась по направлению к берегу, среди все увеличивавшихся волн. Затем круги не только увеличились, но к ним присоединились другие, по всей поверхности озера, словно водную гладь волновало что-то снизу.

Вначале они появлялись по одиночке, затем группами по трое-четверо. Поднимаясь со дна, они пели песни, звуки которых одновременно восхищали и ужасали.

23

Что делала Кэти

Нелл отвела Кэти в спальню Тома. Женщина протестовала, но слабо, протесты ни к чему не привели, уже через несколько мгновений они целовали друг друга в губы, а пальцы Нелл легко и игриво скользили вокруг напрягшихся сосков Кэти. Затем они медленно, успокаивающе поползли по затылку, пробежали вниз по позвоночнику. Ненавязчивые прикосновения мягких кончиков пальцев, вызывая дрожь в теле Кэти, проникали за эластичный пояс ее спортивных брюк; ей хотелось, чтобы эти ласковые пальцы двигались дальше, к влаге между ног, но женщине было стыдно высказать свои желания вслух.

Поцелуи не были обольстительными. Ухмылка на лице Нелл испугала Кэти, однако алая щель рта темноглазой красавицы казалась еще более соблазнительной из-за страха, поскольку повышала напряжение, необычность ситуации выводила ее чувства почти в точку разрушения. Что с ней происходит? Почему ее обуревают подобные чувства, — а неожиданная страсть стала слишком сильной, слишком свирепой, чтобы быть отвергнутой, — куда исчез здравый смысл? Ее собственные губы крепко, без колебаний, прижались к губам другой женщины. Даже внутренний трепет способствовал нарастанию возбуждения. И Кэти приоткрыла рот, приглашая Нелл вторгнуться, возможно даже настаивая на этом вторжении. Язык партнерши с наслаждением проник внутрь, встретился с ее языком, их кончики сплелись, соки смешались.

Хотя Кэти хотелось, чтобы это случилось, ее руки оставались прижатыми к бокам, не потянулись к темноволосой женщине, чтобы крепко обнять ее. Она оставалась агнцем, ведомым на заклание, но не для кровопролития, а для достижения экстаза, и казалось, что грех будет менее тяжким, если сохранять подобное положение.

Но ее тело, ее собственное неуправляемое желание предавало хозяйку, навязывало свою

волю, и Кэти обнаружила, что уже прижимается пахом к Нелл. Они обе двигались, настойчиво толкаясь, изредка тихо постанывая.

И когда Нелл отпрянула, оставаясь, однако, достаточно близко, чтобы ее горячее дыхание обжигало щеки Кэти, и сказала: «Идем со мной», женщине вспомнилось, что некогда с ней происходило что-то подобное, хотя оно не было столь возбуждающим, как сейчас, и ее участие в этом выглядело спокойным, почти пассивным.

Кэти соблазняли, — хотя выражение «приставали к ней», возможно, больше подходило к ситуации, возникшей в доме старшего врача, — когда ей было всего семнадцать. Та женщина обучала ее искусству массажа, умению облегчать недуги пациентов, и занятия превзошли любые ее ожидания. Только когда все закончилось, она осознала, что ее провели, вовлекли в любовную игру, Кэти пытались возбудить смазанные маслом и надушенные руки, скользившие по телу. Тогда девушка покинула дом в слезах и никогда в него не возвращалась: она больше не видела ту женщину, поскольку немедленно сменила колледж. Но с тех пор Кэти постоянно чувствовала себя оскорбленной и некоторым образом нечистой, несмотря на то что подобная щепетильность считалась немодной. Почему грех? В конце концов, какая разница, заниматься любовью с мужчиной или с женщиной? Все это — жизнь. «Да, Кэти, ты абсолютно права, — сказала она себе. — А теперь попробуй-ка рассказать об этом родителям или друзьям».

Но больше всего бедняжку смущало и возмущало то, что, хотя она сама и не ответила на прикосновения старшего врача, соблазнительница объявила ее лесбиянкой, как бы старательно Кэти это ни отрицала. Наставница заявила, будто давно подозревала подобное, а маленький эпизод лишь послужил доказательством. Она хладнокровно лгала, но Кэти оказалась слишком молодой и наивной, чтобы понять это и самостоятельно определить свою сексуальную ориентацию. Вскоре девушка начала встречаться с юношами, затем с мужчинами, а сомнения возвращались к ней только одинокими ночами, когда единственным прибежищем становилось самоудовлетворение, а фантазии преобладали над реальностью.

И сейчас, благодаря этой прекрасной женщине, столь долго сдерживаемые чувства и желания пробудились вновь. Чувство вины все еще жило в ней, и в данный момент — более, чем когда-либо. Но на сей раз неожиданный и непреодолимый всплеск желания невозможно было отрицать.

Она лежала на кровати Тома, Нелл стояла над ней на коленях. Хлопковая юбка женщины с цыганскими глазами поднялась выше слегка загорелых бедер, груди виднелись в низком вырезе белой блузки. Алые губы Нелл вызывающе и дерзко улыбались, в темных глазах, казалось, сверкала страсть.

— Все хорошо, Кэти, — шептала она. — Бояться нечего. Ты хочешь меня так же, как я тебя, так позволь этому случиться.

Так же как много лет назад в доме наставницы, Кэти хотела протестовать, но, как и раньше, ее протестующее бормотание звучало слабо, без истинного возмущения. Она не могла сдержаться, похоть в ней была слишком требовательной, слишком непреодолимой. И именно она сама схватила пальцы Нелл и направила ее руку к вершинкам своих грудей, переводя ее от одной к другой, затем опять обратно, крепко сжимая, пока эти пальцы, восхитительные, чудесные пальцы скользили вокруг сосков и сдавливали самую их сердцевину.

Нелл, разумеется, в полной мере воспользовалась состоянием своей жертвы, ее губы прижались к губам Кэти, раздвинув их так, что язык смог проникнуть внутрь и вновь исследовать жадный до ласк рот. Ее язык встретился и принялся играть с языком Кэти, снова они обе пили соки друг друга.

Голова Кэти кружилась, мысли и чувства находились в беспорядке. Никогда, никогда она не была ни столь возбужденной, ни столь жаждущей. Ей необходимо, чтобы до нее дотрагивались, чтобы в нее входили, и она стремилась получить облегчение до того, как желание сведет ее с ума.

— Пожалуйста... — пыталась она прошептать между страстными поцелуями. —

Пожалуйста...

И Нелл поняла. Она знала, чего той хотелось. И знала, чего хотелось ей самой: не только сладострастной работы над ее собственным телом, но вызвать в этой женщине первобытные инстинкты, овладеть ими, прикоснуться и привести к оргазму, добившись сладострастного эффекта для себя.

Нелл дотянулась до ленты, собравшей белокурые волосы партнерши в «конский хвост», и освободила локоны так, что они рассыпались по подушке. Действие стало символом освобождения для жертвы... Освобождения для захвата? Кэти попыталась уложить Нелл на себя, но та, контролируя происходящее, воспротивилась, грубо отвела руки прочь, затем потянула за футболку, высвободила ее из серых спортивных брюк и задрала, обнажив груди. Соски Кэти уже стали алыми от прилившей к ним крови, и кожа между грудями покраснела. Она стонала в экстазе, и Нелл, опустив голову, взяла в рот один из сосков, втянула его, увлажняя слюной, катая и надавливая языком, доводя партнершу до безумия. Затем другая грудь — концентрация на ней одной заставила Кэти осознать всю силу реакции соска: нервные окончания содрогались, словно пораженные невидимыми вспышками. Назад, к другому соску: рука кружила вокруг, язык массировал и тер, то нежно, то грубо, с такой силой, что Кэти стонала от сладкой муки. Ложбинка между грудями блестела от пота и слюны, и слюна скопилась в уголках ее рта.

— Пожалуйста... — произнесла она, и теперь это звучало не невнятным бормотанием, а страстной мольбой.

На этот раз Нелл откликнулась.

— Да, о, да, — хрипло прошептала она. — Да, милая... — и разразилась громким сатанинским хохотом.

Она опустила ниже, и ее язык скользнул в пупок Кэти, задержался в его впадине, кружа там и увлажняя, в то время как Кэти просунула руки между их телами и сквозь вырез блузки добралась до груди.

Нелл, прикасаясь к соскам, отчего они еще больше увеличились, надавливая на нежные вершинки, заставляя теперь другую женщину стонать от наслаждения. Пальцы Кэти на мгновение замерли, вцепились в эластичный вырез блузки и потянули вниз, обнажив грудь Нелл с длинными сосками и темными кругами вокруг них.

— А-а-ах! — выдохнула Нелл.

И затем ее руки вцепились в пояс брюк Кэти, потянули их вниз, через бедра, легко стянули с коленей, моментально стащили с лодыжек и ступней, отшвырнули их, когда это было сделано; потом Нелл вновь вернулась к трепещущему животу Кэти, продолжая свою энергичную и возбуждающую работу языком.

Кэти хотелось кричать от охватившего ее тайного восторга, каждый мускул, ткань, каждый нерв, казалось, невыносимо напрягся. Ее губы обнажили крепко сжатые зубы, и иногда между ними проскальзывал язык, увлажняя их. Она стонала, а иногда вскрикивала от наслаждения. И тело, и сознание поглотило потрясающее желание. Она нащупала плечи партнерши, руки потянулись так далеко, как только могли, желая ощутить тело другой женщины, ее груди, продолжая двигаться дальше.

Кэти чуть не закричала, когда влажные губы Нелл и язык добрались до белых хлопковых трусиков. Кончик языка скользнул за эластичный пояс, поддразнивая, теребя, заставляя Кэти вцепиться в плечи Нелл и толкнуть ее дальше. Итак, жертва близка к высшей точке, скоро все ограничения исчезнут, чувства достигнут пика.

Но сама Нелл была не готова к этому, ее собственное желание еще требовалось удовлетворить. Она помедлила, но только затем, чтобы еще более нежно двинуться дальше, крепко поцеловала женщину в губы, опускаясь по всей длине ее тела, и они замерли в крепком объятии.

Кэти позволила настойчивый поцелуй, более того, она на него ответила, но ей хотелось большего: она жаждала прикосновений к наиболее чувствительным частям тела. Она притянула соблазнительницу еще ближе к себе, руки обхватили ее ягодицы, напряжение

увеличилось, когда она раздвинула ноги и почувствовала бедро Нелл, проникающее между ними, так что Кэти начала корчиться и извиваться под другой женщиной. Обе прижимались к бедрам друг друга, впадины наполнялись плотью, соки наконец потекли свободно.

Как раз тогда, когда Кэти подумала, что не вытерпит больше, что давление изнутри быстро приведет к неизбежному освобождению, Нелл соскользнула с нее и улеглась рядом. Но прежде чем она успела ощутить разочарование, Нелл засунула руку в ее трусики и резко потащила их вниз, пока ноги Кэти не оказались свободны. Она почувствовала, как рука опытной партнерши игриво пробежала снизу вверх по ее ногам, коленям, бедрам, растягивая время, позволяя предвкушению укрепиться. Кончики пальцев пренебрегли открывшейся расселиной, чтобы потеревить завитки лобковых волос, но это было частью восхитительной игры, за которой скоро последует вознаграждение. Пальцы Нелл медленно углубились в ложбинку между ее бедрами, затем нежно, мягко — во влажный вход в ее тело, легко раздвигая шелковистые губы и проскальзывая в блестящее от смазки лоно.

Страстный стон Кэти был долгим и громким, ее бедра ритмично задвигались, извиваясь, помогая вторгнувшимся пальцам найти место, где сосредоточилась наибольшая чувственность. Она почувствовала, что Нелл повернула кисть пальцами вверх, затем самый длинный из них проник внутрь так, что прикоснулся к наиболее чувствительной точке вагины, заставив издать короткий крик наслаждения.

Другой рукой Нелл проникла за мятый верх футболки Кэти и нашла точку между ее плечом и шеей, коротко, но сильно надавив на нервные окончания, находившиеся там, устанавливая тантрическую связь между плечами и гениталиями, рука в промежутках между толчками двигалась по груди девушки, затем вернулась обратно.

Спина Кэти изогнулась, пятки зарылись в простыни, рот широко раскрылся, обнажив зубы. Новое чувство внутри нее начало нарастать, достигая точки взрыва, не позволяя терпеть дальше. Новый звук, стон, исходящий откуда-то из глубин глотки, поднимался вместе с этим чувством, с каждым мгновением становясь громче.

Но Нелл не хотела, чтобы оргазм наступил так быстро, у нее были другие планы.

Она извлекла пальцы, игнорируя стонущий протест, и опустила голову ниже, поместив тело так, что ее ноги находились за пределами кровати, голова и плечи оказались между разведенными бедрами Кэти. Соблазнительница прижалась к коричневым лобковым волосам девушки, ее язык сновал туда и сюда, дотрагиваясь до холмика так, что желание Кэти возросло вновь, руки ее вцепились в черные как вороново крыло волосы Нелл, толкая ее голову еще глубже в расселину. И Нелл с радостью приняла предложение, ее острый язычок отыскал проход в нижних губах, скользнул внутрь, находя крохотную точку на самой вершине, вначале заметался вокруг нее, еще больше увеличивая возбуждение, дразня, прежде чем достигнуть пика. Язык порхал, лизал, проникал так глубоко, как только мог, так что Кэти кричала опять, и опять, и опять, готовая принять все, что будет дано; ее крики слились в один длинный стон, руки яростно вцепились в темные волосы искусительницы.

Нелл знала, что сейчас девушка совсем себя не контролирует, что ее оргазм приближается, и она быстро отдернула руку, отодвинулась от ног Кэти, задрала юбку и закинула ногу за спину девушки.

Кэти зашла слишком далеко, чтобы почувствовать страх, ее оргазм приближался, волна за волной, когда она почувствовала вагинальные губы другой женщины возле своих (было очевидно, что на Нелл ничего не было надето под юбкой) и партнерша прижалась к ее бедрам так, что их внутренние губы терлись друг о друга. Вульвы раскрылись, внутренние соки вытекали и смешивались. Кэти ощутила каждую дошедшую до предела клеточку своего тела, изнутри и снаружи. Ее крик был громким, ощущение их взаимного движения — почти невыносимым, чувства переполняли тело и сознание, а восторженный вопль Нелл, хотя и более продолжительный, чем ее собственный, привел женщину к новым вершинам наслаждения.

Кэти стонала и мотала головой из стороны в сторону, пока их тела металась и извивались вместе, затем она затылком зарылась в подушку, шея изогнулась, а ноги

задрожали. Икры Нелл находились между лопатками Кэти, в то время как женщины извивались друг возле друга; обе они обезумели, каждый мускул растянулся, сотрясаемый оргазмом, обе кричали под воздействием чувственной, блаженной страсти, содрогались и постанывали, приливы приходили и уходили, каждый последующий чуть мягче, менее интенсивный...

24 Ундины

Загадочные создания напоминали Дженнет миндалевидными глазами, такими же высокими скулами и нежно очерченными подбородками. Но все они были разными, с собственным характером и чертами лица. У некоторых были темные волосы, блестящие, но не мокрые от озерной воды, в то время как другие обладали золотистыми локонами. Многие из них присоединились к песне сирен, которая действительно могла увлечь очарованных мужчин в опасные глубины озера, к самым сильным течениям. Фиолетово-серебряные глаза устремились на Тома, и он почувствовал себя загипнотизированным, с трудом подавив желание броситься в воду, чтобы оказаться среди них. Его спутница поспешила разрушить чары.

— Ундины, — сказала она. — Водяные феи, как я. *Как твоя мать.*

— Моя мать!..

Голос Дженнет звучал ласково, успокаивающе:

— Она пришла из морей, Том, из океанов. Как и мы, она пришла из водопадов, потоков и, — она указала на потревоженную поверхность воды перед ними, — озер. Именно здесь, на этом самом месте, и встретил ее твой отец.

— Она никогда не рассказывала мне, никогда не вспоминала!

— Нет, рассказывала. Именно Бетан заставила тебя забыть ее рассказы.

— О чем ты говоришь? Я никогда ничего об этом не знал.

— Ты *знал*, Том. Когда ты был ребенком, Бетан хотела, чтобы ты знал о ней все.

— Тогда почему я ничего не могу вспомнить? — Он раздраженно покачал головой, краем глаза заметив, что водяные создания придвинулись ближе к берегу. — О чем ты говоришь? Я не...

— Успокойся.

Том прижал ладонь ко лбу, и девушка, тотчас же встав на цыпочки, отвела его руку от лица.

— Давай сядем и отдохнем, — продолжала она. — Слишком много свалилось на тебя за последние дни, и ты растерян.

— Эти?.. — Он махнул рукой в сторону ундин, почти все они тем временем уже выбрались из озера. Молодой человек невольно отметил про себя, что кожа некоторых отсвечивала зеленым, а других — голубым. Только у немногих кожа оказалась белой, как у Дженнет. Неужели его спутница была чем-то особенным среди них?

— Они не желают тебе зла, — ответила девушка на незаданный вопрос. — Они любопытны, вот и все. Не многие из них видели кого-нибудь похожего на тебя.

— Значит, я для них... диковинка? — Он чуть не сказал «уродец».

— Да. Но мы знаем, что такие, как ты, правят этим миром.

Том молча наблюдал за приближавшимися водяными созданиями, невольно покачивая головой от удивления. При ближайшем рассмотрении они казались гораздо красивее, их лица привлекали, а тела... их тела выглядели такими соблазнительными, особенно когда просвечивали сквозь прозрачные одеяния, в которые многие из них были облачены. Ундины сошли с отмели, задержавшись у самого края озера, как будто бы готовились нырнуть обратно, если только молодой человек подаст малейший повод для тревоги.

Пение прекратилось, хотя они продолжали обмениваться друг с другом щебечущими звуками, их значение постепенно доходило до Тома, так что через короткое время он уже

понимал странную речь. Большинство замечаний относилось к нему, особенно восхищенных комментариев удостоился его рост. Некоторые из ундин оказались такого же роста, как Дженнет, но большинство — меньше, так что, если бы не груди, их можно было бы ошибочно принять за детей. Именно они подобралась к Тому ближе прочих, словно еще не научились соблюдать осторожность, их болтовня звучала на более высоких тонах, а смешки — гораздо свободнее.

— Сядь здесь, — девушка взяла обе его руки в свои и подтолкнула Тома к основанию старого дуба.

Внезапно он ощутил усталость, словно тело повиновалось автоматически, левая нога, как обычно, ослабела, а левая рука начала слегка неметь. Он едва ли не рухнул на покрытую мхом землю. На мгновение в глазах Дженнет промелькнула озабоченность, затем она уселась рядом с ним, сложив руки на коленях.

— Это пройдет, Том. Ты измучен, но через минуту или две ты почувствуешь себя лучше.

С этими словами она вновь подняла ладонь, и пыль — магическая пыль — полетела ему в лицо. На этот раз Том глубоко вздохнул, его доверие к чудесам выразилось в молчаливом согласии, хотя он еще не вполне принял все, о чем она рассказывала. Порошок мгновенно подействовал на него, словно доза кокаина, и он серьезно взглянул девушке в лицо.

— Пожалуйста, расскажи мне все, — попросил Том, и вновь девушка улыбнулась.

— Сначала тебе необходимо больше узнать о нас.

И с этими произнесенными ею словами на него снизошел покой. Он не только доверился ей и понял, что она не желает ему зла, но почувствовал, что Дженнет хранит секрет его собственного прошлого, секрет, о котором он никогда раньше даже не подозревал. Окрестности озера вновь заполнили эльфы, гномы и феи, игравшие на музыкальных инструментах, похожих на лютни, хотя их звуки были другими — более высокими, менее мелодичными на первый взгляд, но спустя некоторое время, когда ухо привыкало к ним — более чарующими, чем звуки любых земных инструментов. Том предположил, что это зависело от настроения слушателя. Забавный маленький человечек с коричневой кожей, в шапочке с козырьком сидел на краю озера и играл на длинной тонкой трубе. Ее звуки, поначалу казавшиеся унылыми, прекрасно сочетались с мелодией остальных инструментов. Музыка неслась над поверхностью воды, томительная и нежная, и Том почувствовал безотчетную, чуть-чуть сладкую грусть, словно ему напомнили о его статусе смертного, о том, что на самом деле он не принадлежал к этому странному иному миру. Что же касается созданий вокруг него, фей, восседавших на листьях или цветах, эльфов, которые прекратили проказничать, чтобы послушать, и животных, отдыхавших на траве, музыка, казалось, погрузила их в задумчивость, сделала гораздо спокойнее. Сами ундины пели, вторя ей, сладкозвучно и таинственно.

Нечто возникло из воды с всплеском, напугавшим его. Когда Том взглянул на травянистый берег, он увидел странно красивое создание ростом не более десяти дюймов — странное, поскольку у него была заостренная мордочка, разрез глаз напоминал черные щелочки, уши длинные и заостренные, тело и обнаженные груди отливали голубым. Необычное сочетание, выглядевшее необъяснимо привлекательным и законченным. Венки из водяных лилий украшали ее черные волосы, а длинные крылья вяло трепыхались на теплом солнце. Она присела на берегу, изучая его в течение минуты, затем с криком «сквэк-крок» взвилась в воздух, оттолкнувшись ногами, — они заканчивались неправдоподобно длинными перепончатыми пальцами, а лодыжки и ступни испещряли более яркие синие пятна.

— Господи! — воскликнул он, когда существо скрылось из глаз где-то в подлеске.

Вокруг него раздался смех.

— Это всего лишь Лягушачья Королева, — пояснила Дженнет, смеясь вместе с остальными. — Жаль, что она тебя напугала.

На самом деле ему следовало давно привыкнуть к таким странным зрелищам. И все

равно, когда Том увидел четырех крохотных эльфов, оседлавших плавно скользившую травяную змейку, он не смог сдержать удивленный возглас. Малютки, весело помахав ему, продолжили путь; сидящий впереди держал крохотный кнут, которым стегал с двух сторон по голове рептилии. Еще смешнее стало, когда ближайший к хвосту эльф свалился, поскольку змея плавно изменила направление, чтобы не слишком приближаться к Тому.

Многие из ундиин теперь выбрались из озера и уселись на некотором расстоянии вокруг Киндреда. Все они были красивы, каждая по-своему, со стройными и гибкими телами, их лица при солнечном свете казались бледными. Вне зависимости от того, были они обнажены или одеты в тонкие платья и юбки, каждая казалась неправдоподобно эротичной и экзотичной, и молодой человек чувствовал напряжение в собственных чреслах. Две сидевшие к нему ближе всех ундины попытались скрыть смешки, прикрывая рты изящными ручками и с напускной скромностью поглядывая на него уголками глаз. Дженнет укоризненно посмотрела на них, и Том обратился к ней:

— Расскажи мне об ундирах. Ты ведь одна из них?

— Да, Том. Я ундира. Как и Бетан.

— Она... она жила в озере? — Киндред недоверчиво покачал головой.

— Твоя мать пришла из озера. Это было там... — девушка указала: — возле ивы, где твой отец впервые увидел ее.

— И именно туда она вернулась, — мрачно произнес Киндред. — Были ли... есть ли другие такие, как моя мать? Ундины или феи, притворявшиеся людьми?

— Не притворявшиеся, Том. Они стали такими же, как люди. Никакого обмана. Но отвечу на твой вопрос: да, сейчас некоторые из нас живут в вашем мире. Обычно они очень осторожны, но одна, в частности, всегда привлекала к себе слишком много внимания.

— Да? Кто бы это мог быть?

— Одна исландская певица. Вы, люди, считаете ее слегка эксцентричной, но, честно говоря, она ведет себя так потому, что слишком смущается, еще не привыкла жить среди людей. Со временем это пройдет. Тем не менее большинство из вас находят ее песни странными, но постепенно вы начнете их понимать.

Зелено-серебристо-голубая искорка на секунду зависла в воздухе перед ними, затем внезапно метнулась в сторону и исчезла. Мгновение спустя появилась другая, крохотная, красная с золотым огненной звездочкой, которая вела себя точно так же, как предыдущая, только скрылась в другом направлении. Том вопросительно посмотрел на Дженнет.

— Маленькие духи, — пояснила она, в то время как новые и новые вспыхивали перед ними. — Им любопытно посмотреть на тебя. Люди не часто могут их увидеть — кроме тех, кто обладает особенно чувствительной интуицией.

— Ты имеешь в виду психов?

Она пожала плечами.

— У нас нет специального слова для них. Для нас это просто люди с более ясным зрением.

— А эти... эти существа?

— Я же сказала тебе, это духи, духи стихий, их энергия обладает волшебной силой. Они здесь, чтобы исцелить тебя.

Киндред уперся ступнями в землю, прижавшись спиной к грубой коре дерева. Танцующие огоньки несколько раздражали его, поскольку другие крохотные феи хотя бы изредка принимали человеческие формы, а эти напоминали мерцающие крохотные звездочки и, следовательно, казались ему абсолютно чужими. Разве с ними можно наладить человеческие отношения?

— Дженнет, я...

— Помолчи сейчас. Расслабься и позволь им делать их работу. Ее злая магия сильна, Том, ведь она происходит из многих поколений злых женщин.

— Нелл Квик просто женщина, — он пожал плечами. — И вообще, почему ты заботаешься обо мне? Почему беспокоишься?

Чуть подвинувшись, она пристально посмотрела ему в глаза.

— Ради Бетан, — сказала Дженнет. — И ради нас.

Подобно боевым самолетам, маневрировавшим для атаки, крохотные звездочки выгнулись над ним дугой, каждая грациозно следовала собственным курсом, скользя вперед, огибая его лицо и поднятые руки. Они касались обнаженной кожи, ощупывали, не обжигая, исследовали, прежде чем наметить цель. Молодой человек чувствовал крохотные лучики тепла, которые щекотали, нежно проникая в него, тревожа кожу, но не причиняя боли и даже не раздражая. Некоторые огоньки жужжали вокруг лба и висков, лишь овеивая, но не прикасаясь, в то время как другие добрались до обнаженной левой руки и путешествовали по всей ее длине, сверху вниз и обратно. Их эфемерная сила, проникавшая в плоть, объединялась с потоками крови, омывавшими все его органы.

Том почти терял сознание, чувствуя, как в его тело вторгаются незнакомые, но дружелюбные микроорганизмы. Через несколько секунд он ощутил напряженную стимуляцию каждой ткани, жилки и мышцы. Это было волшебно! Это было так чудесно, что хотелось кричать от удовольствия. Он вновь обратил внимание на Дженнет и попытался заглянуть в ее чудесные, чарующие *глаза*, но они были слабо прикрыты, как будто сама девушка начала уставать.

Но Том ошибся во взгляде, который она ему подарила, поскольку, когда Дженнет коснулась его плеча, он ощутил осязаемую дрожь между ними, искорку, пробежавшую по его конечностям, телу, сердцу. И она была скорее возбуждающей, чем неприятной, — нечто вроде звенящей дрожи, более сильной, чем раньше. И теперь совершенно невозможно было игнорировать ее наготу под прозрачным, просвечивавшим нарядом. Нежные груди, изящные изгибы живота, безупречная белизна ее бедер вызвали в нем желания, которые невозможно было скрыть. Он подтянул колени к себе, чтобы скрыть растущую выпуклость, голые пятки зарылись в мягкий мох.

— Дженнет, — начал он, но девушка, внезапно наклонившись вперед, мимолетно прикоснулась губами к его щеке.

— Так много вопросов, Том, и на все будет отвечено в свое время. Как ты себя теперь чувствуешь?

— Э-э... Чудесно, — он помотал головой. Ответ был достаточно правдив, но не полностью отражал происходящее.

— Тогда идем дальше.

* * *

— Я думаю, Бетан была одной из самых красивых унди, которую я когда-либо видела, — говорила Дженнет, пока они продирались сквозь длинную траву вдоль края озера. — Даже я, малышка-фея, могла оценить ее истинную красоту и мудрость. Ундины плакали, когда она покинула их, и скорбели, когда их подружка вернулась только для того, чтобы перейти в следующую реальность.

Том ощутил гнев и смущение.

— Но почему она должна была умереть? Ведь у меня больше никого не осталось — ни отца, ни родственников, и только один друг.

— У Бетан не было выбора. Таков порядок вещей.

— Но не у людей. Мы больше заботимся о наших детях.

— Она почти стала человеком. С нами всегда это происходит, если мы влюбляемся в кого-либо из вашего рода. Наша магия постепенно слабеет, если мы начинаем жить как люди, хотя сила никогда не покидает нас полностью. Кое-какое волшебство сохраняется, но его хватает только на то, чтобы состряпать приворотное зелье, мази, отвары — так, ничего особенного.

Птицы, гнездившиеся в ветвях над ними, запели при их приближении. Лисица с глубокой царапиной на хитрой мордочке, перебегая дорогу, помедлила немного, чтобы

взглянуть на них и, твякнув, продолжила свой путь.

— Счастливо, Румбо, — крикнула Дженнет ей вслед.

— У лисы есть имя?

— У всех животных, которых мы знаем, есть имена, как иначе мы обращались бы к ним? У Румбо было имя, когда он был собакой, затем белкой. Имя путешествовало вместе с ним.

Для Тома это оказалось уже слишком: без раздумий принять наличие у животных нескольких жизней и реинкарнации.

— Итак, Бетан покинула меня, потому что мой отец оставил нас обоих, — сказал он, и в голосе его прозвучали нотки горечи.

Дженнет остановилась.

— Твой отец умер. А его смерть означала, что Бетан также должна уйти. Просто твоей любви, любви ребенка, было недостаточно, чтобы поддержать ее.

— Я ничего не знал, — молодой человек покачал головой. — Она никогда не рассказывала мне, что случилось. Я просто считал, что он ушел от нас до моего рождения.

— Ты уверен, что она никогда не рассказывала тебе о нем, Том?

— Уверен. Я бы помнил.

— Ты забыл все остальное.

— Но не это. Если бы она говорила о моем отце, я бы запомнил.

Он говорил, делая паузы между словами, чтобы подчеркнуть их весомость.

— Тогда я не понимаю. Впрочем, я уверена, у Бетан имелись на то свои причины.

— Да, от него было немного пользы. Он сбежал от нас, но мать никогда не подавала это подобным образом, не опускалась до такой низости. Забавно, но я никогда не спрашивал о нем, став старше. Полагаю, он просто не играл никакой роли в моих мыслях или существовании.

Она взяла его за руку.

— Пора тебе все узнать, Том. Позволь мне показать тебе нечто.

25

Ужасное происшествие

Кэти закричала. Это совсем не то, чего она хотела, чего ожидала Женщина производила впечатление обезумевшей — дикого создания, охваченного похотью. Их занятие любовью было великолепным, Кэти не могла этого отрицать, и она принимала в нем такое же участие, как и Нелл, хотя изначально старшая женщина была соблазнительницей. Кэти испытала ощущения, которых не могла себе даже представить. Уж конечно, не между двумя женщинами и редко, по ее представлениям, между мужчиной и женщиной. Совокупление довело ее почти до обморока, и она, измученная, лежала на кровати, измочаленная футболка задралась, обнажив размягченные груди, боль в удовлетворенных чреслах не казалась неприятной. Но теперь Кэти начала ощущать стыд, вину, терзавшую ее подобно какой-нибудь католической гарпии, — ведь она не просто согрешила, но согрешила противоестественно. Глупая, дурацкая мысль, но годы сексуального конформизма и общепринятой благопристойности не так легко отвергнуть. К тому же теперь, когда непреодолимое желание было удовлетворено (больше, чем она когда-либо ощущала с любым мужчиной), ей остались только угрызения совести. Она, врач, приехала в Малый Брейкен, чтобы увидеть Тома Киндред. Это время предназначалось для упражнений, которые в итоге должны улучшить его здоровье, вернуть к полноценной жизни. Да, разумеется, ее интерес к нему превышал профессиональный, Кэти четко осознавала это. Но сегодня утром, когда она встретила темноволосую женщину, нечто чуждое ее натуре разбудило в ней другие, незнакомые, чувства. Она ощутила непреодолимую страсть и охотно откликнулась на призыв Нелл. Этого не могло случиться... она не... она не такая... это безумие, временное помрачение рассудка, и сейчас она ощутила стыд и... страх.

В черных глазах Нелл читалось безумие. Возможно, она, Кэти, не чувствовала бы такого унижения, прояви женщина какую-то нежность, ласковую заботу после, когда они лежали, обнимая друг друга. Ей требовалось именно это, поскольку секс никогда не был для нее просто актом, означая нечто большее.

Сейчас эта странная растрепанная женщина, которая в этот момент олицетворяла для Кэти сумасшедшую креолку, жену Рочестера¹, сбежавшую из темницы, чтобы мстить и разрушать все на своем пути, стояла на коленях между обнаженными ногами Кэти, безумная ухмылка обезображивала ее лицо.

Наклонившись, Нелл надавила ей на лоб, пальцы вцепились в волосы. Кэти хотела запротестовать — и получила жестокий шлепок по лицу. Итак, партнерша вынуждала стать ее собственностью и покорно принимать все, что с ней проделывается. Ну, Кэти никогда не была шлюхой и не позволит проделывать со своим телом все мерзости, предлагаемые Нелл Квик. Она и так достаточно сожалеет об их безумном союзе.

Медленно и осторожно Кэти согнула колено и ударила искусительницу. Толчок застал Нелл врасплох, почти сбросив ее с кровати. Несмотря на легкий переизбыток веса, Кэти Бадд была девушкой тренированной, этого требовала ее профессия. (Работа с серьезно больными людьми и инвалидами заставляет вас гораздо больше беспокоиться о состоянии собственного тела.) Но честно говоря, в этой женщине проявилось нечто пугающее. Она уже ощутила силу Нелл, а теперь стала свидетелем ее безумной злости.

Нелл испытала оргазм вместе с Кэти, но этим ее похоть не удовлетворилась, этой женщине всегда было свойственно желать большего. Кроме того, ее разочаровало то, что Том Киндред не вернулся и не обнаружил их обеих в своей кровати, занимавшихся любовью. Возможно, это заставило бы его отказаться от идиотски невинной, но столь соблазнительной манеры поведения. Почему бы ему не присоединиться к забаве с белокурой милашкой? Разочарование, смешанное с фрустрацией, заставило Нелл вновь броситься на девушку, вцепиться в ее пылающие щеки, оставляя на коже кровавые следы длинных ногтей.

Кэти закричала — больше от неожиданности, чем от испуга, — а Нелл лупила ее по лицу, хлестала по щекам и вискам, дергала за волосы, издавая ужасные, кудахтающие звуки.

— Пожалуйста! Оставь меня в покое! Отпусти! — стонала Кэти.

Она почувствовала грубое прикосновение к грудям, жестокие руки терзали их, хлестали, давили на соски, вновь напрягшиеся, на этот раз скорее от боли, чем от возбуждения. Затем рука вцепилась в волосы на лобке, вырывая их, так что Кэти вскрикнула от боли. Пальцы углубились между бедрами, но теперь уже не лаская их, нежные исследования сменились грубым вторжением. В этот момент злость Кэти взяла верх над страхом, она повернулась и отшвырнула свою противницу, всего мгновение назад ласкавшую ее.

Нелл оторопела от неожиданности, получив удар по носу, кровавое пятно обезобразило верхнюю губу и подбородок. Она испуганно вскрикнула, но немедленно вновь бросилась на свою жертву. Кэти улучила момент, чтобы вскочить с кровати и схватить серые брюки, так беспечно оставленные как раз перед дверью спальни.

Темноволосая женщина двигалась быстро, хотя ее ошеломил удар кулаком, и, наклонившись, чтобы поднять брюки, Кэти почувствовала сзади ее присутствие. Она попыталась выпрямиться, но ударилась о дверной косяк. Хлынули слезы, застилая глаза. Кэти оглянулась вокруг в ожидании удара своей преследовательницы, но вместо этого почувствовала, как теплые влажные губы прижались к ее собственным. Затем острые зубы прикусили ее нижнюю губу, когда она извивалась в железных объятиях женщины, стараясь оттолкнуть противницу прочь, — руки Нелл, казалось, были на всем ее теле, под футболкой, терзая груди, сжимая нежную плоть на талии, вновь пролезая между ног. И все это время она хохотала, брызгала слюной, выплескивая с визгом похоть и ярость. Кэти все еще сжимала брюки — все, что она получила от бесполезной одежды, это психологический барьер. Но когда несчастная ощутила безжалостные пальцы с острыми ногтями внутри себя, ярость

¹ Персонаж; романа Шарлотты Бронте «Джен Эйр».

вновь возобладала над ужасом.

В тот момент, когда между ней и обезумевшей женщиной образовалось пространство — Нелл пыталась запустить руки глубже в свою жертву, — Кэти ловко опустила пятку на босые пальцы Нелл.

Из груди нападавшей вырвался отчаянный вопль, и на секунду или две Кэти оказалась свободной. Однако ярость еще не покинула ее, и это давало ей силу возобладать над паникой, направить кулак в лицо обезумевшей ведьмы. Нелл от неожиданности потеряла равновесие, и Кэти изо всех сил толкнула ее на пол возле кровати.

Несчастная выбежала в открытую дверь, затем помчалась вниз по лестнице, сердце колотилось так, как будто стремилось обогнать ее на пути к передней двери. Достигнув маленькой площадки внизу, она не остановилась, даже заметив нечто странное, какое-то неясное движение — вероятно, небольшое животное забралось внутрь.

Кэти вылетела из коттеджа на потрескавшуюся дорожку, сплевывая на ходу кровь, маленькие камешки впивались в босые ноги. Поскольку никто не мог украсть ее машину в столь отдаленном уголке леса, она оставила ключ в замке зажигания и теперь с облегчением рванула незапертую водительскую дверь, чтобы ввалиться внутрь. Практически одновременно, не дожидаясь, пока выровняется дыхание, она запустила двигатель. Затем быстро заперла обе двери.

Возле причудливого «пряничного» (первая мысль при взгляде на него) коттеджа было недостаточно пространства, поэтому Кэти пришлось завернуть за угол, поехать прямо к деревьям, затем развернуться вновь. Это был заковыристый, трехступенчатый разворот, но наконец она оказалась лицом к неровной тропинке, что вела к главной дороге.

На втором развороте Кэти оглянулась назад, на коттедж, ожидая, что Нелл выбежит вслед за ней, но тропинка была пуста. Однако, когда она взглянула на окна спальни, там показалась женщина — бледная, похожая на привидение в лучах солнца, отражавшихся в стеклах. Она прижимала руку к щеке, словно ощупывая синяк, полученный ею.

Взмах крыльев, когда какая-то птица сорвалась с парапета наверху, на мгновение отвлек Кэти, а затем она сконцентрировалась на лежащей перед ней дороге, надавив на акселератор «фольксвагена», так что из-под колес вырвались камешки и маленькие веточки. Зеленый автомобиль взревел, ворвавшись в просвет между деревьями, обнаженные ягоды Кэти ерзали по сидению, растрепанные волосы развевались от ветра, проникавшего сквозь открытые окна.

Она ехала быстро, ветки деревьев с обеих сторон скрежетали о металл, повреждая краску, в то время как она боролась за сохранение контроля над автомобилем и не заметила сороку, кружившую над ней. Руль вырывался из рук, колеса постоянно застревали в особенно глубоких рывтинах. Даже вдали от коттеджа ее сердце безумно колотилось, из груди вырывались короткие неровные вздохи, к тому же Кэти начала стесняться своей наготы. Снизив скорость, она пыталась натянуть брюки: вначале просунула левую ступню, затем отпустила на мгновение акселератор, чтобы просунуть правую. Машина почти заглохла, но женщина быстро нажала на педаль, и мотор вновь взревел. Кэти откинулась назад на спинку сидения, так что смогла приподняться и целиком натянуть брюки.

Дорогу было трудно разглядеть из-за слез, наполнявших глаза, вызванных злостью, стыдом и страхом, — и ее собственное плохое зрение вряд ли помогало. Она знала, что скоро доберется до оживленного шоссе, поэтому вновь увеличила скорость, желая побыстрее оказаться как можно дальше от ужасной женщины. Однако, несмотря на продолжавшуюся панику, ее вновь начали мучить угрызения совести. Она ведь не лесбиянка — единственный случай, произошедший столько лет назад, не в счет, — почему же так легко поддалась этой странной женщине? Она не пила и не ела ничего, что могло содержать запрещенные стимуляторы. Однако это было такое... возбуждение. Точнее говоря, она подчинилась собственному внезапно возникшему сексуальному стремлению, чрезвычайно сильному, непреодолимому желанию заняться любовью с кем бы то ни было — мужчиной, или женщиной, или... все равно. О Боже, как это могло случиться?! И расскажет ли Нелл Квик об

этом Тому?

Невзирая на ухудшившееся зрение, Кэти еще сильнее нажала на педаль, крохотный автомобильчик взревел громче. Руль снова вздрагивал у нее в руках, когда «фольксваген» ударялся о борозды в затвердевшей грязи или проваливался в ямы, но она не снижала скорости, отчаянно желая убраться подальше от этого места, осознавая, что никогда не вернется — ни для того, чтобы увидеться с Томом, ни для того, чтобы выполнить свой профессиональный долг. Ему придется искать другого врача.

Кэти провела рукой по глазам, пытаясь вытереть влагу, но всхлипнула снова, и слезы потекли опять. Пояс ее леггинсов находился ниже бедер, но, по крайней мере, она была прикрыта, на виду оставалась лишь самая пухлая часть живота. Ей было неудобно, трудно смотреть, но она не собиралась останавливаться ни чтобы успокоиться, ни чтобы поправить одежду.

Выезд на шоссе находился менее чем в пятидесяти ярдах впереди, хотя она не могла толком разглядеть просвет между деревьями. Только когда нечто большое, желтого цвета — на самом деле тяжело груженный транзитный фургон — промелькнуло мимо быстро надвигавшегося просвета, она осознала, что вот-вот окажется на шоссе с более чем интенсивным движением. Как раз перед тем, как она успела сильно нажать на тормоз, между ней и ветровым стеклом возник странный вихрь.

Конечно, это была птица, угодившая в открытое боковое окно, но Кэти пребывала в шоковом состоянии и сразу не смогла это осознать. Крепкие, иссиня-черные с белым крылья хлопали ее по лицу, а клюв птицы оставлял кровавые царапины на лбу и носу, тогда как концы перьев лезли в глаза. Женщина пыталась сражаться с этим созданием, забыв и о руле, и о тормозе, но это было все равно что противостоять смерчу.

«Фольксваген» вылетел на шоссе. К сожалению, именно тогда, когда трейлер, груженный новенькими, яркими и сверкающими «рено», приближался справа.

У Кэти Бадд не было ни одного шанса. Маленький «фольксваген», кружась, преодолел сто пятьдесят ярдов дальше по дороге и рухнул в кювет.

26

Надгробный камень

Они обошли вокруг озера и теперь углублялись дальше в лес.

— Никогда не думал, что могу потеряться здесь, — заметил Том. — Но вряд ли я заходил так далеко, когда был ребенком.

— Ты бывал здесь, — ответила Дженнет, помогая ему преодолеть переплетение кустов рядом с тропой. — Стоило тебе достигнуть возраста, когда дети начинают понимать и запоминать, Бетан перестала приводить тебя сюда.

— Подожди минутку. Откуда ты все это знаешь? Ты же моложе меня. По крайней мере, кажешься таковой.

— Так и есть, — девушка слегка подтолкнула его вперед. — История, ставшая почти легендой, передававшаяся от одного к другому. Союз между смертным и феей — разве такое можно забыть?

— И все же почему моя мать не рассказала мне, кем она была? Или, по крайней мере, о моем отце?

— Ты был слишком мал для этого бремени. Впрочем, она, кажется, пообещала.

Обернувшись, Том удивленно уставился на нее.

— Пообещала? Кому? Что?

— Скоро ты многое поймешь. Идем дальше. Я могу находиться с тобой лишь определенный период времени.

Киндред погрузился в размышления. Почему его мать не рассказывала ему об отце и этом сказочном народце, живущем в лесах? Дженнет утверждает обратное, но он наверняка никогда не забыл бы об этом. И что имела в виду девушка, говоря, что она сможет остаться с

ним лишь определенный отрезок времени. Куда, черт возьми, она его ведет?

Они молча шли мимо старых дубов, почтенных вязов, платанов, буков и других деревьев, чей возраст насчитывал не один век. Насекомые, животные и птицы обитали здесь в гармонии, которую даже присутствие Тома, человека, не могло разрушить. Очевидные вещи: птицы и мелкие животные питаются насекомыми, некоторые птицы — некоторыми животными, некоторые животные — некоторыми птицами, но сейчас, в это волшебное для него время, не слышалось ни чириканья птиц, пикировавших на особенно сочных жуков, ни визга кроликов, схваченных хищниками: сегодня это сообщество казалось самым мирным на свете.

Величественный зеленый шатер над ними постепенно стал толще, золотистые лучи света пробивались сквозь нависавшие ветви, испещряя землю или подсвечивая отдельные участки, заросшие папоротниками и дикими растениями, и в этой лесной чаще они казались маяками, свидетельствовавшими, что солнце еще не покинуло небеса. Дженнет шла вперед, путаница подлеска не служила препятствием, внезапный полумрак не замедлял движений, а когда он собрался задать очередной вопрос, девушка указала вперед.

— Там!

Взглянув в указанном направлении, Киндред увидел яркий оазис света, крохотный просвет, где деревья расступались, позволяя солнцу проникнуть в лесную чащобу. А еще это напоминало сверкающий драгоценный камень в полумраке, испещренном солнечными зайчиками.

Она ускорила шаг, и Том старался не отставать, пытаясь находить в траве ее следы, поскольку она знала дорожку, остававшуюся невидимой для него. Возбуждение внутри его — любопытство смешивалось со страхом — постепенно росло. Ум еще не утомился от чудесных событий этого дня, но, без сомнения, пребывал в состоянии постоянного шока, постепенно цепenea, поскольку мозг защищал себя от перегрузки. Но сейчас его мысли вновь понеслись вскачь, воображение разыгралось. У Дженнет были важные причины на то, чтобы привести его в это место, таинственность в ее голосе убеждала в этом, но до сих пор она даже не намекнула, что за тайну скрывает поляна.

Девушка достигла места, напоминавшего лесной грот, раньше Тома и обернулась, ожидая его, ее очаровательно игривая улыбка ободряла, привлекая. Он ускорил шаг, невзирая на дрожь в ногах и усиливавшееся биение в груди.

— Дженнет... — начал он, но не смог придумать что добавить.

— Все в порядке, Том.

Он догнал ее, но едва не споткнулся, и девушка проворно бросилась вперед, чтобы поддержать его, ее руки оказались неожиданно крепкими. Как у Бе-тан, неожиданно вспомнилось ему.

Краски на освещенной солнцем полянке ослепляли. Колокольчики смешивались с дикими орхидеями, наперстянка — с бальзамином, первоцвет — с таволгой и другими растениями, чьих названий он не знал, — сочетание, в которое он ни за что бы не поверил, если бы не видел сейчас своими глазами. Бузина гордо возвышалась посреди круга из папоротников, кустов с красными ягодами и других деревьев, роскошное растение с длинными зубчатыми листьями и кремово-белыми цветами. Том вопросительно посмотрел на Дженнет, и на этот раз она указала на траву в нескольких футах перед этим кустом. Он заметил верхушку камня среди высоких листьев и недоуменно повернулся к девушке.

— Посмотри сам, — велела она, и молодой человек опустился на колени перед камнем, бока которого были довольно грубо обтесаны, а впереди чья-то не очень умелая рука вырубала буквы. Надгробие, поскольку буквы складывались в имя:

ДЖОНАТАН БАЙТ.

— Старший сын сэра Рассела? Убитый в Северной Ирландии?

Дженнет не ответила на его вопрос, она просто смотрела на него.

— Джонатан Блит. Ты говоришь... ты утверждаешь, что он был моим отцом?

Наконец девушка произнесла удивленным тоном:

— Разве это не очевидно для тебя?

— Бетан никогда не говорила о нем.

— Возможно, она считала, что так лучше. На самом деле я не знаю, Том, мне известна только история их любви, пронесенная сквозь годы.

Том взглянул в лицо своей спутнице, затем вновь перевел глаза на камень.

— Это невозможно. Она должна была сказать. И конечно, когда она умерла, сэр Рассел сообщил бы мне.

Дженнет слегка пожала плечами.

— Кто поймет людей? Пойдем сядем и побеседуем.

Она побрела к краю поляны и опустилась на землю, скрестив лодыжки, опершись спиной на ближайший дуб.

— Иди сюда, Том, — позвала она вновь.

Помедлив еще нескольких мгновений, взглядываясь в грубую поверхность серого камня, словно тот мог ответить на вопросы, которые все еще мучили Тома, он последовал за девушкой. Молодой человек рядом остановился с ней, и его глаза вновь усталились на памятник, еле видневшийся из травы.

— Почему? Почему моя мать не сказала мне? Если бы я знал...

Если бы он знал, что тогда? На этот вопрос у него вряд ли имелся ответ. Но сэр Рассел, должно быть, знал эту историю, поэтому стал его опекуном, отправил мальчика в частную школу и в дальнейшем оказывал ему небольшую, но необходимую денежную поддержку. Том нерешительно взглянул на Дженнет.

— Ты утверждаешь, что Джонатан Блит был моим отцом, не так ли? Именно поэтому ты привела меня сюда?

Она кивнула.

Тома охватили противоречивые чувства. Прежде всего, смущение и радость — наконец раскрылась тайна, так долго мучавшая его. Вместе с этим нахлынуло нечто вроде облегчения, хотя реальность оказалась, возможно, еще более запутанной: почему никто, особенно его собственная мать, не рассказал ему об отце, который вовсе не бросил жену и малолетнего сына, а был разорван на кусочки бомбой ИРА. Но почему сэр Рассел и Хьюго не признали его как сына Джонатана? Потому что он был незаконнорожденным? Было ли это большим позором в те дни? Разве нет? А сейчас, когда он стал взрослым? Его все еще отвергают? Похоже на то...

— Черт возьми! — с силой произнес он, и Дженнет потянулась, чтобы прикоснуться к его руке.

— Постарайся простить ее, Том. У Бетан были на то свои причины.

— О, я не обвиняю мою мать. Но почему другие ничего не рассказали мне?

Он подумал о Хьюго. Знал ли старый приятель об этом, или от него также скрывали правду? За все годы дружбы Хьюго ни разу не упомянул о том, что они могут оказаться родственниками, хотя бы дальними. Вырвав пучок травы, Том в сердцах отшвырнул его прочь. Почему? Какова цель? Был ли сэр Рассел действительно настолько потрясен наличием незаконного внука? Были ли его принципы столь незыблемы в прошлом?

Словно прочитав его мысли, Дженнет сказала:

— Они поженились как раз здесь, Том. По обряду волшебного народа.

— Значит, Джонатан Блит знал все о Бетан?

— Она почти стала человеком, когда находилась с ним. Таков закон фей.

— Но он знал, кем она была раньше?

— Конечно. Они встретились у озера. Твой отец звал ундин, и пришла Бетан.

Он помотал головой.

— Я не понимаю. Откуда ему было известно о феях?

— Как ты думаешь, кому принадлежала Книга Врат в коттедже? И все другие, в которые ты не побеспокоился заглянуть со времени возвращения?

— Джонатану Блиту?

— Да, как владельцу коттеджа.

— Бетан часто читала мне эти книги.

— И ты до сих пор считаешь, что мать хотела развлечь тебя волшебными сказками? — Она рассмеялась. — В Книгу Врат постоянно добавляются и картинки, и рассказы, она никогда не закончится.

Внезапно она стала серьезной.

— Каждый хозяин или хозяйка Малого Брейкена наследует Книгу Врат, и твой отец проводил большую часть времени там, далеко от Замка, далеко от твоего деда. Неужели ты не знал, что Джонатан Блит жил в коттедже с тех пор, как ему исполнилось шестнадцать? А еще раньше, ребенком, он бывал там, читая книжки, отыскивая фей, о которых узнал из Книги Врат. Малый Брейкен всегда оставался местом волшебства.

И действительно, сколь многие вещи, сколь многие случаи казались ему нормальными в то время, но сейчас, с получением вновь обретенных знаний, могли объясняться лишь магией! Как-то раз он сильно расшиб колено, свалившись с дерева. Бетан смазала рану приятно пахнущей мазью и на несколько мгновений осторожно соединила ее края. Боль прошла, а на следующий день на этом месте не осталось даже следа. Том не мог припомнить, чтобы когда-либо во времена его детства в доме появлялись доктор или сиделка. Все его болезни — лихорадки, резь в животе, то есть обычные вещи для ребенка, — или излечивались самой Бетан, или «проходили сами по себе», как говорила ему мать. Он вспоминал животных, заходивших в коттедж благодаря постоянно открытой двери, — от молодого оленя до белки, от птиц до бабочек... Как он мог забыть такое?

Холодные зимние вечера, когда они вместе усаживались перед огнем, горевшим в старой кухонной плите, а Бетан рассказывала ему волшебные сказки, читала истории из большой книги и из других. А летними ночами приходили точно такие же сказки, они будили воображение, иногда пугали, но концы всегда оказывались счастливыми. А затем, несколькими годами позже, Бетан знакомила его с магическими ритуалами, природной медициной и древними законами волшебного народа, его юный ум переполнялся таким количеством вещей, таким количеством сокровищ... Как он мог забыть все это? И почему вспомнил некоторые вещи именно сейчас?

Но тогда еще один вопрос:

— Если Джонатан Блит принадлежал к тем людям, которые верят...

— Верят в нас, волшебный народ? — закончила она фразу, неодобрительно качая головой по поводу его сомнений. — Вера была в его натуре, как и в натуре многих других людей, как есть она и в твоей природе.

— Но почему тогда мой отец стал солдатом, человеком войны?

— Он стремился к добру. Джонатан Блит никогда не поднимал руку для убийства людей, только для их защиты.

— Откуда ты знаешь все это?

— От Ригвита. Они с Джонатаном были большими друзьями.

Хранитель коттеджа Том поразился, как долго изменяющий размеры эльф живет на свете!

— Ригвит рассказал мне многое с тех пор, как мы узнали, что ты возвращаешься.

— Вы знали, что я возвращаюсь? Мне самому это стало известно несколько недель назад.

— Это было предопределено. Именно поэтому коттедж не обветшал, ожидая тебя. Мы знали о твоей болезни, о том, что ты предпочтешь выздоравливать здесь, в месте, которое всегда было для тебя безопасным.

— Я находился в сотнях миль отсюда. Как вы могли узнать о моей болезни?

— Это нетрудно. Ты связан с нами, хотя никогда не будешь одним из нас. И есть другая причина, пока непонятная мне. Но со временем это произойдет.

Бабочка, голубая с золотым, присела на ее плечо. Насекомое расправило крылышки, словно гордилось их узорами, и, убедившись, что ее элегантность замечена, упорхнула прочь.

— Ригвит рассказывал мне, что этот выбор Джонатан сделал под давлением отца. Тот хотел, чтобы он проявил себя как мужчина, оставил все «фантазии, дурацкие книги и исследования природы».

Голос Дженнет неожиданно стал ниже, грубее, и образ грозного сэра Рассела явственно возник в мозгу Тома. Это было почти как если бы он волшебным образом перенесся назад, в момент противостояния между отцом и сыном, потому что он не только смог ясно увидеть сэра Рассела, но и другого, молодого высокого человека, так похожего на самого Тома...

— У тебя есть младший брат, — произнес «другой» голос Дженнет. — Ты должен стать для него примером. Хватит снов наяву в этом треклятом месте. Займись делом, или я разнесу коттедж. Он никогда не использовался для хороших дел, почти всегда в нем поселяли любовниц или кого-то еще в этом роде. Я никогда не любил Малый Брейкен, не выношу его атмосферу. Выбор за тобой, Джонатан, но помни: у тебя есть единокровный брат, который постоянно смотрит на тебя. Покажи ему хороший пример, я хочу гордиться...

— Я хочу гордиться... — это снова был голос Дженнет, слегка хриловатый, неясный и... утешающий.

Видение исчезло, и теперь Том засомневался, было ли оно или просто изменились ее голос и тембр. Девушка вызвала картину в его мозгу, вот и все. Возможно, то, что он был ею очарован, облегчило задачу.

— Итак, он выбрал службу, — молодой человек пожал плечами. — Полагаю, он выбрал наиболее мужественную профессию, потому что хотел просто произвести впечатление на старика.

— Нет. Он стал солдатом потому, что хотел защищать людей. Ригвит рассказывал мне, что твой отец...

«Мой отец... Джонатан Блит был моим отцом», — какое сильное потрясение!

— ...Намеревался приобрести опыт как солдат, затем присоединиться к другим войскам, нечто вроде всемирной армии, основная цель которой — добиваться мира в воюющих странах.

— ООН, — пояснил Киндред.

Она кивнула.

— Полагаю, что-то вроде этого.

— А вместо этого он был разорван на кусочки в Северной Ирландии.

— Пытаясь защитить других. Он был смелым человеком, Том, хорошим человеком.

— Но когда он встретил мою мать?

— Как раз перед тем, как уехать, чтобы стать солдатом. Он многие годы верил в нас, и у нас, как мы сами понимали, оставалось мало времени, чтобы установить контакт. Мы очень редко решаем так поступить, но иногда союз с людьми является благотворным для обеих сторон. Иногда мы нуждаемся в ком-то вроде тебя.

— Меня? Что я со всем этим должен делать?

— Ты результат связи между Джонатаном и Бетан.

— Ты имеешь в виду, вы просто запланировали, что я смогу прийти годы спустя и помочь вам в чем-то? — он недоверчиво покачал головой.

— Не планировали, никогда не планировали. *Предвидели*. Тут есть разница.

— Но что я могу сделать?

— Этого мы не знаем.

Дженнет наклонилась вперед, и легкий материал платья отвис, открыв ее маленькие, но прекрасно сформировавшиеся груди. Том с трудом отвел глаза.

— Сначала Джонатан установил с нами связь, — говорила она, — через Ригвита, который показал ему, как пользоваться Книгой Врат. Ундины не могут ее использовать. Она

годится только для тех, чья форма мала и постоянна.

— Вы использовали Джонатана для каких-то будущих целей? Ты это хочешь сказать?

Она вздохнула, но осталась нежной с ним.

— Неужели ты ничему не научился, Том? Мы не используем никого, оставляя это плохим феям, черным магам и тем, кого вы зовете злыми волшебниками или оборотнями. Тайная свадьба Джонатана и Бетан много значила сама по себе, это был союз, который нес благо нам всем, людям и феям. Без нас, без нашего влияния на саму природу, ваш мир скоро прекратил бы существование. О, вы думаете, что очень умные и научились контролировать природу с помощью ваших технологий, но вы даже не представляете, насколько ошибаетесь. Даже когда вы чувствуете, что получили власть над элементами и над окружающей средой, вы не находитесь даже на полпути к этому. Со временем вы поймете, что нуждаетесь в нашей помощи. Вы откроете, что страсть к материальным благам и зависимость от других — неподходящий путь, уводящий вас от нашего мира. Со временем — и это наша главная надежда — вы поймете пустоту подобных желаний и амбиций и начнете снова общаться с нами.

Все это говорилось в той же мягкой манере, без резкости, укора или горечи в тоне.

— Иисус... — сказал он.

— У вас обоих есть кое-что общее.

— Что?

— Назаретянин тоже был плотником.

— На этом сходство и заканчивается.

— Необязательно.

Таинственность ее сравнения ошеломляла, поскольку это не было легким отступлением от темы, но Том уже слишком устал, чтобы понять или спрашивать дальше Дженнет. Они оба погрузились в молчание.

Скоро, утомленный разговорами и образами и неожиданно почувствовавший усталость от долгого пути, Том начал засыпать. Возможно, эффект тоника Ригвита и волшебного порошка Дженнет начал ослабевать. Молодой человек лег возле дуба и заснул.

* * *

Том пробудился, чувствуя, что прекрасно выспался, поскольку сон был лишен сновидений. А открыв глаза, молодой человек осознал, что рядом с ним лежит на мягкой траве Дженнет. И это было так приятно, так успокаивающе... Она спала, ее дыхание казалось неглубоким, губы слегка приоткрылись, обнажив кончики слегка заостренных зубов.

Девушка лежала лицом к нему, и Том получил возможность как следует его изучить. Кожа выглядела бледной, но с розоватым оттенком и невероятно гладкой, незапятнанной. Золотые волосы распростерлись по земле под головой мягким одеялом. Все это производило впечатление необыкновенной чистоты и непорочности, ее поза во сне казалась такой изысканной, что Том почувствовал внутреннее возбуждение, в этот момент более духовное, нежели физическое.

Вопросы все еще оставались, но сейчас он мог отложить их, просто наслаждаясь ее присутствием. Девушка вовсе не походила на галлюцинацию, хотя оказалось одной из фей, мифическим существом, на веру в которых сегодня у взрослых не было времени, разве что в сказках, рассказываемых детям. Благодаря своей невинности, дети верят — так, может быть, ключ именно в этом? Достаточно ли чистоты у вас в сердце, чистоты души, чтобы таинственные создания приняли видимую, осязаемую форму? Но Том не был ребенком, и, конечно, его нельзя было назвать невинным. Даже сейчас он ощущал желание — оно проснулось в нем снова, убыстряя поток крови, отбрасывая в сторону большинство вопросов.

Кончики его пальцев осторожно коснулись ее бледной щеки, и точно так же, как и перед этим, молодой человек ощутил ток, пробежавший между ними, маленький огонек быстро превратился в пламя, охватившее все его тело. Возможно, он не доверял собственным

глазам, возможно, ему требовалось прикоснуться к теплой плоти, чтобы подтвердить ее реальность, возможно, ему просто необходим был контакт, чтобы успокоить физическое чувство.

Глаза девушки открылись, и он снова погрузился в их серебристо-фиолетовую яркость. Зрачки мгновенно стали глубокими и темными, так что радужная оболочка сузилась, их яркий цвет слегка потемнел.

— Том?.. — пробормотала она с улыбкой, пальцы обвились вокруг его руки, крепко прижимая ее к щеке.

Киндред вспомнил, как впервые увидел ее у озера: бледная кожа, маленькие грудки, полное пренебрежение условностями... Можно ли упрекать Дженнет за то, что он ее хотел, сейчас, когда она была здесь, лежала так близко от него? Достаточно близко, чтобы ощутить тепло ее дыхания на своем лице, достаточно близко, чтобы прикасаться, как сейчас...

Он был почти напуган, но, когда наклонил голову к ней, девушка подалась навстречу, встретившись с ним на полпути. Их губы соприкоснулись, и это прикосновение оказалось мягким, нерешительным, более исследованием, нежели дерзновенным контактом. Он пробовал ее, ведь ее рот был таким влажным и сладостным, затем на мгновение отодвинулся примерно на дюйм, словно ожидая невысказанного позволения. Позволение пришло вместе с возвращенным поцелуем, она сама прижалась к нему более крепко, более страстно.

Рот Дженнет открылся, и он ощутил, как края заостренных зубов нежно прикусили его нижнюю губу, ничего грубого или агрессивного в этом действии не было, скорее приглашение, позволявшее понять, что ее страсть ничуть не меньше. Том обнял девушку, притянув к себе так, что их тела слились, тесно прижались друг к другу, бедра к бедрам, грудь к груди. Прошло немало времени с тех пор, как он был настолько близок с женщиной; к тому же его мучили страхи — насколько болезнь отразилась на его способностях? Притупил ли удар его сексуальное влечение? Растущая выпуклость между ногами сообщила, что нет, но желание — это одно, а действие — другое. Том презирал себя за эти сомнения, но вскоре они исчезли под влиянием их общей страсти.

Руки Дженнет прикасались к его лицу, шее, плечам, пальцы скользнули под короткие рукава футболки, это простое ощущение заставило Тома затаить дыхание. А когда нежная ладонь заскользила вниз по позвоночнику и помедлила мгновение, прежде чем прижать его к себе еще крепче, он издал слабый стон. Ее ноги раздвинулись, и его бедро скользнуло во впадину.

«Боже мой, — подумал он. — Этого не могло случиться...»

Но это случилось, и все сомнения в его возможностях с легкостью испарились под влиянием растущей страсти их ласк.

Поцелуи варьировались от грубых до нежных, и он ощутил разгоравшуюся белую вспышку в мозгу, которая обычно приходила с оргазмом и никогда раньше не была такой, как сейчас. Их языки соприкасались, губы искали друг друга, перед тем как вернуться к легким поцелуям, пылкая страсть уступала место нежным откликам, а затем вновь возвращались более страстные поцелуи и ласки. Он ощутил собственную влажность, возбуждение, которое вот-вот должно было прорваться, и сожалел, что это может произойти слишком быстро, но именно Дженнет успокоила его.

— Подожди, — прошептала ему девушка в самое ухо.

Она слегка отодвинулась и села. Чтобы мужчина не истолковал ее движение ошибочно, Дженнет быстро дотянулась до края его футболки, сдергивая ее с его тела и поднятых рук. Хотя они находились в тени дуба, солнечные лучи, проникавшие сквозь прозрачную крону дерева, приятно согревали обнаженную кожу. Том вновь потянулся к девушке, желая обнять ее, поцеловать, сказать о чувствах, которые пришли на смену простому желанию, но она молча расстегнула его джинсы, затем помогла стянуть их прочь. Впервые за это утро он осознал, что на нем не было обуви. Ребенком Киндред постоянно играл в лесу босиком, и подошвы быстро огрублялись. Но сейчас его удивило, что он ничего не чувствовал, шагая через чащу леса, — ни сучков, ни упавших желудей, ни камешков. Полностью обнаженный,

он обернулся к Дженнет, которая, выпрямившись, медленно снимала единственный предмет одежды.

Взгляд на ее стройное тело и спускавшиеся каскадом почти до талии золотые волосы поверг его в благоговейный трепет. Как он уже заметил, на теле не было волос, скрывавших нежную расщелину между ног, а маленькие грудки гордо торчали, розовые соски напряглись. Девушка опустила на колени, ее ноги были разведены, и ничто не оставалось скрытым. Том дрожащей рукой коснулся места между бедрами. Там было влажно, губы открылись для него, и предвкушение стало почти невыносимым.

Он еще раз произнес ее имя, всем телом придвигаясь к ней, становясь на колени, пожирая ее глазами. Дрожь прошла, она вновь успокоила его, на этот раз взглядом.

— Я люблю тебя, — тихо сказала она.

— Но ты не знаешь... — пробормотал Том, словно не в силах поверить ее словам.

— Я знаю тебя, — продолжала Дженнет. — Я знаю, ты хороший и ты здесь, чтобы помочь нам.

Молодой человек помотал головой, опасаясь нарушить настроение, но отчаянно желая быть честным с ней.

— Что я могу сделать для вас? Всего пару дней назад я даже не верил в существование таких, как вы. Если честно, то и сейчас я не вполне уверен, что все происходящее, включая этот момент, не является просто грандиозной иллюзией, порожденной повреждением клеток мозга.

Она коротко рассмеялась.

— Думаешь, ты сходишь с ума? Когда я касаюсь тебя здесь... — Она наклонилась, чтобы прикоснуться к его груди, палец надавил на сосок, и Том почти застонал от удовольствия. — ...Тебе это мерещится? И здесь... — Она прикоснулась к его животу, как раз над пахом и Том коротко вздохнул. — ...И здесь... — Она обвела пальцем его налившийся кровью пенис, и Том едва сдержал крик. — Ты думаешь, все это происходит в твоём сознании?

— Дженнет...

— Да? — Ее улыбка была дразнящая, и таким же было ее прикосновение.

— Дженнет, это невозможно.

— Да, Том.

— ...Феи, и эльфы, и колдуньи, и монстры, и дружелюбные звери...

— И занятия любовью с ундиной? — она продолжала чертить по нему пальцем, это нежное, легкое движение заставляло его дрожать от удовольствия.

— Да, — сказал он между короткими вздохами. — Невозможно. Но тогда... — Он вернул ей улыбку. — К черту невозможность.

Том притянул ее к себе за плечи, обжигая страстными поцелуями, которые она, смеясь, возвращала; когда они вместе повалились на землю, их руки нашли друг друга, губы искали плечи, груди, любые части тел, которые были доступны.

Дженнет вскрикнула от удовольствия, когда его язык начал описывать круги вокруг ее сосков. И Том застонал, когда ее язык спустился с его груди на живот, вылизывая пупок, перед тем как пропутешествовать назад ко рту. Снова его руки проникли между ногами девушки, на этот раз пальцы увлажнились от ее соков. Теперь настала очередь Дженнет стонать, она выгнула шею от наслаждения, чудесного ощущения его сильных пальцев внутри. Ногти ее собственных пальцев вцепились в спину возлюбленного, когда она тянула его на себя, и он сам опустился на нее, они бормотали имена друг друга и издавали слабые стоны.

Несмотря на ее хрупкое телосложение, он вошел внутрь легко и плавно. Девушка напряглась под ним, затем расслабилась со вздохом удовольствия. Рука мужчины нашла ее грудь, за рукой моментально последовал его рот. Дженнет выгнула спину, их животы на мгновение разделились, когда она обхватила возлюбленного за шею, с силой потянув его голову вниз, на себя. Язык Тома скользил по соскам, увлажняя их, делая тверже, затем он

освободил губы и выдохнул воздух на их влажные кончики, так что они набухли, горделиво вздымаясь на небольших холмиках плоти. Том проложил путь к другой груди, чтобы повторить действие, а ее бедра извивались под ним, в то время как Дженнет издавала слабые вздохи, словно ей не хватало воздуха.

Том двигался в ее ритме, толчки были иногда долгими, иногда короткими, а бедра девушки двигались то вместе с ним, то в противоположную сторону. Ее руки никогда не оставались спокойными, ладони скользили по спине мужчины, перед тем как опуститься на ягодицы, заднюю часть бедер, притягивая его, давя на его плоть, затем отталкивая прочь, но не слишком далеко, никогда не позволяя покинуть ее полностью.

Том до этого никому не говорил о любви. Конечно, у молодого человека случались подружки, любовницы, но, хотя его симпатия всегда была искренней, он никогда не влюблялся ни в одну из них. Теперь это произошло. Он влюбился быстро, почти инстинктивно в ту, которая пришла из иного мира. В ундину, так она себя называла. Ундиной была его мать, Бетан. Как это могло быть правдой? Однако Том знал, просто знал, что это правда. И он целиком отдался новому чувству.

Дженнет прошептала его имя в промежутке между поцелуями, умоляя о большем, обо всем, что он только мог дать ей. И Том был не в силах даже помыслить о том, чтобы отвергнуть девушку, все потеряло значение, кроме простого бытия с нею, внутри нее, как сейчас. Какая разница, существует ли его возлюбленная на самом деле? Тома это больше не волновало. Это было... это было... волшебно. Настолько чудесно, что на мгновение он засомневался, не было ли это влиянием обстоятельств, лесного окружения, ее странной красоты, ее уникальности или причиной являлась любовь, подлинное, робкое, только что найденное чувство. Молодой человек быстро осознал, что значение имели все эти причины, но главным стало то, что он чувствовал в сердце (нет, выругал себя Том, вспоминая слова Дженнет, в душе), — это превалировало над всем остальным. Погружаясь еще глубже в эту таинственную девушку, принявшую человеческую, или получеловеческую, форму для него одного, он словно растворялся в ней полностью, как будто ее физическая открытость стала входом в иное измерение.

И именно тогда магия началась по-настоящему.

Он полностью осознавал свое присутствие там, на лесной поляне, осознавал свою собственную, телесную оболочку, но какая-то часть отсутствовала, возможно, сама личность отправилась в путешествие более далекое, чем когда-либо до того путешествовал его интеллект, даже во сне, даже на пороге смерти несколькими месяцами раньше. Эта тропа привела его в измерение, к которому не принадлежат даже мечты. Том находился среди звезд и планет, большинство из них до этого действительно никогда не доводилось наблюдать ни одному из смертных. Нечто газообразное висело, подобно дымке, растянувшейся на миллионы миль, клубясь среди звезд, словно невероятный, постоянно движущийся узор. Там, в этой белизне, встречались другие, мельчайшие призрачные формы, которые он инстинктивно опознал как души. Фантомы стало бы неверным словом, поскольку они не являлись привидениями, но реальными сущностями, силами, существовавшими самостоятельно, но каким-то образом собравшимися в единое целое.

И он, Том Киндред, на несколько кратких моментов, показавшихся вечностью (поскольку он чувствовал, что там, в этом месте, время не существовало), воспарил среди них, присоединился к ним в их эйфорической экзальтации, ощущая их тепло, их тишину... но больше всего — их любовь.

Затем он стремительно вернулся назад, в свою физическую оболочку, в лес, в объятия Дженнет. Том был потрясен этим мгновением, потрясен, но не озадачен, поскольку знал, чему стал свидетелем. Он понимал, что ему был позволен краткий взгляд, редкая привилегия проникнуть туда, где не бывал ни один смертный. Том немедленно понял, что это подарок, и слезы навернулись ему на глаза. Необыкновенное путешествие не было случайным, оно указывало некую будущую цель, стало новой тайной.

— Дженнет... — начал он, пораженный этим открытием.

— Тише, Том, — она гладила его шею, щеку, потому что он поднял к ней лицо, желая заглянуть ей в глаза. — Не надо слов. Просто чувствуй сейчас, Том. Позволь своему телу и уму воспарить снова, но на этот раз вместе.

И он сделал это. Он вновь вернулся в физическое тело, вошел в нее, вначале мягко, затем со все большей и большей энергией. А потом к нему присоединились феи.

Сначала он просто почувствовал их свет на своей обнаженной спине, на руках и ногах, щекочущее ощущение, затронувшее доселе не разбуженные нервные окончания, еще не ставшие частью любовной игры. Эти нежные прикосновения заставляли его вздрагивать от удовольствия, словно кожи касались крохотные перья. Крылья фей били по нему, и вибрация их тел, состоящих из чистой энергии, покалывала его тело, давая ощущение мучительного блаженства. Он стонал от наслаждения, и Дженнет присоединила к его стонам собственные вздохи удовольствия, поскольку открытым частям ее тела уделялось такое же внимание.

Том почувствовал напряжение в паху, свидетельствующее о приближении пика. Казалось, все внутри тела — каждая жилка, нерв и все их соки — устремилось к одной центральной точке, чтобы собраться и достичь оргазма, который выразится в невероятной энергии, даже силе, в союзе, столь же дающем, сколь и берущем.

Том громко закричал, ощущая внутренний подъем, какого он никогда не испытывал раньше, а стройные ноги Дженнет сомкнулись вокруг него, плотно притягивая к себе, но не ограничивая движений. Его пальцы царапали землю, вырывая траву, в то время как девушка, напрягая бедра, почти подняла его тело с поразившей его силой. Том проник, протолкнул себя в казавшуюся бесконечной глубину, не осознавая, что наполнил ее. Даже возжелав большего, ею возлюбленная ничего не сможет взять, поскольку и так поглотила каждый его дюйм.

Великий прилив начал вздыматься, и Том едва не закричал от его интенсивности. А когда он пришел, когда его соки вырвались на свободу внутрь девушки, закричала Дженнет. Этот дрожащий звук послал птиц с ветвей в небо, заставил зверей в других частях леса застыть и оглядеться в поисках его источника. Феи собрались вокруг двух обнаженных тел, извивавшихся в последнем порыве дикой страсти, их вибрация освещала тенистую часть поляны.

И вместе с оргазмом («Самая сильная магия», — задыхаясь прошептала девушка), который исторгся из него, совмещая одновременно творение и извержение, духовное и физическое, чувственность и разум, объединившиеся в одно сверкающее ощущение, Том снова на мгновение оказался среди вознесенных ввысь и понял, что видение показывало опыт смерти. Он на мгновение увидел начало жизненного конца, первую ступень нового, но лишнего времени и неминуемого путешествия для таких, как он, и для всех остальных.

28

Авария

Что-то было не так в коттедже, но Том не мог сказать, что именно. С того места на краю поляны, где он стоял, виднелась дорожка, что вела к Замку Брейкен, ее почти заслоняла клумба с колокольчиками. Его джип припаркован перед коттеджем, на первый взгляд с машиной все в порядке. Передняя дверь Малого Брейкена распахнута, но он не сомневался, что оставил ее именно в таком положении, когда ранним утром последовал за Дженнет в лес.

Уже наступил вечер, и Том чувствовал себя усталым от прогулки, от занятий любовью, от всех новых мыслей, осаждавших его мозг. Он оставил Дженнет у озера, их прощание было сладко-печальным, как и положено тем, кто только что обрел любовь. Молодой человек просил ее вернуться в Малый Брейкен вместе с ним, но девушка сказала, что она еще не может освободиться от озера, незачем так торопить события. Если накануне Том был лишь смущен и заинтригован чудесами, то сейчас его мысли находились в полном беспорядке. Немногие ответы вели к еще большему количеству вопросов, некоторые вопросы — например, почему Дженнет верила, что его возвращение в Брейкен поможет волшебному

народу, или почему мать заставила его забыть все, что он знал о волшебном народе, — остались без ответа, его не знала далее сама Дженнет.

Однако вопросы не слишком беспокоили Тома в этот теплый вечер, поскольку день был заполнен невероятными событиями, любовью и проникновением в другой мир. Вся его концепция жизни и смерти безвозвратно изменилась, он навсегда покинул нормальный мир рассудительности и общеизвестных вещей.

А сейчас Киндред хмурился, глядя через поляну на увенчанный башенкой коттедж. Что там произошло, что изменилось? Вокруг дома витала некая аура, и она казалась холодной, — не безжизненной, но какой-то враждебной, словно изменилась вся его сущность. Но, возможно, его нервы находились на пределе из-за всего случившегося ранее. Или просто он сам слегка изменился, недавние приключения сделали его более восприимчивым. И все же что-то было не так, он чувствовал это всем своим существом.

Очень осторожно Том пересек полянку, приближаясь к Малому Брейкену как к незнакомому месту, где может таиться опасность. Несмотря на усталость, его чувства были начеку, даже зрение, казалось, обострилось. Сначала он подошел к джипу, проверяя, не затаился ли там кто-нибудь. Пусто. Когда Киндред достиг короткой тропинки, вымощенной плитками, то вновь остановился и посмотрел в сторону двери коттеджа. Ничто не изменилось. И все же он продолжал чувствовать холодность места.

Затем его внимание привлекли пятна крови на каменных плитах — темно-красный цвет, как будто она пролилась здесь давно. Молодой человек опустился на колени, пытаясь рассмотреть их поближе, но даже без прикосновения он ощущал их вязкость.

Некоторые пятна напоминали следы, словно кто-то шел или бежал по дорожке, возможно спасаясь от чего-то внутри коттеджа. Он снова оглянулся на открытую дверь. Что, если это *нечто* все еще находится там?

Том сразу подумал о ночной твари, которая пыталась украсть его сперму, о суккубе. Возможно, этот отвратительный монстр появляется только в часы тьмы. Или Нелл Квик решила наслать на него еще какую-нибудь тварь. Но почему ему пришло в голову, что кровавый след вел от коттеджа а не наоборот? Кто-то был ранен в лесу и нашел убежище внутри — например, Эрик Пимлет. Сейчас он находился в весьма преклонных годах, с ним вполне могло что-нибудь приключиться...

Киндред поднялся с колен и вопреки здравому смыслу осторожно пошел к входной двери, избегая крови на каменных плитках. На пороге он помедлил, затем шагнул вперед с большей смелостью, чем ощущал на самом деле.

Кухня была пустой, но в раковине лежали цветы. Орхидеи. Кто принес их? Ригвит? Эльф решил украсить жилище? Но ранее крохотный человечек не проявлял подобных склонностей. Цветы в раковине были целиком очищены от земли, их луковицы по непонятным причинам разрезаны, каша изнутри вытекла. Кто сделал это и зачем? Нелл Квик — немедленно пришло ему в голову.

— Ригвит! — позвал он, повернувшись к двери. — Ты здесь, Ригвит? Слышишь меня?

Ответа не последовало — ни скрипа половиц, ни топота крохотных ножек. Только молчание, зловещее молчание.

Подняв глаза к потолку, Том задумался. Мог кто-то прятаться наверху? Нелл решила подождать его в спальне? Он ощутил, как в нем разгорается ярость. Она что, задумала подшутить над ним? Неужели эта женщина действительно надеется, что ей удастся соблазнить его теперь?

Том твердыми шагами направился к открытой двери на лестницу. Нет уж, хватит! Если наверху действительно Нелл, то ей придется убраться, и чем быстрее, тем лучше.

Когда он достиг небольшой площадки перед ванной и чуланчиком, то увидел белую кроссовку на первой ступеньке винтовой лестницы, затем парную ей несколькими ступеньками выше. Обе были направлены в одну сторону, словно тот, кто сбросил их, сделал это на ходу.

— Кэти! — громко позвал Том. Глупец, как он мог забыть? Правда, случилось столько

всего, что нетрудно было выбросить из головы такую приземленную вещь, как встречу с лечащим врачом. Это наверняка Кэти, он же видел на ней эти белые кроссовки с синими полосками.

— Кэти? — на этот раз это был оклик. — Вы здесь?

Киндред преодолевал ступеньки по две за один раз, ухватившись рукой за центральный стержень, левая нога лишь чуть-чуть замедляла его шаги. Ворвавшись в спальню, молодой человек немедленно заметил разворошенную постель. Да, утром он оставил ее неубранной, но не в таком беспорядке. К тому же на полу возле кровати валялись белые хлопковые трусики. И опять — следы крови возле открытой двери.

Некоторое время он в полном изумлении разглядывал спальню. Почему Кэти оказалась здесь? Возможно, она появилась в назначенное время и, не найдя никого внизу, поднялась наверх, решив, что с ним случился еще один удар. Но почему на полу кровь, трусики возле кровати, разворошенные простыни? И откуда орхидеи в кухонной раковине? Страх, который он ощутил, перед тем как войти в Малый Брейкен, постепенно возрастал, наваливаясь ему на плечи, выкачивая силы. Что, черт возьми, здесь происходило?

— Ригвит! — снова закричал Том. — Помоги мне! Ты должен мне помочь, Ригвит!

В ответ — тревожное, предвещающее мрачные события, молчание.

— О Господи, — тихо пробормотал он.

Собираясь выйти на площадку, молодой человек еще раз позвал, на этот раз и Кэти Бадд, и эльфа. Перед тем как спуститься, он еще раз внимательно осмотрел стены, окна, мебель, словно там могла скрываться разгадка появления трусиков, пятен крови на полу, даже смятых простынь. Неужели кто-то напал на Кэти, когда она приехала сюда, какой-то чужак, пробравшийся в коттедж из леса? Но подождите, разве врач не оставляла ему визитки? Там должны быть ее телефоны. Он уже собирался вернуться в спальню за своим мобильником, оставленном на комод, когда странный шум заставил его замереть на пороге.

Том прислушался, сдерживая дыхание: какой-то гнусавый, скулящий звук. Выйдя на площадку, он перегнулся через перила, стараясь заглянуть за поворот. Снова тихое поскуливание, причем звук доносился сверху, а не снизу.

— Кэти? Это вы там, наверху? — позвал он и направился ко второму витку лестницы, стараясь ступать легче, чтобы доски не скрипели.

— Кэти?

Том всматривался во мрак декоративной башенки, пытаясь проникнуть взглядом за затененные стропила, перекрещивавшие открытое пространство. Казалось, на мгновение из тьмы выглянуло крохотное личико, но тут же спряталось вновь.

— Ригвит, это ты или нет? — Том попытался не повышать голоса, боясь встревожить маленького эльфа, который, похоже, был и так достаточно напуган. — Это я, Том. Что случилось, почему ты прячешься там?

Ответа все не было, и Том начал карабкаться наверх, намереваясь добраться до площадки возле двери, что вела на крышу. Отсюда он смог бы лучше разглядеть помещение башенки, но темнота и толстые балки надежно скрывали маленькую фигурку. Он еще больше смягчил голос, стараясь, чтобы в нем звучали успокаивающие нотки.

— Иди сюда, Ригвит. Ты знаешь меня. Это Том, Том Киндред. Никто не собирается обижать тебя.

Последовало движение среди тьмы, маленькое личико появилось вновь.

— Онапришлаонапришлаонапришла, сотворила злосотворилазлосотворилазло!

— Успокойся. Я не могу понять, когда ты так тараторишь. Спускайся вниз, покажись мне. Тогда мне удастся понять твои слова.

С видимой неохотой Ригвит все же выполнил его просьбу. Соскользнув с перекрещивавшихся балок, он ступил на центральную площадку и затем приблизился к ногам Тома. Беднягу так трясло, что молодой человек подумал, не заболел ли ею приятель. Он быстро опустился на колени и осторожно взял эльфа за плечи.

— Ужаснаяраснаявещь, онаделалаонаделала!

— Постарайся взять себя в руки, — уговаривал Том. — Мне необходимо понять, что ты говоришь.

Глаза расширились, насколько вообще могут расшириться раскосые щелочки; Ригвит напрягся, заставляя себя успокоиться. Он продолжал, трястись, но начал говорить на языке, который Том мог воспринять.

— Она-сделала-ужасную-вещь.

— Кто сделал, Ригвит? Блондинка... леди со светлыми волосами?

Эльф бешено замотал головой, он становился меньше прямо на глазах.

— Не Кэти, не леди со светлыми волосами? — Том усилием воли попытался заставить Ригвита не уменьшаться, и на мгновение, казалось, это сработало.

— Тогда кто? — спросил он, будучи уверенным, что уже знает ответ.

— Ведьма, — всхлипывая, ответил маленький человечек. — Ведьма сделала плохую вещь другой леди.

* * *

Когда Том садился за руль своего джипа, лицо его выглядело мрачным, а усталость оказалась забыта. Поверх футболки он натянул свитер и обулся в мягкие ботинки. Включив двигатель, он немного проехал задним ходом, затем, развернувшись, направился к шоссе. Он жал на акселератор, двигаясь со всей возможной скоростью, какую позволяла покрытая глубокими рытвинами дорога.

Несколькими минутами раньше молодой человек пытался дозвониться до Кэти Бадд по своему сотовому телефону, набирая попеременно то ее домашний номер, то номер мобильного. Однако, как известно, он находился в плохом для связи районе, поэтому в трубке слышался лишь постоянный треск атмосферных помех. То, что рассказал ему Ригвит, потрясло Тома, и хотя эльф не употреблял слова «изнасилование» — возможно, его просто не было в словаре маленького человечка, — из описания происшедшего в коттедже именно это и вырисовывалось. Женщина изнасиловала другую женщину. Странно, чудовищно и безнравственно.

Итак, сок из луковиц орхидей, безусловно, являлся сильнейшим приворотным зельем. Нелл принесла цветы в коттедж, предполагая застать его одного. Но встретила Кэти Бадд. Но зачем испытывать орхидеи на враче, когда они предназначались ему? Если именно таким путем Нелл собиралась добыть его сперму, зачем тратить любовный стимулятор на Кэти? В этом не было никакого смысла. Хотя, с тех пор как он вернулся в Брейкен, в чем вообще присутствовал здравый смысл?

Покрытые ветками листья слегка царапали бока джипа, когда он несся по узкой дорожке, руки Тома крепко вцепились в руль, пытавшийся плясать в них. Он был в ярости — с какой стати некто, кто еще несколько дней назад был для него абсолютно чужим, мог вынашивать по отношению к нему столь злобные планы? В чем, черт возьми, он провинился перед Нелл Квик? Было ли это как-то связано с его новой дружбой с маленькими человечками, волшебным народцем, обитавшим в лесах поместья Брейкен? Не являлись ли ведьмы смертельными врагами фей? Он помотал головой, все еще не находя в этом ни малейшего смысла, замешательство подогревало ярость. Был только один способ разобраться во всем этом — необходимо встретиться с этой дамой лицом к лицу.

Вдруг в его мозгу молнией пронеслось: Хьюго! Знал ли его друг об истинной натуре этой женщины? Том был уверен, что их отношения выходили за рамки, возможные между работодателем и сиделкой, он почувствовал некую связь, увидев их вместе. Глаза Тома невольно сузились, когда он продолжал обдумывать эту новую идею. Хьюго являлся единственным наследником значительного состояния. Замок Брейкен и все его земли, тысячи акров пастбищ и лесов! Даже если продать только малую его часть, это с легкостью могло покрыть расходы на содержание оставшихся земель и обеспечить благосостояние его обитателей. И хотя прочие предприятия сэра Рассела не являлись, как когда-то, источником

высоких прибылей, продажа личной доли в них принесла бы значительную сумму. Но опять-таки непонятно, как это касалось Тома, почему он оказался частью планов Нелл Квик? Как незаконный внук сэра Рассела, даже не поставленный в известность об этом стариком, он не угрожал правам Хьюго на наследство. Том растерянно забарабанил пальцами по рулю. Каким бы ни был ответ, он должен встретиться с Нелл хотя бы из-за того, что она сделала с Кэти. Еще необходимо предупредить Хьюго. У него не было никаких реальных доказательств, но друг, разумеется, достаточно ему доверяет, чтобы прислушаться к его словам. Может, у него мозги слегка набекрень, но парень никогда не был дураком. В любом случае не полным.

Впереди Том заметил просвет среди густых деревьев, означавший, что он уже почти достиг шоссе. Молодой человек отпустил педаль газа, переводя джип на безопасную скорость. Движение выглядело более плотным, чем обычно, и Том заметил, что машины ехали очень медленно, бампер к бамперу. Он еще больше снизил скорость.

Достигнув наконец места, где дорожка выходила на магистраль, он остановил джип, удивляясь накопившемуся транспорту, блокировавшему трассу. Сначала Том посмотрел вправо — именно туда он собирался следовать — и увидел только вереницу медленно двигавшихся автомобилей. А когда он повернул голову влево...

Огромный трейлер был припаркован у обочины дороги, красные с белым конусы установлены позади него и по правой стороне, патрульный полицейский давал отмашку проезжавшим мимо машинам. Знакомый зеленый фольксваген валялся в кювете, его капот и часть крыши были исковерканы, словно автомобиль швыряло о деревья.

— Кэти! — громко выкрикнул Том. Заглушив мотор, он выскочил из машины и, хромая, побежал к месту происшествия.

Перед огромного трейлера был сильно поврежден, но это не могло даже в малой степени сравниться с состоянием фольксвагена, чьи капот и бок выглядели полностью искореженными.

— Кэти! — на этот раз это был вопль, полный муки, и человек, наблюдавший за мужчиной в синем комбинезоне, присоединявшим крюк к автомобилю — виновнику аварии, от которого теперь тянулся извивающийся металлический трос к ближайшему грузовику, повернулся и посмотрел в направлении Тома.

— Все уже сделано, Том, все позади, — сказал Эрик Пимлет, когда молодой человек подошел ближе. — Кошмарное происшествие. Бедная женщина жутко расшиблась.

— Была ли это Кэти Бадд? — спросил Том, уже зная ответ при первом взгляде на страшные повреждения зеленой машины. Лобовое стекло было полностью разбито, а перед крыши так измят, что металл почти касался подголовников передних сидений.

— Водителем в самом деле была женщина, но я не знаю ее имени. Полицейский скажет тебе, поскольку он должен был осмотреть ее вещи.

— Я знаю, это она. Насколько сильно она пострадала?

— Водитель той штуки, — Эрик указал через плечо на поврежденный трейлер, — говорил мне, что она была здорово искалечена. Ее, не теряя времени, повезли в госпиталь в Шрусберри. Другая скорая увезла и водителя тоже, после того как он дал показания полиции. Он, должно быть, в шоке, бедный малый. Я-то появился позже, разговаривал с водителем, пытался хоть чуть-чуть его успокоить. — Эрик покачал головой. — Он казался мне малость заторможенным, будто ударился головой или еще что-то в этом роде. Все твердил о птице.

Том наконец отвел взгляд от изуродованной машины и посмотрел на лесника с любопытством.

— Говорил, машина появилась непонятно откуда, слишком поздно, чтобы он мог затормозить, — продолжал Эрик. — Может, она выехала с дорожки от твоего дома, Том? Одна из твоих подружек, не так ли? Кто-то из Лондона?

Том коротко покачал головой.

— Что ты имел в виду, Эрик? Ну, когда сказал, что водитель твердил о птице?

— Ну, я думаю, он просто был слегка не в себе. Как я говорил, парень вроде бы ударился головой.

— Так что он говорил?

Старый лесник снова покачал головой.

— Он сказал, что после катастрофы, когда машина свалилась в кювет, он увидел черную с белым птицу, которая вылетела сквозь лобовое стекло. Думаю, он ошибается. Если там и была птица, то она уже находилась в канаве, выискивая червяков и личинок, и она взлетела из-под машины. Вряд ли женщина возила сороку в качестве пассажира.

29

Отравляющие заклинания и обман

Он подошел к окнам в спальне отца на самом верху Замка Брейкен и опустил все занавески, так; что их плотная ткань теперь не пропускала лучи заходящего солнца, затем обернулся. Водянистые, цвета слоновой кости глаза сэра Рассела наблюдали за ним поверх пластиковой кислородной маски. Изможденный старик, как обычно, опирался на подушки, лежа на кровати с пологом.

— Пора дать тебе немного тени, — сообщил Блит-младший и скривился, прислушиваясь к затрудненному дыханию в полумраке, поскольку резкий звук вдыхаемого воздуха напоминал о власти самой жизни, затягивавшей хриплые вздохи как последнее подчинение неизбежному. Отвратительный шум.

— Уу-ааргх...

Схватить, подчинить; схватить, подчинить...

И так продолжалось бесконечно.

— Тебе нужно поспать, отец, — обратился Хьюго к нему снова, в очередной раз задумываясь, понимает ли старикан его слова. Иногда казалось, что в бесцветных глазах мелькала искорка разума, но большую часть времени сэр Рассел продолжал глядеть слепо, ни на что не реагируя и никого не узнавая. Что ж, пришло время для откровенного разговора, и Хьюго надеялся, что новый коктейль Нелл сделает свое дело. Их терпение иссякало.

Засунув руки в карманы измятых брюк, он вернулся к кровати и бросил взгляд на Нелл, которая, натянув хирургические перчатки, щедро поливала из пузырька маленький шарик из ваты.

— Что на этот раз? — поинтересовался Хьюго. — Болиголов? — он нервно хихикнул.

— Болиголов оказался достаточно хорош, чтобы избавить греков от Сократа, но мы ведь не хотим прикончить старика сейчас, не так ли? — Женщина усмехнулась. — Это белена, близкий родственник смертоносного паслена, смешанная с некоторыми другими компонентами, но я использую ровно столько, чтобы развязать ему язык и ослабить разум. Чуть-чуть переборщим, и старикан отправится на тот свет в считанные часы.

— Мне кажется, его разум ослаблен полностью, хотя иногда я спрашиваю себя, понимает ли он, что происходит, — Хьюго пристально вглядывался в хрупкую фигурку на кровати, простыня, прикрывавшая его отца, больше напоминала саван.

— Какое это имеет значение? — Нелл пожала плечами. — Он слишком слаб, чтобы сделать что-нибудь. Закатай ему рукав.

Хьюго не хотелось прикасаться к иссохшему человеку. Он помнил отца таким, каким тот был раньше, невысоким, но полным сил, энергичным мужчиной. И, как казалось Хьюго, всегда кипевшим злобой.

— Но, если отец может слышать нас, если он понимает, что мы говорим, он вряд ли захочет сказать нам что-либо.

— Говорю же тебе, это не имеет значения. Когда зелье начнет действовать, твой отец сам не поймет что говорит. Конечно, надо было использовать его раньше. Но тогда сэр Рассел был слишком слаб, оно могло убить его. Старик, кажется, теперь в состоянии выдержать белену. — Она наклонилась над больным и приложила комоч ваты, пропитанный жидкостью, к его лбу. — Для быстрого всасывания лучше бы положить это ему в нос, но сейчас ему необходима маска. Оно работает через некоторое время, поэтому мы вернемся позже, если

только ты не предпочитаешь посидеть с ним рядом, а, Хьюго? — ее ухмылку трудно было назвать приятной.

— Я предпочитаю проводить время более приятным образом, — поспешно ответил тот.

«Но даже мне достаточно для одного дня, — подумала Нелл. — Маленькая блондинистая сучка оказалась достаточно сильной, чтобы сбежать, но все было замечательно».

Она хихикнула, и Хьюго взглянул на нее с любопытством.

— В чем дело?

— Ничего, что бы беспокоило тебя, дорогой.

Хьюго с подозрением в голосе спросил:

— Сегодня утром ты проехала через мост. Навещала Тома?

— Да, заезжала, — она поправила вату на лбу умирающего. — Киндреда не оказалось дома.

— Может, оставим Тома в покое? Если мы найдем то, что ищем, он не будет для нас опасен.

В свете ближайшей лампы Хьюго мог заметить блеск в глазах женщины.

— До тех пор пока не убедимся окончательно, нельзя рисковать. Мы должны контролировать Киндреда, в противном случае потеряем все.

— Но мой отец может умереть в любой момент, — Хьюго говорил шепотом, словно боялся, что старик может услышать.

— Нет, пока я поддерживаю в нем жизнь. Но, даже если Киндред уйдет первым, у тебя все равно нет никаких прав. Сэр Рассел достаточно презирает тебя, чтобы оставить ни с чем. Нет, единственный верный способ — это найти завещание и уничтожить его. Считай себя счастливым, поскольку старик недостаточно хорошо себя чувствовал, чтобы оформить его юридически, поэтому не может быть никаких копий, хранящихся где-нибудь в офисе.

— Но его свидетель...

Она окинула Хьюго раздраженным взглядом.

— Я уже говорила тебе, это не имеет значения, если нет надлежащим образом оформленного документа. Должно быть письменное доказательство. Как только мы найдем его, мы сможем положить всему этому конец.

— Боже, надеюсь, что так. С меня хватит, Нелл. Мы обыскали дом сверху донизу. Я больше не могу.

До чего же он слаб...

— Только подумай, как будет хорошо, Хьюго. Любые деньги, какие тебе когда-либо понадобятся, и я в придачу. — Она хихикнула. — Хочешь, я буду снизу, хочешь, встану на колени — все, что пожелаешь.

Убрав влажный комок ваты в пластиковый пакет, женщина, вихляя бедрами, направилась к нему.

— Ты будешь иметь меня, Хьюго, любым способом, каким захочешь. И даже когда ты устанешь, я смешаю твои любимые напитки, они вернут тебе силу.

— Да, дорогая.

Хьюго потянулся к ней, но Нелл игриво ускользнула из его рук и принялась стягивать хирургические перчатки, медленно, словно стриптизерша, занимавшаяся своим делом.

— А есть еще много всяких зелий для разных вещей, Хьюго. Возможно, я покажу тебе кое-что новое. Не сомневаюсь, тебе понравится.

Он снова потянулся было к женщине, но она отступила назад плавным, чувственным движением. Выпуклые глаза Хьюго умоляли.

— Нелл, пожалуйста... сейчас.

Он окинул ее взглядом сверху донизу, и Нелл мысленно застонала, зная, что означал этот взгляд. Придется удовлетворить его, иначе он станет дуться, как отвергнутый мальчишка. Она швырнула перчатки в пластиковый пакет и опустилась на колени.

— Иди сюда, Хьюго, — голос ее был низким, она тихо мурлыкала, словно бы от

удовольствия. — Я знаю, чего ты хочешь. Но мы должны поторопиться. Нам многое нужно сделать.

Облизнув губы, мужчина двинулся вперед, руки его дрожали, пока он возился с молнией брюк. Нелл запустила в них руку, вытаскивая наружу и с тайным отвращением глядя на дряблый пенис, который потребует столько усилий, для того чтобы взбодрить его. И возле кровати умирающего отца своего любовника она наклонилась и взяла в рот его член.

В это время за дверью высокая, но сутулая фигура, подслушивая, прижалась ухом к стенной панели.

30

В доме колдуньи

Затормозив перед оградой из штакетника, Том оглядел покрытый ползучими растениями дом. Жилище Нелл Квик выглядело пустым. Впрочем, когда он уезжал отсюда накануне, зная, что хозяйка находится внутри, жилище выглядело так же. В основном впечатление пустоты создавалось благодаря слишком темным окнам на верхнем и нижнем этажах.

В любом случае сейчас он собирался постучать в эту дверь — имелись вопросы, на которые следует наконец получить ответы.

С места происшествия Том, воспользовавшись мобильником, позвонил в отдел несчастных случаев главного госпиталя Шрусберри. Но, поскольку молодой человек не являлся родственником, особа, с которой он разговаривал, не желала давать никакой информации, кроме той, что состояние мисс Бадд «тяжелое, но стабильное». Возможно, завтра он сможет узнать чуть больше.

Вылезая из джипа, он опирался на крышу автомобиля, так как из-за головокружения едва не потерял равновесие. «Вымотался, как собака», — подумал он. Слишком много приключений за один день. Том многое узнал, стал свидетелем немалого количества странных вещей, а теперь еще несчастный случай с Кэти. Несчастный случай? Вряд ли.

Киндред, прихрамывая, прошел сквозь лишенный ворот проем, не отрывая взгляда от дома, прямо к крыльцу и постучал в дверь кулаком. Никакого ответа. Спустившись с крыльца, он сначала некоторое время разглядывал верхние окна, безнадежно пытаясь преодолеть их черноту, потом подошел к окнам нижнего этажа, продираясь сквозь высокую траву и сорняки. Молодой человек положил обе руки на стекло, образовав таким образом темный туннель, сквозь который надеялся разглядеть происходящее внутри. Он ясно видел противоположное окно, выходившее на задний двор, но вновь не заметил никаких признаков жизни. Перейдя к окну кухни, Том снова заслонил стекло от яркого солнца; обычная кухонная утварь и полки, набитые банками и горшками. Внутренний голос назойливо внушал ему не останавливаться на полпути. Даже если Нелл Квик не было дома, он мог бы найти нечто дающее ключ к истинной натуре Нелл и ее намерениям. Ригвит назвал ее ведьмой, и, хотя еще несколько дней назад Том поднял бы на смех подобное заявление, сейчас он был склонен поверить.

Двигаясь крадучись, стараясь не споткнуться о сорняки или высокую траву, молодой человек завернул за угол и оказался в саду позади дома. Киндред видел садик лишь однажды, из окна гостиной Нелл, и заметил, что тот находится в полном запустении, но сейчас он казался еще более диким. Хотя... хотя и в этой путанице присутствовал некоторый порядок, молодой человек понял это только сейчас. Среди диких папоротников и разросшейся травы виднелись растения, заботливо скрытые кустами ежевики.

В конце садика находилась перекошенная деревянная теплица, выглядевшая почти непрозрачной из-за дождей, забрызгавших стекла. Из любопытства Том направился к ней, обходя стороной высокие папоротники и осторожно ступая по скользким, покрытым мхом каменным плиткам. Случайно он бросил взгляд через плечо на дом, почти убежденный, что сейчас увидит фигуру женщины, наблюдающей за ним из одного из окон. Конечно, там

никого не было, разве он не стучался в дверь? И все равно Тома не оставляло ощущение чьих-то внимательных глаз, изучавших его затылок. Наверное, сам дом следит за ним — глупая мысль, но что-то мешало отбросить ее.

Достигнув теплицы, он увидел, что та находилась в еще худшем состоянии, чем показалось сначала. Вся деревянная конструкция выглядела так, словно один хороший толчок может вызвать полное ее крушение, и у молодого человека не возникло ни малейшего желания войти. Однако он нашел разбитое стекло и заглянул внутрь.

Как и в саду, все здесь выглядело запущенным, но спустя некоторое время молодой человек понял, что теплица просто переполнена травами, растениями и фруктами, большую часть которых он не смог определить; среди них Том узнал найденные в Малом Брейкене орхидеи. Почва вокруг них была разворошенной, словно росшие рядом цветы недавно вырвали с корнем. Быть может, Нелл считала, что они станут прекрасным подарком, украсят коттедж.

Хорошо, что все это говорит ему о Нелл Квик? Увлеченный, но неаккуратный садовод, готовящий зелья и растительные отвары? Он живо вообразил эту женщину одетой в черное, в колдовской остроконечной шляпе, помешивающей кипящее зелье в огромном котле, и чуть не расхохотался вслух. На редкость идиотская картина! Но насколько она далека от истины? Забудем черный наряд и странную шляпу, кипящий котел и метлу в углу, сердца лягушек и щенячьи хвосты, черного кота и книгу заклинаний, восковые... Восковые фигурки с воткнутыми в них иголками? Чепуха, забудем и их тоже. Забудем все аксессуары чародеев и колдунов. Но вспомним суккуба, экзотическую соблазнительность Нелл, неприятное чувство, которое у него вызывала сорока каждый раз, когда он видел ее — почему-то он не сомневался, что это была одна и та же сорока, — и вспомним птицу, которая вылетела через разбитое ветровое стекло «фольксвагена» Кэти.

Том выпрямился и медленно повернул голову, чтобы снова взглянуть на дом.

* * *

Задняя дверь оказалась незапертой (не все старые деревенские обычаи умерли), и после короткой экскурсии по комнатам нижнего этажа — крохотной кухне, гостиной и коридору — Том поднялся вверх, в спальню Нелл Квик.

В какой-то мере он чувствовал себя виноватым, даже стыдился того, что проникает в дом подобным образом, но все равно не собирался отступать, считая этот тайный обыск необходимым. Он действовал абсолютно инстинктивно, несчастный случай с Кэти всколыхнул в нем все сомнения, какие только могли возникнуть. К тому же Блит-младший находился в опасности — шантаж был самым простым предположением Тома. Шантажисткой, разумеется, являлась Нелл Квик, а его друг — жертвой. Куда бы Хьюго не вляпался, какую бы глупость он не натворил, какой бы проступок не совершил — а могло быть любое количество идиотских ситуаций, в которые мог загнать себя старый приятель, — Том не оставит его без поддержки. Вместе они одолеют эту ведьму.

Комнаты на первом этаже не содержали секретов, представлявших особый интерес. Древний рукописный травник и такой же лечебник, комод, набитый счетами, многие из которых написаны красными чернилами — последнее предупреждение! — старые письма и прочее скопление мелочей, вполне уместных в любом хозяйстве.

Две комнаты наверху (не считая крохотной ванной) вызывали совсем другие мысли. Большую в основном заполнял покрытый лоскутным одеялом матрас, лежавший на голых досках пола в качестве кровати, длинный дубовый комод, стоявший вдоль стены, а напротив него — высокий платяной шкаф с зеркалом во всю дверцу. На комод стояли погашенные свечи, деля пространство с несколькими дешевыми ювелирными коробочками, самодельными аксессуарами и флакончиками с парфюмерией. Там же находилось еще одно большое зеркало в потрескавшейся и облупившейся позолоченной раме. Вот и вся обстановка — ни стульев, ни фотографий в рамках или картин, ни книг или журналов, ни

цветочных ваз или ламп — совсем ничего, что могло бы сделать комнату более удобной или личной. Однако комната за следующей дверью после спальни являлась полной противоположностью остальным, поскольку, если те испытывали недостаток в обстановке и цветах, в этой с избытком хватало и того и другого.

Кричаще раскрашенная в красное и черное — красные стены, черный потолок и пол, — она повергала в шок, и Том, изумленно выдохнув, застыл на пороге. Золотая пентаграмма — пятиконечная звезда — была нарисована на полу, а когда непрошенный гость поднял глаза, то заметил точно такую же на потолке. В каждом луче максимально близко к остроконечным вершинам виднелись иероглифы или символы. В дальнем конце комнаты возле зашторенного окна располагалось нечто напоминавшее небольшой алтарь, покрытый черной тканью, его поверхность была загромождена разных размеров свечами, черными, красными и золотыми, среди которых Том заметил небольшую миску, чье содержимое в данный момент было недоступно его взгляду. Связки пыльных книг громоздились вдоль стен; некоторые манускрипты, написанные каллиграфическим почерком красными чернилами, валялись на полу. Что касается книжного шкафа, то он занимал правый угол, но не книги, а другие предметы выстроились на его полках. Амулеты, банки с зельями, кристаллы, ожерелья, неиспользованные свечи, кинжал с черной ручкой и стальным лезвием, моток красной ленты, связки чеснока и разнообразные части крохотных статуэток и металлических символов.

Красные стены покрывали небрежно выполненные черной и золотой краской схематичные рисунки совокуплявшихся мужчин и женщин. Взгляд Тома задержался на изображении существа с козлиной головой, уродливым телом и человеческими конечностями. Обнаженная женщина стояла на коленях позади него, приподняв его хвост и целуя в зад. Среди рисунков виднелись коряво написанные имена: КРЕЗИЛ, МЕРИХИМ, АБАДОННА, ВЕЛЬЗЕВУЛ, ЛИЛИТ, ИЕЗАВЕЛЬ, ВЕЛИЛАЛ, ГЕКАТА, МОЛОХ, АГНИ, СЕМИАЗ, ЗАГАМ... — список казался бесконечным. Молодому человеку некоторые из них были знакомы: несколько лет назад его товарищи по частной школе увлекались страшными историями и фильмами ужасов и, хотя мальчик не имел склонности к подобным занятиям, невозможно было не заглядывать скуки ради в подобные книги и журналы или игнорировать обрывки возбужденных разговоров. Не являлся ли Вельзевул вторым после самого Сатаны? И не была ли Геката королевой колдуний?

Том прекрасно понимал, насколько все это нелепо, больше всего окружающая обстановка свидетельствовала о повреждении рассудка — и не более того: Нелл Квик явно сошла с ума! — и все же Киндред машинально перекрестился. Он отнюдь не был религиозным, но в комнате присутствовало некое зло, что-то, заставлявшее его чувствовать себя уязвимым.

Борясь с желанием немедленно уйти, молодой человек шагнул вперед — и пожалел, что не поддался ему.

Странная тяжесть мгновенно навалилась на его плечи, подобно мантии, и этот вес не имел ничего общего с физическим. Скорее, он напоминал неожиданно возникшую гнетущую атмосферу, даже вдыхаемый воздух казался густым и ядовитым.

Он сказал себе, что это не лучшее место для пребывания, но все же направился к алтарю.

Толстые черные свечи часто зажигались с обоих концов, воск залил черную ткань под ними. Другие, более тонкие, золотые и красные свечи были вставлены в подсвечники. Станный предмет, похожий на свечу, привлек его внимание, Киндред взял его в руки и быстро поставил обратно. Почему вибратор должен занимать центральное место на алтаре?

Здесь также находились два сосуда, один из них представлял собой металлическую чашу с узорчатыми дырочками по краю, на дне ее было полно древесного угля и пепла, источавших запах ладана, достаточно резкий, чтобы соперничать с остальными ароматами комнаты. Второй сосуд, в форме кубка, сделанный из темно-синего стекла, вызывал гораздо больший интерес. Внутри его находились разрозненные предметы, при виде которых у Тома перехватило дыхание.

Каждый предмет сам по себе выглядел вполне невинно: белая пуговица от рубашки, клок волос, небольшой набор стальных циркулей, смятая фотография.

Пуговицу можно оторвать с одной из его старых рубашек. Волосы того же цвета, что и его собственные, — срезать с головы. Циркули утратили блеск, иголки на концах каждой ножки почти почернели от времени, и они напоминали первый набор, который Том купил сам, закончив колледж и решив сделать ремесло плотника своим основным занятием. (Циркули действительно принадлежали ему, поскольку он измерял ими дерево так долго, что просто не мог не опознать пятнышки и царапины на металле. Так как Киндред пользовался этими инструментами практически постоянно, какую бы работу ни выполнял, они стали чем-то вроде приносящего удачу талисмана, навевавшего сентиментальные воспоминания о тяжелой работе, проделанной за все эти годы.)

То, что собранные вместе вещи принадлежали лично ему, доказывал цветной снимок; остальные предметы соскользнули с его измятой поверхности, когда молодой человек вытащил фотографию.

Водрузив кубок обратно на алтарь, Том расправил снимок, держа его двумя руками. Один его край оказался порванным, словно это была только часть целого, и, хотя фотографию явно сделали много лет назад, он узнал себя немедленно. Снимок выглядел слегка смазанным, словно у фотографа дрожали руки или он дернулся, нажимая на кнопку. Еще возле оторванного края виднелась часть локтя другого человека, Хьюго. Возможно, фотографировал старый Эрик Пимлет. Том не мог вспомнить, когда он в последний раз видел фотографию и видел ли вообще, но не сомневался, что она должна была находиться в альбоме где-нибудь в Замке Брейкен. Наткнулась ли Нелл на нее во время очередного посещения сэра Рассела или специально ее искала?

Пуговицу с его рубашки было не слишком трудно достать, проникнув в коттедж в его отсутствие. Волосы? Он закусил нижнюю губу, припоминая. Точно! В тот день, на ее диване, внизу. Она села рядом с ним, рука лежала позади, на спинке дивана. Разве он не чувствовал легкого подергивания на затылке, когда наклонился вперед? Скрывались ли в ее ладони маленькие ножницы? Потом, когда они сделали свою работу, было нетрудно уронить их за диван или оставить на подоконнике. Но циркули?

Он никогда не встречался с Нелл до возвращения в Малый Брейкен, а инструменты пропали задолго до этого, уж точно до инсульта. Они никогда не были в ежедневном использовании, но хранились в специальном отделении ящика для инструментов вместе с циркулем, ножом фирмы «Стенли», верньером, раздвижным угольником, чертежным треугольником и несколькими другими, более мелкими, инструментами, необходимыми в его профессии. Однажды их просто не оказалось там, и Том полагал, что забыл их где-то. Молодой человек потом уговаривал себя, что рано или поздно они найдутся, но этого так и не произошло. До нынешнего момента.

Как? Почему? В этом не было смысла, тем более что Нелл Квик никогда не имела к ним доступа. Существовала единственно возможная связь между его лондонской мастерской и самим Брейкеном. *Хьюго*.

Том в смятении покачал головой.

Разумеется, нет. Однако старый друг посетил его за месяц или около того до инсульта. И именно вскоре после этого Том обнаружил пропажу циркулей.

Но почему? Нелл могла принимать всю эту колдовскую чепуху всерьез, но, разумеется, не Хьюго. В этом совсем не было смысла. И в любом случае что могла Нелл делать с этими личными предметами? Неужели она действительно верила в то, что сможет использовать против него какие-либо чары? А как же суккуб? И повинна ли и в инсульте магия?

В монстра оказалось труднее всего поверить, но молодой человек сам был свидетелем этому. И суккуб пытался украсть наиболее интимную часть Тома — его сперму. Была бы она добавлена к содержанию кубка? А сама идея о том, что друг всей жизни Хьюго Блит мог быть включен в какие бы то ни было грязные планы Нелл Квик, заставила Тома содрогнуться.

Тяжело ступая по узким ступенькам, Киндред спустился на первый этаж. Сердце билось неровно, кожа повлажнела от пота. Он должен уйти отсюда, покинуть красно-черную комнату, излучавшую зло. Ужас навалился на него вместе с усталостью. Молодой человек понимал, что мысль о Хьюго, ворующем у него, чтобы помочь этой женщине, стала своеобразным катализатором. Они были друзьями с детства и, несмотря на то что не часто виделись в более поздние годы, Том все равно считал их отношения по-прежнему дружескими. Если он ошибался, то по какой причине что-то могло измениться? Неужели Хьюго обнаружил, что они связаны узами крови, не важно, насколько близкими? Но если сэр Рассел настолько стыдился своего незаконнорожденного внука, то вряд ли Хьюго знал о связи между своим единокровным братом и Бетан, а также о ребенке, появившемся в результате этой связи? Приятель наверняка рассказал бы ему об этом еще в детстве. Сомнения, смущение, недоверие — все это вкупе с усталостью заставило Тома прохромать через кухню и выйти в заднюю дверь.

* * *

Он ехал в Малый Брейкен неровно, раз или два пришлось резко выворачивать руль, чтобы джип не съехал с дороги; нога иногда слишком сильно давила на педаль газа, причиной чему являлась слабость или отсутствие сосредоточенности. Проезжая мимо недавнего места происшествия, он увидел, что и трейлер, и зеленый «фольксваген» исчезли, только следы шин да обезображенный шрамами ствол дерева напоминали об аварии.

Наконец впереди показалась невысокая башенка Малого Брейкена. Измученный путешественник, кое-как припарковав джип на поляне, буквально вывалился наружу и побрел к двери. Едва ступив на порог, он прислонился к косяку и позвал Ригвита. Ответа не последовало.

Том задвинул оба засова и провел руками по лицу, затем осмотрел ладони, словно удивляясь их влажности. Кое-что еще удивило его. Он был голоден. Чертовски голоден! Ну разумеется, весь день ему было не доеды. Однако сейчас, невзирая на усталость, а также невероятное количество информации, которая обрушилась на него, невзирая на беспокойство о Кэти Бадд, на страх перед Нелл Квик, его ноющий желудок отчаянно требовал пищи! Приятно осознавать, что оставались хоть какие-то нормальные вещи. Вот он, благословенный холодильник!

* * *

Снаружи уже темнело, и Том зажег верхний свет. Тарелка и чашка нематыми валялись в раковине. Молодой человек все еще был одет в свободный свитер поверх футболки, поскольку в вечернем воздухе разливалась прохлада. Вернувшись за стол, он снова уставился в раскрытую книгу — ту самую, которую феи использовали как ворота в мир. Дойдя до середины, он ожидал, что удивительные существа вот-вот хлынут потоком с ее страниц. К его разочарованию, там не оказалось ничего, кроме символов и от руки написанных букв незнакомого языка. Том положил руки на пергаментные страницы, подобно спиритисту во время сеанса, глаза его закрылись, он представил себе появление фей. Бесполезно.

В конце концов он прекратил попытки и закрыл книгу, намереваясь как следует рассмотреть ее снаружи. Переплет был сделан из гладкой темной кожи, ее поверхность выглядела изношенной и поцарапанной. Внешне книга напоминала старинный альбом для вырезок, каковых внутри не оказалось — только иллюстрации и записи. Некоторые из них продолжались страница за страницей, в то время как другие напоминали стихотворный текст.

Как; правило, ни о какой аккуратности не могло быть и речи, поскольку пергамент испещряли пятна, царапины и кляксы от чернил или краски — или чем там еще пользуются духи? — скрывавшие буквы, а порой и целые слова.

Однако встречались и тексты чистой красоты, одна их каллиграфия наводила на мысль о вдохновенной прозе, в то время как другие записи делались микроскопическим почерком, с трудом различимым невооруженным глазом, даже если можно было бы понять язык.

И все-таки самыми удивительными были иллюстрации.

Иногда встречались просто грубые наброски, но даже они выглядели потрясающе красивыми, в то время как на других были прописаны мельчайшие детали, цвета поражали насыщенными красками. (Бог знает, как они были нанесены на страницы таким образом, что время оказалось бессильным.) Существа на картинках казались почти невероятными, если бы Том не видел их своими глазами. По крайней мере, прошлой ночью и днем он встречался со многими из них. Порой, переворачивая страницу, молодой человек улавливал взглядом лишь вспышку радужного света, очертания фигур терялись среди узоров, только мастерство художника как-то передавало невидимое присутствие. (Том должен был несколько раз моргнуть, глядя на картинки, и только тогда изображение становилось более-менее четким.) Как жаль, что непонятен смысл слов, сопровождавших многие из этих чудесных изображений, поскольку они, возможно, объясняли их истинную сущность! Но что-то подсказывало ему, что он еще не готов к подобным знаниям. Однако, невзирая на это, тот же инстинкт намекал, что однажды...

Встречались и другие, более простые и более распознаваемые, изображения созданий, с которыми Киндред уже познакомился, — эльфов, гоблинов, ундин, духов, фей. Многих он еще не видел ни разу — привидения, богарты, келпи, клоббисы и другие, — их названия, или большинство из них, были различимы среди по-прежнему непонятных слов.

Что касается других разделов, то молодой человек нашел много изображений растений, цветов, трав и грибов, явно служивших иллюстрацией к длинным записям, рассказывавшим об их свойствах и использовании.

Несколько глав были посвящены заклинаниям и зельям, с компонентами и рецептами (они легко различались по расположению), заговорам, приметам, ритуалам и даже предсказаниям. Поразительно, но чем больше Том концентрировался на записях, сделанных на пергаментных страницах, тем более знакомым казалось ему их значение, хотя смысл отдельных слов еще не открылся. Он вспомнил, как диалог с Ригвитом становился тем свободнее, чем дольше они разговаривали, и предположил, что книга, возможно, обладает таким же свойством, хотя «настройка» будет более сложной. Внезапно молодому человеку открывалось значение отдельных слов или частей предложений, напоминая отдельные части мозаики, благодаря которым можно составить представление о целой картине. Но все равно Том предполагал, что понадобятся годы, возможно десятилетия, чтобы полностью понять текст манускрипта.

Вновь и вновь он просматривал книгу, замечая, что стиль записей и иллюстраций варьировал от чудесного каллиграфического почерка с элегантными росчерками и завитушками до небрежно нацарапанных каракулей. Наверняка это и был тот самый бесконечный проект, о котором рассказывала Дженнет. Когда Киндред добрался до последних страниц, они оказались пустыми, лишенными каких-либо знаков, словно ожидали, чтобы их заполнили. Листая книгу назад, примерно на последних двадцати страницах Том обнаружил нечто знакомое в записях и нарисованных образах. Он видел подобный текст раньше, хотя не мог припомнить, чтобы когда-либо брал том в кожаном переплете с самой верхней полки книжного шкафа.

Да, вне всякого сомнения, и писателем, и художником, проявившим себя на этих «знакомых» страницах, была мать Тома. Теперь он вспомнил, что Бетан объясняла ему значение слов, смысл символов и эмблем, названия и особенности маленьких волшебных фигурок, которые она столь старательно вырисовывала. К его разочарованию, рассказы

утратили ясность, объяснения припоминались туманно, без деталей и сути. Это открытие одновременно восхищало и приводило в смятение.

Киндред рассматривал последние страницы необыкновенно тщательно, наслаждаясь не только сознанием того, что это работа его матери, но и их прелестью, красотой простых изображений, достоверностью сведений, которая была абсолютно очевидна. А затем он обнаружил маленький карандашный портрет мужчины, смутно напоминавшего сэра Рассела Блита, каким он был когда-то, пока горе и тяжелая болезнь не иссушили его, а также самого Тома.

Человек на портрете был изображен одетым в британскую военную форму. Под наброском Киндред прочел: Джонатан Блит.

Том замер, благоговейно рассматривая рисунок, и в нем поднималась огромная волна любви. Он никогда не видел своего отца, но верил, что любил бы его. Он знал это благодаря портрету и тому состраданию, которое читалось на лице мужчины. К тому же его мать могла полюбить только кого-то достойного, мужчину, чья душа была близка ее собственной.

Спустя некоторое время его веки отяжелели, плечи начали опускаться, голова казалась слишком тяжелой. Скоро его щека легла на страницы книги, и он уснул.

32

Завещание

В полумраке площадки первого этажа бледное лицо Хьюго выражало смесь смущения, восторга и разочарования.

— Это?.. — спросила Нелл возбужденным шепотом.

Дверца футляра старинных часов была распахнута, одинокая гиря и размеренно качавшийся маятник напоминали внутренние органы вскрытого тела. Как всегда, черные стрелки на украшенном гравировкой, потемневшем медном циферблате показывали неправильное время, но колесики и зубцы все еще поворачивались и пощелкивали, потому что Хартгроув настаивал на том, чтобы заводить часы гораздо чаще, чем раз в тридцать часов. На самом деле он делал это каждые одиннадцать часов, опасаясь, что механизм совсем перестанет работать, если пренебрегать заводом. Тусклый свет настенной лампы не мог рассеять мрак по всей длине коридора, и Хьюго использовал зажигалку, чтобы проникнуть в темноту футляра. Он почти закричал, увидев конверт, прикрепленный к его задней стенке. Дрожащими руками он извлек его, затем ногтем большого пальца подцепил запечатанный клапан.

— Это завещание, все в порядке, — сказал он, еще раз пробегая глазами содержание конверта, словно оно стало для него сюрпризом, а не подтверждением того, о чем они с Нелл уже знали.

— Говорила я тебе, что белена сработает, — Нелл изучала листок, заглядывая через плечо своего любовника. — Все, что потребовалось, это выбрать нужный момент, когда его силы сконцентрируются, и задать правильные вопросы.

Сердце женщины стремительно забилось, побуждаемое воспоминаниями: ослабевший старик начал бредить сразу после того, как ее средство подействовало. Итак, они нашли то, что искали с тех пор, как сэр Рассел промямлил что-то про новое завещание в своем вызванном наркотиками сне.

— Значит, почти все отходит к Киндреду, — сказала Нелл, словно поворачивая нож в ране.

Хьюго не ответил, но руки его продолжали дрожать.

— Дом, поместье — все, что по праву должно быть твоим! — Нелл словно выплюнула имя: — Том Киндред! И что он будет со всем этим делать? Разумеется, ничего. Он романтик. Даже если он последует нашему совету, мы... ты, Хьюго, ты не станешь частью этого.

Хьюго колебался, расстроенный.

— Может быть...

— Здесь нет «может быть»! — прошипела женщина, немедленно отменяя сомнения. — Ты будешь лишен наследства, выброшен прочь! Твой отец совсем не думает о тебе, и ты всегда знал об этом!

— Отец обеспечил мне некоторое денежное содержание, — слабо запротестовал Хьюго.

— Ничтожная сумма, глупец. В конце концов, ты его сын. А кто ему Киндред? Незаконнорожденный внук, который даже не знает об этом.

Она вырвала бумагу из рук Хьюго, оставив ему только конверт.

— Вот доказательство, и его легко уничтожить.

— Оно засвидетельствовано.

— Об этом тоже нетрудно позаботиться. Все можно рассчитать, поверь мне, Хьюго.

— Я верю тебе, Нелл.

— Ты должен быть сильным. Я помогу тебе. "Ты должен стать частью этого, Хьюго, — подумала она. — Твои руки должны быть такими же грязными, как мои, ты должен стать соучастником. Таким образом, ты не сможешь отвернуться от меня, когда все закончится. И тогда я смогу контролировать тебя, а потом, разумеется, наступит твоя очередь.

— Все будет в порядке, Нелл, я обещаю тебе. Это просто так, ну...

Ее голос зазвучал мягче, более убедительно. Женщина прекрасно знала, как управлять этим недоумком, который так сильно зависел от нее. Для нее не составит труда сломить его волю.

— Это нелегко для тебя, Хьюго. Я понимаю. В конце концов, он твой отец, твоя плоть и кровь. Но просто вспомни, как он обращался с тобой все эти годы. Он был тираном и мучителем во всем, что касалось тебя, упрекал тебя за те вещи, над которыми ты был не властен. Разве он когда-либо демонстрировал свою любовь или уважение?

— Возможно, когда я был ребенком...

— Возможно, возможно... Он всегда обращался с тобой плохо. И теперь предпочел того, кто родился не с той стороны одеяла. Чем Том Киндред заслужил уважение твоего отца? Он просто воспользовался тем, что твой отец отвернулся от тебя.

— Я не думаю, что Том хотя бы знает о новом завещании.

— Ты уверен?

— Ну, я...

— Пора поумнеть, Хьюго. Они действуют вместе, Киндред и старый слуга, Хартгроув, свидетель завещания. Кто еще, ты думаешь, спрятал его здесь? Сэр Рассел не покидал кровати. Нет, Скелет заодно с Киндредом. Вместе они попытаются лишить тебя всего, что принадлежит тебе по праву, неужели ты не понимаешь?

Надо разбудить в нем обиду на отца и друга... И, кажется, это сработало. Как всегда.

— Ты абсолютно права, Нелл. Я всегда был слишком доверчивым. Всегда старался видеть в людях только хорошее.

Она коротко рассмеялась. Какой глупец, какой легковверный идиот. Сэр Рассел абсолютно справедливо презирал своего сына. Тот был ленивым, самовлюбленным простофилей, слишком глупым и слишком доверчивым, чтобы удержаться на работе. К тому же за ним водились и другие грехи: азартные игры и пьянство, наркотики и дешевые шлюхи. Неудивительно, что отец презирал его.

Нелл придвинулась ближе к Хьюго, обхватив его толстую талию. Ее голос стал низким, заговорщическим.

— Слушай меня. Скоро все наладится. Мне необходимы препараты, для изготовления которых требуется время, но я буду готова к завтрашнему дню. Вернее, мы будем готовы.

Хьюго нервно ухмыльнулся, Боже, он нуждался в этой женщине, и не только в ее теле, не только в тех вещах, которые она проделывает с ним! Она стала его судьбой. Без нее у него никогда не хватило бы ни храбрости, ни воли отстоять то, что ему принадлежало. Хьюго вдыхал ее аромат, этот потрясающий мускусный запах, столь сильно его возбуждавший. Он вглядывался в эти глубокие темные глаза и чувствовал, что утопает в них. План насчет

Брейкена принадлежал ему, но она была движущей силой его исполнения. Хьюго вспомнил, как она разволновалась, когда он впервые упомянул о грандиозной идее, какой огонь вспыхнул в этих глазах. Ее страсть в ту ночь оставила его изможденным, но жаждущим большего.

— Ты увидишь вещи, которые никогда не считал возможными, — заговорила она, ее голос дрожал от предвкушения. — Это заставит сердце твоего отца остановиться. Но — никаких следов, нас ни в чем не смогут обвинить. Теперь у нас есть это, — женщина подняла вверх бумагу, — и нет необходимости поддерживать в нем жизнь. Забавно, не так ли, он мог умереть несколько месяцев назад, если бы не мои лекарства и уход. Доктора не смогли ничем помочь. Но он нам больше не нужен, Хьюго, его время пришло.

— Я не хочу, чтобы отец страдал слишком сильно, Нелл.

— Ха! А что, как ты думаешь, он испытывал весь этот последний год? Было бы милосерднее позволить ему умереть быстрее, но мы не могли этого допустить, пока все не узнали. И ты позволял ему страдать, Хьюго, ты позволял этому продолжаться, так что не начинай оплакивать его сейчас.

Она прижалась к нему бедрами — отвлекающий маневр, который всегда удавался. Сейчас Нелл думала о том, что следует удерживать Хьюго от слишком глубоких раздумий, не позволяя его воображению заходить слишком далеко. Например, мысль о том, что однажды, спустя годы, когда эта женщина станет его партнером и в браке, и в делах, он может испытать те же страдания, что и его отец, никогда не приходила ему в голову. Бедный тупой Хьюго...

Он ошибочно истолковал улыбку Нелл как проявление любви, ее руку у него на бедре — как желание.

— Мы должны избавиться от этого, — сказал Хьюго.

— Что?

— Нужно сжечь его. Завещание. Мы должны уничтожить его сейчас.

Ее улыбка превратилась в зловещую ухмылку.

— О нет, — Нелл мягко покачала головой. — О нет, я хочу, чтобы старый ублюдок увидел, как мы делаем это. Я думаю, ему следует знать, что гнилой план лишить тебя наследства, провалился. Я хочу, чтобы он узнал это, перед тем как его глаза закроются навсегда.

Хьюго молчал, вдыхая ее опьяняющий запах. Не меньше, чем эта женщина, его возбуждала также перспектива наконец завладеть Замком Брейкен и землями, с которыми он сможет делать все, что пожелает. Если бы только старикан умер не так, как планировала Нелл (что бы это ни было), если бы только он угас сам по себе...

— Хьюго!

Его внимание вновь обратилось на женщину.

— Сейчас уже не повернуть назад, — продолжала она. — Раз сэр Рассел уйдет с дороги, а завещание будет уничтожено, у Киндреда не останется ни одного шанса. И что бы ни случилось завтрашней ночью, это его вина. Он не должен был так поступать с тобой, Хьюго, не так ли?

Хьюго промямлил нечто невразумительное, что Нелл сочла согласием.

— Кроме того, — добавила она холодно, — он должен был умереть четыре месяца назад.

Хьюго внутренне содрогнулся и, не в первый раз, почувствовал сильный страх перед этой женщиной. Но и это тоже являлось частью ее очарования.

* * *

Нелл неслась вверх по лестнице. Насколько далеко он зашел? Что он увидел? Сперва спальня. Она остановилась на пороге, дико оглядываясь вокруг. Казалось, ничего не тронут, ничего не передвинуто. Однако чужое присутствие ощущалось так же ясно, как застоявшийся запах, след на песке, отпечатки пальцев на стекле. Женщина почувствовала его

в тот же момент, как вернулась домой.

Она никогда не оставляла открытой дверь в свою потайную комнату, поскольку так могла уйти часть ее силы. Кто бы ни сунул туда нос, он явно был достаточно обеспокоен, если покинул комнату второпях, забыв оставить дверь в том положении, в котором нашел ее.

В груди закипала ярость — к чему прикасался незваный гость? Она подошла к алтарю и наклонилась над голубым кубком. Глухой стон сорвался с ее губ: содержимое кубка исчезло, Том Киндред унес его с собой.

С яростным воплем она замолотила по воздуху сжатыми кулаками. Как он посмел?! Как он посмел проникнуть в ее дом, как решился на кражу?! Нелл знала, кто это был, всегда чувствуя подобные вещи, зная о любых отрицательных мыслях, направленных против нее.

Итак, он думает, что может сыграть с ней в игру? Взять верх над Нелл Квик? Что ж, бедняга, он не знает, как ее радуют подобные развлечения, особенно когда они могут закончиться ужасно для ее противника. И прежде чем пройдет эта ночь, Том Киндред узнает, насколько ужасно.

33

Проклятый сосуд

Что-то словно выхватило Тома из дремоты, и он поднял голову с раскрытой книги.

Осторожный стук в дверь.

Он поднял голову выше, плечи медленно распрямлялись.

Опять стук в дверь.

Том откинулся на спинку стула, глядя на дверь, словно мог проникнуть сквозь нее взглядом.

— Дженнет? — позвал он тихо, радостно. Почему она не воспользовалась звонком?

Сильный стук в дверь, так что дерево содрогнулось от удара.

Всерьез встревоженный, он подскочил на стуле, остатки сна слетели прочь.

— Дженнет? — крикнул он. — Ригвит? Это ты?

Молчание было единственным ответом.

Молодой человек оглянулся вокруг в поисках чего-нибудь пригодного для защиты, затем подошел к буфету и достал длинный разделочный нож. Теперь он ждал, устремив глаза на дверь, прислушиваясь к тишине ночи; спустя несколько долгих минут, запинаясь, но громко спросил:

— Есть там кто-нибудь?

Ответа не последовало. Почему, в конце концов, он должен кого-то бояться в своем собственном доме? «Потому что ужасные вещи случились с тобой здесь совсем недавно», — произнес внутренний голос. И это привело Тома в ярость. Малый Брейкен всегда был чудесным местом, домом, полным любви, окружавшей его в детстве, и убежищем для него сейчас. Никто не имеет права угрожать ему здесь.

Том решительно захромал к двери, бравада отвергала любые другие способы действия. Без колебаний он отодвинул оба засова, верхний и нижний (соображения безопасности заставили его ранее воспользоваться обоими), мягко повернул ключ, переложив нож так, что он оказался в правой руке, как кинжал, и широко распахнул дверь.

Звезды и почти полная луна светили достаточно ярко, освещая поляну вокруг коттеджа серебристо-серым светом. Снаружи никого не было, но что-то лежало на ступеньках.

Перед тем как поднять неизвестный предмет, молодой человек посмотрел в сторону деревьев, напоминавших сейчас просто темную массу. Лес, затаившись, молчал — довольно необычно, поскольку даже в эти поздние часы всегда слышались шорохи, листья и кусты шевелит ветерок или какое-нибудь бодрствующее существо, ухает сова или кричит ее жертва.

Окончательно убедившись, что никто не скрывается поблизости, Том принялся рассматривать неизвестный предмет. Это оказалась грязная стеклянная банка с жестяной закручивавшейся крышкой. Он опустил ее на корточки, желая рассмотреть ее поближе, затем

подвинулся так, чтобы не заслонять свет. Из-за грязи было трудно рассмотреть содержимое сосуда.

Киндред взял банку, оказавшуюся неожиданно легкой, и, поднявшись на ноги, в последний раз огляделся вокруг, закрыл переднюю дверь, запер ее на ключ и для большей безопасности задвинул засов. Затем, поставив неожиданный трофей на кухонный стол и опершись локтями о его край, молодой человек принялся изучать банку более внимательно.

Сначала он, лизнув палец, попытался стереть грязь, но без особого успеха, словно банка достаточно долго пролежала в земле. То, что ему удалось разглядеть, напоминало массу тонких волос. Том встал из-за стола, не сводя глаз со странного предмета, заинтригованный и испуганный одновременно. Могло случиться, что банку оставила Дженнет — или даже Ригвит? Но тогда почему они не передали ее лично? И куда девался эльф? Что это за хранитель коттеджа, таинственный страж, смотритель — как бы он ни называл себя, — которого нет на посту?

Наконец любопытство пересилило страх, и Киндред начал откручивать жестяную крышку. Неожиданно банка упала на бок и покатилась.

* * *

Они выливались наружу черным потоком, который затем распадался на отдельные особи — отвратительных, проворных пауков с волосатыми телами и похожими на нитки ногами. Очень скоро поверхность стола превратилась в одну шевелящуюся черную массу.

Не в первый раз за этот день молодой человек почувствовал тошноту. От взгляда на мерзких тварей волосы у него на голове зашевелились, а по спине побежали мурашки. Он отступал все дальше и дальше, пока не уперся в стену.

Пауки вытекали из стеклянного сосуда нескончаемым потоком, немедленно распространяясь, объединяясь в огромные скопления, которые уже не помещались на столе. Насекомые падали на стулья, затем на пол, чтобы направиться в сторону Тома, стоявшего в оцепенении, прижавшись спиной к стене в тщетной попытке проникнуть сквозь нее. Внезапно один из них отделился от шевелящейся массы на столе и приземлился ему на ноги. Машинально Киндред наступил на него, и молодому человеку почудилось, что он услышал вопль.

Это казалось невозможным, но новые и новые твари вылезали из банки, словно ее внутренность не подчинялась законам природы или физики, а была просто выходом из другого измерения, как книга, которую сейчас полностью покрывали пауки, — воротами в другой мир. В ночной тиши раздавалось слабое пощелкивание их ног по камню, и этот ужасный звук служил дополнением к ночному кошмару. Неправдоподобно проворная орда приближалась, и Том начал давить пауков обеими ногами, ботинки и отвороты джинсов скоро покрылись пятнами крови. Однако они продолжали наступать, не пытаясь уклониться от его ног, — настоящие камикадзе паучьего рода. Вдруг один из самых больших пауков, чье жирное тело и ноги покрывали колючие волоски, еще больше увеличивая его размеры, вспрыгнул Тому на колено и медленно, но решительно пополз вверх, его бегающие глазки шныряли туда и сюда.

Том не то чтобы завопил, но звук, который у него вырвался, был достаточно близок к этому. Быстро, не давая себе времени для размышлений, он стряхнул захватчика рукой, но даже мимолетного прикосновения к мохнатому телу оказалось достаточно, чтобы по телу пробежала волна дрожи. Нельзя сказать, что Киндред всегда боялся пауков или иных ползучих тварей, — хотя они всегда вызывали у него отвращение, — но такое количество насекомых, причем постоянно возрастающее, могло напугать любого мужчину или женщину. Он вновь прижался к стене, бессознательно поднявшись на цыпочки, словно высота могла каким-то образом изменить ситуацию.

Теперь молодой человек ощущал покалывание их твердых конечностей на своем теле. Он хлопал по себе ладонями, переступал с ноги на ногу, вскрикивая от испуга и отвращения.

Несчастный ощущал влагу их раздавленных тел, но, несмотря на отчаянный танец, все новые и новые особи забирались ему под джинсы, ползали под свитером. Пройдет совсем немного времени, и пауки начнут кусать и жалить его обнаженную плоть, их тела раздуются от его крови. Мысль об этом увеличила панику.

Черная волна продолжала наступление. К паукам присоединились сороконожки и сколопендры, ухвертки, мокрицы и жуки — насекомые вылезали из стеклянной банки, которая, казалось, никогда не опустеет. Орда распространялась по всей комнате, заполняя окружающее пространство, покрывая каждую поверхность.

Том бросился к двери на лестницу, давя по дороге крохотные тела. Он выскочил на площадку, со стуком захлопнув за собой дверь, и прислонился к ней, тяжело дыша, продолжая колотить по своему телу. В тусклом свете луны, лившемся сквозь окно на середине лестницы, молодой человек увидел широкую черную ленту, проникавшую через щель под дверью, подобно луже крови. Возможно, дверь и была крепкой, но ничто не могло предотвратить вторжение сквозь щели по краям и в полу.

— Ригвит! — закричал Том, теряя силы. — Помоги мне, помоги мнееее!

Но в ответ слышалось только тихое царапанье пауков, пытавшихся преодолеть дверь-барьер.

34

Акт величайшей храбрости

Увеличив свой рост, насколько это было возможно, чтобы ноги делали шаги подлиннее, Ригвит бежал через лес, продираясь сквозь кусты и перелезая через упавшие деревья, его маленькое сердце бухало в груди.

Он покинул Совет эльфов без всяких объяснений, провожаемый недоуменными взглядами остальных одиннадцати его членов. Даже не слыша ни звука, Ригвит внезапно осознал, что Том в ужасной, возможно, смертельной опасности, потому что безмолвный зов о помощи кинжалом вонзился в сердце эльфа. Каким бы важным ни было заседание Совета — дурные и злые дела начались поблизости, и следовало обсудить, где источник угрозы и какова его природа, — Ригвит не мог игнорировать отчаянные призывы Тома. Что-то ужасное случилось в Малом Брейкене, и долг эльфа был защищать и оборонять не только сам дом, но и его обитателя.

— Храбрисьхрабрись! — зывал он на бегу. — Скоробуду, скоробуду!

Он несся так стремительно, словно у него на лодыжках отросли крылья, и очень скоро впереди показалась освещенная луной полянка; свет в кухонном окне Малого Брейкена горел как маяк. Снаружи и на расстоянии казалось, что там все в порядке, но Ригвит не замедлил бега, потому что инстинктивно ощущал присутствие злых сил, и это чувство заставляло его торопиться.

Не замедляя бега, эльф нырнул в нору, скрытую густой листвой. Теперь он двигался на четвереньках, царапаясь о старые древесные корни, осыпая в спешке землю с потолка и стен туннеля. Хотя потайной ход, чьи размеры были достаточны для самого крупного барсука, изгибался и поворачивал, чтобы избежать случайных преград в виде скал и толстых корней, его общее направление было достаточно верным. Ближе к основанию коттеджа лаз стал гораздо уже, потому что эту его часть проделал сам эльф. Для Ригвита это не являлось проблемой — он просто становился все меньше и меньше и к концу пути был не крупнее, чем мышь-полевка.

Эльф вылез через дыру в полу, находившуюся под ванной, и выпрямился. С того момента, как он вошел в туннель, прошло не больше минуты.

* * *

Том понял: еще немного — и он может потерять сознание. Его левая рука и нога

налились свинцовой тяжестью, мешая подниматься по винтовой лестнице, пришлось волочить ногу, как тяжелую ношу. Он попытался взбираться вверх как раньше, прыгая через две ступеньки, но с трудом удержался на ногах. Пауки тем временем заполняли нижнюю лестничную площадку, просачиваясь повсюду сквозь щели, словно черное масло; треск и шорох, который они издавали при движении, звучал как язык, известный только этим тварям.

Левая нога подогнулась, а при попытке опереться, ухватившись за столб лестницы, он обнаружил, что может поднять руку только на несколько дюймов. Боль, почти парализуя, ударила по голове словно молот, и, даже падая, Том успел предположить худшее.

«Не сейчас, — взмолился он. — Господи, только не сейчас!»

Именно так он чувствовал себя, когда случился удар, хотя головная боль настигла его за сутки до инсульта, за рулем машины. Почувствовав легкое щекотание крошечных иглообразных лапок на правой ноге, единственной конечности, которая сейчас ощущалась, Том почти судорожно поднял ногу и, как безумный, стал хлопать по ней правой ладонью, давя пауков на собственной коже, убивая и тех, кто заполз на джинсы, и тех, кто сумел проскользнуть под них.

— Сволочи! — закричал он. — Ублюдки!

В бледном лунном свете несчастный увидел, что по другой ноге тоже ползли пауки, некоторые из них уже добрались до колена. Они единой массой переливались через нижнюю ступеньку подобно темному потоку, — и ничто, а также никто не мог удержать их армию, численность которой была бесконечна, а движение невозможно остановить. Они потоком хлынули вперед, покрывая своими телами весь путь, легко преодолевая любое препятствие.

Том с трудом стал подниматься вверх, опираясь о ступеньки руками, как ребенок, только начавший ходить. Черные пятна стали появляться на его коленях и свитере; что-то попало на лицо, и он быстро смахнул это, боясь даже взглянуть на стену перед собой. Слепящая боль в голове слегка ослабла — или, по меньшей мере, адреналин приглушил ее, — и сила понемногу стала возвращаться к руке и ноге. Молодой человек потащился вверх чуть быстрее, своей неуклюжей позой походя на существ, которые преследовали его.

Пауки уже покрывали каждый дюйм пространства на полу, а еще сотни находились на закругленной стене и на опорном лестничном столбе напротив. Это был густой движущийся поток длинных ног и крошечных тел; Том ощущал на себе взгляды тысяч и тысяч крохотных жадных глаз, наблюдавших за каждым его движением, нетерпеливо стремившихся поглотить его, готовых бросить вызов природе и превратиться в людоедов.

Плечи Тома были уже почти на уровне верхней ступеньки перед площадкой, куда выходила дверь спальни, когда каблук его ботинка соскользнул с края ступеньки, и он съехал вниз навстречу надвигающейся лавине. Киндред издал короткий вскрик — сейчас он соскользнет с лестницы прямо в самую гущу пауков, но ему как-то удалось остановиться. Тем не менее пауки стали взбираться по ногам, карабкаясь по спинам друг друга, и как только Том сбрасывал одних, другие тотчас занимали их место. В несколько секунд они уже добрались до его талии. Грудь молодого человека тяжело вздымалась, руки были скользкими от раздавленных пауков. Он пытался повернуться на бок, желая выпрямиться, но поскользнулся опять, съехав по ступенькам, покрытым паучьей жидкостью, еще ниже, чем раньше, затем оперся одной рукой — левой, больной — о нижнюю ступеньку, чтобы остановиться. Том пролежал здесь всего пару секунд, пытаясь вновь набраться сил и восстановить равновесие.

Над звуком его собственного неровного дыхания и неосознанных стонов, над объединенным тихим, но яростным шелестом пауков (музыкальный фон ночного кошмара) раздался скрип открываемой двери. Даже в своем ужасном состоянии Том осознал, что это не может быть кухонная дверь, потому что и она, и передняя дверь на хорошо смазанных петлях открывались и закрывались практически бесшумно. Он ничего не видел из-за поворота лестницы, но звук должен быть вызван кем-то или чем-то, открывавшим чулан или дверь ванной. О Господи, что еще? Какой новый ужас ожидает его?

Он услышал легкие шаги, тихое потрескивание тел в хрупких панцирях, похожее на

хруст ботинок по снегу или, может быть, на звук босых ног, давящих виноградины. Звуки, усиливаясь из-за акустики винтовой лестницы и покатых стен, смешались в голове.

По ступеням карабкалась маленькая фигурка, казалось, она на ходу меняла рост, но вовсе не потому, что преодолевала ступени. Она действительно становилась выше.

Том понял, что это Ригвит, еще до того, как эльф заговорил с ним, несмотря на то что пауки и многоножки, ухвертки и другие насекомые, забравшись на крошечное тельце, покрыли его, как плащом, так что молодой человек видел лишь черную фигурку в лунном свете, лившемся через высокое окно.

— Не бойся Том!

Голос эльфа звучал спокойно, утешающе.

— Не бойся, Том, — повторил Ригвит, продолжая подниматься. Пауки набились ему в рот, и он, повернув голову, выплюнул их так же спокойно, как будто это были яблочные семечки. — Остановись и не пытайся убежать от них. Они не могут по-настоящему навредить тебе, по крайней мере твоему телу.

— Ты с ума сошел? — Киндред откинулся назад, чувствуя паучьи лапки на коже живота, груди, рук — от бедер вниз джинсы были черны от пауков. Он опять поскользнулся, ударившись локтем. — Помоги мне!

— Я помогу, обещаю тебе. — Покрытый пауками эльф был уже почти рядом. — Но ты должен слушаться меня...

— Заставь их уйти!

Том тяжело рухнул на ступеньку, парализованный шоком, как кролик, застывший в свете фар, как газель, замершая при виде крадущейся львицы. Силы оставили его. Но Ригвит уже добрался вверх достаточно высоко, чтобы склониться к уху Тома.

— Ты должен проявить храбрость, — твердо сказал эльф без малейшего колебания в голосе, что, однако, не исключало серьезной необходимости срочно действовать.

— Ригвит, заставь их уйти! Воспользуйся своей магией!

Эльф потряс его за плечо:

— Только ты можешь сделать это. Они посланы тебе, только тебе. Быстро скажи мне, как они оказались здесь. Они были в запечатанном сосуде?

Ригвит продолжал трясти его за плечо, но теперь более яростно. Том почувствовал, как что-то поползло у него по спине, и его неудержимо затрясло. В отчаянии он посмотрел на эльфа.

— О Боже...

Вряд ли хоть дюйм эльфа был на виду, все его тело, включая голову и плечи, было покрыто темной шевелящейся массой. Том закрыл голову руками, но Ригвит не оставлял его в покое.

— Ты — единственный, кто может заставить их уйти отсюда. Заклятье было наложено на тебя, и только ты можешь его разрушить. Чувствуешь их щипки, Том? Ты чувствуешь, что они кусают и жалят?

Прежде чем молодой человек ответил, — а он собирался сказать «да», — Ригвит перебил его:

— Нет, ты не чувствуешь. Ты ничего не чувствуешь. Будь честен с самим собой. Ну, ты ощущаешь что-нибудь, кроме их присутствия?

Том заколебался. Он хотел закричать, хотел сказать элфу, что да, конечно, он чертовски отчетливо ощущает их укусы, но не смог. Он чувствовал их тошнотворные тела и лапки на своей коже, но боли не было, не было и сильных царапин — ничего, что могло бы принести ему реальный вред. Удивленный, неуверенный, он посмотрел вниз.

Это было ошибкой.

Луна снаружи давала достаточно света, и Киндред увидел, что половина его тела затянута паутиной, тонкой сетью, над которой продолжали работать пауки; итак, они довольно скоро сошьют вокруг него тугой кокон из серебряных нитей, оплетут паутиной и его лицо, закрыв ему глаза и запечатав рот. Тогда его сердце остановится — просто от ужаса.

— Том, Том, ты слишком долго раздумываешь, — настаивал Ригвит, слегка повысив голос, как будто испугавшись, что может проиграть эту битву. — Посмотри, посмотри сюда, они же просто ничего не значат.

Взяв с шеи Киндред особенно большого паука, эльф раздавил его в своем крошечном кулачке.

— Видишь? Они не могут ранить тебя. Освободись от своего страха и атакуй их.

На самом деле еще больший страх оживил Тома — страх медленного удушения в плотном коконе. Он стал лягаться, и хотя левая нога была отнюдь не так проворна, как правая, но паутина рвалась легко. Усевшись на ступеньку, чтобы облегчить себе задачу, Киндред принялся бить по телу ладонями и кулаками, а потом смахивать черные тела, освобождаясь от пауков и прочих их ползучих соратников.

— Вот и молодец! — поощрил Ригвит. — Ты же видишь, ничего в них особенного нет. Если бы не их вид, пауки бы тебе даже нравились.

Даже если Том и расслышал эти слова, вряд ли он оценил юмор эльфа, так как был слишком занят разрушением кокона. Близкий к полному изнеможению, он стал действовать медленнее, более неуклюже. «Только бы добраться до спальни, заткнуть щели под дверью простынями!» — думал Том, хотя смутно догадывался, что пауки все равно будут преследовать его, мерзкие насекомые найдут другие трещины и щели, неумолимые в своем преследовании. Он повернулся, встав на одно колено, но Ригвит вцепился в него мертвой хваткой.

— Убегать бесполезно.

Том попытался стряхнуть его, но руки эльфа оказались на удивление сильными и цепкими.

— Существует только один способ победить их, Том, так что ты должен сказать мне, как они сюда попали. В коробке?

Том с ужасом оглянулся через плечо, прежде чем посмотреть на Ригвита.

— В банке! — выпалил он. — Они были в банке!

— А! А где сейчас банка, парень?

— Я не... В кухне! Она в кухне!

— Значит, тебе придется спуститься вниз.

— Ты что, черт побери, совсем спятил?

— Самую малость. Но ты уже спрашивал меня об этом.

Небрежность его тона, однако, совершенно не успокоила Тома. Эльф улыбнулся, думая, что это могло бы помочь, но какой-то жук влетел прямо ему в рот. Как и раньше, Ригвит хладнокровно выплюнул его и продолжал убеждать Тома:

— Мы пойдем вместе, но именно ты должен взять банку и выбросить ее прочь.

— Я не могу спуститься вниз! — Том услышал истерические нотки в собственном голосе, и ему стало стыдно. Он снова попытался сдвинуться с места. Ригвит вцепился в его свитер, затем запрыгнул вверх на две ступеньки, чтобы оказаться ближе к лицу Тома.

— Пожалуйста, послушай меня. Они не могут причинить тебе вред, если ты сам не позволишь им. Очень скоро ты начнешь чувствовать их щипки и укусы, но это только потому, что твой собственный ум позволяет тебе это делать, и потому, что ты этого ожидаешь. Тебе придется побороть не только их, но и свои собственные мысли. Пойдем, Том, пойдем со мной сейчас. Я буду с тобой все время.

Том ощутил, как маленькая ручка взяла его за пальцы и слегка потянула. Как будто во сне, он позволил потащить себя, поднимаясь на дрожащие ноги.

— Закрой глаза, если так тебе будет легче, — посоветовал Ригвит.

— Ты что, спятил?!

Ступеньки внизу выглядели так, как будто они покрыты пузырящимся маслом. Свободной рукой Киндред дотянулся до центрального столба и тут же быстро отдернул ее, когда дерево зашевелилось и маленькие тела на длинных ногах запрыгнули на руку. На покато́й стене слева от него пауков было меньше, но из-за этого наблюдать за их быстрым

бегом было еще страшнее.

— Я не могу это сделать! — закричал он, сбрасывая пауков с руки. Молодой человек хотел повернуть назад, но Ригвит, вытянувшись вверх всем телом, вновь ухватил его за пальцы.

— Ты сможешь, и ты сделаешь это. Не останавливайся и думай о чем-нибудь приятном.

У Тома не было ни малейшего настроения предаваться каким-либо размышлениям, но он сумел сравнить себя с этим маленьким человечком, который вцепился в его руку, как малыш держится за руку отца. Если уж эльф не боится пауков, то почему он, взрослый мужчина, должен трепетать перед ними? Однако логика не срабатывала. Том почувствовал, как паника опять растет в нем, целый вулкан паники, только и ждущий извержения. Как будто читая его мысли, Ригвит пробормотал несколько утешительных слов и закончил так:

— На счет «три» беги, как ветер, в кухню! Раз...

Киндред помчался вниз, молясь о том, чтобы не поскользнуться и не упасть во вспучившуюся массу, и ни на секунду не задумываясь, почему последние слова эльфа заставили его предпринять этот бросок. Возможно, где-то в глубине души он понимал, что другого выхода нет. От насекомых не скроешься ни в спальне, ни на крыше.

Внизу, на маленькой площадке, где находились двери в ванную, кладовку и кухню, слой насекомых, казалось, достигал нескольких дюймов. Это выглядело одновременно и ужасающе, и тошнотворно, и молодой человек постарался не задерживаться там — впрочем, на это просто не было времени. Схватившись за ручку кухонной двери, Том сильно толкнул ее, удивляясь, что не чувствует сопротивления, почему-то ожидая, что множество пауков с другой стороны помешают открыть ее. Свет (слишком яркий по сравнению с лунным) от лампы на потолке кухни сначала ослепил его, но глаза быстро привыкли — и едва не выскочили из орбит от зрелища, которое предстало перед ним.

* * *

Они были повсюду. Мерзкие твари покрывали пол, потолок, стены, окна, любую поверхность. Они даже взобрались на люстру наверху, избегая только саму лампочку, явно слишком горячую для них. Раковина, краны, стулья, безделушки, камин, кухонный стол, каждый предмет мебели и кухонной утвари — все кишело ими. Казалось, что комната и все предметы в ней украшены живым, движущимся орнаментом.

И несмотря на это, пауки все продолжали вылезать из открытого горла банки, разбегались в разные стороны, самые проворные особи забирались на спины более медлительных, крупные отталкивали мелких, пробиваясь к выходу, некоторые падали с потолка, как первые тяжелые капли дождя перед ливнем, или висели на невидимых нитях, как циркачи на трапециях, раскачиваясь на легком ветерке, которым потянуло от открытой кухонной двери.

Том согнулся пополам, из горла его вырвался сухой звук, похожий на тот, что издает собака, перед тем как ее стошнит, слюна потекла по подбородку.

— Двигайся! — услышал он позади команду Ригвита. — Ты не должен останавливаться ни на минуту! — Маленькие ручки подтолкнули его в икры.

Когда Тому удалось наконец выпрямиться, первым его инстинктивным желанием стало выскочить в переднюю дверь, находящуюся в нескольких футах от него, и бежать, бежать без оглядки в лес, куда-нибудь туда, где они его не догонят. Но эльф догадался о его намерениях.

— Даже не думай об этом, парень! — завопил Ригвит. — Ты никогда не сможешь вернуться, если не сделаешь то, что я скажу! Теперь возьми банку, она на столе. Возьми ее и вышвырни в дверь как можно дальше. Сделай это немедленно!

Том застонал. Перевернутая банка была покрыта пауками, равно как и книга рядом с ней, да и весь кухонный стол, включая ножки!

— Я не могу! — взвыл он. — Я не могу это сделать!

— Конечно можешь. И помни, они не в состоянии причинить тебе боль.

— Значит, они — просто иллюзия?

— Этого я не говорил. Но поверь мне, Том, они не смогут навредить тебе, если ты сам им не позволишь. Сосредоточься только на банке. Старайся не думать ни о чем другом.

Что-то упало Тому на голову, и когда он поднял руку, чтобы смести это, то нащупал нечто гораздо более массивное, чем ожидал. Он шумно втянул в себя воздух и сбросил паука, ероша волосы обеими руками, а затем затопал ногами, как ребенок, впавший в истерику. Том увидел, как серое тело и толстые ноги паука рухнули в шевелящуюся массу, пока он исполнял свой произвольный боевой танец. Действовать!

Страх скрылся под толстым слоем смятения и брезгливости. Забыв, что левая нога и рука не в порядке (под объединенным воздействием чудесной силы паники и адреналина), он бросился к столу, безумно размахивая руками перед собой; поскользнувшись, чуть не упал, но, к счастью, сумел сохранить и равновесие, и скорость.

Между дверью и столом расстояние было невелико, но Тому казалось, что их разделяет не меньше ста миль, — жесточайшая пытка, испытание для самого храброго мужчины. Он моментально достиг стола — потребовалось каких-то сто лет, не больше, — и замер, руки его потянулись схватить проклятый сосуд, но ум оказался не готов к этому действию. Пауки скользили и расползались по стеклянной банке, сама банка была только входом или выходом в бесконечный туннель, через который исчадия ада выползали на свет.

Он чувствовал, что эти существа опять падают ему на голову, почти такие же легкие, как снежинки, пока он рассматривал перевернутую банку, но сейчас он слишком сосредоточился, чтобы смахивать их. Тупые иголки царапали кожу головы. Вниз по щеке что-то пробежало.

— Бери ее!

Не только раздраженный крик Ригвита прозвучал в комнате, этот же приказ раздался у Тома в голове. Словно загипнотизированный, он оглянулся и увидел маленькую конструкцию, сложившуюся из кишачих черных и коричневых тел и тысяч движущихся нитей, в форме его маленького друга Ригвита. Только раскосые глазки, которые моргали и смахивали пауков, и шевелящиеся губы свидетельствовали, что эльф еще жив под слоем насекомых.

— Выброси ее, сделай это сейчас, пока еще не слишком поздно! — Слова были только слегка искажены.

Снова побуждаемый к действию, Том наклонился вперед, стряхнул столько пауков, сколько смог, затем схватил грязную стеклянную банку за ободок. Пауки — сотни подлых, ненавистных существ — продолжали вылезать из банки, но он не обращал на них внимания — да и с какой стати? В комнате их были миллионы... Держа банку перед собой, точно от нее исходил дурной запах, молодой человек бросился к передней двери. Было трудно пробираться сквозь кучи (судя по тому, как тонули в них легкие ботинки, там находился уже не один слой) ползущих тел, и к множеству почти подавленных страхов прибавился новый. Что, если он рухнет на этот отвратительный ковер? Тогда какие у него шансы? Они моментально обовьют его своей паутиной, спеленают так, что он не сможет двигаться... Том заставил себя отбросить подобные мысли, приструнил разыгравшееся воображение. Не так-то это просто...

Киндред подошел к двери, зажав стеклянную банку в изгибе локтя. (Он вновь и вновь содрогался, пока это не перешло в постоянную дрожь, потому что пауки по-прежнему вылезали из горла банки, падали на пол или ползли вверх по его руке.) Затем повернул ключ, схватился за ручку и толкнул дверь. Черт, он же закрыл верхний и нижний засовы!

Несчастный взвыл от разочарования, и немедленно два, три — Господи, кажется, целая толпа! — может быть, четыре паука заползли ему в рот. С омерзением, почти рыдая, он выплюнул их, но не небрежно и хладнокровно, как Ригвит, а конвульсивно отхаркиваясь, — кроме одного, который застрял между языком и зубами. Ощувив во рту какую-то жижу, Киндред подавился, сейчас больше всего ему хотелось вызвать рвоту, но в любом случае времени на это не было.

Том нащупал засов под шевелящимся слоем, закрыл глаза (он почувствовал как бы капли дождя на веках — капли дождя? — хотел бы он, чтобы это оказалось так!) и отдернул засов. Дверь чуть подалась внутрь, верх был свободен. Не тратя зря времени и отказываясь верить, что все его тело теперь покрыто кишачными пауками, — принятие этого факта означало верный путь к безумию, кроме того, на это опять не хватало времени, — Том опустил на колени и схватился за то, что, как он надеялся, являлось концом нижнего засова. Его хватка сокрушила маленькие тела, и он потянул так сильно, что стержень засова выскочил из своего гнезда. Дверь сдвинулась на какие-то миллиметры, но теперь она была свободна.

Что-то защекотало в ухе Тома и рискнуло полезть дальше. Том засунул палец внутрь и раздавил это, затем выцарапал ногтем. Было тяжело — о Господи, как же чертовски тяжело это было! — сохранять ум в состоянии оцепенения, но Том понимал, что другого выхода нет, он должен дойти до конца.

Он встал и одним движением распахнул дверь — и до чего же здорово оказалось вдыхать теплый летний воздух, видеть ярчайшие из звезд, даже несмотря на то, что приходится смаргивать раздражающий мусор! Как хорошо просто видеть и ощущать внешний мир, реальность вместо кошмарного сна. Но с ним еще не было покончено.

Жжение на спине. Укус в шею. Крошечные клешни, впившиеся в руку. Они становились реальностью! Они ухитрились из иллюзии перейти в настоящий мир, несмотря на все то, о чем говорил ему Ригвит. Том осознал, что чем дольше продолжалось вторжение, тем больше ослабевала его вера в нормальный мир, так что реальность съежилась, под конец уступив место нереальному. Молодой человек ощущал боль, и, если он быстро с этим не справится, она станет сильнее, чем можно вынести. Перехватив банку в другую руку, в правую, и игнорируя пауков, жуков и Бог знает что еще, что лезло из отверстия, Киндред отвел руку назад и швырнул прочь омерзительный сосуд.

Стеклянная банка описала правильную дугу, выбрасывая по дороге тела, как реактивный самолет — инверсионный след, и приземлилась где-то на опушке леса. Чувствуя, что все силы и решимость оставили его, Том тяжело оперся о дверную раму, наблюдая за насекомыми, которые торопливо покидали коттедж, образовав шевелящийся поток, который втягивало обратно в грязную стеклянную банку.

35

Перед бурей

Том, вздрогнув, проснулся, и всеобъемлющая паника чуть не захватила его снова. Лихорадочно обшарив глазами комнату, он убедился, что в спальне никого нет и уже наступил день. Комод, придвинутый к двери, напомнил ему о событиях предыдущей ночи.

Когда мерзкие твари убрались, он обессиленно рухнул на пороге. Том не имел понятия, сколько пролежал там, но очнулся от мягких добрых слов эльфа, который, держа перед ним стакан с какой-то жидкостью, просил его выпить. Едва пересохшие губы коснулись сладковатого напитка, как зелье, попав внутрь, отправилось путешествовать по венам, артериям и даже дыхательным путям, достигая каждой части организма, от пальцев ног до кончиков ногтей на руках.

— Оно поможет тебе заснуть, — кажется, сказал ему Ригвит.

Путь от крыльца до своей постели он мог восстановить в памяти только частично, например как запирает дверь на ключ и на засовы, хотя эльф уверял, что на сегодняшнюю ночь все опасности закончились. Еще он помнил, как мучительно долго на четвереньках поднимался в спальню, а Ригвит ободрял его. Но с этого момента наступал провал. Он не помнил, как придвигал комод к двери, как, полностью одетый, свалился в постель. Том посмотрел на свои босые ноги и предположил, что это Ригвит стянул с него ботинки и накрыл его простыней. К счастью, сон поглотил несчастного целиком, без всяких сновидений.

Том встал с кровати, все его тело одеревенело, но левая рука и нога оказались более подвижными, чем он ожидал. Молодой человек покрутил локтем в воздухе, расслабляя мышцы левой руки, затем несколько раз поднял левое колено к груди, наклоняясь вперед. Движения выходили неуклюжими и слегка болезненными, но во всем остальном он чувствовал себя прекрасно. Оглядывая свою одежду, Киндред заметил маленькие темные пятнышки — кровь и раздавленные тела врагов; кроме того, его свитер был порван в нескольких местах. Не возникло ни малейшего желания поднимать свитер и рассматривать кожу под ним.

Вместо этого он подошел к окну. День был сырым, просторное одеяло светлых облаков закрывало солнце и рассеивало его сияние. В лесу царила тишина, и, сколько Том ни прислушивался, ни один птичий крик не донесся до его ушей.

С некоторым страхом молодой человек вышел на площадку лестницы и взглянул вниз, ожидая увидеть убитых пауков, — и конечно, зрелище потрясло его, поскольку он все же надеялся не обнаружить их здесь, считая всех пауков плодом своего воображения, просто иллюзией, посланной в коттедж ведьмой Нелл Квик. И разве Ригвит не сказал, что они не могут причинить ему вред, имея в виду, что пауки реальны только в его сознании? Том был сбит с толку. Он видел их, ощущал их снующие лапы на собственной коже, но они не кусали и не жалили его. По крайней мере, почти до самого конца... Наверное, именно заверение Ригвита, что они не причинят ему реального вреда, как-то уменьшило их возможности. Если бы эльф не явился вовремя, кто знает, как бы воспринял это его собственный ум?

Том осторожно пошел вниз по лестнице, стараясь не наступать босыми ногами на пятна и крохотные тела с загнутыми лапками, и с опаской открыл дверь в кухню. Там было то же самое: никаких живых существ, но повсюду — настоящее кладбище пауков, чью зловещую мрачность никак не умалял дневной свет.

Рядом с лежащей на столе книгой — теперь, как он заметил, закрытой — стоял кувшин, содержавший тот самый напиток, который так нравился ему раньше; по крайней мере, Том полагал, что тот же самый. Молодой человек позвал эльфа, но ответа не получил. Наверное, Ригвит хоть и является хранителем коттеджа, но на самом деле не живет в нем, а приходит и уходит когда вздумается.

Чувствуя свою вину (конечно, следовало бы вспомнить об этом раньше), Киндред попытался позвонить в больницу в Шрусберри, куда увезли Кэти Бадд, но из мобильного доносился только треск акустических помех. Он решил позже съездить в город и навеститься в больницу. Затем Том выпил напиток прямо из кувшина и почти мгновенно ощутил ту же реакцию, что и в первый раз: внезапную отчаянную страсть к жизни; его ум очистился от всего неприятного, силы вернулись. С вновь приобретенным энтузиазмом молодой человек вымел из коттеджа раздавленные трупы; содрал с себя грязную одежду, засунул ее в большой помойный бак, располагавшийся в задней части дома, затем долго лежал в горячей ванне, скреб кожу щеткой, опять отмокал, пока вода не остыла. Вытершись, он осознал, что страшно голоден, и, быстро надев темно-синюю рубашку с короткими рукавами, джинсы и мягкие черные высокие ботинки, соорудил себе огромный завтрак из бекона, сосисок, яичницы и помидоров. Прикончив оставшийся в кувшине сок и вытерев губы салфеткой, Том решил, что теперь может сразиться с целым миром.

Однако на целый день это чувство сохранить не удалось.

* * *

Он звал ее, но не получил ответа.

Том бродил по лесу в поисках Дженнет, но девушки нигде не было видно. Не встретил он и других фей, а также животных, которые раньше попадались ему в больших количествах. Леса казались пустыми, бесплодными, лишенными жизни, если не считать самой растительности.

Так хотелось утешиться в ее объятиях, услышать от нее объяснения происходящему.

Возвращение в Брейкен превратилось в настоящий кошмар, события последней недели начали давить на него и умственно, и физически. Какое бы облегчение он ни получил от напитка, его действие уже стало проходить, соответственно уменьшались силы и энтузиазм. Но это было не единственной причиной, по которой Том хотел бы увидеть Дженнет.

Молодой человек понимал, что любит ее. Он думал о своей фее, о ее очаровании — и только этот образ преобладал над всем остальным. Если бы не Дженнет, Том, возможно, с легкостью упаковал бы сумки, забрался в джип и уехал из Брейкена навсегда. Хотя... Возможно, он остался бы до кончины сэра Рассела. Уж это он обязан сделать для человека, которому стольким обязан.

Сэр Рассел — человек старых правил, чьи устоявшиеся взгляды и традиционные ценности не позволяли счесть приемлемым рождение ребенка вне брака. Его можно было воспринимать как некий обломок прошлого, часть той эпохи, которая вовсе не являлась такой уж благочестивой; но в любом случае он — дед Тома по отцу, и только это в конце концов имело значение. Несмотря на его неприятие, Том не сомневался, что Бетан и, возможно, даже его отец — Джонатан, сын сэра Рассела, — хотели бы, чтобы он находился здесь, когда смерть к старику подошла так близко.

Ну и, разумеется, ему любопытно было узнать, какую игру затеяли Нелл Квик и Хьюго.

* * *

Он продолжал искать, его сердце наполнялось страхом, когда эхо от его зова затихало вдали и оставалась только тишина. В подлеске не чувствовалось никакого движения, ни один листок не шелхнулся, обозначая присутствие животного; даже бабочки не порхали вокруг высоких цветов, птицы не сидели на ветвях или верхушках деревьев.

Наконец, добравшись до берега озера, он сложил руки у рта и крикнул:

— Дже-нне-еет!

По воде разбежались круги от рыбы, и зеркальная поверхность вновь успокоилась.

Он позвал опять:

— Дженне-е-е-ет!

Снова, в отчаянии:

— Дженнет!

Ведь она не бросила его? Не сейчас, когда он так в ней нуждается. Молодой человек сел, опустив подбородок на колени, обхватив руками лодыжки. Его трясло от холода, несмотря на летний день. И еще — он ощущал одиночество.

36 Буря

Том вернулся в коттедж и остаток дня предавался грустным размышлениям, задавая себе вопросы, на которые, похоже, не было ответов, обдумывая свои отношения с Дженнет, беспокоясь из-за ее сегодняшнего неожиданного отсутствия. Он думал и о Хьюго тоже, о своем так называемом друге всей жизни. Неужели он действительно вступил во что-то вроде коварного сговора с Нелл Квик? И если это так, то почему? С какой целью? Эти вопросы сбивали с толку и утомляли, наконец Том пошел наверх и, одетый, улегся на кровать; его разум пребывал в смятении — не спятил ли он в конце концов? Феи, эльфы, ведьмы, магические зелья? Может, он все-таки сходит с ума? Однако молодой человек размышлял над этим недолго, скоро его веки опустились, тело расслабилось. Последняя мысль, посетившая его перед сном, была о том, что позже он съездит в больницу узнать, как там Кэти...

* * *

Разбудил Тома отдаленный раскат грома. Глаза его сразу открылись — никакого

колебания, никакого медленного всплывания из глубин сна, просто внезапное ощущение абсолютного бодрствования. Он удивился, обнаружив, что в комнате темно, и быстро включил лампу у кровати, чтобы поглядеть на часы. Без четверти десять! Ч-черт! Он же собирался поехать в Шрусберри! Теперь надо будет искать телефон-автомат и звонить или ехать туда, где его мобильник не будут заглушать помехи.

Том встал с постели и подошел к окну. Конечно, было поздно, но откуда все же такая темень? Над лесом нависли тяжелые тучи, но они не казались грозowymi. Даже дождя не было. Звук отдаленного грома раздался опять.

Подгоняемый любопытством, Том вышел из спальни и поднялся по лестнице на крышу. Как только он вышел из дверей, налетел сильный порыв ветра, взъерошив волосы и раздувая одежду. Маленькая фигурка — Ригвит — сидела на парапете, глядя вдаль, в направлении леса. Том подошел к нему.

— Где ты был весь день? — спросил он, обращаясь к профилю эльфа; в его голосе почти слышалась мольба.

Ригвит продолжал смотреть вдаль. Он казался расстроенным, и даже в сумеречном свете Том разглядел горестное выражение его лица.

— Сегодня в лесу многие собирались на Совет. Волшебный народ собирался обсудить, что нужно делать.

— Я пытался найти Дженнет.

— Ундины спрятались, точнее, ушли под воду. Они очень напутаны. — Он повернул свое маленькое личико к Тому. — Как и мы все, — добавил он мрачным тоном.

Том покачал головой.

— Я не понимаю. Что происходит, Ригвит, что случилось?

— Это все ведьма. Она высвободила силы, которых не понимает и которыми не может управлять.

— Нелл Квик?

Ригвит кивнул:

— Глупая тщеславная женщина в эту ночь может натворить много бед. Волшебный народ пытается найти способы обуздать силы зла, но боюсь, что уже слишком поздно. Я думаю, все, что мы можем сделать, — это спрятаться, пока *это* не закончится.

Ригвит содрогнулся, и Том сжал его узкое плечо.

— Почему слишком поздно? — спросил Том; ветер становился все сильнее, так что его слова как будто уносило прочь.

Эльф опять отвернулся от него и кивнул на горизонт.

— Смотри, — сказал он, стуча зубами.

* * *

Порыв ветра ударил в тот момент, когда Том распахнул дверь, толкнув его, как огромная рука Шквал быстро заставил его уйти с крыши и бегом спуститься вниз по лестнице; ветер явно перешел в штормовой.

Наклонившись вперед и защищая глаза сгибом руки, Том выбежал из коттеджа, не расслышав крика Ригвита сзади.

— Книгу! Ты должен взять с собой книгу! Это твоя единственная надежда!

Понимая, что пешком он доберется быстрее, Том выскочил на дорожку, которая должна была привести его в замок Брейкен; ветер развевал волосы и одежду, листья летели в лицо, ветви клонились под усиливавшейся мощью урагана. Пока он бежал, зрелище, увиденное с крыши, оставалось неподвижной картинкой в его мозгу.

Узкая полоска желто-белого света от спрятавшегося солнца резким контрастом обрамляла темно-серые облака, и на этом фоне четко вырисовывались холмы на горизонте. Но прямо над Заком Брейкен висели мрачные черные тучи, их клубившиеся края озарялись изнутри вспышками молний. Пока он смотрел, зигзаг молнии, пронизав воздух, коснулся

самой крыши Замка. Это производило зловещее впечатление, потому что казалось, что Большой Дом выбран преднамеренно, темные облака нависали над ним, словно зловещее предзнаменование. Именно это зрелище и жуткое ощущение надвигавшегося несчастья и бросили Тома вниз по ступенькам, а затем через лес.

Он бежал под завывание ветра, который с каждой минутой становился все сильнее, сгибая уже не только ветви, но и молодые деревца, хватая его за лицо холодными пальцами, словно пытаясь ослепить. Воздух из легких вырывался сухими резкими толчками, и хотя левая нога пока вела себя прилично, Том знал, что скоро опять начнет хромать.

Ветви хлестали с обеих сторон тропинки, будто пытаясь задержать, их шелест напоминал сердитые голоса. Ветер, казалось, сошел с ума и дул со всех направлений: то в лицо, замедляя передвижение, в следующую секунду, подгоняя, бил в спину или, клубясь вокруг него, создавал ощущение смерча. В воздухе висела влага — отдельные капли дождя все время падали на Тома, — но ливень, к счастью, не начинался. Ему надо было успеть в Замок до дождя, ведь дорожка быстро станет скользкой, а открытое поле, которое следовало пересечь, превратится в трясиину.

Неожиданно Том, споткнувшись обо что-то, растянулся во весь рост. Он покатился по земле, смягчая этим удар, но все-таки сильно ушиб плечо; оглянувшись, молодой человек обнаружил вьющийся стебель, лежащий поперек тропинки, как хитроумно уложенная проволока. Он быстро поднялся на ноги и опять двинулся вперед, постепенно переходя на бег.

Время от времени весь лес освещался отдаленной молнией, а медленный раскат грома, следовавший за ней, становился с каждым разом все громче. В отсветах вспышек лес казался призрачно-одинаковым, состоявшим из серых, глубоких и резких теней, ветви деревьев вздымались вверх, как руки в испуге. Том никогда еще не видел такой грозы, а леса — таким враждебным, таким угрожающим. Он всегда считал этот лес своим владением, своим домом, но сегодня вечером чувствовал себя здесь чужаком, к тому же напуганным тем, что могло произойти. Хорошо, что дорога была ему известна.

По-прежнему полный решимости добраться в Замок Брейкен как можно скорее, Киндред уже начал уставать. И все-таки его не оставляло страшное чувство, что его зовут: голос в голове кричал, предупреждая об опасности, и одновременно вынуждал идти.

Что-то опять вцепилось Тому в лодыжку, на этот раз он тяжело грохнулся на землю, и только вытянутые вперед руки спасли от серьезного повреждения. Однако, попытавшись встать, молодой человек ощутил, что хватка не ослабла, и вскрикнул от ужаса, увидев грязную руку, торчавшую из-под земли; короткие костлявые пальцы обхватили его ногу. Другая рука появилась около лица, резко возникнув из треснувшей почвы, как на пружине; грязь отлетала от ее тощих пальцев, когда они скрючились в воздухе. Молодой человек выдернул ногу и лягнул растопыренные пальцы. Ладонь не убралась, а из земли уже лезла макушка маленькой, лысой, грязной башки. Обесцвеченные, полные ненависти глаза, редко видевшие солнце, сморгнули грязь, затем появился злобно оскаленный рот, выплевывающий землю. Том опознал в нем одно из коричневых злобных созданий, обитавших в подземном мире у озера. Тварь тоже получила хороший пинок башмаком, но продолжала вылезать наружу: за длинной худой шеей появились такие же тощие плечи.

Вспышка молнии осветила эту картину, которая вполне могла быть кадром из старого черно-белого фильма ужасов: вокруг стали появляться руки и плечи — «мертвецы восстанут из могил». Ну до чего банально, подумал Том, опять пуская в ход башмак.

Лицо, ухмылявшееся рядом с ним, просто напрашивалось на хорошую оплеуху, и он должным образом отреагировал, на этот раз для пущего эффекта используя кулак. Голова твари откинулась назад, но, к его раздражению, гнусная усмешка по-прежнему кривила и без того мерзкую рожу. Наверное, оттого, что ему уже встречались эти подземные обитатели, он не так испугался — или слишком спешил добраться до Замка, чтобы успеть ощутить ужас.

Киндред подтянул ноги, собираясь встать, две руки, выскочив из земли, рванули его вниз, и он с глухим стуком ударился лицом о землю, глаза заволокло белой пеленой. Узловатые пальцы крепко обхватили его голову и шею, причем давление было слишком

сильным, чтобы вырваться. Ощущая вкус земли, в которую стало погружаться его лицо, Том мысленно выругал себя за то, что недооценил этих обитателей грязи.

Он начал задыхаться и ощутил, как что-то снизу поднималось ему навстречу. Шок заставил отдернуть голову, руки с обеих сторон поднялись вместе с ним. Лицо, которое возникло из-под земли, со злобными бледными глазками и скрежещущими, забитыми грязью зубами, удовлетворенно ухмылялось, словно тварь знала, что с ним все кончено и выхода для него нет. Множество рук, обхвативших его ноги, предплечья, спину и плечи, возобновили свои усилия, таща его вниз, приветствуя его появление в их темном мире, стремясь уволочь в свой дом.

И это каким-то образом разъярило Киндреда. У него было чем заняться, имелись более неотложные дела, чем зря торчать тут. С яростью, которая могла устроить любых других, не настолько тупых, существ, он дернул головой, ударив монстра в то, что являлось жалкой заменой носа, — выпиравший хрящ с двумя узкими овальными дырами. Том надеялся, что от этого движения тварь ощутила не меньшую боль, чем он сам, и даже испытал мимолетное удовольствие, когда увидел муку, вспыхнувшую в бледных глазах. Он принялся лупить по рукам на своем теле так, что костлявые пальцы с заостренными ногтями — чтобы удобнее было копать? — разжались. Молодой человек рывком поднялся на ноги и, наступив на чью-то макушку, сильно надавил — голова скрылась вновь, но достаточно медленно, дав возможность как следует оттолкнуться и использовать ее как стартовую площадку, чтобы продолжить бег.

Не обращая внимания на подземных обитателей, которые вылезали по обе стороны тропинки, как снятые замедленной съемкой причудливые игрушки на пружине, и перепрыгивая через появлявшихся перед ним, Том помчался по лесу и вскоре оставил их позади. Ему казалось, что он слышал за своей спиной разочарованные вопли, но из-за воя ветра трудно было сказать наверняка. Том ощутил возбуждение, уровень адреналина явно поднялся благодаря короткой схватке, из которой он вышел победителем; его подгоняли мысли об опасности, нависшей над сэром Расселом. И эта опасность — он знал это наверняка — не была воображаемой.

Упали отдельные крупные капли дождя, и тут же громыхавшие тучи пролили весь свой груз. Внезапный ливень немедленно промочил Тома насквозь, и хотя это до некоторой степени освежило его, вода обрушилась на голову и плечи тяжелым грузом, заставив согнуться, сделав бег более неуклюжим. Кроме того, за считанные минуты тропинка стала скользкой, так что Том не один раз поскользнулся, удержавшись на ногах только по счастливой случайности, а вовсе не благодаря своей ловкости.

В темноте ночи, под проливным дождем лес, который всегда был домом для Тома, детской площадкой для игр, превратился в нечто враждебное. Ветки хлестали по лицу и телу, словно в наказание, а земля под ногами, испещренная рытвинами, стремилась повалить его. Огромный дуб, подобно привидению, неясно вырисовывался впереди, пытаясь перекрыть дорогу (молодой человек уже не был уверен, что дуб всегда находился здесь, — возможно, он обманным путем переместился), его огромные нижние сучья выглядели величественно-зловещими. Том резко остановился, судорожно глотая воздух. В неясном свете он увидел жуткие образы, выступавшие из дубовой коры: фигуры и лица, не похожие ни на людей, ни на животных, напоминавшие чудовищ и демонов, которые посещают человека в его кошмарах.

Почти человеческая голова с уродливо-вывернутым лицом на теле слизняка повернулась посмотреть на его приближение; тварь с изогнутыми рожками и черными глазами гадюки высунула раздвоенный язык из безгубого рта, направив его на Тома; женская фигура со слишком большим количеством грудей и прядями волос, как у Горгоны, похабно улыбнулась ему и провоцирующим движением выдвинула вперед бедра Получеловек (нижней части тела не было — возможно, она скрывалась в стволе дерева) с глубокими дырами вместо глаз и рта оглядывался вокруг, как бы желая увидеть, кто приближается. Были и другие, покрытые грубой корой тела, изогнутые, скрюченные фигуры, переплетенные друг

с другом, как будто принимали участие в какой-то неспешной оргии.

Киндред, тяжело дыша, согнувшись и вытянув перед собой руку, так как свет молнии угас, начал медленно обходить дуб. Он вовсе не собирался приближаться к этому мерзкому старому дереву, приюту отвратительных и жутковатых паразитов, утопленных в его коре, даже если для этого приходилось сойти с тропинки. Не раздумывая, молодой человек нырнул налево, в подлесок, опасаясь, что один из больших сучьев может легко вытянуться, чтобы зацепить его и втянуть в толпу монстров. Оказавшись в кустарнике, он быстро потерял чувство направления, лес внезапно превратился в незнакомую территорию. Том побрел на ощупь, чертыхаясь, закусив нижнюю губу, и наконец повернул сперва в одну сторону, затем, в отчаянии, в другую, принялся кружить, совершенно сбитый с толку. Где найти что-нибудь знакомое, по которому можно сориентироваться? Но вокруг — полная тьма, раскачивающиеся деревья и взбаламученные небеса.

Только когда следующая молния осветила пейзаж, он смог достаточно отчетливо увидеть знакомый с детства длинный расщепленный ствол дерева, в который давным-давно попала молния. Он стоял совершенно прямо, а острая верхушка вызывающе нацелилась прямо в тучи. Том быстро прикинул где находится и устремился в нужном направлении.

Ему пришлось пробиваться до дерева-указателя через кусты ежевики и другой колючий подлесок, разрывая одежду и царапая руки. Молодой человек уже начал хромать, а левая рука онемела, тем не менее у него не осталось времени беспокоиться об этом; как только он опять нашел тропинку, то поспешно двинулся вперед, ощущая облегчение: теперь направление известно.

Вскоре — правда, после еще нескольких падений, ударов о ветви и туманных видений, ни одно из которых, к счастью, не дало себя рассмотреть как следует, — он оказался на опушке леса, перед большим полем. Том с благодарностью упал на колени, плечи его сгорбились, он большими глотками втягивал сырой воздух. Дождь хлестал еще сильнее, чем в лесу, и все же ледяные струи охлаждали и освежали.

С глубоким вздохом Киндред опять поднялся на ноги и побежал по заросшей травой земле — после леса это казалось отдыхом, ни ветви, ни кусты, ни уродливые твари не останавливали его, ничто здесь не мешало его продвижению — кроме грязной земли и травяных змей. Возможно, он даже не заметил бы их в траве, если бы не растянулся среди них, споткнувшись о невидимую скользкую рытвину в земле.

Том упал на четвереньки, и змеи немедленно обвилились вокруг его запястий, подобно слоистым браслетам; он почувствовал, как другие обмотались вокруг лодыжек. Эти твари не представляли опасности, просто внушали отвращение, и он содрал их, вставая, затем ухватил за хвосты тех, что оплели ноги, размотал и отшвырнул как можно дальше.

Ему вспомнилась та противная штука, которую он проделал с Хьюго много лет назад, когда они были мальчишками, в качестве мести за то, что приятель выключил свет и закрыл его в подвале. Они играли на этом поле, и Том исподтишка сунул травяную змею (в отличие от Хьюго он знал, что она безвредна) за воротник рубашки друга Хьюго визжал безостановочно, и Том, быстро задрав на нем рубашку, избавил его от змеи. Однако оказалось слишком поздно: мальчик впал во что-то вроде транса, его без конца била дрожь. Тогда сэр Рассел поднял ужасный шум, Киндреду было навсегда запрещено играть с приятелем. Так что месть вышла не очень сладкой...

Том, слегка пошатываясь, побрел вперед, задавая себе вопрос, что еще попытается помешать ему на пути к цели. Наконец он достиг калитки на дальней стороне поля и некоторое время стоял, привалившись к ней, чтобы не упасть. Теперь Киндред снова находился под деревьями, но тропинка стала гораздо шире, превратившись почти в аллею, что заканчивалась у моста через реку.

Близость к Замку, казалось, до некоторой степени восстановила силы, хотя он все еще хромал и скорее ковылял, чем бежал, а левая рука неуклюже висела, нарушая равновесие. Ветер, похоже, стал дуть еще сильнее сквозь туннель, образованный деревьями, сплетавшимися над головой, но, по крайней мере, молодой человек был защищен от ливня.

Капли дождя все-таки проскальзывали сквозь полог из листьев, но они шлепались на голову и плечи с гораздо меньшей силой и единством. Мост был уже близко, и Том стал смаргивать воду с глаз, засомневавшись в правдивости зрелища, открывшегося перед ним.

Вода с обеих сторон перехлестывала через низкие каменные перила, волны, соединяясь с дождем, образовали одну огромную, покрытую рябью лужу вдоль всей длины моста. Однако напугало Тома то, что эти волны походили на водяные руки, готовые схватить любого дурака, рискнувшего ступить на мост. Что ж, опять надо проходить как сквозь строй.

Против чего он воюет? Какие силы вызвала Нелл Квик, чтобы осуществить свой подлый замысел? Все это было до безумия неправдоподобно — все, что случилось с ним в последнюю неделю, — однако такова была реальность, это происходило на самом деле! Дождевая вода слетела с волос, когда молодой человек яростно потряс головой, то ли чтобы прояснилось в голове, то ли чтобы опровергнуть собственное безумие — он и сам не знал наверняка. Почувствовав, как в нем растет ярость, Киндред позволил ей завладеть собой, понимая, что это к лучшему, так он перестает быть жертвой. Ярость была тем волшебством, которое должно помочь ему пройти это испытание, ярость стала еще более реальной, чем все, с чем он до сих пор сталкивался. С хриплым криком Том взбежал на мост.

Водяные валы обладали неожиданной силой, и они набросились на него, швыряя из стороны в сторону, огромные бушующие башни высоко вздымались над головой, падая оттуда свинцовым потоком, чуть не заставив упасть на колени. С каждым воплем в рот попадала вода, как кляп, от которого он давился, сплевывая ее, набирая воздуха, чтобы снова крикнуть. Его сопротивление, его гнев были не бесцельны, он знал это. Каким-то образом это создавало равновесие. Человек против... стихии? Нет, разумный человек против неизвестных и иррациональных сил, которым не было места в мире, где он жил.

Том опять заорал, но эффект оказался несколько испорчен огромным потоком воды, который заставил его сплевывать и задыхаться, борясь за глоток воздуха. Тем не менее, он продвигался вперед, глаза жгло, он сгорбился, как старик, и шаги его выглядели скорее широкими, чем длинными, словно он шел по палубе океанского лайнера в бурном море. Дважды Том падал на одно колено, и каждый раз река под мостом, казалось, возобновляла свои попытки, насылая все более сильные волны, как будто хотела смыть его с моста. И ей это почти удалось.

Внезапная огромная стена воды заставила его потерять равновесие и, закрутив, ударила о перила, верхняя часть тела согнулась над каменной балюстрадой, так что он смотрел прямо в разъяренную реку внизу. На секунду Тому показалось, что он видит фигуры и лица, образованные бурлящей пеной, — отвратительные существа явились полюбоваться его мучениями. Пока он глядел, огромная струя взвихренной воды взлетела вверх, навстречу ему. Том понял, что его сейчас смоет, и изо всех сил вцепился в перила, понимая, что если он упадет в этот пенный водоворот, то у него не останется никаких шансов — он тут же утонет.

Киндред намертво прилип к каменной кладке, скрючившись, по колено в воде, согнувшись так, что перила представляли хотя бы минимальную защиту от взбесившейся стихии. На четвереньках, дюйм за дюймом, он продвигался вперед, ударяемый все новыми и новыми волнами; но их мощь убывала по мере приближения к концу моста, словно вода обладала разумом, который осознал, что она проиграла битву. В последней попытке река поднялась с обеих сторон одновременно, надеясь смыть бросившего ей вызов. Волны кипели яростью и разочарованием (по крайней мере, такая картина возникла в разгоряченном мозгу Тома), так что ему пришлось распластаться, прижаться к мосту; захлебываясь водой, он от души желал, чтобы его тело стало тяжелее. А затем вода начала мелеть, вытекая сквозь сточные отверстия, проделанные по всей длине моста.

Том с усилием набирал в легкие пропитанный влагой воздух. В этот момент он знал, что победил, и, казалось, река тоже поняла это: вода схлынула с моста, волны больше не перехлестывали через перила.

Все еще задыхаясь, Том с трудом поднялся на ноги и побрел через лужи, не останавливаясь, пока вновь не оказался на грязной дороге, что вела в Замок Брей-кен. Он

чувствовал себя измотанным, левая половина тела ощущалась мертвым весом, ношей, которую приходилось тащить. Что он сможет сделать, чтобы победить Нелл Квик вместе со всеми странными силами, которыми она обладает? В таком состоянии он даже с Хьюго не мог бы справиться.

Так хотелось упасть на пропитанную дождем землю и заснуть несмотря на грозу! Но что-то удерживало его на ногах, наполняя безмолвным одобрением. Прислушавшись к себе, он осознал, что это его собственная решимость приказывает ему не сдаваться, гнев побуждает идти вперед и сделать все, что в его силах, как бы малы они ни были, для своего деда. Том, спотыкаясь, брел по тропе, бормоча, что должен поскорее попасть в Замок, пока еще не слишком поздно. Он расстроит эту игру. Или — тут молодой человек остановился, но не больше чем на секунду — умрет в попытке сделать это. С этого момента Том перестал тратить силы на разговор с самим собой, сосредоточившись только на ходьбе. И, к собственному удивлению, вскоре обнаружил, что стоит в начале пологого подъема к Замку Брейкен — темному и зловещему на фоне фиолетового ночного неба. Место, предназначенное для того, чтобы творить там зло.

Зигзаг молнии расщепил воздух и, казалось, ударил в здание. Несколько огней, что горели в окнах, тут же мигнули и погасли. Чудовищный раскат грома, одновременный с молнией, но продолжавшийся гораздо дольше, заставил Тома съежиться и закричать словно от боли.

37

Возвращение в подвал

К тому времени, как Том дотащился до истертых каменных ступеней перед дверью в Замок Брейкен, потоки дождя иссякли, а ветер, хоть и по-прежнему трепавший его волосы и одежду, явно стал ослабевать. Время от времени появлялась луна, освещающая странным металлическим светом огромные черные тучи над Замком Брейкен. Другие грозовые облака бросились прочь от этой низкой темной гряды.

Промокший и измученный настолько, что все тело дрожало, Том надавил всей ладонью на латунную кнопку, затем прислушался: звонка не было. Молния. Конечно. Все пробки вылетели. Разочарованный, Том дернул за ручку двери, но дверь не поддавалась. Он стал дубасить по ней кулаком, но изнутри не слышалось никакого шума. На самом деле Замок вообще не подавал никаких признаков жизни.

Отступив назад, Том приложил ко рту правую руку и позвал Хартгроува, но ветер еще был достаточно силен, чтобы отнести звук в сторону. И вообще, зачем звать слугу, спросил себя Том. Скелет наверняка участвует в заговоре Нелл Квик и Хьюго. Как иначе они могли добиться успеха? Слуга всегда под рукой, всегда поблизости от сэра Рассела. Если, как подозревал Том, Нелл давала яд сэру Расселу в течение некоторого времени, чтобы избежать подозрений, которые могли быть вызваны внезапной смертью его деда — Господи, уж она-то знала, как это сделать с помощью зелий и отваров! — вряд ли Скелет мог не знать этого. Возможно, он сейчас находился наверху, возле умирающего, чтобы помочь ведьме закончить ее дело.

Том захромал вниз по ступенькам. Как попасть в дом? Разбить окно? Такое решение напрашивалось само собой. Но погодите, есть ведь еще один вход, хотя, зная про него, никогда ни он, ни Хьюго не пользовались им... Задравшись еще сильнее, неохотно, но решительно, Том отправился в обход Замка.

* * *

Первоначально это был угольный люк, хотя и достаточно большой, чтобы доставить через него котельное оборудование или что-нибудь еще, относившееся к подвальным системам жизнеобеспечения. Пятифутовая двойная дверь в бетонной раме располагалась под

углом, словно опиралась на здание. Детями Том и Хьюго бывало открывали одну половину и заглядывали в темноту, причем Хьюго обычно подначивал приятеля залезть внутрь, но мальчик ни разу не поддался. Киндред вспомнил тот, последний, раз, когда он оказался в подвале, играя в прятки. С тех пор ему много раз снилось, что он снова слышит приближающиеся шаги.

Тогда двери не запирались, и Том не видел причины, почему бы им оказаться запертыми теперь. Сделав глубокий вдох, он запустил пальцы в расщелину в середине и потянул. Тяжелая дверь отворилась с громким скрипом.

Луна, все еще продолжавшая свою утомительную игру в прятки, решила в этот момент показаться вновь, осветив землю холодным светом. Молодому человеку от этого не стало легче, поскольку яма, в которую он собрался спуститься, по контрасту с пейзажем наверху выглядела еще чернее. Он пожалел, что не сообразил захватить с собой фонарик, но кто же мог предположить, что путешествие закончится в темноте? Том немного постоял, держась за дверь, набираясь мужества, перед тем как шагнуть внутрь. Еще один зигзаг молнии, прямо над домом, снова залил все белой вспышкой, и ее оказалось достаточно, чтобы осветить подвал через дверь. В глубине он сумел разглядеть гору угля, которая шла почти от самого верха, и, больше не колеблясь, отпустил дверь, переступил бетонное основание люка и соскользнул вниз по предательски осыпавшемуся склону.

Киндред пытался контролировать свой спуск, но ногам было не на что опереться, и он врезался в перегородку, которая удерживала кучу угля внизу. Приземление произошло в полной темноте, потому что молния уже отсверкала, а луна вновь спряталась за отдаленную тучу. Попытавшись восстановить дыхание, Том закашлялся, втянув в себя угольную пыль. Господи, до чего же здесь темно! Тьма казалась почти осязаемой: если сунуть в нее палец, наверняка можно ощутить, как она подается, обтекая руку словно чернильный сироп. Он лежал, упершись одним плечом в деревянную перегородку, и снова десятилетний мальчик как будто бы прятался от друга, но на самом деле — от тяжелых шагов, которые приближались по коридору к подвальному помещению, становясь все тяжелее...

...Только это были шаркающие шаги, башмаки явно цеплялись за пол, и, словно много лет назад, вместе со звуком приближался свет.

Сердце, казалось, замерло, затем стало биться вновь, так громко, что он забеспокоился, не услышит ли его стук неумолимо приближавшийся человек. Том прижался виском к перегородке и внутренне застонал, когда дерево скрипнуло, — звук этот прозвучал как выстрел в стылую холодную котельную. Внезапно ему на память пришли слова матери: «Слушайся своего внутреннего голоса, уйди в это потайное место, куда никто не сможет зайти. Черпай оттуда силу». Это почти сработало. Но когда шаркающие шаги остановились у входа в котельную и послышалось тяжелое неровное дыхание, так захотелось закричать, выпустить наружу свой ужас, освободив от него тело и заставив его эхом отражаться от стен; он намеревался броситься вперед, не прячась больше, но обнаружил, что не обладает этим видом дурацкого мужества. Он не трус, но и не идиот.

Но даже когда Киндред скорчился в тени, куча угля, с которой он соскользнул, не осталась неподвижной. Стоило одному угольку шелохнуться, и другие устремились за ним маленькой лавиной. Звук не был громким, но Тому он показался просто настоящим камнепадом.

Куски угля с шумом оседали вокруг него, и когда он вслушался — очень напряженно, — то больше не расслышал жуткого прерывистого дыхания. Затем до него донесся длинный вдох, такой же прерывистый, как и раньше, и шарканье ног по бетонному полу по направлению к нему.

Сцена разыгрывалась почти так же, как раньше, но это отнюдь не вызывало скуки. Все казалось чертовски новым и пугающим, чтобы сходство как-то притупило восприятие. Том съежился, ощущая себя все тем же ребенком, который пытается стать меньше, а шаркающие шаги по другую сторону перегородки, приближаясь, звучали все громче и громче. Потолок в паутине осветился оранжевым. Снова раздался скрип перегородки, кто-то опирался на нее,

возникло ощущение чьего-то присутствия, глаз, устремленных на него. Киндред сильнее вжался в кучу угля за ним, его пальцы схватили хороший, увесистый кусок. Он больше не был ребенком. Теперь он — мужчина, которого невозможно испугать кем-то невидимым, кто в любом случае был всего лишь человеком, потому что ходил (шаркал) и дышал (прерывисто), как это делают люди. Том зажал в кулаке кусок угля и приготовился к прыжку и удару.

Однако сначала он поглядел вверх — и увидел то же самое, что и семнадцать лет назад, так что на короткий момент безумия он снова ощутил себя ребенком. Длинное мертвенно-бледное лицо. Безжизненные глаза, залитые светом свечи. Кошмар, мучивший его все эти годы. Единственная разница в том, что и он и Скелет стали старше; Скелет просто жутко состарился.

Голова откинулась назад, и Том услышал, как Хартгроув рухнул на пол по другую сторону тонкой перегородки. С трудом поднявшись на ноги и потревожив уголь, который обрушился, заполняя то место, где он только что находился, Том, хромя, обошел перегородку и опустился на колени у неподвижного тела. Свеча валялась рядом на грязном полу, и маленький огонек еще был жив, освещая скорчившуюся фигуру старого худого слуги. Он слабо застонал, когда Том дотронулся до его шеи между подбородком и ухом, чтобы нащупать пульс.

Сухая, холодная, пергаментная кожа была отвратительна на ощупь, но молодой человек не отнимал руку, сам не понимая, почему вдруг так обеспокоился состоянием Хартгроува. Он всегда боялся его и даже сейчас, став старше и — предположительно, хотя и не обязательно — мудрее, все еще относился к нему с опаской.

Пульс казался слабым, но тихий стон и внезапный прерывистый вдох сообщили Тому, что слуга жив. Подсунув руки под худые плечи Скелета, он стал осторожно поднимать его, уперев верхнюю часть туловища в перегородку. Затем он потянулся за свечой и поднес ее ближе к лицу старика.

— Что с вами случилось? — тихо спросил Том.

Раненый человек попытался говорить, но слов слышно не было. Том настаивал:

— Руки-ноги целы? Как вам кажется, у вас ничто не сломано?

В ответ только бессвязное бормотание, ничего больше.

— Позвольте я отведу вас наверх. Надо вызвать врача.

— Нет... — пробормотал Скелет.

— Вам нужно...

— Нет времени.

Пытаясь задержать Тома, рука старика заметно окрепла.

— Я думаю, вы ранены. Вам нужен врач. — Том приготовился поднять старого слугу, надеясь, что у него хватит сил тащить его наверх по лестнице. Несмотря на то что раненого не следовало перемещать, пока его повреждения не будут точно определены, Тому не нравилась мысль оставить Хартгроува здесь, внизу, в сыром грязном подвале.

Но Скелет опять запротестовал:

— Нет времени. Вы должны помочь... — его дыхание снова прервалось, и слова угасли на губах.

— Кто это сделал с вами? — спросил Том в отчаянной тревоге за человека, которого он никогда не любил и всегда боялся.

— Она... она сделала Они... оба... сделали, — услышал он невнятный ответ.

— Нелл Квик и Хьюго?

Хартгроув кивнул, наверное это ему было сделать легче, чем говорить.

— Где они сейчас? С сэром Расселом?

Еще один медленный кивок.

— Вы должны помочь...

— Я помогу. Я подниму вас наверх. Я вызову «скорую помощь».

Рука, сжимавшая руку Тома, разжалась, вцепившись в его влажную рубашку.

— Нет. Вы должны... вы должны помочь сэру Расселу.

— Он в опасности? — слуга еще раз кивнул.

— Они сбросили меня с лестницы, — его голос окреп от гнева, — они хотели убрать меня с дороги, пока... пока... — Хартгроув застонал и попытался коснуться синяков на лице, но его рука бессильно упала.

— Вы ведь узнаете меня? Это я, Том, Том Киндред.

— Я знаю... вас.

— Вы не могли бы рассказать мне, что все это значит? Почему Нелл Квик и Хьюго ранили вас и что они теперь собираются сделать с сэром Расселом?

— Сбросили... меня... со ступенек... в подвал.

— Я понимаю, понимаю. Но почему? Пожалуйста, постарайтесь объяснить мне, почему это случилось.

— Я спрятал от них завещание. Завещание сэра Рассела. Он оставил... оставил все... вам.

Том застыл, не уверенный, что правильно расслышал.

— Но ведь наверняка после смерти сэра Рассела все должно отойти к Хьюго?

Скелет помотал головой из стороны в сторону, и это усилие оказалось слишком большим для него. Казалось, он потерял сознание.

— Хартгроув? Вы меня слышите? — Том осторожно похлопал слугу по щеке.

Веки раненого затрепетали, приоткрылись. Он несколько секунд молча смотрел на Тома, затем, казалось, собрал все силы.

— Хьюго... плохой... сын. Он причинял страдания... своему отцу... много раз. Обманывал его, позорил его. А сейчас... — Безгубый рот растянулся то ли в улыбке, то ли в насмешке. — А сейчас он хочет продать поместье Брейкен предпринимателям. Вы понимаете, какого рода предпринимателям?

Он начал кашлять, и на губах появилась розоватая слюна. Том подумал, что у него могут быть внутренние повреждения: может быть, сломанное ребро проткнуло легкое.

— Не пытайтесь говорить, — предупредил он слугу. — Оставайтесь здесь, пока я приведу помощь. — Теперь он знал, что Скелету станет хуже, если тащить его вверх по лестнице.

Но когда кашель прекратился, Хартгроув продолжал, словно стремясь сообщить как можно больше информации, пока не будет уже слишком поздно.

— Предпринимателям. Вам ясно каким? Вы не можете... догадаться?

Том покачал головой и добавил:

— Понятия не имею, — на тот случай, если у Хартгроува сейчас лучше со слухом, чем со зрением.

— Они... они специалисты... как они называются? Но вы же знаете, Том, верно?

Древний загородный дом, окруженный многими акрами прекрасной земли, лес, река и озеро. Нелл и Хьюго могли додуматься только до одного — открыть Замок Брейкен для публики, превратив все поместье в увеселительный парк. И сэр Рассел как-то об этом узнал. Может быть, Хьюго и Нелл даже обсуждали эти планы при нем, считая, что старик находится в коматозном состоянии. Тогда Блит-старший изменил свое завещание в пользу Тома, который, в конце концов, его родной внук. Боже мой, но как Хьюго мог даже помыслить о таком? Превратить чудесное поместье в увеселительный парк, нарушать его покой и уединенность, его красоту. Должно быть, Блит-младший в отчаянном финансовом положении.

Том почувствовал себя несчастным. Он всегда считал Хьюго хорошим другом — разве нет? Том подумал об измерительном циркуле, которым пользовался так долго, что тот стал ему, по сути дела, талисманом. Пуговица от рубашки... И фотография — наверняка она принадлежала Хьюго. Он, должно быть, предоставил эти предметы и фотографию Нелл Квик, предполагая жениться на ней. И все-таки у Тома по-прежнему не было желания становиться между отцом и сыном. Как ни любил он леса Брейкена и свой коттедж, они не

принадлежали ему по праву, являясь наследственным владением Хьюго. Может быть, еще не поздно поговорить с ним, вразумить его. Следовало бы попытаться, Том чувствовал, что обязан это сделать для своего друга. Бывшего друга? Даже если поместье оставлено по завещанию ему, Тому, они могли бы разделить его. Он в состоянии убедить Хьюго, что можно найти лучшее применение землям.

Хартгроув пошевелился.

— Оно... должно... отойти... к вам, — выдохнул он. — Только вы... поймете.

Даже несмотря на боль, глаза Скелета заблестели. Что именно имел в виду раненый? В его старых усталых глазах читалось знание чего-то вне слов, понимание, которое, как явно полагал слуга, было взаимным. И, вероятно, он был прав.

— Земля... должна... остаться... частным... владением, Том. Они, — он с нажимом произнес это слово, — от нее зависят.

Он знал о волшебном народе? А если знал, то должен был знать и сэр Рассел.

— Вы должны сохранить... их секрет, Том. Они рассчитывают на вас. — Хартгроув приподнял дрожащую руку. — Вы должны идти. Сэр Рассел, вы... должны... вы должны... остановить... — Слова затихли, он оперся на перегородку, тело вытянулось.

38

Лестница в ад

Выбора у него не было. Тому пришлось оставить Хартгроува лежащим без сознания на холодном пыльном полу подвала. При свете свечи худое бледное лицо раненого выглядело мертвым, глаза превратились в щелочки, они не были ни закрыты, ни открыты. В его неподвижности было что-то от самой смерти.

Киндред потянул за ручку подвальной двери, почти ожидая, что она заперта, и собираясь в этом случае выбить ее ногой, невзирая на производимый шум, — но дверь открылась сразу. Он вышел, пламя свечи в его руке отбрасывало на стены огромного холла неясные тени, похожие на танцующие привидения. Глаза портретов, казалось, наблюдали за ним из окружающей темноты, а статуи на постаментах словно оживали в колеблющемся свете. В ноздри ударил знакомый запах дома, и в его назойливости ощущалась порча, гниение.

Том не стал медлить и, быстро подойдя к лестнице, стал подниматься по ступеням, держа перед собой свечу как оружие против темноты. Левая рука скользила по закругленным перилам, готовая крепко ухватиться, если он споткнется или если кто-то появится из темноты, чтобы столкнуть его вниз. Он не знал наверняка, кого ожидал увидеть — безумную Нелл или снова суккуба, — поэтому был готов ко всему.

Темнота впереди отступила до первой лестничной площадки, но дальше свеча оказалась слабым подспорьем. Смутно виднелись только гобелены на стенах, до половины отделанных панелями, и высокие напольные часы в дальнем конце площадки — по какой-то причине их дверца, за которой находился механизм, оказалась открытой. Он задержался, чтобы отдышаться: пока что левую ногу приходилось подтягивать на каждую ступеньку, а левая рука ощущалась мертвым весом на перилах, и, хотя шок от встречи со Скелетом внизу, в подвале, вызвал прилив адреналина, усталость вновь пришла к нему непрошеным гостем, — а затем двинулся дальше. Запах тлена плыл по лестнице, становясь все более отчетливым с каждым лестничным пролетом. Он не походил на запах, ощущавшийся здесь два дня назад, когда они поднимались по лестнице вместе с Хьюго, потому что, каким бы неприятным ни казался тот запах, его можно было выносить; теперь же молодого человека чуть не вывернуло наизнанку.

Он опять остановился, чтобы немного отдохнуть, а заодно обдумать происходящее. Что он сделает в нынешнем состоянии, что он *сможет* сделать, когда доберется до верхней комнаты? Том ослабел, плохо себя чувствовал, ему не справиться даже с этими двумя, Нелл и Хьюго, не говоря уже о силах зла, которые вызвала эта ведьма. Если бы он сообразил взять с

собой мобильник, то мог бы вызвать полицию, и сейчас они уже, по крайней мере, находились бы на пути сюда. Но уверенности в том, что мобильник сработал бы здесь, не было — ведь не работал же он в коттедже. Можно найти телефон здесь, отключение электричества не могло затронуть телефонные провода. Даже обдумывая отступление (в глубине души понимая, что ищет повод не подниматься по лестнице дальше), Киндред осознавал, что медлить нельзя и только он может предотвратить тот вред, который будет нанесен старому больному человеку. Ему нужно идти дальше. Кроме того, возможно, уже слишком поздно.

Сверху донесся какой-то шум, Том замер.

* * *

Они перевалились через верхнюю ступеньку, как бурлящая река, темная масса, возникшая из еще более глубокой тьмы, сотни, тысячи, может быть, миллионы.

Пауки. Ползучая тьма. Легионы темных шуршащих тел. Поток, стремящийся к нему.

Том был слишком поражен, чтобы закричать. Слишком ошеломлен, чтобы двигаться. Снова! О Господи, нет! Но они не могут причинить ему вред. Ригвит говорил ему об этом. Они могут ползать по нему, пробираться под одежду, касаться его тела, но они... не... могут... причинить... ему... вред!

Через секунду твари уже ползли по его ногам. Держа свечу в левой руке, Том сбрасывал их, давил на себе; джинсы потемнели от паучьей крови. Но они забрались внутрь, они скребли по его голому телу. И — Господи! — они кусались!

Этого не может быть! Ригвит говорил, что пауки не могут ранить его! И они раньше не кусались! По крайней мере, мерзкие насекомые тогда начали кусать его только в самом конце!

Он вскрикнул, ощутив очень болезненный укус в икру. Боже мой! Это же по-настоящему больно! Еще укусы, еще щипки, как будто игла вошла в его колено. Нет! Они не должны... Он вскрикнул опять. О Господи, теперь что-то на шее прокалывает его кожу!

Все больше и больше пауков сползало с верхней ступеньки, они двигались к нему, расталкивая друг друга. Том невольно сделал шаг назад, оступился и рухнул вниз, сначала ударившись о перила и отлетев от них. Он приземлился на площадке у основания лестничного пролета и застыл там в ужасе, оглушенный падением, а свеча упала сбоку, вне пределов досягаемости, но, к счастью, не погасла. Когда молодой человек оторвал голову от пола, орды насекомых устремились к нему и через считанные секунды облепили всего, забрались в волосы, за рубашку, в джинсы — повсюду. Он чувствовал их укусы и щипки — Господи, они едят его!

Том перекатился, пытаясь раздавить как можно больше врагов, но они по-прежнему шли нескончаемым потоком, забираясь в уши и ноздри, а когда он открыл рот, чтобы закричать, то и в рот. Боль была ужасной, словно раскаленные докрасна иглы впивались в кожу, и ему пришлось закрыть глаза, так как пауки залезли ему на веки. Он катался по полу, ударяясь, приподнимаясь, чтобы прижаться спиной к стенной панели, убивая столько этих мелких сволочей, сколько удавалось, давя их так, что от них оставались только липкие следы. Однако их было слишком много, и вытерпеть постоянные укусы не было никакой возможности. Том почувствовал, что измучен интенсивностью боли, потому что, хотя сам по себе каждый укол был пустяком, болезненным, но терпимым, объединенные все вместе, они казались невыносимыми.

Только когда кто-то потянул его за плечо, Том открыл глаза, немедленно закрыв их снова, чтобы сморгнуть пауков, но успел увидеть встревоженное лицо Ригвита — эльф пристально смотрел на него. Молодой человек заметил также, что на маленьком человечке было относительно немного пауков — их главной мишенью несомненно являлся Том.

— В этот раз ты позволил им причинить тебе боль, — эльф говорил скорее сердито, чем обеспокоенно. — Твой разум устал, ослаб, равно как и твое тело, и они одолевают тебя,

потому что ты не сопротивляешься.

— Я... я сопротивляюсь, — при этих словах Том слабо стряхнул пауков, ползущих по его поднятому колену.

— Нет, ты придаешь им слишком много значения. Это не твоя вина, ты совершенно измотан. Но нужно сопротивляться, Том, ты должен сказать себе, что они не причинят тебе никакого вреда, — Ригвит даже не повысил голос. Он вел себя так, как будто его самого пауки совершенно не беспокоили.

Том вновь открыл глаза. Как будто в подтверждение своих слов эльф стряхнул особенно крупного и противного паука с большим мохнатым телом и такими же ногами, который пытался заползти ему на плечо.

— Но они причиняют мне боль! — закричал Том.

— Войди в свое сознание, скажи сам себе обратное, — терпеливо наставлял Ригвит.

— Без толку, я не могу! Они убивают меня!

— Пробуй. Старайся.

Том старался, но он по-прежнему чувствовал на себе их липкие лапы, все еще вскрикивал от особенно жгучих укусов, которых было очень много.

— Ну же, Том. Я сейчас вернусь, — с этими словами эльф запрыгал вверх по лестнице, давя пауков ногами.

— Не оставляй меня! Вернись! — Том следил за эльфом — каждая ступенька доходила ему до пояса, — пока тот не исчез наверху, а пауки опять полезли из волос ему в глаза. Молодой человек дотянулся до свечи, лежавшей поблизости, и поднес пламя к телу. Мелкие тельца сморщивались под огнем, и он почти слышал — конечно, только в своем воображении — предсмертные вопли мерзких тварей. Однако нападавших по-прежнему было очень много. Усиленно моргая, чтобы стряхнуть их с век, Киндред посмотрел вниз и увидел, что все его тело покрыто толстым слоем пауков.

Раздался легкий топот ног по ступенькам, периодически сопровождаемый чавканьем раздавливаемых ногой крупных насекомых. Затем рядом с Томом снова оказался Ригвит, сжимавший грязную стеклянную банку, похожую на ту, которую Том обнаружил на пороге коттеджа накануне ночью.

— Выбрось ее, Том, — сказал Ригвит прямо ему в ухо, протягивая банку. — Вышвырни ее прочь. Пауки должны будут уйти туда, куда упадет банка.

Как тонущий за спасательный круг, Киндред ухватился за банку и поднял ее над плечом. Он уже не обращал внимания на мелких чудовищ, которые щипали и вгрызались в его тело.

— Нет! — поспешно крикнул Ригвит. — Через окно! Ее нужно выбросить из Замка, чтобы это сработало.

Том прицелился в окно, выходившее на лестничную площадку, и швырнул банку изо всех оставшихся сил. Стекло разбилось, банка вылетела в ночь, где в этот момент опять вспыхнула молния. Раскат грома, казалось, потряс здание.

Молодой человек прислонился к стенной панели, а пауки мгновенно попятились. Они отхлынули от него все как один и потянулись по стене к разбитому окну, за которым выл и свистел ветер. Через некоторое время поток уменьшился, а затем и вовсе иссяк.

Странная вещь — то есть еще одна странная вещь — случилась с последними несколькими сотнями пауков. Когда мерзкие твари добрались до стены и поползли по ней вверх, они начали растворяться, таять, как будто их вовсе не существовало, и наконец пропали все. Только Том и Ригвит остались на лестнице Замка.

* * *

Том закрыл глаза, но в этот раз от облегчения. Он втягивал крупными глотками свежий, заряженный электричеством воздух, наполнявший дом через разбитое окно. Все кончено. Он знал, что больше ничего не может сделать, и слеза поползла по его щеке. Он не смог спасти

своего деда, силы оставили его. Хотя молодой человек уже не ощущал боли, причиненной пауками, тело ныло от усталости, и он знал, что весь покрыт синяками от падения с лестницы.

Он поискал взглядом Ригвита, но эльф опять исчез из поля зрения. Однако вскоре донего донесся мягкий топот маленьких ног. Человечек взбирался по лестнице снизу, сжимая в руках книгу из Малого Брейкена.

— Это не поможет, Ригвит, — устало сказал ему Том, когда эльф положил книгу рядом с ним. — Я больше ни на что не способен. Я едва могу двигаться.

— Поэтому тебе и нужно вот это, — Ригвит стащил через голову маленькую кожаную сумку с длинной ручкой, которую носил на боку. Том увидел торчащее горлышко сосуда. Сняв крышку, эльф протянул бутылочку Тому.

— Выпей, — велел он. — Тебе скоро станет лучше.

— Что это? Еще одно магическое зелье?

— Оно придаст тебе сил. Я прихватил его из коттеджа вместе с книгой. Извини, что не смог догнать тебя, но книга тяжелая, а мои ноги не предназначены для бега.

Прислонившись к панели, Том закрыл глаза.

— Как ты попал сюда? — рассеянно спросил он. Больше всего ему хотелось лечь на пол и заснуть. — Через подвал, как и я?

— Для таких, как я, есть сотни способов проникнуть в дом, — ответил Ригвит, подталкивая бутылку к губам Тома. — Давай, ты должен выпить это. Ведь если хочешь, чтобы от тебя была польза, понадобится много сил.

Неохотно Том открыл рот и позволил Ригвиту влить туда жидкость. Его покинули не только силы, но и решимость. Сколько еще он должен терпеть и страдать?

Зелье текло, как патока, густое, клейкое, но вкус у него был абсолютно ни на что не похожий. В нем чувствовалась тонкая сладость, скорее, послевкусие. В мозгу Тома возник странный образ: словно он пил мягкий красный бархат — только так можно описать это ощущение. Жидкость мгновенно начала распространяться по всему телу, подобно напитку, который Ригвит приносил в прошлый раз, но несколько по-другому — от горла бальзам растекался по множеству мелких сосудов, о существовании которых Том даже не подозревал. В маленьком сосуде было не больше наперстка зелья — или лекарства, — и его хватило на один большой глоток.

— Теперь все будет в порядке, — сказал Ригвит, убедившись, что все до последней капли — точнее, там была всего одна большая капля — выпито. — Это очень сильное средство, парень, чрезвычайно мощное, и, должен добавить, его нелегко добыть. Пришлось долго торговаться. Я буду отрабатывать этот долг примерно следующие сто пятьдесят лет. И оно не предназначено для людей, а только для волшебного народа. Однако в твоём случае Совету эльфов пришлось многое учесть.

Том слушал вполуха, потому что ощущение, разливавшееся по всему телу, было слишком замечательным, чтобы сосредоточиться на чем-то другом. Оно не так сильно отличалось от ощущений после питья тех, других, соков, но действие оказалось намного сильнее и наступало гораздо быстрее, если это вообще возможно. Силы вернулись к Тому в течение нескольких секунд, онемевшая левая половина тела ожила, и изнеможение осталось только воспоминанием. Какого черта он тут расслабляется на лестнице, когда должен добраться до верхней комнаты раньше, чем Нелл Квик успеет убить сэра Рассела? Он рывком поднялся на ноги и устремился к следующему пролету лестницы.

— Подожди, Том, — Ригвит уцепился за его ногу. Том наклонился к маленькому человечку, держа свечу у его лица. Теперь он разглядел страх и тревогу. — То, что ты увидишь в верхней комнате дома, может уничтожить нас всех. Это будет самое ужасное из всего, с чем тебе до этого приходилось сталкиваться.

— После того, что со мной происходило в последнее время? Сомневаюсь.

Хватка эльфа усилилась.

— Если ты и будешь жив к концу сегодняшней ночи, Том, то вполне можешь сойти с

ума. Будь осторожен и прислушивайся к своему внутреннему голосу, потому что он всегда прав.

Опять внутренний голос — что-то до сих пор он не слишком помогал.

Как будто услышав его мысли, Ригвит продолжал:

— Ты должен верить внутреннему голосу. Твоя единственная реальная сила — в убежденности. Вера — это и твой щит, и твоё оружие. Только этим мы и можем помочь тебе. Силы зла вторглись в твои владения.

Секунду Том обдумывал сказанное. Естественно, у него был выбор. Можно сбежать вниз по лестнице в грозовую ночь, вызвать полицию с безопасного расстояния. Но он чувствовал себя сильным, крепким, уверенным, и если не рвался в бой, то не собирался и уклоняться от него. Молодой человек опять поверился к лестнице, но эльф не отпускал его. Голос Ригвита был мрачен:

— Запомни, ты увидишь вещи, которые заставят тебя усомниться в собственном рассудке, и я говорю совершенно серьезно: вскоре за этим может последовать настоящее безумие. Тебе кажется, что в последние дни и ночи ты стал свидетелем того, что и в худших кошмарах не увидишь, но послушай: все это пустяки по сравнению с той мерзостью, которая ждет тебя в комнате наверху. Она будет хитроумной и вероломной, предательской и опасной. И, если не быть осторожным, смертоубийственной. Тебе будет страшно, Том, так страшно, что ты опять ослабеешь. Даже зелье не поможет тебе.

— Спасибо, подбодрил.

Том удивился этой внезапной вспышке гнева.

Более спокойно, хотя все его маленькое тело дрожало, Ригвит продолжал:

— Возьми с собой книгу! Используй ее так же, как в прошлый раз. Она и твоя вера — все, что у тебя есть.

Том поднял тяжелую книгу, удивляясь, как эльф сумел пронести ее через лес. Похоже, она весила больше, чем сам Ригвит. В глубине души он понимал, что намеренно отвлекся на эту мысль: мозг защищался, отказываясь размышлять о том, что ждет впереди. Несмотря на хорошее самочувствие, вызванное зельем, предупреждения эльфа опять заставили молодого человека нервничать. Может быть, его спаситель именно этого и добивался, увидев, что Киндред слишком расхрабрился, забыв об осторожности; а эльф знал, что это могло быть так же опасно, как страх, и даже опаснее.

Заглянув в темноту следующей лестничной площадки, он снова ощутил леденящий ужас. Ему действительно не хотелось идти наверх.

39

Ужасы, ожидавшие внутри

Том старался укрепиться духом. Он стоял перед дверями в огромную спальню сэра Рассела со свечой в руке и книгой под мышкой, переплет книги упирался ему в бедро. Из-за двери доносились стоны и завывания — звуки, которые, по его мнению, могут издавать только дети, попавшие в беду.

Прикрыв крохотный огонек свечи правой рукой, неловко прижимая книгу к телу локтем и запястьем, молодой человек дотянулся до дверной ручки.

Единственная проблема состояла в том, чтобы выбросить из головы намеки Ригвита на ужасы, которые происходят в этой комнате. Он называл себя слабаком, нюней — да что там, самым обыкновенным трусом. Но... «Кто бы мог винить тебя?» — задал себе вопрос Киндред и, по крайней мере, слегка утешился. В течение прошлой недели ему пришлось стать свидетелем и совершенно дивных, и отвратительных вещей, он занимался любовью с ундиной, был напуган до потери рассудка чудовищем, узнал о своем праве первородства. Он испытал изумление и страх, ощутил благоговение и ужас. Да, он был испуган до глубины души, сбит с толку — даже в любви, о Господи! И какой нормальный человек стал бы винить его, сбеги он отсюда прямо сейчас?

«Только ты сам», — пришел безмолвный ответ.

Приглушенный вскрик донесся из-за двери, это был дрожащий старческий голос. Сэр Рассел!

О черт! Повернув ручку, Том слегка приоткрыл дверь. Затем, ожидая худшего, отступил на шаг и пинком распахнул ее.

* * *

И остановился на пороге с открытым ртом.

Ничего.

Никаких монстров.

Никакого шабаша ведьм, танцующих вокруг булькающего котла.

Никаких демонов.

Ничего.

Только неясная фигура Хьюго Блита, скорчившаяся в темном углу: колени прижаты к груди, руки закрывают лицо. Нелл Квик застыла в центре грубо намалеванной пятиконечной звезды, в каждой вершине которой горела свеча. Сжимая в руке лист бумаги, ведьма стояла лицом к огромной кровати без полога, на которой сидел сэр Рассел, хрупкий, больной старик. Кислородная маска и все трубки были по-прежнему на месте.

Но больше ничего.

Кроме черных свечей, расставленных по всей комнате. Каждая свеча создавала отдельный островок света, борясь с окружавшей ее тьмой. Восковой запах свечей смешивался с запахом, который был настолько отвратительным, что казалось — сама смерть и тлен заполнили эту комнату.

Однако больше ничего.

Кроме...

Кроме других теней, которые начали выступать из темноты, выползать из углов, из-под кровати, сыпаться с потолка.

Они возникли внезапно, словно до этого на миг спрятались, когда распахнулась дверь, или словно разум и глаза Тома обрели способность воспринимать призраков, заполнявших комнату. Целая толпадвигающихся и извивающихся призрачных существ! Они являлись частью тьмы, как сама ночь, не имея реальной формы, расплывчатые фигуры, форма которых зависела от воображения зрителя.

Затем они объединились и перестали быть тенями, превратившись в бесчисленных змей. Они выползали из-под кровати, на которой сидел старик, приближаясь к нему, как будто для удара, но не коснулись его, хотя сэр Рассел каждый раз вздрагивал, когда страшная голова оказывалась рядом с его лицом.

Все еще стоя в дверях, Том осознал, что в этом и кроется истинный ужас: тени могут превратиться в то, чего больше всего боится разум каждого отдельного человека. В данном случае их создавал мозг умирающего старика. Поскольку они являются продуктом воображения, у них нет реальной субстанции и они не могут причинить физический вред. Но это до тех пор, пока ты не поверишь безоговорочно, как он это выяснил на примере пауков.

Отшвырнув свечу, в которой больше не было надобности, он бросился в комнату с криком:

— Убирайтесь, убирайтесь прочь от него! Вы не существуете, вы только призраки, вас нет на самом деле!

И тогда три змеиные головы устремились к нему, он отпрянул и стукнулся о створку закрытой двери, затем сполз на пол, оглушенный ударом.

Невозможно. Он не верил в них, они были порождением мыслей сэра Рассела. И все-таки они ударили его. Проклятье, они на самом деле ударили его!

Но эти три змеи, по крайней мере, тут же оставили его в покое и, объединившись со всеми остальными, двинулись через всю комнату к скорчившемуся в углу человеку. Хьюго

увидел их приближение, как раз в этот момент выглянув из-за скрывавших лицо ладоней. Издав пронзительный вскрик, детский, высокий, его старый приятель снова закрыл лицо руками. Казалось, все его тело съежилось, он изо всех сил пытался стать как можно меньше. Впрочем, бедняга зря надеялся, что его можно не заметить. Змеи подползали к нему ближе то по одной, то по две, по три вместе, высовывая длинные раздвоенные языки.

«Господи, — подумал Том. — Хьюго всегда смертельно их боялся и теперь терпит такую пытку!» Затем ему пришло в голову, что эти видения... Впрочем, так ли это? Ведь он ощутил их удар. Так вот, эти видения появились не тогда, когда он открыл дверь в комнату. Нет, они уже были здесь, но его собственному мозгу понадобилось время, чтобы воспринять их. А раз так, то они действительно плод его воображения, видения, которые перепрыгивают между сознаниями так же, как от одного организма к другому передается болезнь. Причем сила их столь велика, что даже он поверил, будто они дотронулись до него. А вместе с этой верой пришла и физическая реакция. Но чье это видение? Наверное, он ошибался, считая, что оно принадлежит сэру Расселу, ведь боязнь змей — настоящая фобия — была у Хьюго.

— Хьюго! — закричал Том через всю комнату. — Они не могут причинить тебе вред, если ты сам этого не допустишь! Избавься от них, выбрось из головы, перестань о них думать!

Он мог бы с таким же успехом посоветовать охваченному паникой пассажиру в терпящем бедствие реактивном лайнере спеть что-нибудь беззаботное и подумать о приятном. Хьюго продолжал кричать, дергаясь каждый раз, когда змеи приближались к его голове или плечу.

Киндред понимал, что он должен добраться до Хьюго, выволочь парня из комнаты, вернуть к реальности — хоть пощечинами, если необходимо. Но так ли все просто на самом деле? Где-то в глубине сознания хитроумный, но неуловимый голос — может быть, то самое внутреннее "я" — предупреждал его, что за этим стоит нечто большее.

Затем молния снаружи осветила комнату своим мерцающим сиянием, и в ней обнаружили новые тени. Они, колеблясь, росли, постепенно формируясь, но, когда отсвет исчез и раздался раскат грома, призраки начали выступать из всех углов, освещенные огоньками свечей. Это были огромные фигуры в капюшонах, силуэты сгорбившихся гигантских монахов, их необычайно длинные пальцы скрючились, как когти. Невозможно было определить, сколько их, потому что, как и змеи, продолжавшие терзать Хьюго, эти фигуры возникли словно одно тело, постепенно заполнившее полкомнаты. Ядовитое зловоние разлилось в воздухе.

Сэр Рассел опять привлек внимание Тома. Его иссохшее тело дрожало, будто охваченное лихорадкой. Лицо за кислородной маской выглядело измученным, щеки впали, глаза, глубоко посаженные, но блестящие и выпуклые в темных глазницах, напоминали страдающие глаза голодного. Это новое видение, казалось, нацелено именно на него, потому что кучка сгорбленных фигур в капюшонах как одно целое двинулась к лишенной полога кровати, при этом они либо обтекли, либо прошли сквозь Нелл Квик, которая по-прежнему неподвижно стояла в центре комнаты.

Умиравший старик увидел приближение мрачных теней и исхудалыми руками вцепился в простыни, комкая их на груди, как старая дева, к которой ночью вломился бродяга, и тонкая ткань осталась ее последней защитой. Сгибаясь и пошатываясь, зловещая группа приближалась словно густой туман, сэр Рассел откинулся назад, спиной вдавливая подушки в деревянную спинку кровати.

Том, все еще лежа на полу, выкрикнул какие-то бессмысленные предупреждения и напрягся, готовясь бежать на помощь больному старику. Но его движения стали замедленными, как в страшном сне, когда конечности вязнут в густом воздухе, а тягучая боль, вызванная страхом, распространяется где-то внутри живота. Он сражался с апатией, его руки двигались, но крайне вяло, ноги отталкивались, но слабо. Он мог лишь наблюдать, как сгустившиеся тени наплывали на его деда. Раздались и визгливые крики, но они исходили от Хьюго, претерпевавшего свою собственную пытку.

Приглушенные звуки слышались из-под прозрачной кислородной маски — это старик протестовал против тихого наступления, его блестящие глаза исполнились ужаса. Худые старческие руки вскинулись вверх, пытаясь отогнать хищников из другого мира. Кислородная маска внезапно стала темнеть, как будто наполняясь густой жидкостью, ее цвет постепенно прояснялся сквозь прозрачную оболочку — ярко-красный. О Господи, подумал Том, старик сейчас захлебнется собственной кровью!

Из общей массы появились черные когти, намереваясь вцепиться в грудь немощного старика; тягучий туман теней спустился тяжелым, давящим грузом, призванный раздавить сэра Рассела своей непроницаемой чернотой.

Для Тома это оказалось уже слишком. Его непослушное тело среагировало так, будто получило команду от некой более могущественной силы, чем его собственное напуганное "я". Ригвит советовал Тому прислушиваться к внутреннему голосу, и теперь этот голос, казалось, проявил нетерпение, прикрикнул на Тома и послал вперед, невзирая на сопротивление его конечностей и всего тела.

Как раз в тот момент, когда Том, спотыкаясь, приблизился к кровати, молния вспыхнула вновь, одновременно раскат грома потряс потолок и заставил дребезжать большие окна. Дверь на крышу, которая была открыта, когда он вошел в комнату, захлопнулась со стуком, почти неразличимым из-за грома, но тут же распахнулась снова. Что-то появилось на краю поля зрения, что-то высокое, неуклюже движущееся вперед из темного угла комнаты.

Киндред рефлекторно повернулся в сторону этой новой тени, потому что двигалась она именно к нему, и чуть не упал на пол. Внутри он беззвучно закричал: «Нет, нет, не может быть, только не он!»

Это был Скелет, но каким-то образом он стал гораздо выше, его худое мертвенно-бледное лицо маячило где-то над головой Тома. Плечи его были сгорблены, локти согнуты, длинные с тощими пальцами руки тянулись к нему...

Итак, слуга — предатель, а все его раны — симуляция, уловка, чтобы послать Тома наверх одного. Но затем молодой человек догадался, что это преувеличенная фигура из кошмарного сна, видение, явно намеревавшееся напугать его до остановки сердца.

И действительно, видение оставалось всего лишь фигурой из кошмарного сна, хотя и возвышалось над Томом, а на черепообразном лице застыла тошнотворная торжествующая ухмылка. Глаза его иглами пронзали глаза Тома, мышцы и кости как будто проникали в самый мозг и, самое невероятное, причиняли боль.

Огромная спальня стала водоворотом действий и звуков, каждый человек в ней — кроме Нелл, которая все еще стояла неподвижно, как в трансе, — мучился своим собственным, особым кошмаром.

Кошмар... Это слово повторялось в мозгу Тома снова и снова, когда длинные костлявые пальцы вцепились ему в горло и стали сжимать с неослабевающей мертвой хваткой. При этом Скелет смеялся, брызгая слюной между испорченных зубов, и брызги эти попадали на щеку и нос Тома, а рука все сжималась, выдавливая из него жизнь.

Внезапно через весь этот шум прорвался голос — спокойный, нежный, негромкий, но ясно различимый. Хотя Том находился в тисках рук Скелета, он тем не менее сумел разглядеть дверной проем, обе створки которого теперь были раскрыты: там стояли две фигуры, одна очень маленькая, другая повыше.

Дженнет, чье встревоженное нежное лицо озаряли свечи, обращалась к нему:

— Том, твой внутренний голос — слушайся его. Он скажет тебе, что это, и придаст тебе силы.

Пальцы на его горле по-прежнему сжимались, но он помнил, что Ригвит велел ему слушать внутренний голос. И Бетан, его мать, говорила ему о том же. Но если это не срабатывало раньше, так почему должно сработать сейчас?

Комната закружилась вокруг Тома, в глазах потемнело. Однако он слышал, но не воображаемый внутренний голос, а слова Дженнет, ясно различая их в шуме. Она по-прежнему настаивала, чтобы он ушел в себя, спасся отступлением, — нет, она сказала:

«погружением» — в самого себя. Однако так трудно оказалось сделать это, когда... он... задышался...

На самом деле именно яростное нападение позволило ему найти этот «голос», ведь он терял сознание, нырял и погружался в глубину. И внутренний голос ждал его, потому что находился гораздо ниже уровня его сознания. «Ужас, — говорил ему голос, — кошмар, который так долго мучил тебя, — это твой самый худший страх...»

И это было правдой, потому что внутренний голос мог говорить только правду, — вне зависимости от того, как сильно восставали против нее разум или сознание Тома. Этот голос жил внутри каждого мужчины, женщины и ребенка, он проводил черту между правильным и неправильным. Можно назвать его совестью, внутренний голос, который не одолеет и не исказит никакая сила извне. Голос разума, голос души.

Том «слышал» невысказанные слова. Враждебные существа в комнате, призраки, сотворенные Нелл Квик в ее колдовском помрачении ума, явились действительно из собственных кошмаров каждого человека. Самому Тому принадлежали сны о том, как Скелет приходит за ним, повторявшиеся со времени памятного инцидента в подвале много лет назад. Здесь же нашел воплощение вечный ужас Хьюго перед змеями, которых он, несомненно, видел во сне, когда был чем-то расстроен. Таковой оказалась и клаустрофобия сэра Рассела, его ужас перед закрытыми комнатами, ограниченными пространствами. Именно по этой причине он настаивал на том, чтобы все двери в доме были открыты, отказывался пристроить лифт.

Здесь появились свидетельства частных страхов, внутренних фобий каждого человека, собранные вместе этой ночью, когда Нелл Квик хотела вызвать к жизни только одно — величайший ужас сэра Рассела, который привел бы к последнему и смертельному сердечному приступу. Блит-старший должен был умереть в эту ночь, но Нелл оказалась дурой, современной ведьмой, которая могла напустить порчу и сотворить заклятия, но понятия не имела о том, как направлять или сдерживать силы, ею же и вызванные.

Хватка вокруг горла стала чуть менее жесткой, словно правда была оружием, которое можно использовать против врага, обитавшего в его собственных затаенных мыслях. Однако руки не отпустили его полностью. Развенчанное видение, якобы бывшее Скелетом, хотя на самом деле старик в этот момент лежал без сознания, а может быть, даже мертвый на твердом холодном полу подвала, не исчезло. Оно по-прежнему нависало над Томом в своем устрашающем облике. И змеи продолжали терроризировать Хьюго, а фигуры в капюшонах — окружать сэра Рассела.

Том предпочел не думать, а действовать. Кисти его рук взметнулись, ухватились за руки призрака и одним быстрым резким движением разомкнули хватку. Все еще ошеломленный тем, что дух не исчез в свете разума, он посмотрел на Дженнет, стоявшую в дверном проеме.

Она и эльф рискнули войти в комнату, но, кажется, не хотели подходить ближе.

— Теперь ты должен воспользоваться книгой, — сказала она. Ее прелестное лицо выражало тревогу и озабоченность.

Девушка говорила что-то еще, но тут полыхнула молния, и в спальне раздался раскат грома, эхом отражаясь от окон и стен. Том прижал ладони к ушам. Даже после того, как гром стих (словно вышел через распахнутую дверь на крышу), он ничего не слышал.

На Скелета и других призраков гром не произвел никакого впечатления: они продолжали нападать, угрожать, запугивать.

Том сообразил, что, когда его сшибли змеи он выронил книгу, принесенную Ригвитом. Она лежала у стены в неверном сиянии свечи, открытая, страницы мелькали одна за другой, как будто по комнате гулял ветер. Молодой человек потянулся за книгой как раз в тот момент, когда призрак, изображавший Скелета, опять подошел к нему. Однако Том успел поднять книгу и теперь бешено листал ее.

— Любую страницу, любую страницу! — закричал Ригвит, и наконец его тонкий голосок был услышан.

— Просто выбери страницу и затем подумай о них, — как будто издалека раздался

голос Дженнет. — Пожелай, чтобы они пришли к тебе.

Прижавшись спиной к стене, Том сидел по-турецки, книга была открыта у него на коленях.

Скелет навис над ним: злобная ухмылка, недобрые, безумные глаза, пальцы изогнуты, как когти.

— Скорее, Том!

Он сосредоточился... но ничего не произошло.

Он пожелал, чтобы феи появились с пожелтевших страниц.

Безрезультатно.

Руки Скелета, такие же материальные, как любой твердый предмет, схватили его за рубашку и потащили.

— Помоги мне! — крикнул Том, чувствуя, что его поднимают с пола.

— Я не могу. Ты должен сделать это сам.

И тогда он опустошил свой ум — не то чтобы совсем выбросил свой страх, но отгородился от него на короткое время. В почти пустом пространстве своего сознания, пространстве, осажденном со всех сторон, Киндред просто беззвучно произнес:

«Придите».

Феи вырвались из открытой книги так, словно давно ждали этого зова, и сразу со свистом разлетелись по всей комнате, рассыпая искрящийся порошок.

Фантом, вцепившийся в его рубашку, сразу отпустил ее и отпрыгнул назад. Сначала на его лице появилось выражение удивления, затем — сомнения, страха и даже ненависти. Возникали все новые и новые существа, светились магические огоньки, принося с собой новую энергию. Том воспрянул духом, а страх его ослабел. И чем лучше он себя чувствовал, тем быстрее стал исчезать нависавший над ним фантом. Скоро Том уже смог следить за происходящим сквозь призрак.

Полчища фей пронеслись сквозь черную массу, окружавшую распростертое тело сэра Рассела. Эти фигуры в капюшонах находились так близко от него, что, казалось, старик скорее будет раздавлен, чем умрет от сердечного приступа. Но теперь черное видение раскололось. Его разорвали на части крохотные, но яростные противники всех сил зла. Золотые, серебряные, фиолетовые, синие, красные, пурпурные, индиго, зеленые и чисто-белые — все эти блестящие цвета рассеивали плотный мрак, разрывали его, так что он начал разрушаться, распадаться на маленькие кусочки. А тени, напоминавшие монахов в капюшонах, взвыли от боли, их вопли наполнили воздух, словно они действительно отчаянно страдали, — и хотелось от души надеяться, что так оно и есть.

Сэр Рассел получил временное облегчение, тело под простыней освободилось от мучителей, но его блестящие глаза по-прежнему были полны ужаса. Кислородная маска помутнела от крови, и Том понял, что старик давится, захлебывается, дрожащие руки слишком слабы, чтобы сорвать ее. Молодой человек поспешно отложил книгу в сторону, убедившись, что она открыта (маленькие существа продолжали появляться, по-прежнему порхая, как бабочки, но теперь несколько менее стремительно, их бессвязный лепет и пение на высоких тонах наполняли комнату, будто эти голоса тоже помогали победить тьму), затем резко вскочил на ноги и бросился сквозь прозрачную фигуру Скелета, своим телом довершив ее полный распад. Теперь в воздухе плавали лишь серые клочья.

Подбежав к кровати, он вцепился в кислородную маску сэра Рассела, подsunул пальцы под края и стал стаскивать ее, разрывая завязки. Кровь потекла по лицу старика, окрашивая пергаментную кожу в блестящий красный цвет. Старик выплюнул кровь, наполнившую рот, и его ужасающе худая рука вцепилась в запястье Тома. Слабое тело судорожно сжалось в объятиях молодого человека, и веки дрогнули, словно борясь с надвигающейся потерей сознания. Измученные глаза внезапно сосредоточились на молодом человеке.

Тому показалось, что он ошибается, что, возможно, это лишь эффект мерцающего света, потому что блестящие огоньки разлетелись по всей комнате, и пламя свечей задрожало от поднятого ими ветерка... Но затем он увидел, что безгубый рот действительно сложился в

улыбку — слабую, но все-таки улыбку — и что во влажных, но блестящих глазах старика мелькнул отблеск узнавания. В это время пронзительный крик привлек его внимание к противоположному углу комнаты.

Хьюго поднялся на ноги, его тело покрывали змеи. Они были меньше, чем раньше, но выглядели так же отвратительно. На руках, которые, казалось, умоляюще протянулись к Тому, сомкнулись браслеты из извивавшихся рептилий. Твари были медно-зеленые, почти черные, и имели мало сходства с маленькими травяными змейками, которых так панически боялся его приятель с самого детства. Они ползали по груди своей жертвы, забирались под одежду, так что их движения бугорками вздымали ткань.

Хьюго снова закричал, когда змея поползла по его лицу, заглушая крик. Глаза его, похоже, готовы были выскочить из орбит. Он схватился за змею на лице оплетенными другими мерзкими тварями руками, пытаясь снять, уперся спиной в угол, и только стены удержали его от падения. Змея ущипнула его толстые пальцы, затем, впившись ядовитыми клыками, повисла.

— Помоги мне!

Теперь все его тело представляло собой плотный узел шевелящихся змей. Они кольцами завивались вокруг его шеи, туго обхватывая ее, превращаясь в удавку, плотно сжимающую горло.

Том не имел понятия, что делать, чтобы помочь Хьюго. Вокруг него по-прежнему стоял шум — сотни летающих звезд и их неземное пение, стон колеблющихся теней, потому что сама тьма тоже обладала голосом. Он увидел Дженнет с эльфом у стены рядом с дверью. Глаза их были расширены, Ригвит дрожал. Все больше и больше летучих огоньков появлялись из открытой книги на полу, присоединяясь к своим собратьям. Они яростно сверкали, но пока не могли рассеять тьму.

Дженнет поймала его взгляд. В глазах девушки читалась тревога, даже страх — как и в его взгляде, Том не сомневался в этом, — но даже в подобных обстоятельствах лицо Дженнет излучало нежность, направленную ему одному.

Он указал на Хьюго, и она поняла.

Дженнет обратилась к парящим феям на их языке, таким же высоким голосом, и множество крошечных созданий собралось перед ней целым пчелиным роем. Она, в свою очередь, указала им на обвитую змеями фигуру в углу, мгновение спустя целая эскадрилья крошечных и не самых крошечных летающих огоньков устремилась в дальний конец комнаты. По пути они совершили небольшой маневр, облетев пентаграмму, начертанную мелом на полу, в центре которой в трансе застыла Нелл. Мерцающий поток тянулся за ними через всю комнату, но ни одна из составляющих его светящихся точек не попала в границы символического круга.

Феи собрались над Хьюго и его живыми цепями, затем рассеялись вокруг, высыпая свой порошок. Змеи задрали головы и обнажили капающие ядом клыки, затем многие развернули кольца и рухнули на пол расслабленными кучами. Некоторые уползли в пещерную тьму под кроватью или к скрипучей двери на террасу. Итак, Хьюго оказался не способен постоять за себя. Он забился в угол, лицо его было белым и неподвижным даже в теплом свете свечей и разноцветных огоньков фей, глаза смотрели прямо перед собой. Казалось, Хьюго ушел в свой собственный мир, где ничто не могло коснуться его, несмотря на то что змеиный кошмар происходил откуда-то из глубины его собственного мозга. Вероятно, он оказался запертым в каком-то месте, которое находилось вне границ как сознания, так и подсознания (может быть, даже где-то между ними), в каком-то тайнике, куда ничто — ни внутренний конфликт, ни внешнее влияние — не могло проникнуть.

Снаружи, сверху, донесся невероятный раскат грома, а молния осветила все на несколько долгих секунд. Удар был так силен, что молодой человек автоматически прикрыл собой, как щитом, иссохшее тело деда. Потолок устоял, хотя пыль с него слетела вниз, смешиваясь с блестящими частицами порошка, рассыпанного крошечным народцем.

Когда последняя змея упала с неподвижного тела Хьюго, феи возобновили свою атаку

на темноту, потому что внутри ее зарождались новые странные формы — искаженные кривые, обрисовывавшие какие-то непостижимые создания. Битва еще далеко не закончилась — хотя и ослабев, тьма все еще преобладала, а быстрые огоньки походили на падающие звезды в черной вселенной.

Ветер задувал сквозь болтавшуюся дверь, что выходила на крышу, и заставлял изгибаться пламя свечей. Даже феи с их блестящими, но тонкими крыльями с трудом противостояли его порывам, порошок, который они рассыпали, завихриваясь, кружил по огромной спальне. Том заметил, что ветер, подхватив длинные черные волосы Нелл, разметал их по плечам, длинная свободная юбка развевалась в воздушных потоках. Ведьма прижимала к груди черный кинжал, на котором виднелся анк, странный крест, свисавший с шеи на серебряной цепочке. Колдунья застыла, все еще пребывая в некоем подобии транса, глаза ее были закрыты.

Несмотря на все, что происходило, невзирая на весь ужас, Том все-таки успел заметить, какой потрясающе красивой она казалась в туманном и приглушенном свете свечей. Женщина стояла, словно молчаливая сирена, экзотически и эротически притягательная — но смертоносная. Молодой человек моргнул, чтобы избавиться от ее чар.

И когда он это сделал, глаза ведьмы открылись. Нелл огляделась, и наконец ее взгляд упал на Тома и на больного старика, которого тот обхватил руками. Малиновые губы изогнулись в ухмылке, в черных глазах вспыхнула страсть, источником которой служила ненависть. Рука с зажатым кинжалом потянулась к Тому.

Он осторожно положил своего деда на постель и, оставаясь в полусидячем положении, снова повернулся навстречу Нелл и ее злобному взгляду. Зелье, которое Том выпил на лестнице, видимо, переставало действовать, потому что он опять был близок к изнеможению. Возможно, ужас, наполнявший его сердце, притупил действие магии — или постоянный страх ослабил его душу. Однако ни по каким причинам и ни при каких условиях Том не собирался сдаваться этому монстру. Нелл придется сначала убить его, чтобы добраться до старика.

40

Гости из кошмаров

Они пришли из тьмы, для того чтобы заявить на нее свои права, поскольку их длинные, похожие на клочья тумана, руки тянулись только к ней.

Сначала Нелл не заметила их. Ее глаза по-прежнему горели ненавистью, а взгляд был устремлен на Тома. И от внимания женщины не ускользнул несомненный испуг в его глазах, относившийся явно не к ней, а к кому-то или чему-то за ее спиной. А затем она замерла.

Ненависть ушла из красивых, но опасных глаз и уступила место тревоге. Женщина обернулась — и закричала.

Огромные бесформенные существа — сгущаясь, они образовали более плотные фигуры, им придавало форму неосторожное и безграмотное погружение Нелл Квик в искусство черной магии, ее тщеславные призывы и безрассудство.

Приверженцы самого Князя Тьмы, они возникли из глубин, чтобы обрести форму и суть в мстительных карикатурах древних ведьм.

Это были истинные ведьмы — разрушители и злодеи, ненавидящие всех и вся, их поносили достойные и почитали порочные.

* * *

Они выглядели иссохшими и морщинистыми, покрытые струпьями лица, наполовину скрытые капюшонами, говорили о вечном несчастье и порочности. Чем ближе они подходили, тем отчетливей становились, хотя породившая их чернота просвечивала через одеяния. Хотя фигуры ведьм не были плотными, они казались такими же реальными, как

любой человек в этой комнате, а исходящая от них вонь — гораздо более отвратительной, чем общий дурной запах этого помещения, который оказался не в силах развеять даже яростный ветер.

Нелл съежилась и втянула голову в плечи, несмотря на то что эти воплощения зла изначально были тем, чем она мечтала стать. Страшные ведьмы являлись и ее наставниками, и ее целью. Но она еще не поняла, что гниение души всегда приводит к перерождению плоти.

Женщина дико озиралась. Это неправильно, так не должно было получиться! Почему она чувствует исходящую от них угрозу? Почему они так смотрят на нее? Почему ухмыляются? Она не хотела, чтобы ее касались чешуйчатые, в струпьях руки, не хотела, чтобы они тащили ее к себе! Нелл бросила черный кинжал, и чудовищные гости мгновенно поглотили его металл. Она кричала, а они хихикали и подходили все ближе.

Нелл стояла спиной к нему, поэтому Том не видел ее лица, но мог вообразить написанный на нем ужас. Она по-прежнему сжимала в руке бумагу, и молодой человек внезапно догадался, что это завещание его деда, предположительно написанное под диктовку рукой Хартгроува. На секунду он задал себе вопрос: зачем она принесла его сюда — не для того ли, чтобы торжествовать победу перед умирающим стариком?

Другую руку Нелл вытянула вперед, чтобы хоть как-то защититься от наступающей толпы ведьм, и на миг — на очень короткий миг — Том почти пожалел ее. Ведь это ее кошмары стали реальностью, и Нелл не могла управлять ими, так же как не могла справиться ни с чем происходившим ранее в эту жуткую ночь. Она ведь только собиралась в буквальном смысле слова напугать сэра Рассела до смерти, вызвать еще один сердечный приступ, который стал бы последним. Сейчас эта женщина заплатит за свое безумие, за то, что она тщеславно воображала, будто сможет не только призвать эти потусторонние создания, но и управлять ими. Но, конечно, все, что колдунья сумела пробудить, это личный кошмар каждого присутствующего в комнате, включая и ее.

Когда злобствующие ведьмы окружили женщину, дергая за одежду, задирая юбку, пиная ее, капюшоны упали на сгорбленные плечи, открывая лица, оказавшиеся еще ужаснее, чем это можно было вообразить. Кожа на головах, с которых свисали скудные пряди седых волос, оказалась покрытой струпьями и язвами, на сморщенных лицах виднелись болячки и раны, а из них сочился желтый гной. Серые глаза не имели век, приговоренные к вечному видению, даже во сне. У некоторых остался только один глаз, а пустая кровавая глазница свидетельствовала о том, что глазное яблоко из нее когда-то вырвали. Носы отвратительных созданий казались изглоданными болезнью, виднелись только части кости и хрящ. Ухмыляющиеся безгубые рты были в основном без зубов — просто черные дыры, которые неумолчно лопотали что-то на непонятном языке.

Казалось, они рады видеть Нелл (или, возможно, просто радовались возможности освободиться на некоторое время от своего собственного ада). Ведьмы хихикали, тыкая в нее худыми, в язвах руками с длинными кривыми, как когти, ногтями. Их намерения были очевидны, потому что между тычками и щипками они показывали на себя, и Том начал понимать их искаженное лопотание.

Именно на такое будущее — в своем тщеславии, в слепых амбициях, в порочности — Нелл обрекла себя. Злоупотребление магической силой, обращение к силам, которых она не могла и не имела права сдерживать, привело бы к физическому разрушению ее собственного тела, внутренний мир отразился бы во внешнем облике — такова цена следования оккультным наукам и власти, к которой она стремилась. Цена, которую сами ведьмы заплатили в ходе своей жизни.

Охваченный кошмаром, но все еще быстрый ум Нелл осознал истинное значение этих злобных тварей, которые оказались больше чем простым видением, и она закричала. Она кричала и кричала...

Но надвигалось нечто гораздо худшее.

* * *

Молния озарила комнату, гром сотряс стены и потолок, миллионы сверкающих осколков изверглись в комнату. Ветер с ревом ворвался в разбитое окно.

Том опять закрыл собой распростертое тело деда и почувствовал, что кровать под ними вибрирует.

Все осветилось. Даже огоньки, исходившие от фей, как будто посветлели, потому что *это* вошло в комнату и оставалось в течение нескольких секунд — интенсивный, слепящий поток яркого света, превративший всех в бесцветные скульптуры. И даже когда свет замигал и погас, а раскат грома заглох, вся толпа ведьм как одна отвернулась от Нелл Квик, глядя на открытую дверь на террасу, поскольку они учуяли присутствие хозяина раньше, чем он себя обнаружил. Ветер внезапно стих, но сама темнота продолжала клубиться словно густой туман. Огоньки фей поблекли, пламя многих свечей тоже потускнело, блестящее стекло, рассыпанное по полу, казалось матовым.

Дженнет вскрикнула — негромко, но ее крик был полон отчаяния; феи зарыдали, создавая негромкую какофонию ужаса.

Сморщенные старухи, чьи формы стали неразличимыми — виднелись лишь темные одеяния, — подняли скрюченные руки к искаженным лицам, закрывая глаза без век от того существа, что заполнило собой дверной проем на другой стороне комнаты. Некоторые, отвернувшись, завывали, в то время как другие молитвенно простерли руки к новому гостю. Нелл, скрючившаяся в попытке защититься от мучительниц, медленно повернула голову к двери. Том последовал за ней взглядом.

Пока еще *это* не оформилось, некие обрывки, клочья, предполагавшие — но только предполагавшие — человеческую фигуру среднего роста. Из всех губительных запахов, бродивших по комнате, смрад, сопровождавший ее появление, был самым отвратительным, забивая ноздри и заставляя горло сжиматься.

Ведьмы отступили от намеченной жертвы, оставив Нелл одну внутри нарисованной перевернутой звезды. Феи, чьи ореолы больше не светились, собрались у дальней стены, рядом с Дженнет и Ригвитом, вцепившимися друг в друга, эльф висел на руках у девушки.

Видение двинулось по направлению к Нелл Квик; казалось, будто клубящаяся тьма перемешивалась с цельной формой, скрывая отдельные части, так что те, которые можно было разглядеть, словно передвигались отдельно. Толпа ведьм попятилась. Том видел их фигуры в полумраке, длинные руки с ногтями-когтями, поднятые в воздух, слышал ужас и благоговение в их завываниях.

Существо остановилось перед Нелл. Тьма вокруг него напоминала колеблющийся плащ, раздуваемый ветром. И ветер действительно подул вновь, так что крохотные огоньки свечей по всей комнате задрожали и согнулись, тени задвигались, запахи развеялись, но другие, не менее гнилостные, заняли их место.

Том не спускал глаз с женщины — на ее лице читалось выражение странного экстаза. Темные глаза сияли, когда она смотрела на расплывчатое видение, которое замерло перед ней, грудь вздымалась, она дышала часто и неровно. Пот покрыл лоб, и его капли потекли по щекам, как слезы. Алые губы растянулись, обнажив зубы, все тело дрожало. Тому казалось, что Нелл пребывает в каком-то припадке, или даже в оргазмическом трансе.

Неясная фигура наконец приобрела более отчетливую форму. Худые, белые плечи, еще размытые по краям. Грудь, тоже тощая, почти без мышц, но грудь мужчины — то есть похожая на мужскую грудь, потому что это создание не могло быть человеком. Живот и талия уплотнились — они уже стали видны как некая светлая часть в сумеречном тумане. Остальное тоже проявлялось — или полупроявлялось. Все еще казалось незавершенным, несвязным, непрочным, напоминая набросок: обнаженные ноги, руки, гениталии — мужские гениталии, которые могли бы принадлежать каждому второму мужчине, не большие, не маленькие, просто обычный пенис под обычной мошонкой, за тем исключением, что отсутствовали лобковые волосы. Ступни, плечи, руки туманно и неопределенно мерцали в полумраке. Затем, самой последней, стала возникать голова.

* * *

— Том, отвернись!

Голос Дженнет прорезался сквозь вой ветра, который к тому моменту уже начал стихать, и вопли ведьм, перешедшие в рев.

— Несмотринаэто, несмотринаэто! — донеслось отчаянное предупреждение Ригвита.

Но оформляющееся видение притягивало взгляд с гипнотической силой. То же происходило и с Нелл Квик, потому что она смотрела на это с предвкушением, грудь ее по-прежнему вздымалась, влажные губы приоткрылись, глаза горели внутренним огнем.

Медленное воплощение продолжалось.

* * *

Гром прогремел над головами, словно небеса раскололись надвое, и в мгновенной вспышке света Том увидел, что фигура выросла, а бледная плоть стала темной и морщинистой. Она протянула чешуйчатые руки, как будто собираясь заключить Нелл в объятия, а черты тем временем становились все отчетливей. Толпа ведьм взвизгнула в восхищении и ужасе. Феи потоком бросились к открытой книге, лежавшей на полу, многие из них упали, их огоньки погасли, а тонкие испуганные крики заглушил лепет летящих соратниц.

Даже молния, пунктиром прорезавшая небо, не могла полностью уничтожить тьму, и теперь в углах скопилось множество других порождений тени — странно выглядевших существ, которые могли быть только демонами. Их когорты нависали над женщиной в центре пентаграммы. Свечи, расставленные по углам пятиконечной звезды, задуло ветром, но другие, стоящие по всей комнате, по-прежнему тускло горели. Их свет, однако, казался просто ничем по сравнению со слепящей белизной молнии. В этот раз она не погасла, но продолжала сиять жутким конусообразным свечением, частично осветившее существа, что могли прийти только из какого-то зловещего и страшного места.

Но затем Нелл завизжала, и в этом визге прозвучали настолько истеричные нотки, что Том мог только усомниться в здравости ее рассудка. Создание, стоящее перед ней, обрело лицо, и... кто-то бросился на Тома, повалив его на постель!

Дженнет закрыла его собственным телом в тот момент, когда молния наконец погасла, а гром стал стихать в отдалении. Маленькие ладони закрыли его глаза.

— Тебе нельзя смотреть! Тебе нельзя видеть его лицо! — кричала она. — Увидеть дьявола — значит, впустить его в свою душу!

Том пытался встать, но она толкнула его назад, и он оказался рядом со своим дедом. Кто-то вцепился в ноги, повис всем своим весом, и Том понял, что это Ригвит.

— Но Нелл... — слова Тома пропадали в шуме вновь поднявшегося ветра. — Мы должны помочь ей!

— Слишком поздно, — пробормотала девушка ему в ухо. В ее голосе были печаль и жалость к глупой женщине, чьи сомнительные амбиции привели к столь страшному противостоянию. — Она уже принадлежит ему.

Дженнет отняла руки от глаз Тома, и молодой человек, не в силах противостоять соблазну, моргнув, открыл их и сел. Его любопытство упрямо желало, чтобы он своими глазами увидел дьявола.

Однако того уже не было: видение угасало, превращаясь в бледную, расплывчатую тень. Жуткий мерцающий образ постепенно тускнел, и вскоре его окончательно поглотила тьма. Тьма, из которой вновь возникли ведьмы, еще не успевшие покончить с Нелл Квик.

Том почувствовал за спиной движение. Дженнет и Ригвит отпустили его, и молодой человек, обернувшись, увидел, что сэр Рассел смотрит на него и в его глазах больше нет потустороннего блеска. Дрожащая старческая рука сжала запястье Тома.

Ветер ворвался через разбитые окна и открытую дверь, пламя свечей и тени заколебались. Вокруг Нелл образовалось нечто вроде водоворота, раздувавшего ее юбку и блузку, развевавшего спутанные волосы. Сила ветра была так велика, что анк с ее груди сорвало вместе с цепью. Женщина подняла руки, все еще крепко сжимая бумагу. Ведьмы с диким хохотом задирали свои одеяния, показывая иссохшие сморщенные тела. Их уродство заставило Тома содрогнуться. Тощие иссохшие груди свисали до живота, скользкую плоть в струпьях и волдырях покрывали красные фурункулы. Губы их безволосых вагин были растянуты и ужасно морщинисты. Они показывали Нелл Квик, во что она должна превратиться.

Женщина опять закричала, осознав, какую цену придется заплатить за свои амбиции и порочность, потому что это показали ей те, кто шел по тому же пути. И, несмотря на издевательства, они приветствовали ее, прославляя тьму, праздновали присоединение к ним новой подруги. Это означало, что она тоже разделит с ними вечные мучения.

Нелл побежала. Чтобы спастись от созданного ею же кошмара? Чтобы убежать от своих мучителей? Может быть, это был побег от поднимавшегося в ней самой безумия? Но она бросилась к двери на террасу, словно сама ночь могла предложить ей убежище, и Том подумал, что в панике Нелл может броситься вниз с парапета крыши. Стекло осколки захрустели под ногами, тени закружились, будто преследуя ее. Молодой человек вскочил с постели, чтобы догнать ее, в шуме шквального ветра едва расслышав звук голоса Дженнет, звавшей его назад.

— Нелл! — кричал он. — Остановись, Нелл!

Том выбежал в дверь, и ураганный ветер набросился на него изо всей силы. Женщина обернулась, словно услышав окрик — или, может быть, чтобы посмотреть, не преследуют ли ее ведьмы, — и взглянула прямо на Тома. На ее лице все еще читался ужас, губы непрерывно двигались, как будто она произносила заклинание.

Что-то выпорхнуло из-под парапета за ее спиной, и Том сумел разглядеть хлопающие крылья птицы. Сорока. Та же самая сорока? Существо, как он внезапно понял, хорошо знакомое Нелл. Птица вскрикнула.

Но Нелл не обратила внимания на этот крик. Обдуваемая ветром, она стояла на верхней террасе крыши, расставив ноги, и медленно поднимала руку к глазам, разглядывая ее в тусклом свете, лившемся из комнаты. Том медлил в дверном проеме, не понимая, что она задумала. Шум за его спиной смолк, и он почувствовал, что глаза других тоже устремлены на Нелл Квик, хотя никто не попытался выйти вслед за ним.

Рука Нелл поднялась к лицу, Она ощупала пальцами кожу. Тому показалось, что он услышал ее вопль.

Затем молния из встревоженных черных туч, как будто выстрелив, поразила ее. Тело женщины дернулось, как марионетка, когда яростный зигзаг электричества коснулся ее плоти и выжег внутренности. Крохотные бело-голубые разряды прыгали по коже, волосам и одежде, а скомканный лист бумаги в руке вспыхнул. Руки высоко поднялись в воздух, ноги почернели.

Молния осветила внезапную перемену в Нелл. Ее тело оказалось старым и сморщенным, кожа испещрена глубокими складками и пятнами. Недавно прекрасное лицо превратилось в жуткую маску, изборожденную глубокими морщинами и мокнувшими язвами. Нос стал крючковатым, зубы почернели и выперли наружу, глаза без век исполнились безумием. Даже груди превратились в бесформенные мешочки.

Том понял, почему она изучала свои пальцы в неверном свете. За несколько мгновений до смерти Нелл Квик окончательно превратилась в ведьму.

* * *

Дождь возобновился, но не с такой силой, как раньше. На террасе крыши мокла под дождем кучка угля, еще недавно бывшая прекрасной, хоть и заблудшей женщиной.

Забрызганная грязью одинокая сорока слетела с парашюта и исчезла в ночи.

41 После бури

Повернув джип, Том объехал вокруг Малого Брейкена и припарковал перед коттеджем машину, не пользуясь приспособлением на руле. Он посмотрел на переднюю дверь дома и увидел Ригвита, сидевшего на каменной ступеньке.

Был превосходный ясный день с ярко-голубым небом, как это часто случается после грозы. Том открыл дверцу и вышел, оставив свою палку на заднем сиденье. Слегка улыбаясь, он остановился послушать пение птиц. Цветы, росшие вдоль дорожки, показались ему более яркими, чем раньше.

Молодой человек только что вернулся из больницы в Шрусберри, где Кэти Бадд лежала в реанимации. Она пришла в сознание, но находилась под воздействием болеутоляющих и успокоительных лекарств; врачи обещали, что с ней все будет в порядке. Дежурный врач объяснил Тому и родителям Кэти, которые приехали к ней из Гемпшира, что в результате аварии у Кэти сломаны несколько костей, включая тазобедренный сустав и левое нижнее ребро, давившее на легкое. К счастью, голова не была серьезно повреждена, хотя сильный удар привел к сотрясению мозга. Тело ее со временем восстановится (по иронии судьбы, если иметь в виду ее профессию, ей предстоит интенсивное физиотерапевтическое лечение).

Родители Кэти поблагодарили Тома за заботу. Они рассказали, что ночью дважды разговаривали с дочерью, которая даже не жаловалась на мучившую ее боль. Похоже, бедняжку слегка раздражало то, что она не могла вспомнить, как произошел несчастный случай. Как только Кэти достаточно поправится, родители заберут ее домой, в Гемпшир, для окончательного восстановления сил. Том почувствовал облегчение, но его по-прежнему мучило то, что Кэти пострадала из-за обстоятельств, не имевших к ней никакого отношения. Он обещал ее родителям постоянно навещать ее в больнице, и они, казалось, были рады слышать это.

Том зашагал по дорожке, хромота была практически незаметна. Ригвит вскочил со ступеней и улыбнулся ему.

— Как девушка Кэти? — пролепетал он.

— Медленнее, — попросил Том, хотя и уловил слова эльфа.

— Как девушка Кэти?

— Она выздоровеет. Это потребует времени, но с ней все будет в порядке. — Он опустил на ступеньку, и Ригвит похлопал его по плечу. — Однако я не думаю, что она захочет вернуться сюда, когда — точнее, если — вспомнит, что произошло, — добавил Том.

— Может быть, это к лучшему, — вздохнул эльф. — Дженнет ждет тебя в лесу.

— Она была здесь?

— Нет, но она ждет тебя в лесу.

Том попытался вскочить на ноги, но маленькая рука Ригвита нажала на плечо.

— Подожди, — сказал Ригвит, — у меня кое-что есть для тебя, это поможет тебе снова хорошо себя чувствовать.

— Я в полном порядке.

— Я знаю. Но пора ускорить твоё выздоровление. Тебя ждет много дел.

Молодой человек повернул голову и проследил взглядом за Ригвитом, который отправился в кухню. Что хотел сказать хранитель коттеджа? Том сам только начал формулировать свои планы, так откуда эльф мог их знать? «Магия», — сказал он сам себе не в первый раз за последние несколько дней.

Ригвит быстро возвратился с маленькой круглой бутылочкой, вместо пробки она была заткнута лесным орехом. Вытащив его, эльф протянул бутылочку Тому.

— Выпей сейчас половину, — посоветовал Ригвит, — а остальное вечером, перед сном. Оставь пустую бутылочку у кровати, и к утру она вновь наполнится. Утром опять выпей

половину — ну и так далее.

— Она наполнится сама? — удивился Том.

— Не говори глупостей. Я наполню ее для тебя ночью.

Киндред поднял бутылочку и нерешительно рассмотрел густую жидкость ярко-зеленого цвета на свет. В ней плавали кусочки чего-то.

— Похоже на шартрез с раскрошившейся пробкой, — заметил он.

— Как бы ты его ни назвал, это не то. Давай, один хороший глоток, но не пей больше половины.

Том поднял бутылочку к губам и после секундного колебания отпил из нее. Едва распробовав лекарство эльфа, он хотел отставить бутылочку, но Ригвит не позволил, прижимая горлышко ко рту Тома до тех пор, пока половина не была выпита.

— Глотай, — приказал он молодому человеку, который держал жидкость за щеками.

Том проглотил и сделал гримасу. Вкус был отвратительный.

— Из чего это сделано? — спросил он, с омерзением глядя на лекарство, оставшееся в бутылочке.

— Тебе совсем не надо это знать.

Ригвит вовсе не использовал в своем ответе именно эти слова, но таким прозвучал их перевод в мозгу Тома. Иногда, особенно в начале, разговор с эльфом напоминал плохо дублированный итальянский фильм — слова не совпадали с артикуляцией. По крайней мере, Дженнет действительно говорила на языке людей.

— И как долго я должен это принимать? — спросил он недовольно.

— Один месяц по твоему времени. Не дольше.

— Ну что ж, по крайней мере есть чего ждать.

Ригвит хихикнул.

— Тебе пора идти. Дженнет начнет проявлять нетерпение. Она должна рассказать тебе нечто важное.

— А ты не пойдешь со мной?

— Мне давно пора всерьез заняться домом, он превратился в свинарник. Учти, некоторые гоблины, с которыми я знаком, очень любят жить в настоящих свинарниках. Да, еще одно, перед тем как ты уйдешь...

Эльф опять бросился в дом и вновь показался, таща заржавленную старую подкову, примерно в половину его собственного роста.

— Железная, — для чего-то объяснил он Тому, — я хочу, чтобы с этого времени она находилась у тебя на крыльце.

Том озадаченно посмотрел на эльфа.

— Железо у порога не даст ведьмам войти внутрь.

— Жаль, что ее не было неделю назад. Тогда она непустила бы Нелл Квик внутрь.

— Слишком поздно — Нелл уже бывала в Малом Брейкене до того, как ты вернулся домой. Если ведьма один раз попадает внутрь, заклинание уже не срабатывает.

— Я думаю, это полезная информация, хотя я больше не ожидаю никаких неприятностей от ведьм, или колдуний, или как там вы их называете.

— Колдуний. Никогда нельзя знать наверняка, мой мальчик, никогда нельзя знать наверняка. Будь готов — вот что всегда было моим девизом. Я думаю, эту поговорку ваши скауты просто украли у меня.

Том хмыкнул.

— Едва ли основатель движения скаутов был в курсе, что этот девиз принадлежит тебе.

Ригвит тоже захихикал, потом резко оборвал себя:

— Теперь прочь! Дженнет ждет. — Его заостренное личико стало серьезным: — И, Том...

— Да?

— Пожалуйста. Будь готов ко всему.

* * *

Том прошел через полянку на опушке леса, удивленный тревогой эльфа. Он остановился у первых деревьев и оглянулся на коттедж, Ригвита на ступенях уже не было.

Все выглядело свежим и сверкающим после бурной грозы прошлой ночью, хотя сорванные ветром маленькие веточки и листья еще были разбросаны по полянке. Капли росы, не успевшие высохнуть на солнце, блестели, как драгоценные камни, на траве и листьях деревьев. Радовало глаз изобилие цветов — красных, желтых, голубых, особенно голубых, потому что справа от него, пересекая тропинку, ведущую к реке и Замку Брейкен, цвели колокольчики — трепещущий ковер почти неправдоподобной красоты. Скоро они исчезнут, ведь они цветут только несколько недель, и ему будет не хватать их. Но оставались другие растения, привлекавшие его взор, полевые цветы и травы, которые радовали сердце и поднимали дух.

Он окинул еще одним взглядом картину покоя — коттедж из песчаника с его небольшой, но гордой башней, тропинку, вымощенную каменными плитами, с сияющими цветами по обеим сторонам, саму зеленеющую поляну и деревья за коттеджем. Оттенков зелени было так много, что сосчитать их казалось невозможным. В ясном синем небе кружили и пели птицы.

Том наполнил легкие свежим воздухом, чистейшим воздухом, о котором можно было только мечтать. На секунду он погрузился в окружающее его великолепие, забыв последний совет Ригвита. Он чувствовал себя умиротворенным, довольным. Возможно, из-за контраста между последними днями и сегодняшним. Это было затишье после бури (в данном случае вполне буквальное), и Том чувствовал покой, которого не ощущал много лет. Фактически со смерти Бетан.

Он повернулся и вошел в прохладную тень леса.

* * *

Крохотные феи порхали вокруг нее, как взволнованные бабочки, пока она сидела на стволе упавшего дерева, ожидая возлюбленного. Их огоньки сверкали, как всегда, дрожащим многообразием оттенков, а корнуэлльские эльфы в красных и коричневых одеждах мелькали там и здесь в траве. Взрывы смеха и нежное пение смешивались с пением птиц. Девушка одела то же простое зеленое платье с отливающими фиолетовым и пурпурным складками, а руки сложила на коленях. Когда Том приблизился, Дженнет, подняв руку, поманила его к себе.

Молодой человек заторопился, легкая хромота не мешала ему, потому что сердце его трепетало, настроение при виде ее стало еще лучше.

Они поцеловались. Они целовались, а феи ликующе парили вокруг, дотрагиваясь до их одежды и волос. Они целовались так, как будто хотели, чтобы это продолжалось вечно, и не желали прерывать поцелуй. Наконец Тому перестало хватать воздуха, и их губы разъединились, хотя они не выпустили друг друга из объятий.

— Я в любом случае собирался искать тебя, — наконец удалось выговорить Тому, — но Ригвит сказал, что ты должна сообщить мне что-то важное.

Ее улыбка погасла.

— Давай пойдем к озеру, Том, и ты сможешь рассказать мне все новости.

Киндред нахмурился, но она уже повернулась и пошла вперед, ведя его за руку. Он догнал ее в один шаг и, не выпуская нежных пальцев, посмотрел на нее сверху. Как он любил эти светлые кольца волос, становившиеся золотыми на солнце, маленькое лицо с изящно заостренным подбородком и миндалевидными глазами, отливавшими серебристо-фиолетовым цветом, изящную форму ее носа и розовые мягкие губы!

Это напоминало их первую прогулку в лесу — только теперь молодые люди не были чужими друг другу, как тогда, когда Дженнет показала ему скрытую жизнь, бурлившую

вокруг них. Животные играли друг с другом и с феями. Феи скользили по воздуху, держась за шелковые поводья, тянувшиеся к бабочкам. Две феи в шутку занимались фехтованием, используя в качестве оружия длинные перья птиц. Корнуэлльский домовый ехал верхом на улитке, а другой гарцевал на соне. Группа эльфов в зеленых куртках перебрасывались красной ягодой, как мячом, а другие просто сидели на листьях и в цветах или танцевали вокруг поганок, объединяя свои высокие голоса в песню. Им аккомпанировал эльф на какой-то глиняной дудке. Некоторые волшебные существа собирали прутики и листья, сброшенные с деревьев и кустов ураганом прошлой ночи. Они уносили их на плечах или просто в руках охапками, чтобы строить дома (как объяснила Дженнет) для себя и своих семей или для друзей, чьи жилища были разрушены резким ветром.

Трудно было думать о событиях прошлой ночи как о реальных. Сейчас они представлялись просто дурным сном. Дженнет, некоторое время молчавшая, внезапно заторопила его.

— Расскажи мне, что произошло после того, как мы с Ригвитом покинули Замок. И утром. Должно быть, многое нужно объяснить.

Эти слова быстро вернули его к действительности. Внезапно он перестал обращать внимание на деятельность лесных обитателей.

— Пришлось давать показания полиции. Ты знаешь, что такое полиция?

— Конечно. — Она слегка возмутилась. — Мы знаем о вашем мире гораздо больше, чем вы думаете.

Полиция — это те, которые приходят и ругают вас, когда вы сделали что-то очень плохое.

Он хмыкнул:

— Ну, примерно так. Для начала, Скелет — я имею в виду Хартгроува, ну, того человека, который ухаживал за сэром Расселом...

— Я знаю об этом.

Он с любопытством посмотрел на нее.

— Том, я же тебе говорила. Мы знаем гораздо больше, чем ты думаешь. Твой дед жил рядом с лесом много-много лет. Волшебный народ знает каждого из обитателей Замка.

Том секунду это обдумывал, потом продолжил:

— К тому времени, как я спустился вниз, в большой зал, Хартгроув сумел выползти наверх. Должен признаться, я думал, что оставил его мертвым на полу подвала, так что очень удивился, увидев его сидящим внизу на лестнице. Однако он был в плохом состоянии, так что первое, что я хотел сделать, это позвонить и вызвать «скорую помощь». К тому времени гроза закончилась, но электричества все еще не было, хотя телефон работал.

— Эта женщина-ведьма вызвала грозу. Когда она погибла, гроза утихла.

— Хартгроув не дал мне никому позвонить, пока я не рассказал ему все, что случилось наверху. Однако он находился в шоковом состоянии и сильно пострадал — кроме серьезного удара по голове у него еще оказались сломанными несколько ребер. Но старик крепче, чем выглядит, и настроен очень решительно.

Том перевел дыхание.

— Итак, я рассказал ему все, ничего не пропуская. И знаешь, ничто не удивило его, ничто не обескуражило. Как будто он всегда знал о колдовстве и феях и тому подобном. Скелет даже не удивился, когда я рассказал ему о демонах.

— Но он всегда знал о нас, — терпеливо объяснила Дженнет, — как и его отец, и отец его отца, которые служили здесь до него. Каждое поколение Хартгроувов знало секрет поместья.

— Он всегда все знал? Даже когда я был ребенком?

— Именно он помог твоему отцу объяснить сэру Расселу, кого Джонатан полюбил, — тогда, много лет назад. Этот человек, Хартгроув, пытался помочь Джонатану и Бетан. В конце концов он рассказал твоему деду о волшебном народе, который живет на этой земле.

— Тогда почему Хартгроув никогда ничего не говорил мне, когда я был моложе?

Почему молчал сэр Рассел?

— Потому что хозяин Замка Брейкен не одобрял этого. Он ненавидел волшебный народ за то, что они не были людьми. Он называл их ошибкой природы и детьми дьявола. Он запретил Джонатану даже говорить о твоей матери в его присутствии.

В этот чудесный день и после всего, через что он прошел, Том не мог ощущать гнев. Он был обеспокоен, встревожен и огорчен этой новой информацией, но не рассержен.

— Сэр Рассел не принял мою мать в семью, но он дал ей работу гувернантки его сына Хьюго. И он позволил ей жить в Малом Брейкене.

— Где она и так уже жила с Джонатаном больше года. Ни она, ни Джонатан не придавали значения официальному браку — это, конечно, совпадает с нашим образом жизни. Только любовь имеет для нас значение, а вовсе не ее законное оформление. А твой дед никогда бы не допустил такого. Джонатан беспокоился о лесных обитателях — о нас, волшебном народе. Он боялся, что его отец опустошит леса этими вашими кошмарными машинами, разрешит строить здесь дома и проводить дороги. Тогда нам пришлось бы уйти отсюда — но куда? Люди все больше и больше изменяют ландшафт, уничтожают естественную природу. Мы часто спрашиваем себя, научитесь ли вы когда-нибудь чему-нибудь.

Звонкий смех перебил ее. Кружок фей слушал рассказчика — Том не смог припомнить странное имя эльфа.

— После смерти Джонатана сэр Рассел обещал позаботиться о Бетан и ее сыне — о тебе — при одном условии.

Том понял, что они приступают к самому трудному.

— Что же должна была сделать моя мать? — спросил он, уже начиная догадываться.

— Она должна была пообещать никогда не рассказывать тебе, кто твой отец. Когда ей предстояло вернуться к ундидам — после того как тебе исполнилось десять лет, — сэр Рассел заставил ее поклясться еще в одном. О, она не хотела покидать тебя, она, молила самых главных магов, но ничего нельзя было сделать. Таков наш закон, то, чем мы не можем управлять. Итак, он обещал позаботиться о тебе, если Бетан заставит тебя забыть все, что ты знал о волшебном народе. У нее не оставалось выхода, ей пришлось согласиться, хотя она и спрятала книгу среди других на верхней полке в надежде, что когда-нибудь ты найдешь ее.

— Этот... — он готов был проклинать память своего деда, но сдержался. Слишком многое произошло между ними прошлой ночью, и очень многое изменилось.

На террасе крыши Том опустился на колени под дождем, до дурноты потрясенный тем, что произошло с Нелл Квик. Ее почерневшее тело лежало на каменном полу, от него, несмотря на ливень, шел удушающий дым.

Когда молодой человек вернулся в комнату с горящими свечами и усыпанным осколками стекла полом, Дженнет и Ригвит ждали его, Хьюго по-прежнему сидел на полу, глядя прямо перед собой, а его разум пребывал где-то в другом месте.

— Ты видела что случилось, — сказал Том девушке, продолжая идти с ней рядом через лес. — После того как мы бросились друг к другу, а Ригвит принялся стирать меловую пентаграмму.

— Эта вещь приносит зло, особенно если она начертана ведьмой, — перебила его Дженнет, — Ригвит знал ее могущество.

Том кивнул. Теперь он очень хорошо понимал значение этого символа.

— Я подошел к деду. Я... Я думал, что он уже мертв. Но глаза его приоткрылись, когда я сел рядом с ним на кровать. Он взял меня за руку...

— Я видела, — Дженнет на ходу тесно прижалась к нему.

— Ты слышала, что он сказал? У него был такой слабый голос.

— Да, Том.

— Он назвал меня Джонатан. Он назвал меня именем моего отца. Но затем его глаза открылись шире, и я прочел в них узнавание. И я увидел кое-что еще. В первый раз... там светилась привязанность.

— Нет, Том. Это была любовь. Я видела ее, я ощущала ее.

Молодой человек ненадолго замолчал.

— Дед назвал меня Томом, — он взглянул на Дженнет, и она грустно улыбнулась. — Он назвал меня Томом и крепко сжал мою руку, всего на несколько секунд, но это сказало мне больше, чем слова. А затем он сказал: «Заботься о них. Мир нуждается в них сейчас больше, чем когда-либо». Его рука упала, и мой дед умер. И только когда я позже говорил с Хартгроувом, я понял, кого он имел в виду. Он хотел, чтобы я позаботился о волшебном народе.

Впереди среди деревьев мелькнуло озеро.

— Я спросил старого слугу, почему мнение сэра Рассела о вас изменилось, и он рассказал мне, что это произошло после того, как он окончательно ослабел. Кстати, болезнь моего деда вовсе не была вызвана какими-нибудь магическими заклинаниями Нелл Квик. Это настоящая болезнь, болезнь сердца. В том и ирония всей ситуации. Нелл и Хьюго всячески старались поддерживать в нем жизнь, по крайней мере до тех пор, пока не найдется завещание или пока я не умру. А я думал, что они медленно травят его или Нелл наводит на него порчу, как она наводила на меня. Но они собрались прикончить его прошлой ночью, если его сердце сможет выдержать весь этот ужас, который Нелл учинила в его комнате. Я сейчас расскажу и об этом.

— Ты говорил, что спросил Хартгроува, что заставило твоего деда переменить мнение о нас, — напомнила Дженнет.

— Кажется, его состояние заставило сэра Рассела начать по-иному думать о многих вещах. Он на самом деле очень тосковал по своему сыну Джонатану и сожалел о том, что так жестоко относился к нему и к моей матери. Скелет также рассказал мне, что Хьюго уволили из страховой компании вовсе не за некомпетентность, а за нечестную игру, за растрату. Он обманывал своих личных клиентов, преуменьшая дивиденды, которые им должны были выплатить. Только вмешательство сэра Рассела и то, что он оплатил все долги своего непутевого сына, позволило не доводить дело до суда. Хьюго, оказывается, слишком много пил и употреблял наркотики. Кокаин дорог, этим и можно объяснить его махинации с клиентами. Но это еще не самое худшее.

Том медленно покачал головой, все еще пораженный сделанными открытиями.

— Там еще были азартные игры — собаки, лошади, рулетка. Он явно зарвался. — Молодой человек вздохнул. — Я все еще поражаюсь: как я не знал всего этого? Конечно, я не слишком часто виделся с Хьюго. Слишком занят был собственной карьерой.

Прохладный ветерок долетел до них с озера, и Том расстегнул пуговицы рубашки, чтобы сильнее ощутить его. Подол тонкого платья Дженнет заиграл на ветру, золотые локоны разметались по щекам. Ветерок скоро утих.

— Как бы там ни было, — продолжал Том, — сэр Рассел стал сожалеть о своем отношении к старшему сыну — сравнивая его с Хьюго, я думаю. Болезнь сердца заставила его на многое взглянуть по-другому, гораздо шире. Вот тогда он попросил преданного слугу помочь ему составить новое завещание.

— О чем догадался Хьюго и в конце концов обнаружил его.

— Хьюго, должно быть, подслушал их, когда они обсуждали завещание. А может быть, сэр Рассел пробормотал что-нибудь об этом, находясь в полубессознательном состоянии. Нелл могла услышать его и начать розыски.

— И завещание погибло прошлой ночью, сожжено молнией?

— Хьюго и Нелл не знали этого, но завещание все-таки существовало в двух экземплярах. Хартгроув снял копию и дал сэру Расселу подписать ее, а сам стал свидетелем. Слуга всегда носил его при себе. Видимо, он имел какие-то подозрения насчет Нелл и ее связи с Хьюго. Тот просто в один прекрасный день привел ее домой и объявил, что она будет сиделкой при сэре Расселе, дабы облегчить ношу Хартгроува.

Влюбленные вышли из леса и остановились у озера.

— Ригвит и я ушли перед тем, как прибыли полиция и врач, — опять напомнила

Дженнет.

— Верно. А я закрыл книгу, как только в нее вернулись феи, и оставил ее рядом, в передней. Врачи взглянули на сэра Рассела и посоветовали мне вызвать его доктора, чтобы он подписал свидетельство о смерти и все такое. «Скорая» увезла Хартгроува, но оставила Блита-младшего, чтобы его осмотрел врач, когда он прибудет. Конечно, тот вызвал для своего подопечного другую машину. Сегодня утром я узнал, что он все еще в состоянии ступора, но никаких физических повреждений нет, даже ни одной царапины от разбитых стекол.

— Что с ним теперь будет?

— Его состояние сейчас исследуют, но семейный доктор сказал мне, что Хьюго в шоке. Его разум закрыт, и это может продолжаться очень долгое время — или он никогда не придет в себя. В любом случае я позабочусь о нем. Если случится худшее, я устрою так, чтобы его поместили в лучшую больницу. Наверное, ему лучше не вспоминать, что случилось.

— Если дело только в этом, у Ригвита есть средства, которые заставят Хьюго забыть прошлую ночь и связь с колдуньей. Но ведь он действительно помогал Нелл Квик в ее попытках убить тебя. Неужели ты не винишь его хотя бы за это?

— Какой смысл? Ну, ладно, он не лучший человек в этом мире, и, как оказалось, он не был мне лучшим другом. Но, я думаю, его совратила Нелл, а когда он узнал, что его лишили наследства, то решился на крайние меры.

— Это благородно с твоей стороны, Том.

— Вовсе нет. Можешь верить мне или нет, но я все еще привязан к Хьюго. Я понимаю, это кажется безумием, но я не могу забыть наше детство. Кроме того, я буду прилично обеспечен, когда продам акции сэра Рассела в разных компаниях, и с легкостью сумею оплатить уход за, так сказать, своим дядей.

— Но разве у него не будет неприятностей с полицией?

— Я выгородил Хьюго. Прежде чем вызвать полицию, я убедился, что о Хартгроуве позаботились, затем снова поднялся наверх и убрал из комнаты все свечи. К этому времени ветер утих, но его еще было достаточно из разбитых окон, чтобы выветрился запах воска, равно как и другие запахи от этих... ну, этих призраков.

— Это были не призраки, Том.

— Я знаю, но почему-то предпочитаю про себя называть их так. Когда полиция прибыла, я рассказал им, будто Хартгроув и я заподозрили, что Нелл попытается как-то навредить сэру Расселу, и я пришел сюда этой ночью, желая помешать ей. Естественно, Скелет поддержал меня и рассказал им, прежде чем его увезла «скорая», что Нелл намеренно столкнула его с лестницы в подвал. Хартгроув и я заранее договорились не упоминать об участии в этом Хьюго. Должен признаться, старик не очень охотно согласился, но он знал, что сэр Рассел захотел бы именно этого.

Том ожидал, что в такой прекрасный день ундины появятся из озера, но их не было видно. На самом деле даже феи и эльфы куда-то исчезли.

— Ну, теперь все сходится. Нелл действительно собиралась отравить сэра Рассела, если до смертельного сердечного приступа дело не дойдет. Полиция очень заинтересовалась, когда они нашли кусочки коралла на столике у кровати. Один из них оказался достаточно проницательным и вспомнил, что в ходе своей работы нечто подобное читал или слышал. В этих местах такие же кораллы, как те, что находят в Тихом океане.

— И их используют, чтобы делать яд. Мы всегда это знали.

— Я разговаривал с полицией сегодня утром, и они отдали на анализ бутылочку с жидкостью, стоявшую на столике рядом с кораллом. Она содержала политоксин, извлеченный из коралла, — каким-то образом Нелл сумела его обработать...

— Это несложно, если знать, как извлечь яд, и некие ритуалы, которые нужно при этом выполнить.

Секунду Том смотрел на нее.

— Ну, ладно. В любом случае, оказывается, именно этот токсин не оставляет никаких следов в теле человека. Его нельзя обнаружить при вскрытии. Нелл даже не пришлось

обращаться за политоксином в какую-нибудь биохимическую фирму, потому что она сделала все сама. Таким образом, эта женщина спрятала все концы в воду.

Том глубоко вздохнул, ему трудно было поверить в такую безнравственность.

— Я рассказал полиции, будто я сообщил Нелл о своих подозрениях, и она в панике выбежала на террасу. До этого она уже пыталась убить Хартгроува, и ей это не удалось, так что игра была проиграна. На крыше в нее ударила молния. Хьюго оказался свидетелем того, как она горела, и это зрелище травмировало его. Конечно, им нелегко оказалось проглотить подобную историю, но, имея показания Хартгроува и результат анализа, они не могли не поверить.

Рассказав все, Том ощутил облегчение. Молодой человек знал, что должен чувствовать себя измученным всеми событиями прошлой ночи и нынешнего утра, но это было не так, хотя, по его прикидкам, он спал не более четырех часов. Напротив, он находился в приподнятом настроении. В мирном и приподнятом настроении, если такое возможно. Да, разумеется, печаль он ощущал тоже. Ничья смерть, даже смерть Нелл Квик, не может считаться хорошей новостью. Мысли о деде, сэре Расселе Блите, тоже не оставляли его. Обнаружить, что он был связан родственными узами с человеком, к которому всегда относился с почтительным благоговением и немалым страхом, затем потерять его, когда родство только что признали, — все это было трагично. Но, по меньшей мере, последние несколько минут с умирающим человеком искупили многое в прошлом.

А еще существовал бедный Хьюго, потерявший дар речи, пребывающий в шоковом состоянии, которое вполне может продлиться до конца его дней. Том от души надеялся, что этого не произойдет. Он смотрел на озеро, такое мирное и безмятежное.

— Том?

Он повернулся к Дженнет. Ее лицо было серьезным.

— Что ты сделаешь с Заком и со всеми землями? — спросила она.

Он собрался с мыслями, прежде чем ответить, вернувшись взглядом к спокойным водам. Затем грустно улыбнулся:

— Сегодня, когда я навещал в больнице Кэти Бадд, у меня возникла мысль.

Девушка удивленно подняла брови.

— Я проходил мимо детского отделения, — продолжал он, не дождавшись вопроса, — и заглянул туда. Там находились тяжело больные дети, многие без волос, многие настолько худенькие, что я чуть не заплакал, глядя на них. Я понял, что бедняжки больны раком, многие из них умрут. Вот тогда мне в голову и пришла эта мысль.

Когда он повернулся к Дженнет, в глазах его читалось волнение.

— Я найду самый лучший медицинский персонал, людей, которые относятся к медицине и уходу за больными как к призванию, а не карьере. А затем я превращу Замок Брейкен в хоспис для смертельно больных детей. Территория вокруг станет их игровой площадкой, ничего особенного, просто карусели, песочницы — ну, все такое. И качели для самых маленьких, детям они нравятся, я сам их сделаю — у меня уже есть всякие забавные идеи. Правительственные гранты и то, что останется после продажи акций деда, будет вложено в дом, чтобы открыть его, впустить в него свет, превратить в подходящее для этой цели место. А верхняя комната с ее чудесным видом будет специально для тех, чьи дни уже сочтены.

— А лес?

— Детишек, которые не так слабы, можно будет водить туда на прогулки, по несколько человек, а я их буду сопровождать — и ты, я надеюсь.

В своей увлеченности он не заметил тени, скользнувшей по ее лицу.

— Я знаю, что это звучит слишком возвышенно, может быть даже безумно, или слишком амбициозно, но, я уверен, это может получиться. Только подумай, Дженнет. Они могут прийти сюда, а через некоторое время — мы это все тщательно спланируем — они вдруг увидят волшебный народ. Кто знает, возможно, вы сотворите для них несколько чудес. Если Ригвит что-то умеет, то ты наверняка знаешь больше о медицине и заклинаниях, чем мы

когда-либо узнаем.

Слеза поползла по ее щеке, и Том нахмурился.

— Что случилось? — встревожился он.

— Это именно то, что тебе предназначено сделать, Том. Вот почему ты здесь, вот почему ты вернулся.

— Я вернулся, потому что заболел, — мягко возразил он.

Покачивая головой, она стерла слезу ладонью.

— Нет, тебе всегда было предназначено вернуться. Помнишь, я сравнила тебя с Назаретянином.

— С Христом? — Он негромко рассмеялся, несмотря на печаль на ее лице. — Ну да, я тоже плотник, но на этом сходство заканчивается.

— Сходства гораздо больше. Раньше я в этом сомневалась, но теперь знаю точно. Великие Маги были правы.

— Дженнет, я думаю, ты...

Она приложила ладонь к его губам, чтобы помешать ему закончить фразу, и он не мог удержаться, чтобы не поцеловать кончики ее пальцев.

— Послушай меня, Том. Бетан была ундиной, а твой отец — человеком. В тебе течет их кровь и — как это сейчас называется? — гений?..

Его замешательство сменилось смехом:

— Гены. Ты имеешь в виду гены.

— Ну, хорошо. В общем, они у тебя есть. Не смейся, Том, послушай меня.

— Извини. Легкая истерика после вчерашнего.

— У тебя есть силы объединить нас. Людей и волшебный народ. Ты мог бы стать... посредником, если хочешь. И начать с детей.

Он молчал, ошеломленный. Затем сказал:

— Ну, дети, пожалуй... Но остальные? Дженнет, я не думаю, что человечество готово принять обитателей другого мира. Вокруг слишком много цинизма, даже привычные религии находятся в жутком упадке.

— Вот почему вам и нужно еще что-то. Я обещаю тебе, что большинство других религий приобретут новые и более правильные перспективы, когда человечество узнает и поймет нас. Религии приобретут смысл, и отпадет необходимость в слепой вере. Что касается цинизма, он существовал и два тысячелетия назад, когда Христос явился среди вас.

— И посмотри, что они с ним сделали, — пробормотал Том.

— Но ты начнешь с детей, и чудеса произойдут, верь мне, пожалуйста. Если таким образом мы сможем достучаться и до остальных, тогда именно это и произойдет.

— Ты говорила об этом с твоими... э... Великими Магами?

— Это они говорили со мной.

Том задумался. Он посмотрел в сторону, потом на нее, потом отвел взгляд. Нет, невозможно. Он станет посмешищем. Он размышлял: «Я всего лишь человек. И все-таки... и все-таки... если бы дети стали излечиваться от смертельных болезней...»

— Может быть... — наконец сказал он. — Может быть, с твоей помощью...

— Это невозможно, Том.

Она опустила голову, и он внезапно ощутил, что в нем зарождается страх.

— Дженнет?

— Я должна кое-что рассказать тебе, — спокойно произнесла она, и Том ощутил, что его сердце забилося быстрее.

42

Прощальные слова

Он не хотел слышать. Печальное выражение ее лица, ее голос... Он на самом деле не хотел этого слышать!

— Я должна вернуться, Том, — просто сказала она.

— Вернуться? Вернуться к ундинам? Почему? Я думал... — Он был охвачен паникой.

— Ш-ш-ш. Я должна вернуться за тобой. Я должна вернуться, чтобы спасти тебя.

Он потряс головой.

— Я не понимаю...

— Бедный Том, тебе пришлось так много узнать. Я должна вернуться к моменту твоей автомобильной катастрофы. Ты помнишь яркий свет?

— Да, но...

— Пора этому произойти.

— Чему произойти? Я жив, Дженнет, со мной все в порядке.

— Потому что я вернулась, чтобы изменить заклятие, наложенное Нелл. Не сделай я этого, ты, вероятно, не выжил бы после несчастного случая, не говоря уже об инсульте.

Том вспомнил слепящую вспышку света во время аварии и замолк. Он мог только смотреть на нее.

— Чтобы это сделать, мне нужна твоя помощь.

— Но я не хочу, чтобы ты уходила.

— Пожалуйста, постарайся понять. Это уже сделано. Никто из нас ничего больше не может изменить.

— Я не понимаю.

— Потому что не стараешься. Если бы я не вернулась спасти тебя, ты бы сейчас не говорил здесь со мной.

— Это не имеет никакого смысла.

— Имеет, если хорошенько подумать. Мы зря теряем время, потому что это все равно произойдет. Но мне нужны все мои силы и могущество всех ундин. Ты тоже можешь помочь, чтобы все получилось. Помнишь, я рассказывала тебе, какие силы может пробудить акт любви? Я говорила, что это самая мощная магия.

Он понимал, о чем она говорит. Девушка начала стягивать с его плеч расстегнутую рубашку.

— Дженнет...

— Не надо больше слов, Том.

— Только один, последний, вопрос — разреши мне его.

Она кивнула, но опять начала плакать.

— Что случится потом? Ты вернешься обратно, как будто ты никогда не уходила?

— Я должна буду отправиться туда, *Где Ждут*.

Он схватил ее запястье:

— Что ты сказала?

— Я должна оставить тебя на семь лет.

— Нет! Нет, не может быть! Я не могу допустить этого!

— У нас нет выбора. Это та цена, которую я должна заплатить за использование сильной магии.

— Я не отпущу тебя!

— Я уже сделала это. Но послушай меня, Том, и услышь то, что я говорю. Через семь лет я вернусь к тебе. Я стану, как Бетан, по большей части человеком. И пока ты жив, я им останусь.

— Но место, где ждут, — где это?

— Ты не помнишь? Я тебе однажды показывала.

— Видение. Созвездия, огромные облака. Духи. Я думал, это начало чего-то нового.

— Для большинства это и есть начало пути. Для других это измерение, которое люди называют Чистилищем. Некоторые возвращаются оттуда в этот мир, но только те, кому предназначено что-то совершить здесь или у кого осталось нечто незавершенное.

Том с недоверием смотрел на девушку, но в глубине души знал, что она говорит только правду.

— Помнишь лиса, которого мы встретили здесь? Того, которого я назвала Румбо? — спросила она, и Том кивнул. — Я тебе говорила, что когда-то он был человеком, затем вернулся в обличье пса, затем — белки. Теперь он лис.

— Ты хочешь сказать, что люди проходят через реинкарнацию?

— Нет, не все. Только в особых случаях, когда это необходимо для их роста и познания. Большинство из вас — и из нас — уходят наверх, как только обретают на земле все положенные им знания. Некоторые уходят немедленно, но для большинства назначено Время Ожидания, которое в конце концов приводит к состоянию, близкому к совершенству. Состоянию благодати, как говорят некоторые ваши религии.

Она сжала его руку.

— Я должна пробыть там семь лет по вашему времени. Это цена, которую я обязана заплатить за то, что бросила вызов законам природы. Но это ничего, Том, там на самом деле замечательно.

Том молчал. Дженнет показывала ему место, *Где Ждут*, так что он мог не бояться за нее, пока она будет там. Но, он чувствовал, есть еще причина. Через какое-то время в будущем, когда смертельно больные дети приедут в Брейкен, в хоспис, который он создаст, она тоже покажет им это замечательное место. И тогда смерть — если она будет суждена им — не станет их страшить. Он понял это и осознал, что спорить бессмысленно. А победить в этом споре — означало бы потерять веру.

Движением плеч он снял рубашку.

— Дженнет, я так люблю тебя. Я не знаю, как я...

— Семь лет пройдут быстро, вот увидишь. А ты сможешь многого достичь за эти годы.

Она спустила с плеч тонкое платье, и верх упал, обнажив ее до талии. Маленькие груди с нежно-розовыми вытянутыми сосками гордо напряглись под лучами солнца. Ее фигура здесь, под ивой, с озером за ее спиной и лесом на заднем плане, была самым совершенством. Ее безупречная кожа, казалось, сияла нежной энергией и не в первый раз за последнее время Том замер перед ней в благоговении. Как он сможет жить без нее? Он не мог позволить этому нежному, единственному в своем роде созданию бежать от него — ни на семь лет, ни на минуту.

— Должен существовать какой-нибудь другой способ, — сказал он решительно.

— Это значит потерять друг друга навсегда. Это единственный способ, Том, и ты должен помочь мне.

Она наклонилась и поцеловала его в лоб, затем в губы, и он отвечал на ее поцелуи с отчаянной страстью. Девушка реагировала так же лихорадочно, и с ее помощью он очень быстро оказался раздетым. На Дженнет, однако, все еще было прозрачное платье вокруг талии, прикрывающее ее бедра и ноги до колен. Каким-то образом то, что она обнажилась лишь частично, казалось еще более возбуждающим, когда она опустилась на колени, а потом перенесла свой вес на пятки. Он упивался ее видом, старался запечатлеть ее образ глубоко в памяти, неизгладимый образ, который останется с ним навечно.

Дженнет мягко толкнула его одной рукой, так что он лег навзничь на мшистую лесную почву, ощущая на своей коже ее бархатистое прикосновение. Девушка наклонилась над ним, возбужденные соски маленьких грудей почти касались его груди, и они поцеловались снова, сперва очень нежно, затем крепче, ее язык принялся исследовать его губы, вошел ему в рот, проскользнув между зубами, чтобы встретиться с его языком. Они крепко прижимались друг к другу, их рты стали влажными, смакуя друг друга.

Его возбуждение было велико, когда он прижался к ней обнаженными бедрами, и она ответила, прикинувшись к нему, увлажнив себя липкой жидкостью, сочившейся из него. Он застонал и потянулся к ее груди, нежно пробегая пальцами по изящной округлости, закрывая соски, нежно нажимая на них, пока ее бедра не задвигались более активно, придвинувшись к нему. Ее поцелуи становились все более страстными, длинные золотистые волосы упали на них обоих и создали занавес, отделивший их от всего остального мира. Том отвечал на ее поцелуи с не меньшей страстью, но его прикосновения ни разу не стали поспешными.

или неуклюжими.

Дженнет опустилась так, что соски коснулись его груди. Она еще теснее прильнула к Тому, ее движения становились все менее мягкими, по мере того как тело выходило из-под контроля разума. Том реагировал на нарастающее давление, сильнее прижимая ее к себе, обхватив ее руками за спину, пробегая пальцами по позвоночнику, исследуя расщелину у его основания, массируя углубления, так что прикосновения к нервным окончаниям заставили ее вздрагивать.

Внезапно девушка выпрямилась и сунула руку под тонкий легкий материал юбки, чтобы ввести его внутрь, ее влажность сделала проникновение легким. Том испустил глубокий вздох удовольствия, почувствовав, как она тает вокруг него, и когда девушка нависла над ним, солнце за ее спиной осветило разлетевшиеся локоны и завитки, очерчивая золотым ореолом все тело. В этот момент он увидел приближение сверкающих огоньков, маленькие сгустки чистой энергии, скрывавшие существа внутри. Их цвета слепили глаза, когда они заскользили вокруг Дженнет, щекоча ее кожу, посылая ей волны энергии, возбуждая плоть, опускаясь так, чтобы коснуться ее живота и промелькнуть над бедрами, задевая и его тоже, пока он лежал на спине, нагой и уязвимый.

Молодой человек ощутил, что все его чувства обострились, мышцы отвердели, нервные окончания подрагивают от возбуждения. Краем глаза он видел, что появляются новые феи, чтобы наблюдать, и подбадривать, и поощрять, и радоваться этому самому естественному акту природы. Он больше не чувствовал себя выставленным на всеобщее обозрение, его не смущали ничьи взгляды. Их мысли были чисты, а реакция невинна. Прекрасные создания поднялись из озера, причем ни их волосы, ни тела, ни даже тонкая ткань их одежд не выглядели мокрыми или хотя бы даже влажными. Они находились на некотором расстоянии, но Том видел их улыбки и ощущал их благожелательность.

Огоньки стали интенсивнее, пульсируя благодаря собственному источнику энергии, и такой ошеломляющей казалась их яркость, что он вынужден был закрыть глаза или загородить их, как щитом, сгибом локтя, когда огоньки слишком приблизились к лицу. Том поглощал их энергию, втягивая в собственное тело, и настроение достигло небывалых высот.

Дженнет двигалась в такт ему, поднимаясь и опускаясь во все ускоряющемся ритме. Вскоре она задышала коротко и часто, ее раскинутые ноги напряглись, руками она нажала на его бедра, вбирая в себя каждый дюйм его тела, и никогда еще он не чувствовал себя таким сильным, никогда соки так не бушевали в нем, вызывая маленькие толчки и извержения, прежде чем опять подняться, и опять, и опять...

До тех пор пока их тела не слились в содрогающихся конвульсиях экстаза.

Шум вокруг них — легкое пение, как звук флейт, тоненькие крики радости, веселые хлопки в ладоши — тоже достиг своего пика. Крошечный народ плясал и занимался любовью вокруг них — иногда группами по трое, четверо, пятеро или шестеро, но чаще попарно, празднуя союз Тома и Дженнет и свой собственный. Они не видели ничего постыдного в таком поведении, ничто не могло быть тайным или секретным. Любовь была их высшим наслаждением, и они не видели причины, почему его нельзя разделить со многими.

Кроме того, таким образом они хотели помочь Дженнет сотворить ее магию. Вместе они вырабатывали энергию, рождавшую больше сил, чем это было во власти одной Дженнет. Добрых сил. Сил чистейшего экстаза...

Пик наслаждения у влюбленных совпал, и они оба закричали одновременно. Их тела исполнились величайшим экстазом.

Том открыл глаза, чтобы посмотреть на возлюбленную в ее последних ликующих криках, и увидел, как ее руки поднялись и широко раскинулись, словно в мольбе. Огоньки безумно кружили над ней, их блеск казался теперь таким резким, что Тому пришлось сощуриться, чтобы защитить глаза. Он только успел заметить ее опустившиеся веки и улыбку эйфории на лице. Ее обнаженные руки дрожали, когда девушка выгнула спину и шею, так что лицо ее было обращено к небесам через завесу листьев ивы. Ее крики превратились в стон, и

Том не мог понять — радости или отчаяния.

Внезапно она засветилась слепящим огнем. Он сиял гораздо сильнее, чем тот, который исходил от летающих фей, и даже ярче, чем от лучей солнца. Молодой человек должен был поднять обе руки, чтобы защитить лицо и глаза. Жар обжигал, и даже из-под собственных ладоней он мог увидеть, что свет пульсировал, не становясь, однако, менее ярким, а затем исчез, слегка ослабев, перед тем как мигнуть и полностью погаснуть, — будто тот, который управляет самым ярким светом во вселенной, повернул выключатель. Когда Том отнял руки от лица, Дженнет рядом с ним не было.

* * *

Путь обратно через лес занял у Киндреда немало времени. На берегу озера под ивой он беззвучно зарыдал, но это длилось недолго. Так много надо было сделать, так много приготовить к возвращению Дженнет! Девушка вернется — в этом он не сомневался. И когда это произойдет, он опять обретет покой.

Пока Том брел, наблюдая за шалостями волшебного народа, животных и лесных птиц, которых не пугало его присутствие, боль в немеющей ноге прошла. Он мог даже совершенно беспрепятственно размахивать больной рукой, несмотря на общую усталость. Молодой человек еще не полностью излечился и знал об этом, но ему стало существенно лучше, и он не сомневался, что с лекарством Ригвита и ежедневными упражнениями он скоро вновь обретет прежнюю форму.

И радость, и спокойная печаль сопровождали его во время возвращения в коттедж. Но теперь у него, по крайней мере, была цель, было чего ждать, была мечта, которая обязательно станет реальностью. Потому что, когда Дженнет исчезала в слепящей вспышке, ее голос — не мысль, а именно голос, обладающий звуком и интонацией, — прозвучал прямо в его мозгу.

Она сказала: «Жди меня».

Эпилог Вороний суд

Черные птицы собрались на деревьях, окружавших скрытую лесную полянку. В тени, образованной густыми листьями по краям поляны, они выглядели зловеще, их клювы были длинными, заостренными и тоже черными.

— Кар-р! — звук их голосов резко разносился в тишине леса.

Вороны — сборище, известное как «воронья казнь» — наблюдали за черно-белой птицей. Сорока, ободранная и с торчащими перьями, слабо хлопая крыльями каждый раз, когда пыталась поднять их, перепрыгивала с одного места на другое, как будто искала что-то (однако она ни разу не рискнула спрятаться в тени деревьев). Жалкая тварь открыла клюв, словно собираясь закричать, но не издала ни звука, и время от времени бессмысленно клевала комочки земли между травинками.

Вороны на ветках начали суетиться, их перья, казалось, встали дыбом, длинные сильные крылья поднимались и опускались, делая по несколько взмахов за один раз. Их крики стали более резкими, общение более энергичным. Сорока на земле, казалось, не замечала этого. Она ковыляла неровными кругами, каждый прыжок был более неуклюжим, чем предыдущий.

Вороны ждали, и стоило только одной слететь со своего сука, а это случилось вскоре, как все они, расправив крылья, взмыли с веток и спикировали вниз.

Сорока в конце концов обрела голос, когда первые две вороны выклевали ей глаза. И этот крик стал последним, потому что другие вцепились ей в горло.

Агония длилась недолго. Вороны быстро разорвали несчастную в клочья, и в лесу опять воцарился мир.

